

**Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»**

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

I Международный симпозиум

(8 – 12 июня 2017 г.)

Сборник научных статей

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2017

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р 89

*Утверждено к печати Ученым советом
факультета славянской филологии и журналистики
Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(протокол № 4 от 17 апреля 2017 г.)*

Рецензенты:

А.Г. Шилина, д-р филол. наук, профессор (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь);
Е.Н. Ремчукова, д-р филол. наук, профессор (РУДН, Москва).

Редакционная коллегия:

Е.Я. Титаренко, доктор филологических наук (*ответственный редактор*);
Г.Ю. Богданович, доктор филологических наук, профессор;
И.П. Зайцева, доктор филологических наук, профессор;
В.И. Теркулов, доктор филологических наук, профессор;
Е.М. Шахова, кандидат филологических наук, доцент;
Р.Н. Гусейнова (*технический редактор*)

Р 89 **Русский язык в поликультурном мире: I** Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – 466 с.
ISBN"; 9: /7/; 28; 84/36/2

В сборнике представлены статьи по докладам участников I Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», состоявшегося в рамках XI Международного фестиваля «Великое русское слово» (Республика Крым, г. Ялта). В статьях рассматриваются актуальные вопросы развития русского языка в эпоху глобализации, проблемы социолингвистики, политической, юридической и медиалингвистики, методики организации ассоциативного эксперимента в изучении языкового сознания, теории и практики преподавания русского языка как родного и как иностранного, функционально-коммуникативного описания русского языка, литературы и языковой картины мира.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)

ISBN"; 9: /7/; 28; 84/36/2

© Авторы публикаций, 2017
© ИТ «АРИАЛ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМСКИЕ ФИЛОЛОГИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Богданович Г.Ю. Современная картина мира: крымский контекст.....	11
Балашова И.Г., Новикова Т.Ю. Возвращение Крыма в культурное и языковое пространство России	14
Александрова И.В. Рецепция готической традиции в романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году».....	21
Величко Н.В. Наполнение актуальными смыслами сложных слов с начальным компонентом <i>миро-</i>	27
Герасименко И.А. Обиходно-разговорная речь в матрице дискурса мультипликации	31
Грибанова И.В. Славистическая подготовка филологов-русистов в современной высшей школе	35
Иванова Н.П. Концептуальная антиномия «человечество – сверхчеловечество» (на материале произведений Д. С. Мережковского)	39
Колесникова О.В., Грищенко А.С. Структурно-семантические особенности эмотивной лексики произведений С. Довлатова....	44
Колтухова И.М. «Светлых мыслей красота...» стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» и «Поэту» на школьном уроке литературы	50
Коновалова Е.А. Обращение как отражение русской языковой картины мира (на примере обращений в диалогической речи телеведущих новостных программ).....	55

Пономаренко Е.А. Ономастика рассказа А.П. Чехова «Враги»: семиотический аспект	62
Рудницкая Л.И. Словарно-семантическая работа в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» на нефилологических факультетах	68
Савченко Л.В., Шахова Е.М., Фильцова М.С. Обучение письменной интерпретации научного текста в рамках профессиональных потребностей студентов-нефилологов.....	72
Сегал Н.А., Мищенко А.Н. Фразеологические трансформации в масс-медийных текстах (на примере конструкции «между Сциллой и Харибдой»)	81
Титаренко Е.Я. Русский язык и языковая ситуация в Республике Крым	88
Чернобривец С.Г. Дискурсивные связи заголовков в медиапространстве Крыма.....	95
Эмирова А.М. Крымско-татарский язык в поликультурной ситуации Республики Крым	101
Баранова Л.А. Иноязычные компоненты со значением 'голова' в составе русских слов	107
Калугина Т.В. Предложно-падежные формы, выражающие языковой смысл «уступка»	112
Балацкая Ю.Ю. Фразеосемантическое микрополе 'внимание как позитивное отношение человека'	117
Гусейнова Р.Н. Об использовании местных легенд на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории.....	124
Кравченко Е.В. Повествовательная структура романа А. Ф. Писемского «Боярщина»	130

<i>Кизилова Н.М.</i> Формирование навыков спонтанной устной речи у иностранных студентов первого года обучения.....	134
<i>Кушнарева И.М.</i> О содержании и структуре учебного пособия по грамматике для иностранных студентов-нефилологов в системе коммуникативного обучения (образование видо-временных форм глагола)	140
<i>Лантух Н.А.</i> Крымская региональная идентичность как консолидирующий и мобилизационный фактор в новейшей истории Крыма	144
<i>Капустина С.В.</i> Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в восприятии крымских школьников	153

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Бугаева И.В.</i> Русский язык и православие в эпоху глобализации: лингвокультурологический аспект.....	159
<i>Иссерс О.С., Малышева Е.Г.</i> Массовая речевая культура по оценкам экспертного сообщества	165
<i>Маркова Е.М.</i> Прагматическая составляющая современной русской речи на фоне словацкого языка	171
<i>Петрухина Е.В.</i> Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация	179
<i>Смолина К.П.</i> Русский язык как важнейший аспект национальных интересов современной России	186
<i>Никонова Л.И., Шульгов Е.Н., Кандрина Е.В.</i> Взаимодействия этносов в поликультурной языковой картине мира: опыт и перспектива исследований.....	194

Баско Н.В. Иноязычное влияние в обыденном общении как дестабилизирующий фактор развития русского языка	200
Коновалова Ю.О. Русский язык как фактор формирования гражданской позиции российской и зарубежной молодежи	205
Кротова А.Г. О глобальном и национальном в интернет-мемах	212
Мао Нгуэн Кю Русский язык во Вьетнаме – трудности и перспектива (из опыта преподавательской работы)	216
Молчанова Т.В. «Языковая глобализация» и глобализационные процессы современного мира.....	221
Омельяненко Т.Н. К вопросу об английских заимствованиях в современном русском языке.....	224
Тхакур С.К. Русистика в Индии: прошлое, настоящее и грядущее	229
Черкашина Т.Т. Проблемы академической мобильности в контексте диалога культур	235

СОЦИОЛИНГВИСТИКА. МЕДИАЛИНГВИСТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Арискина О.Л., Измалкин Е.А. Жанровые и языковые особенности молодежных сайтов «Метрополь» и «Макгаффин».....	241
Бенивал С. Политические заимствования в роли эвфемизмов в современных СМИ на русском языке	246
Ван Яньбин Викисловарь как новый тип лексикографического источника.....	252

Ворошилова М.Б. Спортивный экстремизм: тексты в дискурсе футбольных фанатов	258
Гладкая Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-пространства	263
Гнездилова Е.В. Влияние медиатекста на формирование новостной картины мира	270
Голышкина Л.А. Аргументация в ритуальном политическом дискурсе: структурная организация и языковое воплощение...	273
Жансугурова Х.М. Семантические преобразования глаголов в живой разговорной речи	279
Зотова А.С. Дискурс российской социальной рекламы	282
Иванова Г.А. Синонимия в метаязыке лингвистики: социолингвистический аспект.....	285
Ильясова С.В. О <i>хилларигейте</i> и <i>трамплине</i> для народа: политические фигуры Америки как объект для словотворчества и словоерничества	290
Куренова Д.Г., Павловская О.Е. Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе.....	294
Лягунова С.В. Нарушения речевых норм в спортивном репортаже	298
Манаенко Г.Н. Языковая природа факта и конструирование социальной реальности.....	304
Маркина Ю.В. К вопросу о заимствованиях в современных глянцевах журналах	310
Мозговой В.И., Вергазова Л.Г. Методика дезавуирования лжеименований в русской проприальной культуре	313

Омельяненко В.А. Семантическая категория «свой круг» в национально-ориентированной рекламе	318
Павловская О.Е., Тарасенко Т.П. Современный предвыборный дискурс как сложное коммуникативное образование	325
Петухов С.А. Проблемы адаптации научных текстов для научно-популярных СМИ	330
Полякова О.А. Диалектизмы в рекламных и pr-текстах: особенности, функции и перспективы использования	336
Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Референциальный анализ в лингвистической экспертизе русскоязычных медиатекстов	342
Смеюха В.В. Русскоязычные информационные сайты Армении	349
Шетэля В. Об иностранных монарших и дворянских титулах в российских газетных сообщениях XIX века	353
Ширяева О.В. «Факт» и «оценка» в информационно- аналитическом медиадискурсе: теоретический и прикладной аспекты	358

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Уфимцева Н.В. Особенности регионального языкового сознания русских и методы его изучения	364
Балясникова О.В. Русское языковое сознание в региональном ракурсе: семиотика пространства	368
Кирилова И.В. Номинации нечистой силы в русской языковой картине мира в аспекте их восприятия	372

Черкасова Г.А. Ассоциативная модель языковой картины мира носителя русского языка в динамике.....	377
Романова Т.В. Советский/постсоветский: интерпретация смыслов по данным ассоциативного эксперимента.....	383
Степанова А.А. Конфликтогенные маркеры сферы «оценка» в языковом сознании татар и русских.....	389
Филиппович Ю.Н. Филиппович А.Ю., Матвеев Д.Г., Черкасова Г.А. Облачный сервис поддержки полиязычных психолингвистических исследований	392

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Зайцева И.П. Жанр стихотворной молитвы в русской поэзии: функционирование в современном социально-культурном контексте	398
Калинкин В.М. «Две большие разницы» или одна актуальная проблема теории и практики писательской ономографии	406
Луговая Н.В. Лингвостилистический анализ как ключ к пониманию художественного текста	410
Изотова Н.В. Русский и иностранные языки в зоне персонажей А.П. Чехова	415
Панчехина М.Н. Специфика речевых жанров в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»	420
Петрухина Е.В., Полевщикова А.С. Образы времени в миниатюрах А.И. Солженицина «Крохотки» и их немецком переводе.....	423

Теркулов В.И, Бурляй А.С. Женский характер, воплощённый в славянских женских демонах на основе выделения ЛСГ 'женские демоны двора и дома'	429
Федотова К.С. К вопросу о макроструктуре словаря поэтонимов	434
Чумак-Жунь И.И. Когнитивная оппозиция свой/чужой как компонент поэтического мировидения и фактор дискурсивного противодействия	439
Шаповалова И.В. Особенности диалога в художественной коммуникации	445
Шаталова О.В. Проблемы квалификации языковой личности писателя в поликультурных условиях развития русской литературы	452
Шишкина И.Е. Концептосфера рождественских стихотворений И. Бродского	458

КРЫМСКИЕ ФИЛОЛОГИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА МИРА: КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ

Г.Ю.Богданович

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Необходимость осмысления крымского контекста через современную языковую и концептуальную картины мира позволяет представить актуальное исследование междисциплинарным, объединяющим научные изыскания специалистов различных гуманитарных профилей: философия и политология, языкознание и литературоведение, коммуникативистика и социология, информационные технологии и методика преподавания, этнолингвистика и дискурсология, лингводидактика, реклама и связи с общественностью. Именно крымские жизненные реалии, основанные на эмпирических материалах (художественные и мемуарно-дневниковые тексты, архивные документы, печатный и электронный медиаконтент, записи живой речи современных крымчан, результаты анкетирования и направленного ассоциативного лингвистического эксперимента, крымский ономастикон) позволили коллективу авторов факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» создать коллективную монографию «Современная картина мира: крымский контекст» (2017).

Языковая личность, активно проявляющаяся в полилингвокультурной ситуации Крыма, реализуется на основе ведущей роли русского языка и литературы. Отсюда и различные векторы развития научной мысли. Полилингвокультурность во много обусловила характер межкультурных взаимодействий: по данным Росстата, перепись населения Крыма зафиксировала 175 представителей различных этносов. Поэтому неслучайно актуализирует-

ся переводоведческая деятельность и внимание к языковым соответствиям, а также особенностям обучения русскому языку как неродному (РКИ).

Языковая компетенция жителей региона рассматривается как следствие овладения знаниями о взаимодействии культур и языков народов, населяющих современный Крым. На основании разноаспектных исследований в этой области делается вывод о необходимости комплексного подхода к изучению полилингвокультурной ситуации: социо- и психолингвистического, когнитивного и прагматического, этнолингвистического и экзистенциального.

Эти и другие утверждения позволяют С.С.Дикаревой и С.Г.Чернобривец дополнить интенсивно развивающийся электронный вариант корпуса русского языка в разных его проявлениях. Когнитивная и корпусная лингвистика, проявляющаяся в дискурсологической практике жителей полуострова, реализуется как творческий потенциал речи носителя языка в использовании собственных имён с устоявшимся коннотативным значением, которое отражает часть национальной и мировой культуры. Язык города, исследуемый А.В.Петровым, равно как и прецедентные феномены (прагматикон), зафиксированные Т.А.Ященко и Сунь Юйминь на основе изучения прецедентных феноменов национальных культур и, соответственно, являются трансляторами исторической и культурной памяти народов Крыма. При этом отмечается ведущая роль русской лингвокультуры, представленной наибольшим количеством языковых номинаций.

Творческое осмысление понятия *крымский текст* позволяет взглянуть на это явление не только с точки зрения лингвистики. Литературоведческое понимание топического сверхтекста и соотносимого с ним понятия «эволюционирующий крымский неомиф», закрепляясь в сознании, постепенно порождает специфическую крымскую мифологию (С.О.Курьянов). В то же время литературное крымоведение, связанное с именами известных русских писателей и поэтов, посвятивших Крыму не одну страницу своего творческого наследия, позволяет переосмыслить концептуальную составляющую этого корпуса русской культуры. Несомненную ценность в связи с этим представляет попытка раскрыть логику процессов мифологизации и демифологизации ис-

торических событий и роль литературы в этих процессах (В.В. Орехов) в целом, а также анализ творчества так называемых крымских писателей (В.Аксенов, Е.Криштоф), в частности. Без описания такой *крымоцентричности* в полной мере оценивать литературное наследие не представляется возможным (А.П.Мащенко, С.И.Макаренко).

Создание позитивного образа как региона, так и государства в целом создается за счет медийной составляющей, напрямую зависящей от правильно сформированного специального текста, именуемого имиджевым (Л.Г.Егорова). Технологии реализации такого контента зависят не только от создателя самого текста, но и от коммуникативной ситуации, от процессов, происходящих в сфере PR и рекламы. Определена роль Крыма, вошедшего в новейшую историю медиа в качестве своеобразной площадки для отработки информационных технологий, приемов ведения информационной войны, пропаганды и манипуляции массовым сознанием (В.Л.Кондратская, Г.В.Потапенко). В связи с этим, важными оказываются смыслы, реализуемые через различного рода дискурсивные практики. Описаны наиболее важные языковые факты, формирующие фреймы, ценные для объективации образа Крыма в последние два года: «Переход Крыма в состав РФ – это возвращение домой», «Переход Крыма в состав РФ – это возвращение в семью» (Н.А.Сегал).

Переосмысление исторического значения Крыма и в судьбе России, и в творчестве поэтов, писателей, литературоведов XIX-XX вв. позволила по-новому отнестись к методическим приемам изучения базовых курсов литературы (Л.А.Орехова), использовать новые авторские методики (И.М.Колтухова).

Социолингвистические наблюдения свидетельствуют о том, что актуализируется внимание к русскому языку и культуре речи в разных ее проявлениях и на разных площадках. Поэтому формирование «крымских страниц методики преподавания русского языка и литературы» связано с разработками и научными рекомендациями в сфере делового языка для служащих (А.Г.Шилина, О.А.Субботина), предложением лингводидактической модели системы практических методов, способствующих совершенствованию письменной речи школьников (Т.В.Арханцева, Е.Ю. Петлюченко). Заслуживающей внимания представляется предложенная

авторским коллективом методика изучения русского языка как неродного, которая помогает сформировать у иностранных учащихся краеведческую компетенцию в общекультурном и национально-культурном контексте, обеспечивает их лексической и грамматической базой, которая позволяет осуществлять коммуникацию в пределах определенной темы, адекватно обмениваться интересной информацией в процессе общения с носителями русского языка и культуры (Г.Ю. Богданович, Т.Ю. Новикова).

Примечательным следует считать, что изучение современной картины мира, факт использования междисциплинарности в процессе образовательной деятельности следует рассматривать как прием формирования общегражданской и региональной идентичности на примере основополагающей роли русского языка и литературы.

Литература

Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 1 / Т.В.Аржанцева Г.Ю. Богданович, С.С.Дикарева и др.; [под ред. Г.Ю.Богданович]. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017 – 384 с.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫМА В КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Т.Ю.Новикова, И.Г.Балашова

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

В современном мире, переживающем процессы глобализации, меняется многое. Но Крым продолжает оставаться уникальным современным музеем под открытым небом, где волей истории сошлись навеки различные культуры, выразителями которых стали народы, призванные сберечь дарованную им свыше неповторимость. По мнению многих историков, Крым является своеобразным «перекрёстком культур и народов». Он был местом встречи почти всех основных культур: эллинской, индо-иранской, иудаистской, византийской, мусульманской, итальянской, армянской, славянской, свой культурный след оставили здесь народы Скифии и Сарматии. В судьбах народов, соприкос-

нувшихся с Крымской землёй, она играла, по мнению Т.М.Фадеевой, роль культурного импульса, способствующего самораскрытию этих народов [7]. Все это свидетельствует о том, что Крым представляет собой территорию огромной исторической значимости для всего мира.

Это обстоятельство позволило М.Волошину увидеть Крым как «остров, отделённый от материка гниющими Меотийскими болотами, солончаковыми озёрами, узкими песчаными косами, а море вбирающий в себя глубокими бухтами, проливами, гаванями. Материк был для него стихией текущей и зыбкой – руслом Великого океана, по которому из глубины Азии в Европу текли *ледники и лавины человеческих рас и народов* (курсив наш – Т.Н., И.Б.). Море было стихией устойчивой, с постоянной и ровной пульсацией приливов и отливов средиземноморской культуры... Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как всё, что идёт от Азии, – его роль как степного полуострова; и *яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей* (курсив наш – Т.Н., И.Б.) – роль самого крайнего сторожевого пункта, выдвинутого средиземноморской Европой на Восток» [2, с.127].

Безусловно, у всех, кто приезжает в Крым, имеются определённые представления о полуострове, свои «стереотипы». Какие это представления и стереотипы, можно в целом понять, проанализировав данные эксперимента, описанные в «Русском ассоциативном словаре», который составлялся на основе результатов исследования 1988-1997 годов, т.е. в конце прошлого тысячелетия [4, 5]. Для нас особый интерес имеют материалы, в которых зафиксированы ассоциации, связанные с Крымом. Заметим, что, хотя в списке стимулов крымские реалии отсутствуют, «крымские ассоциации» все-таки у респондентов возникают. *Крым* появляется как реакция на следующие слова-стимулы: *отдыхать* 3; *дым* 2; *виноград, остров, отдохнуть, отпуск, тюльпан, украинский, фотоаппарат, юг* 1. Реакция *в Крым* связана со стимулами: *поехать* 5, *на юг* 2; *отпуск, поход, путешествие, съездить, удрать, уезжать, уехать* 1; *в Крым отдыхать* – реакция на стимул *на юг* 1; *в Крыму* – реакция на стимулы *отдыхать* 3; *город, отдых, отпуск, палатка* 1. Отмечены также единичные реакции-прилагательные *крымская* на стимул *дань* и на стимул *область*;

крымский связывается со стимулами *берег, пляж*, а *Крымский* в качестве имени собственного со стимулом *вал*. На стимул *отпуск* ещё есть единичная ассоциация *крымский пляж*. Для стимула *море* появилась единичная реакция *Айвазовский*. А на стимул *Отечество* есть одна реакция *Нахимов*. Стимул *отдыхать* вызвал также единичные реакции с названиями крымских городов: *в Ялте, зимняя Ялта* (последняя, видимо, по ассоциации с фильмом Сергея Соловьёва, вышедшего в конце 80-х годов прошлого столетия, «Асса»); *поедем в Феодосию*; есть на этот стимул и реакция *на берегу Крыма*.

Возраст участников проводимого эксперимента был от 17 до 25 лет. Ю.Н. Караулов в Послесловии к словарю пишет: «...анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1988 – 1997 годов, исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20-30 лет, т.е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [5, с. 753]. Вот к этому рубежу мы сейчас и подошли! Что же имеется в массовом сознании современного российского общества? Как показывает анализ данных ассоциативного словаря, о Крыме присутствует не так много информации, как он этого заслуживает. На то есть, конечно, известные объективные причины, но сейчас пришло время вернуть в сознание россиян образ Крыма как важный элемент их духовного мира.

Не менее показательными были наши собственные результаты, полученные в ходе небольшого регионального эксперимента, проведённого в самом начале нового тысячелетия [1]. Суть его заключалась в следующем: слово «Крым» респондентам предъявлялось в качестве стимула, на который они должны были записать пять пришедших первыми в голову реакций. Ассоциациями могли быть как отдельные слова, так и словосочетания. В опросе участвовали: школьники – учащиеся 9-х классов, студенты 2-3 курсов вуза технического профиля, работники конструкторского бюро, представители крымскотатарского населения, которые в этот период достаточно активно возвращались в Крым из мест депортации, люди старшего поколения, а также иностранные граждане, в течение нескольких лет проживающие на территории

Крыма. Опрос проводился в городах Симферополе и Севастополе. Были получены такие результаты.

Первой реакцией в ряду ассоциаций стало *море*: 90% опрошенных ассоциировали Крым именно с морем (варианты – *Черное море; все морское*). Это можно объяснить тем, что Крым как полуостров практически для всех категорий респондентов неотделим от моря, оно является для него колыбелью.

Море чаще всего связывается в сознании современного человека с отдыхом, купанием, а на время проведения эксперимента, возможно, частотность такой реакции была связана ещё и с политической ситуацией вокруг Черноморского флота.

Вторая по встречаемости реакция *солнце* – 41,6% (варианты – *солнечный; солнечная погода*). Далее следуют ассоциации: *горы* – 30%; *отдых* – 28,3% (варианты – *место отдыха, активный отдых*); *тепло* – 20% (вариант – *теплый*); *дом* – 16,6% (варианты – *Родина; где я живу*); *курорт* – 15%; *Севастополь* – 15%; *полуостров* – 13,3%; *лето* – 13,3% (как варианты можно рассматривать – *каникулы; лагерь*), *природа* – 10% (вариант – *богатая природа*). Менее 10% респондентов дали ассоциации *юг; туристы* (вариант – *приезжие*); *пляж; Россия* (вариант – *русский*); *друзья* (вариант – *новые друзья*), *фрукты, кипарисы, пиво; жара, дожди* (видимо, объясняется затяжной дождливой погодой в тот год), *крымские татары, ЮБК, Ай-Петри, Ялта, зелень* (вариант – *вечнозеленые растения*), *рыбалка*.

В реакциях иностранных граждан, проживавших в тот период на территории Крыма, в большей степени отразились факты исторического прошлого и современного состояния полуострова. Они могли по условиям эксперимента записать реакцию на стимул и на родном языке. Среди их реакций интересны такие: *contested* (за право обладать этой землей соревнуются, борются); *in struggle* (людям, живущим здесь, приходится постоянно бороться, чтобы выжить). В то же время Крым характеризуется иностранцами как *gentle place* (приятное место) и *breadbasket* (житница). По нашему мнению, более богатый ассоциативный фон у этих респондентов объясняется взглядом со стороны на наш регион и на жизнь в нём. Крым всегда оказывался в центре политических катаклизмов. Этот фон объясняет развёрнутый в историческое прошлое ряд ассоциаций, которых, однако, не было

у крымчан. Часто многие из постоянно проживающих в Крыму, на наш взгляд, и не задумываются об исторических фактах; можно предположить, что это просто стало неотъемлемой частью их генетической памяти, и знания об этом для них так же естественны, как воздух, которым они дышат. Это как раз и продемонстрировали события *крымской весны* и *воссоединение* Крыма с Россией, что и привело к серьёзному изменению геополитической ситуации. Язык зафиксировал и освоил эти понятия как называющие важные для Крыма и России исторические факты.

Неизменная ключевая тема для Крыма – народы и культуры. Она всегда была и остаётся основным элементом в воспитании толерантности и уважения ко всем культурам и верованиям, соприкоснувшимся на маленьком пространстве. Крым можно понять, только усвоив это многовековое правило поведения в его поликультурном и полиэтничном социуме.

Вместе с *крымской весной* в культурное и языковое пространство России вошли компактно проживающие на полуострове крымские татары, а также такие немногочисленные народы и народности, как караимы и крымчаки, которые на территории Крыма сформировались как этносы.

Нужно отметить, что на территории полуострова русский язык функционирует на фоне сплетения различных культур и народов, осуществляя при этом свою консолидирующую функцию. Фактически русская культура на этом маленьком участке земли очень тесно соприкасается с многочисленными другими культурами, элементы которых она впитала в себя и одновременно обогатилась ими. Следует учитывать и тот факт, что все культурные ценности хранятся в языке – «в лексике, грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» [6, с.14].

В языковое пространство России теперь войдут и региональные шуточные неофициальные наименования городов и посёлков Крыма, употребляемые в устной речи, о которых пишет в своём исследовании А.В. Петров. Так, для маленького крымского городка Бахчисарай можно услышать наименования Бахчи, Бахчи-париж, а для небольшого города Джанкой: Джони, Джамбул, Джанконг, Джанки, Джан-Париж. Нетрудно, на наш взгляд,

усмотреть в этих шутливых образованиях отражение сосуществования различных культур. Столица Крыма Симферополь имеет неофициальные названия Симфи, Симф, Симфер, Симферопыль. Посёлок городского типа Октябрьское в Красногвардейском районе Республики Крым (прежнее название Биюк-Онлар) в речи студентов КФУ имени В. И. Вернадского получило ещё ироничное название: Рио-де-Биюче.

Коллективное творчество носителей русского языка в Крыму отражают и суффиксальные универбы – неофициальные наименования топонимов: а) Воронцовка ← Воронцовский парк, Гагарка ← Гагаринский парк, Суворик ← Суворовский спуск (в Симферополе); б) Головка ← посёлок Сахарная головка; Казачка ← район Казачьей бухты, Камыши ← район Камышовой бухты (в Севастополе); в) Карантин ← Карантинный холм (на южной окраине города), Лыска ← гора Лысая (в Феодосии) [3].

Изучение русского языка в условиях поликультурности Крыма приводит преподавателя-русиста к мысли о необходимости учёта культурного опыта многих народов, прошедших через этот «перекрёсток цивилизаций». В современных условиях цели и задачи обучения языкам вообще существенно изменились. А для практики преподавания РКИ важно, каким будет видеть Крым преподаватель в современной геополитической ситуации и каким он представит его на своих занятиях в учебной аудитории. Известно, что материалы по краеведению имеют тенденцию утрачивать актуальность при обращении к ним в условиях другой местности. Однако уникальность Крыма позволяет широко использовать эти краеведческие региональные материалы, поскольку они дают богатое информативное поле для решения познавательных задач обучения в целом.

Факты, связанные с историей и культурой Крыма, могут и должны занять своё место в курсе страноведения в аспектном преподавании РКИ. Наш опыт по организации материалов, содержащих регионально-культурный компонент, может быть с успехом использован преподавателями РКИ как в Крыму, так и за его пределами. Предлагаемые материалы по краеведению объединены в учебный комплекс и включают учебное пособие по развитию навыков связной речи «Знакомимся с Крымом: от

древности до наших дней» и лингвокраеведческий словарь «Полуостров Крым от А до Я».

В учебном пособии выделены разделы: «Что такое Крым?», «Крым и его история», «Города и памятные места», «Культурное и этническое пространство Крыма». Кроме того, в нём собраны оригинальные тексты для дополнительного чтения.

Лингвокраеведческий словарь «Полуостров Крым от А до Я» представляет собой краткое научно-популярное справочное издание, адресованное широкому кругу читателей, и призван расширять информацию учебных текстов.

Литература

1. Балашова И.Г. Определение содержания концепта «Крым» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». – Симферополь, 2004. – Т.16 (55). - №1. - С.200 – 208.

2. Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма // Путеводитель по Крыму / Под ред. И.М.Саркизова-Серазини. – М.: 1924.

3. Петров А.В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан / А.В.Петров // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн.1 / Под ред. Г.Ю. Богданович. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 45-67.

4. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.І. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

5. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.ІІ. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация (Учеб. пособие). – М.: Слово, 2000.

7. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. – 304 с.

РЕЦЕПЦИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ М. Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

И. В. Александрова

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(Симферополь)

В последние десятилетия значительный интерес исследователей вызывают многочисленные векторы влияний готической литературы на различные жанры отечественной словесности. Центральную роль в оформлении этого направления литературоведческих поисков сыграли работы В. Э. Вацуро.

Цель данного исследования – выявить структурные признаки готического повествования и определить их функционально-стилистический потенциал в романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829).

По замечанию В. Э. Вацуро, отзвуки «романа ужасов и тайн» «вплоть до 1830-х годов ощущаются в историческом романе» [2, с. III]. Однако проблема влияния готической литературы на русский исторический роман поднималась нечасто. Можно назвать лишь статью А. М. Скабичевского, затрагивающую вопрос о влиянии «романа тайн» на «Последний Новик» И. И. Лажечникова [9], исследование Е. О. Ларионовой о творчестве В. Т. Нарезного [5] и диссертацию В. Я. Малкиной, в которой рассматривается взаимодействие исторического романа с готической традицией [6]. В незавершенной книге В. Э. Вацуро есть фрагменты главы «Исторический роман», но анализ в этом аспекте творчества М. Н. Загоскина остался лишь в планах ученого [2, с. 525]. Недостаточная разработанность этой проблемы обеспечила **актуальность** и **новизну** исследования.

Готическая традиция в литературе – это «особая – в тематическом, сюжетно-композиционном и стилистическом отношении – художественная система», обладающая собственной спецификой [4]. «Только сохранение одной или нескольких инвариантных структурных особенностей готического романа позволяет относить то или иное произведение именно к *традиции готического романа*», – подчеркивают В. Я. Малкина и А. А. Полякова во введении к коллективной монографии «Готическая традиция в рус-

ской литературе» [7, с. 32] (выделено авторами. – И. А.). В. Я. Малкина в качестве конститутивных признаков готического романа называет наличие специфического хронотопа, этического конфликта, «присутствие (и в хронотопе, и в сюжете) сверхъестественного элемента» [6, с. 63]. По наблюдению Г. В. Заломкиной, «именно элементы сюжета несут в себе... “готический заряд”» [4].

Для готического романа важна временная дистанция, и в этом отношении он сходен с романом историческим. События «Юрия Милославского» разворачиваются в начале XVII века, в эпоху русского Средневековья, и обращение к ней по умолчанию предполагает привнесение в роман легенд и рассказов о таинственных происшествиях.

В романе Загоскина влияние готической традиции обнаруживается в целом ряде присущих ей мотивов: пленения, заточения в подземелье, запретной любви, предсказаний, возмездия за грехи. Присяга Юрия польскому королевичу Владиславу – своеобразный аналог высокочастотного в готическом романе мотива продажи души дьяволу, но герой присягает врагу не из корыстных побуждений или чувства самосохранения, а в надежде на благо для России (Владислав обещал москвичам «сохранить землю Русскую в прежней её славе и могуществе» [3, с. 51]). В структуре сюжета «Юрия Милославского» значим мотив тайны, однако ее разгадывание не становится сюжетообразующим, как в готическом романе. Так, ореолом таинственности овеян могучий молчаливый человек, встреченный Юрием на постоялом дворе; лишь в конце выясняется, что это Кузьма Минин.

Главным сюжетообразующим фактором готического романа выступал хронотоп замка. «Историчность замкового времени позволила ему сыграть довольно важную роль в развитии исторического романа. Замок пришел из прошлых веков и повернут в прошлое» [1, с. 278], – отмечал М. М. Бахтин. Русским эквивалентом средневекового замка становятся владения боярина Кручины-Шалонского на дальнем хуторе в Муромском лесу, в гиблом месте, где «и в полдни солнышка не видно» [3, с. 200]. Это чужое пространство, связанное со злом, грехом. С помощью традиционного для готики приема передачи слухов («Сказывают...», «бают», «был слух») сообщается, что дом овеян дурной славой, выстроен там, где некогда была пустынь, от которой сохранились

лишь каменная ограда и подземные склепы; что каждую ночь «перерезанные» татарами «монахи встают из могил и сходятся служить сами по себе панихиду» [3, с. 200]; что в доме по ночам «под землю кто-то охает и стонет» [3, с. 201]. Таинственным звукам дается двойственное объяснение: «Был слух, что это живые люди, заточенные в подземелье; <...> все так мыслят, что это души усопших» [3, с. 201]. Хутор окружен дремучим лесом и топким болотом. Типична для готики и его архитектура: «По всем углам четырехсторонней ограды построены были круглые башни, из которых две, казалось, готовы были ежеминутно разрушиться; но остальные, несмотря на все признаки ветхости, могли еще быть обитаемы» [3, с. 210]. Разрушающийся замок – одно из «общих мест» готической литературы. Юрий, закованный в цепи, содержится во владениях Шалонского в мрачном подземелье, куда ведет потайная лестница, связывающая верхнее и нижнее «иномирие». Таким образом, Загоскиным воссоздается типичный комплекс мотивов, служащих для характеристики «проклятого места». Его описание предваряет соответствующий «готический» пейзаж: глухая полночь, небо в черных тучах, завывающий ветер [3, с. 210-211], что создает атмосферу тревоги.

Поскольку Загоскин воссоздает *русское* Средневековье, важнейшей хронопной координатой в романе становится церковь, что сопряжено со значимостью веры для русского человека. Юрий и Анастасия впервые встречаются во время службы в московском храме Спаса на Бору, вспыхнувшее между ними чувство, таким образом, словно получает высшее благословение. У разрушенной церкви Омляш и его шайка нападают на Юрия, и этот «руинный пейзаж» («разбитые окна и совершенно обрушенная паперть» [3, с. 189]) в данном контексте знаменует вероотступничество разбойников, нарушение ими Божьих заповедей, глумление над человеческой жизнью. Подобную семантику имеет и упоминание о развалинах церкви посреди хутора Кручины-Шалонского [3, с. 210]. Освобождение героя от клятвы Владиславу также происходит в храмовом сооружении: ее снимает с Юрия, ставшего послушником в монастыре, Авраамий Палицын. На погосте Троицкого монастыря упокоятся Милославский и Анастасия.

Атмосфера тайны и опасности связана с топосом леса, который представляет собой «иное» пространство: именно там поджидают героев все злоключения. Описание леса («дремучий бор, как черная бесконечная полоса»; «Всё было мертво вокруг, и только изредка черный ворон... перелетал с одной сосны на другую» [3, с. 66, 67]) предвещает встречу с непостижимым, фантастическим. Хотя в данном эпизоде ничего такого не происходит, отсвет этой традиции ощущается в дальнейшем пассаже: «среди частого кустарника, подобно *огромным седым привидениям*, угрюмо возвышались вековые сосны и ветвистые ели» [3, с. 66] (выделено мной. – И. А.). В лесу же нищая старуха предсказывает бабушке Юрия его грядущую судьбу [3, с. 194], причем встрече женщин предшествует страшная гроза (аналог зловещего пейзажа, характерного для экспозиции сцен контакта с инфернальным миром в готическом романе). В последней части романа дорога к лесу ведет через глубокий овраг, нисхождение в который знаменует соприкосновение с силами зла. И действительно, взгляду героя открывается типичная для готики «ужасная» картина: «освещенная полным месяцем, вся правая сторона поляны была покрыта кучами мертвых тел» [3, с. 254].

В глубине леса находится лачуга полесовщика, куда попадает раненый Кручина; в лесу же в избушке живёт колдун Кудимыч. Данные локусы аналогичны традиционной хижине отшельника, обитающего вдали от людских глаз. У Загоскина, однако, этот мотив травестируется: «колдун» оказывается «поддельным».

Этический конфликт романа – борьба положительных и отрицательных героев – истолковывается Загоскиным как противостояние «ангельского» и «дьявольского» начал. Так, если Юрий «ангел во плоти» [3, с. 191] и в его внешности подчеркнуты белизна лица и большие голубые глаза, то, например, у гетмана Лисовского «такое демонское лицо, что он и на человека не походит» [3, с. 54]; у Кручины взгляд, «в котором отражалась вся злоба адской души его» [3, с. 142], а у Истома-Туренина – «напоминал так живо *соблазителя*, что набожный Юрий едва удержался и не сотворил молитвы» [3, с. 163-164] (выделено автором. – И. А.); сам же боярин с «адским наслаждением обрекал гибели сограждан своих» [3, с. 163].

Все позитивные герои – люди, по представлению автора, «истинно русские», проявляющие лучшие качества национально-го характера: глубокую религиозность, соборность, самоотверженность, стойкость, преданность царю и отечеству. Герои негативные – изменники и враги. В их характеристиках подчеркнута звериное начало: Истома-Туренин смотрит «исподлобья, словно дикий зверь» [3, с. 188]; в голосе Омляша, похожего «на медведя», слышится «дикий рев животного» [3, с. 153]; глаза Шалонского «засверкали, как у тигра» [3, с. 110]; гетман Гонсевский хочет, «чтоб нижегородцы положили оружие, так же, как желает хищный волк, чтоб стадо осталось без пастыря и защиты» [3, с. 86] (подробнее об этом см.: [8, с. 14]).

В романе Загоскина есть и черты «готического антропологизма» [7, с. 32]. В этом отношении показательны характеристики демонического «злодея» Кручины-Шалонского: «Бледное лицо, носящее на себе отпечаток сильных, необузданных страстей... серые небольшие глаза, которые, сверкая из-под насупленных бровей, казалось, готовы были от малейшего прекословия запылать бешенством» [3, с. 86]; «как раскаленный уголь, сверкающие глаза» [3, с. 123]; «адская душа» [3, с. 142]. Его буйный нрав проявляется в неприкрытом разбое и диких поступках (например, он устраивает «потешные зрелища»: зашивает в медвежью шкуру и травит собаками соседа, «убогого помещика»). Однако Загоскин трансформирует акцентную для готического романа сцену смерти «злодея». Его грешник перерождается под влиянием проповеди христианской любви, с которой обращается к нему юродивый, и столь неестественный исход вполне соответствует авторской концепции русского мира.

Таким образом, готическая традиция играет значительную роль в структуре сюжета и системе персонажей романа М. Н. Загоскина. Ее влияние заключается в совпадении отдельных мотивов и ситуаций, но главное – проявляется в ряде инвариантных структурных особенностей, присущих готическому роману. Среди них следует выделить специфичность хронотопа (события разворачиваются в начале XVII столетия в пространстве знаковых средневековых зданий – боярских хором, темницы, храма, монастыря), наличие этического конфликта, связанного с идеями преступления и наказания, возмездия за грехи. Готиче-

ская составляющая помогает романисту передать дух русского Средневековья: привносит элемент сверхъестественного, создает атмосферу таинственности. Опираясь на готическую традицию, Загоскин, однако, адаптирует базовые черты «романа тайн» к изображению русской истории, привносит ярко выраженный национальный компонент, связь с фольклорными началами как выражением русского духа.

Литература

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 121–290.
2. Вацуро, В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М. : НЛО, 2002. – 544 с.
3. Загоскин, М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году // Загоскин М. Н. Сочинения : в 2 т. / М. Н. Загоскин. – Т. 1: Историческая проза. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 35–286.
4. Заломкина, Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2003. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/poetika-prostranstva-i-vremeni-v-goticheskom-syuzhete>. – 12.01.2017.
5. Ларионова, Е. О. К истории раннего русского шиллеризма // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. – М. : НЛО, 1995–1996. – С. 36-49.
6. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: На материале русской литературы XIX – начала XX века. Дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / В. Я. Малкина. – М. : РГГУ, 2001. – 216 с. – Режим доступа: http://www.zipsites.ru/slovari_enc/dissertacii_referaty/malkina_poetika_istoricheskogo_romana/. – 24.02.2017.
7. Малкина, В. Я., Полякова, А. А. Введение / В. Я. Малкина, А. А. Полякова // Готическая традиция в русской литературе / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2008. – С. 15–35.
8. Песков, А. М. Исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» / А. М. Песков // Загоскин М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. – М. : Худ. лит., 1983. – С. 5–20.
9. Скабичевский, А. М. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А. М. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – СПб., 1895. – С. 635–643.

НАПОЛНЕНИЕ АКТУАЛЬНЫМИ СМЫСЛАМИ СЛОЖНЫХ СЛОВ С НАЧАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ *миро-*

Н.В. Величко

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
(Севастополь)

В русском языке конца XX – начала XXI века происходят процессы, которые отражают изменения, совершающиеся в жизни общества и в сознании людей. Наиболее активно они протекают в семантике и прагматике слов. В центр внимания лингвистического анализа попадает прагматика, лингвопрагматический аспект изучения лингвистических единиц позволяет сконцентрироваться на важнейших процессах функционирования языка в неразрывной связи с новейшими обстоятельствами жизни социума.

В процессе функционирования в речи семантика слова наполняется актуальными смыслами и может приобрести специфические семантические компоненты.

Как считает Э.В.Кузнецова, «в речи действуют факторы, идущие от человека, который не может быть только носителем языка или единицей социального коллектива, но всегда остается неповторимой личностью со своими неповторимыми мыслями, чувствами и устремлениями. Слова в речи функционируют не как усредненные, безликие ономаты, они наполнены уникальным смыслом, определяемым ситуацией речи и личностью говорящего» [5]. Отличительной особенностью семантики сложных слов является то, что при их анализе необходимо опираться на грамматическую структуру.

В Словаре В.И. Даля находим такие лексемы с компонентом *миро-*: *миротворец, миротворять, миротворить, миродавец, миродатель, миролюбье, миродатный, мирорушительный, миронарушительный, мироносный, мирославить* – из них почти все вышли из употребления [3]. В словарях более позднего времени появляются новые лексемы с начальным *миро-*: *мировоззрение, мироздание, миропонимание, миросозерцание, мироносицы, мирообновленцы, миропредставление, мироощущение, мировидение, мироустройство, миролюбие, мироучение, мироведение, ми-*

ровосприятие, миронарушитель, миропознание, миросозерцательный, миротворение, мирохозяйственный, мирочувствие.

Колесов В.В. в книге «Гордый наш язык...» в статье «Мирозерцание, мировоззрение, мировосприятие» дает справку о возникновении, различении и использовании указанных в заголовке лексем: *Любимым словом революционных демократов в их публицистике было мирозерцание. В словари оно попало только в 1866 году, а сменившее его слово мировоззрение — лишь в 1906 году.. раньше было мирозерцание... и делает вывод: Оба слова значат одно и то же: совокупность взглядов, воззрений на мир; и оба слова пришли из книжной речи — они вполне искусственные образования, может быть даже кальки, например, с соответствующих им немецких слов.* К этим описанным лексемам добавляет новые слова: *мироразумение, миродействие, миропостижение, миропонятие, миропонимание,* среди которых больше внимания уделяет слову *миропонимание*, которое, по наблюдениям В.В. Колесова, пришло из публицистики пролетарских революционеров, и впервые вошло в словарь Ушакова в 1930-е годы. *Мировосприятие* характеризует как *совершенно новое слово, отмечено в только что изданном словаре Академии наук (1982) [2].* Следует отметить, что все приведенные сложные слова – названия отвлеченных понятий – образованы от словосочетаний с различными подчинительными отношениями.

Одна из самых интересных и поздних по фиксации в лексикографических источниках в ряду сложных слов с начальным **миро-** лексема *миропорядок*. Лексема *миропорядок* впервые была зафиксирована в 1998 году в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова, где толкуется следующим образом: **МИРОПОРЯДОК** -дка; м. *Сбалансированное соотношение политических, военных, экономических и т.п. сил, существующих в мире [1].* В дальнейшем получила более общее определение в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой: *Миропорядок* м. *Совокупность принципов, лежащих в основе какой-л. общественной системы, устройства мира [4].* Но еще в конце XIX – начале XX века данная лексема употреблялась преимущественно в сочетании с прилагательными *божественный* и *нравственный*: *Вера в Бога и в Божественный миропорядок есть вера в глубокий, сокровенный смысл всех*

страданий и испытаний, выпадающих на долю всякого существа в его земном странствовании. [Н.А. Бердяев. Духи русской революции (1918)]; *Чтоб читателю было еще яснее, как понимал, мог понимать Ницше того бога, которого пришлось убить, приведу один из его последних афоризмов, определяющий нравственный миропорядок...* [Л. И. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (1900)] [3].

Развитие идеи нравственного миропорядка находим в русском идеализме, где она получает различные формы выражения, например, у Н.А. Бердяева сугубо социологическое измерение.

Еще ранее для обозначения упорядоченного мироздания в противопоставлении неупорядоченному хаосу Пифагором был введен термин космось, в переводе с древнегреческого «строе-ние, порядок, устройство, миропорядок, небо». Поскольку для античной философии космос был высшим образцом мироздания, слово «космос» вошло в русский язык в значении 'Вселенная; мир; пространство'. Таким образом, вселенную можно рассматривать как *миропорядок*, противопоставленный хаосу.

В XXI веке слово *миропорядок* стало очень популярным и может быть определено как семантическая доминанта. Согласно наблюдениям Е.В. Падучевой «семантические доминанты представляют собой фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием форм реализации в отдельном языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознаваемости» [7]. Слово *миропорядок* целиком отвечает этим критериям, рассмотрим их более подробно. Миропорядок, соотносясь с глобализацией, определяемой сегодня как процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, напрямую ведет к установлению нового мирового порядка, представляя собой фундаментальную идею устройства мира. Наряду с существованием словосочетания *мировой порядок*, лексема *миропорядок* получила широкое распространение.

Частотность употребления удобно проследить на материале, полученном из Национального корпуса русского языка, объем которого сегодня достиг уже 283 миллионов словоупотреблений. Запрос словосочетания *мировой порядок* с 2000 года в НКРЯ выдает 109 документов и 165 вхождений, при этом надо отметить,

что всплеск числа употреблений пришелся на 2004 год, а после 2009 года до настоящего времени произошло заметное сокращение употребления.

Запрос слова *миропорядок* за период с 1800 года до настоящего времени выдал 191 документ и 289 вхождений, что свидетельствует о широком употреблении данной лексемы. Можно предположить, что в XXI веке на смену словосочетанию с подчинительными отношениями *мировой порядок*, вследствие экономичности языка, пришла лексема *миропорядок*, вобравшая в себя все смыслы, заключенные в словосочетании, и в некоторых контекстах заменила его.

Тематика текстов, в которых встречается лексема *миропорядок*, распределилась следующим образом: политика и общественная жизнь, философия, искусство и культура, наука и технологии и другие. В каждой тематической области объем понятия, включаемого в лексему, разнится, что свидетельствует о пониженной степени понимания энциклопедического значения, приводящего к его размыванию, и соответственно порождает пониженную степень коммуникативной осознаваемости при использовании.

Таким образом, отмечаем, что при анализе развития значения лексемы *миропорядок* произошло наполнение актуальными смыслами семантики слова, что привело к росту популярности его употребления. Другие сложные слова с начальным *миро-* также могут подвергнуться изменениям под действием различных обстоятельств жизни социума.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 1998.
2. Гордый наш язык ... / Владимир Викторович Колесов . – 2-е изд., перераб. – Санкт-Петербург : Азбука-классика : Авалонь, 2006 . – 350 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1-4. М., 1978-1980.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз. 2000. - в 2 т. - 1209 с.
5. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 152 с.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.03.2017).

7. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. Padova, 1996. V. 5. - С. 163-185.

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В МАТРИЦЕ ДИСКУРСА МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

И.А. Герасименко

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Ялта)

Разговорная речь до недавнего времени противопоставлялась кодифицированной книжной речи и относилась к разновидностям литературного языка [3, с. 324]. Однако в последнее время разговорную речь, которая используется «для устной непринуждённой коммуникации в неофициальной обстановке» [6, с. 508], стали считать некодифицированной разновидностью национального языка [2, с. 102] и дифференцировать на публичную и обиходную, последнюю из которых подразделять на бытовую и профессиональную; см.: [8]. Экспансия ненормированных разговорных средств по сравнению с нормотворчески значимыми единицами книжно-письменного литературного языка захватила все коммуникативные сферы. Разговорные единицы стали определяющими языковыми знаками речевого портрета современника, выступили доминирующими маркерами его обыденного языкового сознания, превалируя не только в текстах неофициального общения, но и в публичной коммуникации. К сожалению, речь ребёнка не является исключением. Наряду с единицами литературного языка она насыщена экспрессивной лексикой просторечного и жаргонного характера, словами-паразитами, окказионализмами и речевыми штампами. Источником данного массива слов выступает окружающая языковая среда, в которой немаловажную роль играет мультипликация. Цель работы – установить состав обиходно-разговорных лексем в дискурсе современной

мультипликации. Материалом исследования выступили тексты детского анимационного сериала «Смешарики».

Речь главных персонажей сериала «Смешарики» (Бараша, Ёжика, Кроша, Карыча и др.) наполнена бытовыми обиходно-разговорными словами и оборотами. Известно, что бытовая обиходно-разговорная речь сопровождает повседневное (домашнее, приятельское) общение. Она допускает «практически неограниченный круг языковых единиц, нормативных и ненормативных: так называемых внутрисемейных словечек, фамильярных оборотов, сниженных слов и выражений, просторечных и жаргонных образований, вульгаризмов и даже обсценизмов» [8]. Речь героев анимационного сериала «Смешарики» не является исключением. Она пронизана разговорными лексемами разной частеречной принадлежности, выражающими позитивную и негативную оценку. Среди них имена существительные (*гадость, напасть, ерунда, глупыш, детишки, дружище, дорогуша, ледышка, желёзка, ведёрко, колыбелька, костюмчик, цветочек, кусочек, червячок, ночка, грязюка, скукота*), прилагательные (*чудный, милый, глупый, языкастый*), наречия (*маловато, рановато, невозможно*) глаголы (*перебарщивать, жадничать*). Данные лексемы, имея в толковых словарях соответствующую помету *разг.* (см., например: [7]), последовательно используются в обиходном непринуждённом дискурсе главных персонажей мультсериала. В мультипликационном проекте «Смешарики» также функционируют разговорно-сниженные слова. Языковые знаки *дурной, расфуфыренный, маленько, барахлить, шушукаться*, снабжённые в [7] пометой *разг.-сниж.*, включены в канву мультипликационного дискурса этого детского сериала.

Безусловно, человеческое сознание осваивает все основные элементы Универсума через «соотнесение с определённой (аксиологической) системой ценностей, обуславливающей их положительную или отрицательную оценки» [5, с. 28]. В сферу положительной – отрицательной оценки включены слова, которые выражают количественные оценки (см.: [5, с. 42]), внесённые в экстенционал и интенционал языкового знака. Так, признак оценочного характера передают разговорные единицы *гадость* ‘то, что вызывает отвращение’, *глупый* ‘тот, кто умственно ограничен, недогадлив, несообразителен, бестолков’, *чудный* ‘очень хо-

роший, великолепный, превосходный, отличный’, *жадничать* ‘проявлять, чувствовать жадность’, а также лексем с аффиксами субъективной оценки *языкастый* ‘острый на язык’, *маловато* ‘довольно мало’, *рановато* ‘немного, несколько рано’ [8]. С помощью данных языковых знаков, передающих преувеличенное или приуменьшенное (пренебрежительное, уничижительное) значение, семантику умаления, предметы, признаки или действия оцениваются положительно или отрицательно.

Необходимо иметь в виду, что субъективная оценка заложена не в реальном физическом действии, а в ментальном, основанном на представлении чего-либо (роли, значения, смысла, ценности) в меньших или больших по сравнению с действительностью размерах. Как пишет А.Б. Пеньковский, это именно те ментальные действия, которые «лежат в основе особого – тимиологического – ранжирования элементов универсума по степени их важности, ценности и значительности», они «[...] формируют такие, по слову Ницше, человеческие, слишком человеческие типы отношений к человеку и миру, как пренебрежение (презрение) и уничижение» [5, с. 42].

По языковым средствам тексты «Смешариков» наполнены неоднородной оценочной лексикой с минимумом нормативных ограничений. Сниженный регистр речи обеспечивается за счёт оценочных лексем жаргонного характера, семантика которых определяется контекстом (как известно, «the word meaning is revealed in the context» [9, с. 83]). Ср.: одобр. *круто*, в котором анализируются оценочные семы ‘отлично’, ‘превосходно’ от *крутой* [4, с. 170]; одобр. *класс* как ‘отлично’ от *классный* [4, с. 172]; одобр. *реально крутой* как ‘отличный’, ‘превосходный’ [4, с. 170]; шутл., неодобр. *зависать* с семой ‘ничего не понимать’ [4, с. 160] и т.д. По коммуникативному статусу это обыденная, повседневная лексика; по социальным условиям – бытовая; по языковым средствам – неоднородная и свободная, в том числе, сниженная и ненормативная, выражающая позитивную (*дружнине, реально крутой, круто, класс*) и негативную оценку (*гадость, напасть, ерунда, дурной*).

Как видим, мультипликация XXI в. демонстрирует насаждение речевой раскованности и допускает свободное использование обиходно-разговорной лексики. Возможно, привлечение этих и

близких к ним единиц обусловлено осознанным снижением регистра речи для обеспечения достоверности и выразительности сказанного, так как разговорно-обиходный дискурс «Смешариков», снабжённый перечисленными лексемами, копирует неофициальное общение современных носителей языка, изобилующее подобными языковыми средствами. Однако включение проанализированных и им подобных лексем в дискурс мультипликации логично приводит к формированию небрежного отношения «к языку и речи, к соблюдению правил этикета и этикетных норм, возникают привычки, которые переносятся на другие виды общения» [1, с. 23], в результате чего данные лексические средства прочно входят в речь современных детей. Поэтому спонтанная обиходно-разговорная речь как «естественная лингвокультурная среда живого русского многоречия, свободного эмпирического самовыражения говорящего» [8] должна взвешенно вводиться в речевую матрицу дискурса мультипликации.

Литература

1. Байкулова А.Н. Основные тенденции развития официального и неофициального общения // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 22-25.
2. Колокольцева Т.Н. Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. Языкознание. – 2016. – № 8 (112). – С. 102-108.
3. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 888 с.
4. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. – 864 с.
5. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 261 с.
6. Сиротина О.Б. Разговорная речь // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2014. – С. 508-509.
7. Толковый словарь русского языка под ред Т.Ф. Ефремовой, 2006 / 1.00 Portable. Режим доступа к изданию: <http://www.softportal.com/software-13023-tolkovij-slovar-russkogo-yazika-t-f-efremovoj.html>

8. Химик В.В. Русская разговорная речь: актуальные вопросы // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015: XVII Всероссий. научн. конф.: сборн. научн. тр. – 2016. – С. 272-276.

9. Gerasimenko I.A. Implicit potential of Linguistic sign // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – №2. – С. 82-88.

СЛАВИСТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФИЛОЛОГОВ-РУСИСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

И.В.Грибанова

Филиал МГУ им. М.В.Ломоносова в г. Севастополе
(Севастополь)

Университетское образование в России фактически начиналось со славяноведения как интегративной историко-филологической дисциплины. Уже в начале XIX в. в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах открылись кафедры славяноведения. Несмотря на длительную историю преподавания славистических дисциплин в вузах, существует необходимость рассмотреть наиболее актуальные проблемы современной славистической подготовки студентов-русистов, для которых изучение русского языка и литературы не может быть оторвано от инославянского культурно-исторического фона. Сегодня, в условиях дезинтеграции славянского мира, не просто разобщения, но и противостояния славянских народов, «дробления и уменьшения славянского пространства» как никогда востребованы специалисты, владеющие объективными, научно обоснованными знаниями о настоящем и историческом прошлом славянских языков, литератур и культур. Выдающиеся достижения славистики должны в необходимой мере найти отражение в практике вузовского преподавания. Традиционный цикл собственно славяноведческих дисциплин на филологическом факультете включает следующие курсы: «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Введение в праславянский язык», «Сравнительная грамматика славянских языков», «История славянских литератур», а также отдельные спецкурсы (например, на филологическом факультете МГУ читается спецкурс «История литератур западных и южных славян» для студентов-русистов, специализирующихся в области литературоведения).

ния). Кроме того, практически во всех университетах студенты-русисты изучают (по выбору) один из славянских языков. Интересен опыт Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, начавшего выпуск студентов русского отделения с дополнительным знанием сербского языка.

Первым, пропедевтическим, славяноведческим курсом является «Введение в славянскую филологию», который призван заложить основы славистических знаний, систематизировать основные положения славянского этно- и глоттогенеза, а также истории словесного искусства славян. Перед началом чтения этой дисциплины мы обычно проводим диагностику фоновых знаний студентов. В текущем учебном году диагностическая работа, проведенная нами на филологическом факультете Филиала МГУ в Севастополе в форме лингвокультурологической карты славянского мира, показала значительные лакуны в информированности студентов о славянских народах, странах и языках. 80 % студентов в качестве славянских стран (кроме действительно славянских) назвали Литву, Латвию, Молдову, Румынию, Венгрию. Отмечены и одиночные попытки «присоединить» к славянскому миру Австрию, Грецию и Финляндию. При этом перечень действительно славянских стран крайне мал: в 20% работ он включает только 5-6 государств (из 14), среди наименований славянских народов даются и такие, как «болгарцы», «хорватцы». Соответственно, в искаженном и неполном виде представлен и круг славянских языков. Ни одного имени выдающихся писателей таких стран, как Белоруссия, Болгария, Сербия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория не названо.

Перед преподавателем стоит нелегкая задача в небольшом по объему курсе в лаконичной форме, но предельно информативно дать студентам базовые знания основ славянского этно- и глоттогенеза, познакомить студентов с мифологией и фольклорной традицией славян, дать некоторое представление о древних и новых славянских литературах и т. д. Особое внимание нужно уделить классификации славянских языков (в частности, типологической, ареальной, функциональной), включить новые материалы по лингвокультурологии, лингвоэкологии и реликтолингвистике, истории славяноведения и т.п. Поскольку приходится искать оптимальную форму подачи информации, считаем возможным использовать не-

которые новые методические разработки. Е.А. Правда в статье «Система славянских языков: к принципам описания» предлагает концентрическую схему т.н. «славянского поля языков»: «Применяя к характеристике славянских языков новые модели описания, можно представить обширную и разнообразную область славянских языков в виде поля, ядро которого будут формировать явления с наиболее четко выраженными признаками, а периферию – переходные и различные искусственные образования» [1, с.506]. Уточняя предложенную модель, в сегментированное ядро поля мы включаем современные поливалентные языки. В каждом сегменте соответственно можно расположить восточнославянские (русский, украинский, белорусский), западнославянские (чешский, словацкий, польский, кашубский, верхнелужицкий и нижнелужицкий), южнославянские (болгарский, македонский, словенский, сербохорватский в его национальных вариантах: сербском, хорватском, боснийском / бошняцком) языки. В ближнем периферийном слое можно разместить мертвые языки, соотнося их расположение с сегментами ядра. Например, древнерусский язык соотносить с восточнославянским сегментом, полабский и словинский с западнославянским. Для включения в схему языка старославянского (а также церковнославянского языка конкретного извода и новоцерковнославянского языка) потребуются выделение отдельного периферийного слоя как для языка надславянского. Славянославянские гибридные языки (суржик, трасянка, ляхский диалект, русинский язык в его региональных разновидностях, слепнянский язык и пр.) могут быть отнесены к отдаленному периферийному слою в соответствующем сегменте (например, суржик будет расположен в сегменте, относящемся к русскому и украинскому языкам). Дальний периферийный слой может быть отведен славянонеславянским языковым образованиям (ринглиш, венецианско-словенский язык, руссенорск, говорка, кяхтинский, медновский язык и пр.). Подобная пятичастная схема при всей ее условности может быть исключительно полезна для достижения учебных целей.

Выдающийся славист Н. И. Толстой еще в конце XX в. утверждал, что нельзя по-старому преподавать традиционные славяноведческие дисциплины, в частности, надо «менять и форму, и смысл, и цели преподавания старославянского языка в высшей

школе, на факультетах филологического и историко-филологического профиля» [2, с.7].

Преподавание славистических курсов должно строиться не только с учетом новых открытий и новых научных направлений (контактологии, лингвокультуры, лингвоэкологии, реликтолингвистики), но и с учетом региональной специфики вуза. Так, курс современного украинского языка не только не должен исчезать из программ отделений русистики крымских вузов, но должен занять более достойное место. По нашему мнению, достаточно широко может быть использована форма учебной экскурсии. При изложении тем, связанных с историей славянской письменности в курсе старославянского языка, а также тем, связанных с христианизацией Руси в курсе «Введение в славянскую филологию» нами практикуются учебные экскурсии. Экскурсионная учебная программа включает изложение материала с осмотром экспозиций в музее-заповеднике Херсонес Таврический, посещение Свято-Климентовского монастыря и острова Св. Климента в Казачьей бухте и т.п., а также музейных экспозиций и действующих в Севастополе и городах Крыма выставок (например, мультимедийной выставки «Рюриковичи»). Оживление интереса к весьма непростым для восприятия студентами предметам славистического цикла связано и с использованием такой формы, как самостоятельное создание небольших видеофильмов по отдельным темам. В этом случае мы использовали опыт подобной работы, которую возглавляет в Сербии Гордана Наумович, общение с которой и подвигло студентов Филиала МГУ осуществить первые попытки такого рода деятельности. Целесообразно стремиться к расширению славистической подготовки русистов, что позволит добиться повышения профессиональной компетенции филологов, а также осознания ими своеобразия этно-культурно-лингвистического пространства славянского мира.

Литература

1. Правда Е.А. Система славянских языков: к принципам описания // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире /под общей редакцией Е.М.Марковой и Й.Догнала. Брно: Tribun EU, 2014, с.504-508.
2. Толстой Н.И. Церковнославянский – живой или мертвый?// Славяноведение, М.,1992. №3, с.5-7.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АНТИНОМИЯ
«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСТВО»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО)

Н.П. Иванова

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Русская языковая картина мира реализуется, в частности, на уровне индивидуально-авторской концептосферы, заключающей в себе не только и не столько изолированные, сколько взаимосвязанные концепты. Анализ логических отношений между некоторыми из них позволяет говорить о существовании своего рода концептуальных антиномий. Именно в таких отношениях находятся, на наш взгляд, культурно-аксиологические концепты ‘Человечество’ и ‘Сверхчеловечество’ в картине мира писателя, философа, теолога, литературоведа Д. С. Мережковского. Каждый из них можно назвать многокомпонентным, так как полиаспектность исследуемых категорий породила множественность составляющих этих «сгустков культуры в сознании человека» (согласно определению концепта, данному Ю. С. Степановым) [8, с. 43]. Следовательно, концептографический эскиз каждого из указанных концептов может быть представлен в виде совокупности составляющих его форматов реализации анализируемой категории.

Так, концептографический эскиз культурного концепта ‘Человечество’ в картине мира Д. С. Мережковского может быть представлен следующим образом:

- «человечество как духовная общность»;
- «человечество как вселенская личность»;
- «человечество как национально-культурный феномен»;
- «человечество как социальное образование»;
- «человечество как аксиологическая категория».

Все эти форматы в совокупности и образуют индивидуально-авторский концепт ‘Человечество’ в ментальном пространстве Д.С. Мережковского. Он, как и многие модернисты начала XX века, стремился посредством слова изменить окружающий мир и населяющих его людей, и «...все ступени этого перехода от творческого созерцания к жажде ”действия”, к желанию творить жизнь

и переродить современное человечество – перед нами в последовательных творениях Мережковского» [9, с. 250].

Одно из главных преобразований – поиск новой религии, попытка соединения христианства и язычества. Некоторые исследователи (Н. М. Минский, Л. Шестов) пришли к выводу о бесплодности такого рода исканий и говорят о том, что далее общих мест Д. С. Мережковский не продвинулся. Однако показательно в этом смысле, что в результате осознания меры людской греховности им сделана попытка оправдания человечества перед Богом. И здесь идет речь о человечестве как духовной общности: «Но дикий полужверь из глубины обледенелых тундр, пьяный, уродливый, грязный якут – имеет ли он такое же право на крик свободы и возмущения, как древние титаны человеческого духа? Да, имеет!.. И даже еще большее право, потому что он – бессилён, дик, безобразен и, наперекор всему этому, он – человек, а не зверь, он – образ и подобие Божие на земле» [5, с. 548].

Следовательно, в структуре исследуемого концепта можно выделить и формат «человечество как вселенская личность», тесно связанный с предыдущим. Представляется, что идея «всемирности» традиционна для русской литературы второй половины XIX века: она в той или иной мере была осмыслена в произведениях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, чье творчество исследовал Д. С. Мережковский. Однако на выводы последнего весьма заметный отпечаток наложили апокалиптические мотивы, характерные для модернизма. Он говорит о постапокалиптическом преображении, в результате которого «...человечество сознает себя единой личностью, и эта вселенская личность, этот единый всечеловеческий разум, с которым отныне тождествен разум каждого отдельного человека, и есть божественный логос» [1, с. 205]. Исследователь утверждает, что «всемирность» – прямое следствие возникновения и утверждения христианства – и здесь важную роль также играет восприятие человечества как духовной общности, так как «история – мистерия, крестное таинство, и все народы участвуют в нем. Путь от Вифлеема к Голгофе есть уже путь “язычества”, человечества дохристианского. Много народов, “языков” – много мифов, а мистерия одна – мистерия Бога умершего и воскресшего» [6, с.20].

Таким образом, концепт ‘Человечество’ в картине мира Д. С. Мережковского неотъемлемо наделен национально-культурной составляющей. По воспоминаниям современников, ментальная ориентация самого писателя, видимо, была неоднозначной: они указывают на его европейскость, недостаточную русскость (В. В. Розанов). Возникает традиционная для русской литературы бинарная оппозиция «Восток – Запад», и осмысление Д. С. Мережковским человечества как национально-культурного феномена также связано с позиционированием себя по отношению как к определенной культуре, так и культуре вообще. И в этом смысле его вывод однозначен: человечество может существовать только в культурном пространстве. Однако игнорировать те отпечатки, которые накладывает на человечество национальная принадлежность индивидуумов, невозможно. В драме «Маков цвет», которую Д. С. Мережковский написал в соавторстве с З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфoвым в 1907 году, идет спор о том, придет ли человечество на смену национальному идеалу. Констатирующие непреложность национально-культурной принадлежности и постулирующие её непреходящую ценность Соня и Борис в финале пьесы приходят к выводу о том, что «жить нельзя». Видимо, жизнеспособной Д. С. Мережковскому представлялась все же иная точка зрения, так как еще в декабре 1892 г. в Петербурге он прочитал публичную лекцию «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в которой говорил об объединяющем народы божественном идеализме. И писатель не отказывается от этой идеи, так как в одно время с «Маковым цветом» уже персонально им написана статья «Грядущий хам» (1906 г.), в которой сделан следующий вывод: «Последний христианский идеал Богочеловечества достигим только через идеал всечеловечества, то есть идеал вселенского, все народы объединяющего просвещения, вселенской культуры. Оставаясь в замкнутом круге своей национальной культуры, ни один народ не может исполнить своего высшего христианского предназначения, не может войти в этот синтетический, всеобъединяющий, вселенский процесс» [7, с. 53]. Следовательно, компоненты концепта ‘Человечество’ являются взаимодополняющими.

Еще один формат анализируемого концепта – «человечество как социальное образование». При наличии социального расслоения рабство, которое, с точки зрения Д. С. Мережковского, является следствием первородного греха, должно быть изжито. Писатель считал, что власть от Бога, а рабство – от дьявола. В конце 1905 года, осмысливая итоги первой русской революции, он пришел к выводу о том, что связь царя и народа порвана и самодержец, будучи призванным служить народу, не выполнил своего предназначения, ставя себя выше и вне законов, а значит, вне человечества. Следовательно, человечество, являясь социальным образованием, должно оставаться духовной общностью и вселенской личностью.

Так происходит потому, что человечество – это аксиологическая категория. В. И. Даль определяет её следующим образом: «Добрые свойства и природа людей, милосердие, любовь к ближнему, сочувствие» [3, с. 588]. На рубеже веков, в преддверии мировых войн Д. С. Мережковский одной из высших ценностей считает человеческую жизнь. И коль скоро человек создан по образу и подобию божьему, то люди, совершающие убийство, поднимают руку не только на человека: «Если бы мы имели глаза, то могли бы прочесть в них свой приговор: мы не только враги Божии, но и враги человечества; богоубийцы — человекоубийцы» [6, с. 19]. Таким образом идея «всемирности» еще раз находит свое подтверждение, а форматы ценностного культурного концепта ‘Человечество’, являясь внутренне непротиворечивыми, дают возможность реконструировать картину мира писателя как форму реализации русской языковой картины мира. Они подтверждают справедливость сделанного В. Я. Брюсовым вывода о том, что «идеалу “вселенской культуры” Мережковский не переставал служить ни на одной из стадий своего развития» [2, с. 301].

Концепт ‘Сверхчеловечество’, находясь в антиномичных отношениях с концептом ‘Человечество’, обнаруживает неразрывную связь с ним и базируется на его ключевых форматах «человечество как духовная общность» и «человечество как вселенская личность». Говоря о «последнем христианском идеале Богочеловечества», Д. С. Мережковский, видимо, имеет в виду и сверхчеловечество, хотя в литературоведческом исследовании «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», полемизируя с В. С. Соловьевым,

он говорит об антагонизме этих двух понятий. И. И. Евлампиев утверждает, что суть этой полемики в божественном или небожественном происхождении заключенных в человечестве «могущественных и благих сил». При этом особенно важно, что «главным “субъектом”, раскрывающим в себе сверхъестественное, сверхчеловеческое могущество, является не отдельный человек, а все человечество» [4, с. 35]. Родоначальником этой концепции исследователь называет В. Ф. Одоевского – писателя, современника М.Ю. Лермонтова, хорошо знакомого как с ним самим, так и с его творчеством. Именно такими качествами позднее будет наделено сверхчеловечество в философии Ф. Ницше, которую разделял Д. С. Мережковский, написавший в труде «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» о том, что путь к Богу можно найти, перебросив «мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу» [5, с. 325]. А значит, сверхчеловечество мыслится как вершинная, заключительная стадия гуманитарной эволюции.

С другой стороны, в указанной работе о М. Ю. Лермонтове Д. С. Мережковский говорит о том, что поэт наделен сверхчеловеческим «воспоминанием о прошлой вечности», памятью об изначальной близости к Богу и высшим законам, утраченной обычными людьми. И тогда сверхчеловечество представляется специфическим экстраординарным свойством, маркирующим отдельных представителей человечества на пути «от Зверя к Богу».

Таким образом, концептографический эскиз культурного концепта ‘Сверхчеловечество’ в картине мира Д. С. Мережковского может быть представлен следующими форматами:

- «сверхчеловечество как стадия гуманитарной эволюции»;
- «сверхчеловечество как экстраординарное маркирующее свойство».

Итак, анализ концептографических эскизов составляющих концептуальной антиномии «Человечество – Сверхчеловечество» в картине мира Д. С. Мережковского позволяет сделать следующий вывод о том, что концепт ‘Человечество’ представлен форматами, реализующими указанную категорию. Форматы же концепта ‘Сверхчеловечество’ отражают варианты интерпретации

обозначенного понятия, каждый из которых, базируясь на ключевых форматах концепта 'Человечество' по сути антиномичен им, описывая важный аспект русской языковой картины мира и указывая на то, Д. С. Мережковский видит пути преодоления цивилизационного кризиса в возможности начала нового этапа гуманитарной эволюции.

Литература

1. Базаров В. Христиане третьего завета и строители башни вавилонской // Мережковский Д. С.: pro et contra. - СПб.: РХГИ, 2001. - С. 197-241.
2. Брюсов В. Я. Д. С. Мережковский как поэт // Мережковский Д. С.: pro et contra. - СПб.: РХГИ, 2001. - С. 280- 341.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С.588.
4. Евлампиев И. И. Идея «сверхчеловечества» в творчестве Владимира Одоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – СПб., 2014. - № 4. – С. 30 – 40.
5. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Серия «Литературные памятники». - М.: «Наука», 2000. – 587 с.
6. Мережковский Д. С. Тайна трех. Египет и Вавилон. - М.: Эксмо, 2005.
7. Мережковский Д. С. Теперь или никогда // Мережковский Д.С. Большая Россия. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – С. 46 – 73.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. - М., 2001. - 824 с.
9. Эллис. О современном символизме, о «черте» и о «действии» // Мережковский Д. С.: pro et contra. - СПб.: РХГИ, 2001. - С. 248-256.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА

О.В. Колесникова, А.С. Грищенко

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Эмоции сопровождают человека на протяжении всей его жизни. На языковом уровне эмоции репрезентируются лексикой, порядком слов, интонацией и фразеологическими конструкциями.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью изучения класса эмотивной лексики на материале современных художественных произведений. Все большее внимание лингви-

стов привлекают идеи классификации эмотивной лексики и анализ ее отдельных лексико-семантических групп.

Предмет работы — единицы эмотивной лексики в сборнике рассказов С. Д. Довлатова «Чемодан». Общее количество исследуемой эмотивной лексики составляет 334 единицы.

Цель — классификация эмотивной лексики в произведении С. Д. Довлатова «Чемодан» и анализ, выделенных нами, ее лексико-семантических групп.

Эмоции — одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности. Для этих же целей используется термин *чувства*. По мнению В. С. Дерябина, эмоции и чувства очень часто невозможно отделить друг от друга, потому что между ними нет четких границ [3, 99]. Однако анализ толковых и психологических словарей показал, что эмоции и чувства неравнозначны и имеют существенное отличие, которое обнаруживается в интенсивности и протяженности их проявления. Чувства являются устойчивым явлением, а эмоции — ситуативны.

Эмотивная лексика выполняет очень важные функции в художественном тексте:

- 1) Описательно-характерологическую — создает психологический портрет образа персонажа.
- 2) Интенциональную — открывает для читателей внутренний образ автора и его эмоциональный мир.
- 3) Эмоционально-регуляторную — воздействует на читателя, вызывая у него определенные чувства и эмоции, согласно задумке автора.
- 4) Интерпретационную — эмоционально разъясняет мир в художественном тексте для читателя.
- 5) Эмоционально-оценочную — оценивает мир художественного текста и его эмоциональную окраску [2, с.156].

Все вышеперечисленные функции являются необходимой частью художественного текста, ведь каждая из них помогает раскрыть определенный образ, дает нам возможность лучше понять автора.

В нашем исследовании была классифицирована эмотивная лексика, представленная в сборнике рассказов С. Д. Довлатова «Чемодан». В результате анализа мы получили процентное соот-

ношение морфологических классов эмотивной лексики, которое представлено на диаграмме (см. диагр. 1).

Классификация эмотивной лексики в сборнике рассказов С. Довлатова

"Чемодан"

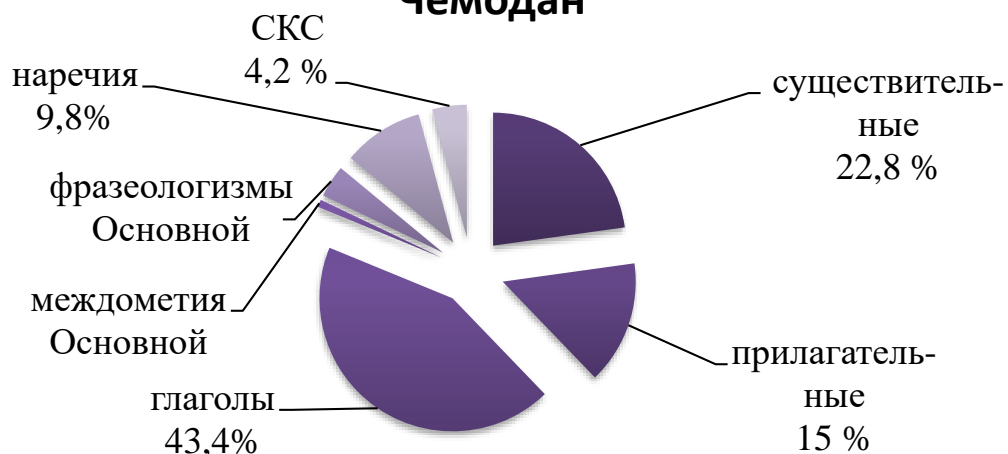

Диаграмма 1.

Глагол — часть речи, которая наиболее ярко и разнообразно репрезентирует эмоции человека, потому что способна подробно передать всю гамму эмоциональных переживаний. Эмотивные глаголы составляют наибольшую часть эмотивной лексики в произведениях С. Довлатова (43,4 %).

Мы рассматриваем несколько лексико-семантических групп эмотивных глаголов (далее ЛСГ):

1) ЛСГ глаголов эмоционального состояния (радоваться «*Сейчас я могу этому только **радоваться***» («Поплиновая рубашка»)), изнывать «*Все мои друзья **изнывали** под бременем гениальности*» («Куртка Фернана Леже») и т.д.) (2,4 %);

2) ЛСГ глаголов эмоционального воздействия (надоедать «*Кроме того, он мне **надоел***» («Куртка Фернана Леже»), угнетать «*Меня **угнетали** торчащие из-под халата ноги*» («Поплиновая рубашка») и т.д.) (4,2 %);

3) ЛСГ глаголов эмоционального отношения (завидовать «*Я всегда **завидовал** тем, кому это удается*» («Креповые финские носки»), ненавидеть «*В семь лет я уверял маму, что **ненавижу** фрукты*» («Куртка Фернана Леже») и т.д.) (10,2 %);

4) ЛСГ глаголов внешнего проявления эмоций (плакать «*Мать плакала. Лена была поглощена заботами. Я отодвинулся на задний план*» («Поплиновая рубашка»), улыбаться «*Даже, помню, улыбался*» («Офицерский ремень») и т.д.) (19,5 %);

5) ЛСГ глаголов становления состояния (полюбил «*В одиннадцать – полюбил читать*» («Куртка Фернана Леже»), погибать «*Сергея, погибаю, испекся! В четверг товарищеский суд!*» («Офицерский ремень») и т.д.) (7,1 %).

Довольно большую группу представляют эмотивные существительные (22,8 %). В рамках данной группы функционирует несколько ЛСГ:

1) ЛСГ мотивированных существительных (раздражение «*Но и в голосе майора крепко раздражение*» («Офицерские перчатки»), волнение «*Но я почему-то испытывал болезненное волнение*» («Поплиновая рубашка») и т.д.) (7,5 %);

2) ЛСГ немотивированных существительных (ужас «*Я в ужасе, старик! Пойми, я в ужасе!*» («Зимняя шапка»), страх «*Приближаясь к толпе, я испытывал страх*» («Шоферские перчатки») и т.д.) (9,6 %);

3) ЛСГ конкретных существительных (гад «*Пропили Россию, гады!*» («Шоферские перчатки»), оболтус «*А мой оболтус любит только шоколад*» («Куртка Фернана Леже») и т.д.) (5,7 %).

Эмотивные прилагательные составляют третью по численности группу эмотивной лексики в сборнике рассказов «Чемодан» (15 %). Среди них выделяются 4 ЛСГ:

1) ЛСГ прилагательных эмоционального состояния (невозмутимый «*Зато водитель оставался совершенно невозмутимым*» («Шоферские перчатки»), растерянный «*Откровенно говоря, я был немного растерян*» («Куртка Фернана Леже») и т.д.) (2,7 %);

2) ЛСГ прилагательных эмоционального отношения (гнусный «*Настроение у меня было гнусное*» («Зимняя шапка»), злополучный «*Нам предстояло вывесить свой злополучный рельеф*» («Номенклатурные полуботинки») и т.д.) (3 %);

3) ЛСГ прилагательных каузации состояния (оскорбительный «*К тому же их любовь носила оскорбительный для меня характер*» («Зимняя шапка»), ненавистный «*Кажется, я ска-*

зал ему, что Румыния мне **ненавистна...**» («Куртка Фернана Леже») и т.д.) (3 %);

4) ЛСГ прилагательных бытийного состояния (печальный «*И везде моя жена казалась самой **печальной***» («Поплиновая рубашка»), радостный «*На секунду появился мой брат, возбужденный и **радостный***» («Зимняя шапка») и т.д.) (6,3 %).

Среди эмотивной лексики выделяются наречия (9,8 %), которые делятся на несколько ЛСГ:

1) ЛСГ наречий, характеризующих действия (отвратительно скрипела «*Крышка термоса при этом **отвратительно скрипела***» («Шоферские перчатки»), визгливо хохотать «*Стоило моему брату произнести любую глупость, как женщины начинали **визгливо хохотать***» («Зимняя шапка») и т.д.) (7,4 %);

2) ЛСГ наречий, характеризующих признаки (прекрасно «***Прекрасно**, - говорю, - дай мне номер его телефона*» («Приличный двубортный костюм»), оскорбительно «*Для меня ее поведение было **оскорбительно***» («Зимняя шапка») и т.д.) (2,4 %).

Слова категории состояния являются малоизученными, однако они также представлены как отдельная категория слов в составе эмотивной лексики (4,2 %). Данная группа возникла в результате сложного грамматического переплетения функций и свойств имени, глагола и наречия [1, 68-69]. В их составе выделяются следующие ЛСГ:

1) ЛСГ отрицательных слов категории состояния (ужасно «*Короче, все было **ужасно***» («Креповые финские носки»), тошно «*Мне вдруг стало **тошно***» («Приличный двубортный костюм») и т.д.) (2,7 %);

2) ЛСГ положительных слов категории состояния (весело «*Он **весело** крикнул: “Дела – хоть лезь под нары!”*» («Офицерский ремень») и т.д.) (1,5 %).

Междометия – это разновидность эмотивов-экспрессивов. Набор эмоций, которые выражаются междометиями, ограничен определенными эмотивными смыслами: горе, гнев, равнодушие, презрение, досада, раздражение, негодование, сомнение, смех, радость, восторг, спокойствие, восхищение и удивление [1, 69-70]. Однако в сборнике рассказов «Чемодан» междометий крайне мало (0,9 %). Среди них можно выделить три ЛСГ:

1) ЛСГ междометий радости (слава Богу «*Ломоносов, слава Богу, висел на прежнем месте*» («Номенклатурные полуботинки»)) (0,3 %);

2) ЛСГ междометий досады (увы «*Увы, монументальная скульптура – жанр весьма консервативный*» («Номенклатурные полуботинки»)) (0,3 %);

3) ЛСГ междометий негодования (боже мой «*Боже мой, чем все это кончится? Чем это кончится?*» («Зимняя шапка»)) (0,3%).

В отдельную ЛСГ выделяются фразеологизмы и устойчивые выражения (округлить глаза «*Миц округлил глаза: “Холидей? Русский умелец – Холидей? Потомок Левши – Холидей? Ты шутишь?!”*» («Приличный двубортный костюм»)), чаша терпения переполнилась «*Это, говорят, неважно, чаша терпения переполнилась*» («Офицерский ремень») и т.д.) (3,9 %).

Проанализировав морфологические классы эмотивной лексики в сборнике рассказов С. Довлатова «Чемодан», мы убедились, что наибольшее количество эмотивной лексики приходится на глаголы, далее с небольшой разницей в количественном отношении – существительные, прилагательные и наиболее малочисленные ЛСГ наречий, слов категории состояния, фразеологизмов и междометий. В большинстве случаев в этих группах преобладают лексемы с отрицательными коннотациями (глаголы эмоционального состояния, глаголы эмоционального воздействия, прилагательные каузации состояния, прилагательные эмоционального отношения, а также фразеологизмы). Это связано с тем, что все люди ярче проявляют свои отрицательные эмоции, чем положительные. Мы анализируем также ЛСГ, в которых количество лексем с позитивными и негативными коннотациями практически совпадает (глаголы эмоционального отношения, прилагательные бытийного состояния).

Литература

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: [монография]. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1989. – 184 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 496 с.
3. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции. – Л.: Наука, 1980. – 258 с.

4. Дмитриева Е. Г., Акимова Э. Н. Функции эмотивной лексики в повести о Петре и Февронии // Вестник Волгоградского государственного университета. – № 2. – 2011. – С. 45-49.
5. Довлатов С. Д. Чемодан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/chemodan.html>.
6. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 271 с.
7. Психологический словарь / [Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского] – М., – 494 с.
8. Толковый словарь русского языка / [Под. ред. Д. Н. Ушакова] – Режим доступа: http://slovoonline.ru/slovar_ushakov/.
9. Философский энциклопедический словарь / [Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов] – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций лексико-семантической системы языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.

**«СВЕТЛЫХ МЫСЛЕЙ КРАСОТА...»
СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «ПОЭТ И ТОЛПА»
И «ПОЭТУ» НА ШКОЛЬНОМ УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

И.М. Колтухова

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

После многолетних и многократных заверений, что Пушкин – это наша святыня, «наше все» хватило примерно полутора десятилетий, чтобы под ногами «поколения пепси» культурный фундамент осел и размылся. Многие учителя пошли по пути наименьшего сопротивления и, смирившись с «ситуацией нечтения», пересказывают фабулу прозаического текста, а анализ лирического заменяют историей создания, стараясь найти побольше пикантных подробностей из жизни автора.

Однако шестнадцатилетние и семнадцатилетние все равно задумываются о вечных вопросах: в чем смысл жизни, как быть, если «ум с сердцем не в ладу», что такое поэзия. Опыт показывает, что нынешние старшеклассники вполне способны вести диалог с учителем о стихах и охотно откликаются эмоционально и интеллектуально. Правда, при этом необходимо, чтобы урок ли-

тературы на самом деле становился совместным интеллектуальным поиском учителя и учеников.

Стихотворение Пушкина «Поэт и толпа» и сонет «Поэту» разделены по времени написания менее чем двумя годами. Один из возможных вариантов сопоставительного анализа двух этих произведений и предлагается в данной статье.

Начинаем с традиционного вида работы – анализа функции заглавия. Предлагаются вопросы: О чем говорит название? Какие ассоциации вызывает слово «толпа»? Как правило, следует ответ, что толпа – это сборище людей, охваченных какими-то эмоциями. Часто старшеклассники отмечают, что эти эмоции не поддаются контролю и толпа склонна к агрессии. Есть ли у этого слова синонимы в тексте? – Народ и чернь. Школьники к понятию «народ» привыкли относиться с уважением. Обычно говорят, что это люди, живущие на определенной территории, имеющие общую историю, общий язык и национально-культурные традиции. Однако нет ли других значений у этого слова? Например, у А.К. Толстого:

*У приказных ворот
Собирался народ густо,
Говорит в простоте,
Что в его животе пусто. [2].*

Здесь слово «народ» обозначает просто множество людей и близко к слову «толпа». «Чернь» – слово устаревшее. Так презрительно именовали людей низших, непривилегированных классов. Но у Пушкина в дневниках поэта и в «Онегине» встречаем словосочетание «светская чернь». «Светом» как раз именовались представители высшего общества, так что это характеристика не социальная, а моральная и интеллектуальная. Итак, синонимы явно контекстуальные. Какие из них имеют наиболее ярко выраженную негативную окраску? – «Чернь» и «толпа». В первоначальной редакции стихотворение и называлось «Чернь». Почему же окончательный вариант называется «Поэт и толпа»? Такое заглавие готовит читателя к восприятию острого конфликта, переданного в диалоге, приобретающем характер драматической сценки.

Можем ли мы определить место и время действия? Здесь явно присутствует связь с эпохой античности. Что на это указывает? Эпиграф на латыни из Вергилия («Прочь, непосвященные»).

Еще это лира, статуя Аполлона Бельведерского, алтарь, жертвоприношение, жрецы.

Что мы знаем о лире? Это древнейший музыкальный инструмент, который стал символом поэзии. Каков эпитет к слову «лира»? – «Вдохновенная». Пушкин следует сложившейся литературной традиции и в то же время выражает свой взгляд на творчество как на нечто великое и священное.

«Поэт по лире вдохновенной рукой рассеянной бряцал». Почему «рассеянной»? – Поэт одинок, отделен от всех, сосредоточен на том, что происходит в его внутреннем мире. Как охарактеризованы люди, окружающие его? – «Народ непосвященный», «хладный и надменный», «чернь тупая». Почему они получают сразу негативную характеристику? Толпа внимает песне поэта «бессмысленно». Это полное безразличие? – Нет, поэт «сердца волнует, мучит». Эмоциональный отклик есть, но песня вызывает раздражение своей непонятностью. Сравнение с «чародеем» свидетельствует о том, что раздражение смешано с почти суеверным страхом. Толпа видит в поэте и его песне некую таинственную силу, угрозу быть вырванной из мира привычных представлений и забот.

Сравним два глагола. Автор говорит о поэте «бряцал», а толпа считает, что поэт на лире «бренчит». Стилистически между ними огромное различие. *Бряцать* – слово высокого книжного стиля, а разговорное *бренчит* – звучит пренебрежительно. В поведении «черни» смешаны наглость и трусливая униженность.

Ценит ли толпа свободу? «*Как ветер, песнь его свободна, Зато как ветер и бесплодна*». Возникает неожиданная антитеза: противопоставление свободы и пользы. Постараться понять песню толпа не в состоянии: «*Какая польза нам от ней?*», «*Чему нас учит?*» Если нет прямого поучения, то она «*напрасно ухо поражает*».

Поэт издевательски замечает, что при таком отношении к искусству даже «кумир Бельведерский» можно оценить только «на вес». Обращаем внимание на семантику слова «кумир». У современных школьников обычно возникает ближайшая ассоциация со звездами кино и эстрады. Они так и говорят: «Кумир – это «звезда» (т.е. предмет восхищения и преклонения). Совершенно необходимо обратиться к первому значению – статуя языческого бога

– и прокомментировать крылатое выражение «не сотвори себе кумира». О знаменитой скульптуре Леохара, к сожалению, никто, как правило, не слышал. Но репродукцию рассматривают с большим интересом и замечают, что Аполлон, хотя и изображен стоящим неподвижно, кажется одновременно и легко идущим, почти скользящим. Он воплощает в себе идеал прекрасного. «Печной горшок» и прекрасная статуя, пища материальная и пища духовная... Есть ли здесь противоречие и легко ли его разрешить?

В ходе дискуссии (одни участники разговора утверждают, что людям, которым тяжело достается хлеб насущный, не до искусства, а другие считают, что в самые трудные моменты жизни оно поддерживает и укрепляет) приводятся самые разные аргументы и примеры. Делается общий вывод, с которым в конечном итоге соглашаются все: материальное благополучие не является гарантией духовного развития, а человек даже в самой глубокой материальной нищете имеет духовные потребности.

Как реагирует толпа на гневную отповедь поэта? В обращении к поэту «чародей» сменяется на «небес избранник» и «божественный посланник». Толпа пытается поставить поэту свои условия: «дар» нужно употреблять ей на благо: «Давай нам смелые уроки, а мы послушаем тебя». Почти все ученики замечают двусмысленность этого «послушаем». «Послушаем» – вовсе не означает «пойдем», звучит почти издевательски. Почему же поэт отвергает толпу, которая вроде бы раскаивается в своих грехах, предается самоуничтожению («мы малодушны, злы, коварны...»)? Он не верит искренности этих людей. В обвинениях, брошенных поэтом в адрес «черни», ключевое слово «рабы». «Рабы безумные» – это не те, кто страдает от внешнего принуждения. Рабство – это состояние духа, неспособность полноценно чувствовать и мыслить. Раб проявляет агрессию и боится окрика, бездумно и слепо следует за вождем. Если поэт захочет возглавить толпу, поддастся соблазну властвовать, он перестанет быть поэтом, утратит свой дар. А его талант дан свыше, поэтому он и уподобляет себя жрецу, далекому от «житейских волнений». Его участь – «звуки сладкие» и «молитвы».

Значит ли это, что поэт в стихотворении тождествен самому автору и его позиция – это позиция самого Пушкина? Поэт, защищая свою свободу, относится с отвращением к людям мертвым духовно: «Душе противны вы, как гробы», его позиция – их полное

неприятие. Драматизированная форма выбрана для того, чтобы показать объективную истину, чтобы поставить перед читателем вопросы, на которые он должен найти ответы сам.

В чем же сходство и различие с сонетом «Поэту», написанным в 1830 году? Сходные мотивы отмечают сразу: это осуждение толпы, неспособной дать справедливую оценку творениям поэта. «Восторженные похвалы» сменяются «смехом глупца». Это понимание свободы как высшей ценности и первого и необходимого условия творчества: «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...» В то же время позиция поэта представлена по-иному. Значительно более полно раскрываются понятия свободы и творчества. Лирический герой адресуется другому поэту, а по сути дела обращается к самому себе. Истинное творчество – «подвиг благородный», поэт бескорыстен. Его требование полной свободы – это не капризное своеволие, потому что он «всех стороже оценить» сумеет свой труд. В рукописи Пушкин несколько раз менял эпитет, характеризующий поэта. Вначале «божественный художник», затем «увенчанный» и в конечной редакции он оставил слово «взыскательный».

В сонете также присутствует сравнение поэта с жрецом, поддерживающим божественный огонь. Толпа «плюет на алтарь», кощунствует, оскорбляет самое святое. Но отношение к ней у лирического героя несколько иное, чем персонажа «Поэта и толпы», более мудрое и снисходительное. Невежественные люди уподобляются неразумным детям: «И в детской резвости колеблет твой треножник».

Актуальны ли прочитанные нами стихотворения? Мы не анализировали творческие и биографические обстоятельства их написания, хотя они весьма важны. Совместно проделанный со школьниками анализ помогает им задуматься о назначении искусства, об отношении к нему, о сложных связях искусства и жизни. Разговор можно и нужно продолжить, выходя на рассмотрение темы поэта и поэзии у Пушкина, шире – в русской литературе.

Литература

1. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1984. - 496 с.
2. Толстой А.К. "У приказных ворот..." Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=16346>

ОБРАЩЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЙ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ ТЕЛЕВЕДУЩИХ НОВОСТНЫХ ПРОГРАММ)

Е.А.Коновалова

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

ВВЕДЕНИЕ

Массовая коммуникация в эпоху глобализации имеет огромное влияние на формирование современного речевого этикета. СМИ являются примером и источником установления речевых этикетных формул среди подрастающего поколения. Сфера информационного обслуживания активно использует как традиционные формы, так и новые, заимствованные, не свойственные русскому речевому поведению правила. «В качестве основного фактора, обуславливающего актуальность исследования, выступает необходимость изучения проблем успешности речевой коммуникации в новых коммуникативно-речевых ситуациях, обусловленных глобализацией мировой информационной среды и расширением международных контактов» [1, с. 42].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Под речевым этикетом традиционно понимают национально-специфические правила речевого поведения и систему определенных формул общения, регулирующих взаимоотношения людей. Тактики и стратегии, формулы и закономерности речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что воспринимаются наивным языковым сознанием как часть естественного закономерного поведения людей» [1, с.53]. «Если исходить из представления о том, что этикетными формулами говорящий моделирует некую рамку речевого события, определяемую коммуникативным намерением, то такие виды фатических речевых жанров, как приветствие, извинение, прощание и некоторые другие, становятся особо важными как в повседневной, так и в деловой коммуникации. Особую роль в создании коммуникативной рамки играют обращения, которые зачастую определяют ход общения [3, с.54].

В связи с этим особенно актуальным становится изучение влияния на речевую культуру информационной среды, в частности телевизионных информационных программ.

«Со второй половины XX в. основное влияние на речевую культуру российского общества оказывают СМИ, а не художественная литература. В XXI в. это влияние осуществляется, прежде всего, не через печатные СМИ, как это было совсем недавно, когда многие выписывали не одну газету и журнал, а через телевидение и все больше через Интернет. Влияние СМИ на речевую культуру общества во многом, конечно, положительно, поскольку в основе их работы лежит использование литературного языка. Однако в конце XX в. ошибочная ориентация СМИ на речь масс (быть ее зеркалом) привела в СМИ журналистов без специальной (филологической) подготовки. В СМИ стали цениться не знания и правильность речи, а раскованность, способность говорить, а не читать чужой текст» [2, с. 6]. В результате современный язык СМИ под влиянием английского речевого этикета активно изменяет традиции употребления формул русского речевого этикета, ранее всегда строго соблюдавшейся. Речевой этикет является отражением языковой и концептуальной картин мира, следовательно, изменяя формулы речевого этикета можно изменить содержание картин мира. «Узаконили» именование людей без отчества, чуждое русскому официальному и даже неофициальному (допускающему отчество без имени) этикету. Прививают публичное обращение к коллегам на *ты* и по имени, даже неофициальному (Наташа, Света, Сережа, Саша). Если так можно в эфире, значит, можно и в жизни? Тем более что это звучит постоянно и в новостях...» [2, с.7].

«Сейчас в русском речевом этикете наблюдается тенденция к более широкому употреблению сокращенных имен в официальной обстановке, часто это происходит под влиянием американского речевого этикета. Молодые люди в сфере обслуживания, на выставках, в офисах часто носят таблички с сокращенными именами, без фамилий и отчеств. Кроме того, часто сокращенные имена могут употребляться и в сфере шоу-бизнеса, журналистики» [4, с.18]. В русском речевом этикете четко разграничивают правила употребления формул в официальной и неофициальной обстановке.

Вы применяется в официальной обстановке, **ты** — в неофициальной. С хорошо знакомым человеком, с которым в общении установлено общение на **ты**, в официальной обстановке необходимо переключение на **вы**-общение. «...в последнее время в средствах массовой информации, особенно на телевидении, нам предлагают (конечно, слепо заимствуя американскую манеру фамильярно-дружеской тональности) общение взрослых, известных стране, уважаемых людей на ты и по именам. Устраивается на телеэкране некий «междусобойчик», при этом не учитываются вкусы телезрителей, которым это может казаться неуместным — ведь разговор идет в официальной обстановке и обсуждаются серьезные вопросы. Тут более всего подходит наше национальное имя-отчество в сочетании с Вы» [6, с.21].

Мы рассмотрели употребление ты-/Вы форм общения в телевизионных программах телеканала «Россия». Предметом исследования стала диалогическая речь телеведущих новостных программ. Форма диалога относительно недавно стала частью новостных программ. Используя возможности общения в реальном времени, журналисты вместе с техническими возможностями практически полностью копируют правила речевого поведения зарубежных журналистов, что во многом не соответствует правилам русского речевого этикета. Например, при общении в прямом эфире журналисты, общаясь с коллегами, никогда не используют обращение по имени-отчеству.

В официальной обстановке принято использовать Вы-форму. Эту форму журналисты употребляют чаще, используя форму приветствия «здравствуйте» (87%).

Диктор: «*Дмитрий*, здравствуйте! Вопрос сначала к Вам!» (Россия-1. Вести. 23.02.2017).

Корреспондент: «Здравствуйтесь, *Денис!*» (Россия-1. Вести. 23.02.2017).

Кирилл Лушинский (корреспондент) диктору: «*Татьяна*, здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 28.01.2014).

Диктор: «*Андрей*, здравствуйтесь, вам слово» (Россия-1. Вести. 27.01.17).

Диктор: «Здравствуйтесь, *Дмитрий*, спасибо за поздравление!» (Россия-24. Вести. Дежурная часть. 25.02.2017).

Корреспондент: «Да, *Мария*, здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 22.02.2017).

Диктор: «*Мария*, здравствуйте! Что сейчас с погодой в регионе?» (Россия-24. Вести. 22.02.2017).

Форма приветствия «здравствуйте» в официальной обстановке связывается с полной формой имени или именем-отчеством, но в речи телеведущих это приветствие сочетается с сокращенным именем (7,4%).

Евгений Попов: «*Саша*, Здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 21.05.2016).

Диктор: «*Настя*, здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 30.03.2016).

Диктор: «*Саша*, Здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 29.12.2015).

Диктор: «*Маша*, Здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 21.05.2016).

Диктор: «Здравствуйте, *Ира*!» (Россия-24. Вести. 02.02.2017).

Корреспондент: «*Саша*, Здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 20.05.2016).

С приветствием «здравствуйте» ведущие употребляют звательную форму имени (4,9%), что не соответствует официально-деловому функциональному стилю.

Диктор: «*Регин*, здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 30.03.2016).

Диктор: «*Даш*, здравстуй!» (Россия-24. Вести. 29.03.2016).

Диктор: «*Елен*, Здравствуйте!» (Россия-24. Вести. 28.03.2015).

Диктор: «*Кать*, Здравствуйте...» (Россия-24. Вести. 20.02.2017).

При использовании формы этикета «приветствую» телеведущие чаще используют неформальный стиль при обращении к собеседнику. Вы- обращения (полная форма имени) в сочетании с «приветствую» — 71,2%.

Евгений Попов (репортер): «Да, приветствую, *Ольга*» (Россия-1. 60 минут. 16.01.2017).

Диктор: «*Виталий*, я приветствую!» (Россия-24. Вести. Дежурная часть. 11.02.2017).

Диктор: «*Максим*, приветствую» (Россия-24. Вести. 28.01.2017).

Диктор: «*Николай*, приветствую!» (Россия-24. Вести. 23. 02.2017).

Диктор: «*Елена*, еще раз приветствую!» (Россия-24. Вести. 23.02.2017).

Диктор: «*Анастасия*, приветствую!» (Россия-24. Вести. 16.02.2017).

Диктор: «*Екатерина*, приветствую!» (Россия-24. Вести. 17.02.2017).

Диктор: «К нам присоединяется Татьяна Петрова. *Татьяна*, приветствую». (Россия-24.Вести. 06.02.2017).

Сокращенная форма имени, как правило сопровождается Ты- обращением — 9,6 %.

Ольга Скобеева: «*Женя*, приветствуем тебя!» (Россия-1. 60 минут. 16.02.2017).

Диктор: «*Настя*, приветствую!» (Россия24. Вести. Прямой эфир. 07.07.2016).

Диктор: «*Аня*, приветствую!» (Россия-24.Вести. 27.01.2014).

Звательная форма имени в сочетании с «приветствую» стала частью речи телеэфира (19,2%).

Диктор: «*Татьян*, приветствую, с именинами!» (Россия-1. Вести.doc. 22.03.2016).

Диктор: «*Ань*, приветствую!» (Россия-24. Вести. 22.02.2017).

Диктор: «*Кать*, еще раз приветствую вас!» (Россия-24. Вести. 20.02.2017).

Диктор: «*Гош*, еще раз приветствую!» (Россия-24. Вести. 23.02.2017).

Диктор: «*Маш*, приветствую! Расскажи, что значит это открытие для человечества.» (Россия-24.Вести. 01.04.2016).

Диктор: «*Жень*, я вас приветствую!» (Россия-24. Вести. 22. 11. 2016).

В качестве обращений в новостных программах телевидения используют полные имена (Вы-обращения), сокращенные имена (Ты-обращения) и звательную форму имени.

Полные имена телеведущие используют чаще (78,4%).

Диктор: «*Ирина*, доброе утро! Так к чему все эти изменения приведут?» (Россия-24. Вести. 22.09.2016)

Диктор: «Спасибо, *Ирина*». (Россия-24.Вести. 17.10.2016).

Ведущая: «*Светлана*, Вам слово!» (Россия-1. Вести.doc. 14.07.2016).

Корреспондент диктору: «Видите ли, *Андрей...*» (Россия-24. Вести. 14.05.2016).

Диктор: «*Николай*, какие заявления звучат сегодня?» (Россия-1. Вести. 23.02.2017).

Ольга Скабеева: «Что всё это значит, *Аркадий?*» (Россия-1. Вести.doc. 28.06.2016).

Диктор: «*Юрий*, пропало, действительно, немало». (Россия-24. Вести. Дежурная часть. 09.11.2016).

Диктор: «*Максим*, расскажите, пожалуйста, что сейчас происходит?» (Россия-24. Вести. Дежурная часть. 22.02.2017).

Корреспондент: «*Мария*, к этой минуте у меня всё» (Россия-24. Вести. 23.02.2017).

Сокращенные имена, которые принято использовать только в неофициальной обстановке, в речи телеведущих составляют 11,4 %.

Ведущая: «*Настя*, расскажите нам, пожалуйста..» (Россия-1. Вести.doc. 22.03.2016).

Журналист: «*Оля*, можно ухватиться за одну фразу, которая была сказана?» (Россия-1. Вести.doc. 31.05.2016).

Репортер: «Расскажи, пожалуйста, *Катя*, что ты видела?» (Россия-24. Вести. Дежурная часть. 18.02.2017).

Корреспондент: «*Катя*, вам слово» (Россия-24. Вести. 30.03.2016).

Диктор: «Да, *Лена*, слушаю Вас!» (Россия-24. Вести.02.05.2014).

Корреспондент: «*Дима*, добрый день!» (Россия-24. Вести. 11.01.2016).

Ведущая: «*Настя*, расскажите нам, пожалуйста...» (Россия-1. Вести. 13.10.2016).

Корреспондент: «Да, *Настя*, вы правы!» (Россия-24. Вести. 18.01.2015).

Звательная форма имени также присутствует в речи телеведущих новостных программ (10,2%).

Диктор Татьяна Столярова: «*Маиш*, приветствую! Так что же произошло с китами?» (Россия-24. Вести. 22. 09. 2016).

Ольга Скобеева: «*Саиш*, скажи еще, пожалуйста...(Россия-1. 60 минут. 13.01.2017).

Ольга Скобеева репортеру: «Мы сегодня читали *твой* репортаж, *Жень*, в «Комсомольской Правде». *Ты* написал там, что пообщался с одним из подчиненных...» (Россия-1. 60 минут. 23.01.2017).

Диктор: «Сейчас к нам присоединяется Татьяна. *Татьян*, приветствую!» (Россия-24.Вести. 26.12.2016).

Диктор: «*Гуль*, доброе утро!» (Россия-24.Вести. 30.03.2016).

Корреспондент: «Доброе утро, *Маиш*» (Россия-24. Вести. 30.03.2016).

Диктор: «Да, *Гуль*, спасибо!» (Россия-24.Вести. 30.03.2016).

Диктор: «Да, *Маиш*, самое главное». (Россия-24. Вести. 04.04.2016).

Диктор: «*Кать*, почему сейчас эти проекты вызывают недоверие?» (Россия -24. Вести. 14. 06.2014).

Диктор: «*Елен*, расскажите, что происходит?» (Россия-24. Вести. 07.03.2016).

ВЫВОДЫ

Телеведущие, обращаясь друг другу, не используют именотчества, а только полные имена, общепринятые сокращенные

имена и звательную форму имени. При этом формы обращений к мужчинам и женщинам имеют существенные различия.

Таблица. Использование форм имени в функции обращения.

№	Форма обращения	к мужчине	к женщине	Общее количество
1	По имени-отчеству	0%	0%	0%
2	Полное имя	91,5%	63,5%	78,4%
3	Сокращенное имя	4,5%	19%	11,4%
4	Звательная форма имени	4%	17,5%	10,2%

«Гендерные установки проявляют себя, прежде всего в формах (сценариях) речевого поведения» [5, с.23]. К мужчинам обращаются в основном полной формой имени, что соответствует официальному стилю. А женщины предпочитают неформальное общение.

Таким образом, средства массовой информации в официальном стиле общения не соблюдают этические нормы речевого этикета, которые касаются в первую очередь обращения на «ты» и «вы», выбора полного или сокращенного имени, выбора обращения по имени-отчеству.

Литература

1. Ефремов В. А. Речевой этикет: обращения в современной речи / В. А. Ефремов // Русская речь. — 2009. — № 6. — С. 53–59.
2. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Речевой этикет в СМИ как фактор влияния на речевую культуру российского общества / М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика. —2015. — вып. 1. — Том 15. — С. 5–9.
3. Нестерова Н.Г., Артамонова Л.В. Речевой этикет в современном радиодискурсе / Н.Г. Нестерова, Л.В. Артамонова // Язык и культура. — 2013. — № 1 (21). — С. 42-53.
4. Пахомова И. Н. Новые явления в русском речевом этикете : на материале средств массовой информации : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Пахомова Инна Николаевна; [Место защиты: Гос. ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина]. - Москва, 2008. - 188 с.
5. Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию : Материалы к спецкурсу. / Л.Н. Синельникова, Г.Ю. Богданович. — Симферополь, 2001. — 40 с.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. / Н.И. Формановская. — М. : Рус. Яз., 2002. — 160 с.

ОНОМАСТИКА РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ВРАГИ»: СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Пономаренко

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»
Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
(Симферополь)

Исследователи произведений А.П. Чехова – Е.С. Добин, А.В. Кубасов, Э.А. Полоцкая, Л.М. Борисова, А.П. Чудаков и др. – отмечают особую творческую манеру писателя, которая проявляется в использовании художественных приёмов и разнообразных выразительных средств: деталей, мотивов, умолчаний, слов-сигналов. По этому поводу Н.Н. Ничик пишет, что «внимание А.П. Чехова к средствам номинации – слову или словосочетанию – проявляется в тщательной разработке их семантического потенциала. Прямые, нетропеические значения получали тонкую нюансировку и семантическую глубину в художественном контексте» [4, с.155].

Предметом нашего анализа являются имена собственные в рассказе А.П. Чехова «Враги», которые персонифицируют конфликт и создают семантико-стилистическое единство художественного произведения.

Рассказ А.П. Чехова «Враги» был опубликован в январе 1887 года. В это же время в Москве проходил II Съезд русских врачей памяти Н.И. Пирогова, где были намечены задачи и перспективы развития общественной медицины в России. Темы взаимоотношения врача и пациента, тяжёлых условий жизни и работы врачей, необеспеченности населения врачебной помощью к тому времени уже нашли отражение в произведениях писателя. Статьи и рецензии на рассказ «Враги», появившиеся после съезда врачей, отмечали актуальность темы и остроту проблематики этого произведения. Многие современники (И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, В.А. Гольцев, Дора Жук) относили рассказ к числу лучших творений А.П. Чехова.

В рассказе «Враги» А.П. Чехов использует традиционный для литературы приём «говорящих фамилий». Антропонимы, именующие персонажей рассказа, немногочисленны, но семантика каждого из них сообщает имени символический смысл. С од-

ной стороны, антропонимы: *Кирилов, Абогин, Папчинский, Гнучев, Лука* – это имена и фамилии, реально существовавшие в до-революционной России. С другой стороны, каждый из этих антропонимов имеет широкое ассоциативное поле, в основе которого лежат семантико-коннотативные связи социального и культурно-исторического характера. Речь идёт о символе как текстовой стратегии, которую У. Эко предлагает называть *символическим модусом*: «Символ возникает только в контексте, и тогда им может стать любой образ, слово, предмет. <...> Внимание к символическому модусу рождается, когда мы обнаруживаем, что в тексте есть нечто такое, что производит определённое впечатление, хотя без этого можно было бы обойтись, и задаёмся вопросом, зачем оно там» [9, с.192-193].

Повествование в рассказе «Враги» сосредоточено на взаимоотношениях главных героев, образующих два противоположных «мира»: «мир» доктора Кирилова и «мир» дворянина Абогина. Кирилов – земский доктор, верный традициям русской медицины, который, несмотря на личное горе (смерть единственного сына), едет в имение Абогина, чтобы спасти его жену от сердечного приступа.

«Ключом» к пониманию образа доктора Кирилова является каноническое мужское личное имя *Кирилл*, которое выполняет роль производящей основы для антропонима *Кирилов*: «– Доктор у себя? – быстро спросил вошедший. – Я дома, – ответил **Кирилов**» [8, с.30]. В переводе с древнегреческого Кирилл – Κύριλλος, означает «господин», «владыка» [3, с.52]. Обращает на себя внимание тот факт, что в тексте произведения фамилия представлена с одной *л* (по правилам современной русской орфографии такая фамилия пишется с удвоенной *л*). Может возникнуть предположение, что в рассказе написание фамилии с одной согласной влечёт за собой дополнительный смысл. Однако в конце XIX – первой трети XX века существовала двойная норма – такая фамилия писалась с одной *л* или с двумя.

Имя собственное *Кирилл*, восходящее к Κύριλλος, – одно из распространённых личных имён в русском именнике. Оно часто встречается в христианской ономастике и топонимике. Так, с давних времён в России почитается имя духовного проповедника

славян, создателя славянской азбуки святого *Кирилла Солунского*. Наиболее известным монастырём русского севера является основанный в 1397 году монахом Кириллом *Кирилло-Белозерский монастырь*. Центром русской православной культуры стала сохранившаяся со времён Древней Руси *Кирилловская церковь* в городе Киеве. Кроме того, *Κύριε* (*Kyrie*) часто встречается в тексте Нового Завета священного Писания и является традиционной формой обращения к Богу. Когда текст Библии впервые переводился с древнееврейского языка на древнегреческий, то описательное произношение Адонай (אֲדֹנָי), связанное с атрибутом милосердия, было переведено как *Κύριλλος*, или Господь. В масоретском тексте Библии данное слово встречается 315 раз. *Κύριε ἐλέησον* – *Kyrie eleison* (*Господи, помилуй*) – известное выражение, восходящее к молитве иерихонских слепцов: «*Помилуй нас, Господи*» – греч. *ἐλέησον ἡμᾶς, Κύριε*, ивр. *יְהוָה אֱלֹהֵינוּ* (Мф. 20:30-31) – стало византийским церковным песнопением, впоследствии заимствованным и вошедшим в структуру католической мессы. В православной христианской традиции эти же слова звучат во время архиерейского служения. В переводе на русский обращение *Κύριε ἐλέησον* – *Господи, помилуй* – представляет собой краткую форму Иисусовой молитвы и применяется в молитвословии и богослужении. Таким образом, частотность употребления словоформы *Kyrie* свидетельствует о том, что собственное имя *Кирилл* ассоциативно связывается с идеей Господа (Господина).

Помимо этого, определённая семантико-функциональная значимость имени *Кирилл* обусловлена культурно-религиозными обстоятельствами, в соответствии с которыми образ доктора воспринимался как подобие Бога-Вседержителя – вершителя человеческих судеб. В древних культурах – египетской, иудейской, древнегреческой, византийской – способность врачевать определяла «божественную» избранность человека и как следствие – особое (часто жреческое) положение в обществе. Православие, принятое в X веке, повлияло на развитие древнерусской медицины. По примеру Византии в монастырях и церквях Киевской Руси монахи занимались лечением больных. Поэтому в русской христианской традиции в безнадежных, трагических ситуациях принято приходить в храм и просить помощи у Бога, ибо жизнь и

смерть человека зависит от воли Господа. Обращаясь к врачу и доверяя ему свою жизнь, пациент, как от Бога, ждёт от доктора сотворения чуда. Согласно этой традиции к доктору Кирилову, чей образ по аналогии соотносится с идеей Господа, и обращается с мольбой о помощи дворянин Абогин: «...Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели её лицо, то поняли бы мою настойчивость! <...> Доктор, едемте, прошу вас!» [8, с.34]. «Со слезами на глазах, дрожая всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу» [8, с.40].

Антропоним *Абогин*, называющий другого главного героя рассказа, также является реальной фамилией, о чём свидетельствует упоминание в книге «Алфавитный указатель жителей Москвы» 1880, 1893, 1808 годов [1]. В тексте произведения Абогин – помещик, приехавший к доктору Кирилову за врачебной помощью. Поведенческая характеристика данного персонажа определяется прозрачностью внутренней формы его фамилии.

Фамилия Абогин ассоциируется со словом, имеющим приставку *а-* «(гр. *а...*, *ап...* *не-, без-*), которая при образовании прилагательных и существительных вносит значение отрицания или отсутствия какого-л. качества, свойства» [5, с.15], то есть *А* + *бог* + *ин* существующий вне идеи Бога. В данном контексте приставка *а-* акцентирует отсутствие качества. И действительно, в тексте дворянин Абогин представлен как человек, живущий вне ценностей духовной культуры. Он – эгоист, полностью поглощённый собственными интересами, думающий о своём благополучии и спокойствии. Абогин часто произносит монологи, в которых повествует о собственных страданиях. Обращаясь к доктору с просьбой помочь больной жене, он говорит о её страданиях и не забывает о своих: « – Я боялся не застать вас, – продолжал он. – Пока ехал к вам, исстрадался душой...» [8, с.32]. «Я сам глубоко несчастлив...» [8, с.42]. Более того, игнорируя несчастье и настроение доктора, Абогин прибегает к театральности, призывая к жертве, подвигу и человеколюбию: « – У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую! – Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!» [8, с.34]. Он не задумывается о том, что Кирилов сам нуждается в душевной помощи и сострадании. Неспособность Абогина к со-

чувствию, чѣрствость его натуры поддерживается прямой авторской характеристикой, которая реализуется путѣм использования качественных прилагательных и наречий, имеющих в своём составе префиксы *не-*, *без-* и содержащих сему 'мѣртвый': *бездушный*, *неуместно цветистый*, *ходульный* (ходульный = неестественный, пошлый, деланный). «*Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину*» [8, с.35].

Абогина часто навещает помещик Папчинский, к которому, разыграв сердечный приступ, в конце концов сбегает жена главного героя. «*Приезжает ко мне Папчинский, Александр Семёнович, которого вы знаете ... Поговорили мы... потом сели чай пить..*» [8, с.32]. «*Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским!*» [8, с.39]. Персонаж с фамилией Папчинский упоминается всего несколько раз, однако данный антропоним приобретает в тексте особый смысл.

Антропоним Папчинский имеет польское происхождение, поскольку образован с помощью типичного для польских фамилий суффикса *-ский*. «Основные суффиксы польских фамилий – это только *-ски (-цки)*, *-ович* и форманты группы *-к (-к-)*. Первоначально фамилии на *-ски* принадлежали только шляхте (польское дворянство), обозначая владельца по названиям принадлежащих ему владений. Шляхта как правящее сословие решительно запрещала не принадлежащим к ней носить фамилию этой формы» [6, с.256]. Фамилия Папчинский – это фамилия реально существовавшего Станислава Папчинского – известного польского католического священника, основателя Ордена отцов-марианцев. В тексте рассказа производящим словом фамилии Папчинский является лексема *Папа*, которая вместе с суффиксом *-ский* отсылает читателя к миру католической культуры с его верховным иерархом – Папой Римским.

В круг Абогина и Папчинского вписан ещё один персонаж – *Гнучев*: «*Я – Абогин... имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. Очень рад, что застал вас...*» [8, с.30], фамилия которого мотивирована глаголом *гнуть* – «придавать чему-н. дугообразную, изогнутую форму (перен.: раболепствовать, унижаться)»

[7, с.156]. Антропоним *Гнучев*, встраиваясь в один ряд с фамилиями *Абогин* и *Папчинский*, придаёт своему носителю оценочную коннотацию.

Таким образом, персонажи *Абогин*, *Папчинский*, *Гнучев*, объединённые общими интересами, свойственными представителям западной цивилизации с её ценностями, ориентированными на эгоцентризм и материальный комфорт, противопоставлены миру доктора Кирилова – миру русской духовной культуры, проповедующей доброту, благородство, милосердие.

Ономастика рассказа «Враги» представляется неслучайной. Полагаем, она может являться художественной рефлексией на спор западников и славянофилов (пик которого пришёлся на 50-е гг. XIX века (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Т.Н. Грановский, М.Н. Катков и др.) и продолжался вплоть до конца столетия (А.И. Герцен, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и др.)). Обозначенная нами тема, на наш взгляд, перспективна и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Алфавитный указатель жителей Москвы» 1880, 1893, 1808 годов . – Режим доступа: <http://www.petergen.com/sources/msklist1917.shtml>
2. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. – М. : Russian Bible Society, 1991. – 1371 с.
3. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
4. Ничик Н.Н. Поэтическое слово. Поэтический текст. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография». – 2008 . – 292. с.
5. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. – М. : ООО «Издательство АСТ»: Олимп, 2000. – 784 с.
6. Системы личных имён у народов мира. – М.: «Наука», 1986. – 383 с.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова : [отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова]. – М. : «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
8. Чехов А.П. Враги // Собр. соч.: В 30-ти т. – Т. 6. – М., 1985. – 733 с.
9. Эко, Умберто. О литературе: эссе / Умберто Эко: пер. с ит. С.Сидневой. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 416 с.

СЛОВАРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РАБОТА В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» НА НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Л.И. Рудницкая

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО КФУ им. Вернадского

(Симферополь)

В соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования для всех специальностей введена дисциплина «Русский язык и культура речи», которая является чрезвычайно важной для формирования культурной и коммуникативной компетенции будущего специалиста. Достаточно большую часть этого курса занимает работа над нормами современного русского языка. Общепринятой и четкой является классификация норм по языковым уровням. Выделяют орфоэпические нормы, акцентологические, лексические, грамматические и др. Если в орфоэпии, грамматике нормы ориентируются на образец, модель, то в лексике проявление, реализация нормы подчиняются ещё и содержанию, зависят в каждом конкретном случае от контекста, потому что только в нём правильно можно использовать синонимы, паронимы, многозначность, фразеологизмы.

Цель данной статьи – показать, что только хорошо поставленная словарно-семантическая работа в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» на нефилологических факультетах поможет студентам в усвоении лексических норм русского языка.

Прежде всего такая работа должна быть направлена на усвоение семантики слова и нормы употребления его в речи. Отсюда следует, что обучающиеся должны усвоить содержание таких понятий, как «семантический объём слова», «лексико-семантический вариант», «коннотация», «прямое и переносное значение» и др.. Словарно-семантическая работа призвана также создать основу для более успешной систематической работы по развитию у студентов умения правильно, точно, оправданно использовать слова в речи, наконец, углубить знание студентов о лексическом богатстве русского языка.

Для осуществления практической направленности словарно-семантической работы следует обратить внимание на следующее: 1) при отборе языкового материала учитывать те трудности, которые возникают у студентов в усвоении определенной лексики; 2) в систему заданий вводить упражнения, выполнение которых предупреждало бы ошибки в словоупотреблении и стимулировало к поиску наиболее подходящих в каждом случае слов (задания на различия паронимов, уточнение многозначных слов с помощью контекста, выбор лексического варианта для определенного контекста, редактирование текста, составление текстов, рецензирование и т. п.); 3) широко использовать на занятиях словари, в первую очередь толковые, а также словари иностранных слов, паронимов, синонимов, антонимов и т. д.; 4) составление с подобранными словами словосочетаний, предложений, контекстов и т. д. 5) при отборе слов надо учитывать их качественную характеристику не только в плане семантическом, но и в плане эмоционально-экспрессивном, стилистическом, грамматическом и орфографическом.

Предлагаем несколько типов таких заданий, предназначенных для студентов разных специальностей, которые, на наш взгляд, могут помочь им в усвоении лексических норм русского языка.

Задание №1. Составьте контексты к каждому из приведённых слов: *индустрия* (и уход. *индУстрия*) – *промышленность*; *локальный* – *местный*; *вояж* – *поездка*; *ситуация* – *обстановка*; *литера* – *буква*; *флора* – *растительность* и т.п..

Задание №2. Используя толковые словари, объясните значение следующих слов, их смысловые и стилистические особенности. Составьте с ними предложения. *Договор, пакт, сделка, конвенция, соглашение. Доход, рента, дивиденд, прибыль.*

Задание №3. Какое из слов *рынок, базар; годичный, годовой* сочетается со словами: *городской, центральный, крытый, ёлочный, книжный, мировой, внешний, овощной, птичий; цикл, отпуск, собрание, доход, оценки, запас.* Обоснуйте свой ответ.

Задание №4. С каким прилагательным может сочетаться существительное: *политика* (*экономная, экономичная, экономическая*); *обстановка* (*криминальная, криминогенная*); *талант* (*дра-*

матический, драматичный); сорт (элитный, элитарный) и др. Объясните, почему?

Задание №5. Объясните значение следующих паронимов. Составьте с ними предложения. Абонемент – абонент; адресант – адресат; невежа – невежда; статус – статут; бережно – бережливо; драматический – драматичный; воскресать – воскрешать.

Задание №6. Какие из данных слов будут синонимичны словам и выражениям в скобках? Аккомодация, акция, алгоритм, брифинг, гносеология, генезис (предвзятая защита, противоречие, последовательность действий, приспособление, ценная бумага, происхождение, беседа, теория познания).

Задание №7. Из слов, заключенных в скобках, выберите нужное. Экономическая реформа, которую мы так долго ждали и наконец дождались, стала (буксовать – буксировать). Мы считаем, что необходимо (апробировать – опробовать) все пути решения проблемы. (Архаические – архаичные) методы должны быть заменены современными. Я считаю, что (база – базис) для реформ – малые предприятия. Регистрация (командированных – командировочных) производится в вестибюле. Чтобы добиться успеха, надо (принять – предпринять) (эффектные меры – эффективные) меры.

Задание №8. Опишите своего друга или знакомого (возраст, физическое, душевное состояние), используя известные вам средства образности и выразительности.

Задание №9. Являются ли существительные неформал и маргинал синонимами или это разные слова? Составьте с ними небольшие контексты.

Задание №10. Напишите текст выступления, включив в него следующее изречение: живи с людьми так, чтобы твои друзья не стали твоими недругами, а недруги стали друзьями (Пифагор).

И др.

Особо следует проводить работу, направленную на уточнение семантики отдельных слов. Так, например, в большинстве случаев студенты не могут объяснить различие в значении слов *альтернатива* и *дилемма*. Первое слово обозначает «необходимость выбора одного из двух или нескольких возможных решений», второе – «1) сочетание суждений, умозаключений с двумя противо-

положительными положениями, исключая возможность третьего (в логике); 2) положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений одинаково затруднителен».

Таким же образом можно проанализировать семантику слов *выставка и вернисаж, выпуск и релиз* и под.

На наш взгляд, целесообразнее всего вводить изучаемые слова в речь студентов определенными семантическими группами. Например:

1) характеристика человека (его общественного положения, настроения, отношение к людям и др.), например: *дилетант, амбициозный, вульгарный, галантный, импозантный, амбициозный, меркантильный, одиозный, претенциозный, респектабельный, креативный* и др. ;

2) характеристика явлений действительности (эпохи, среды, предметов), например: *дисплей, дилер, пейджер, плеер, рейтинг, промоутер, факсимиле, фрилансер* и т. д.;

3) общественно-политическая лексика, в том числе недавно вошедшая в современную периодическую печать (*альтернатива, брифинг, лобби, лоббизм, паблисити, охлократия, ньюсмейкер* и т. д.);

4) профессиональная терминология, например: *авизо, дилер, менеджер, бартер, дистрибьютор, инвестиции, клиринг, консалтинг, конгломерат* и т. д. – экономическая; *апелляция, апология, арбитраж, вердикт, импичмент* и т. д. – юридическая; *антураж, анишлаг, вернисаж, хипстер* и т.д. – искусствоведческая и т.д.

В процессе словарно-семантической работы необходимо обращать внимание студентов на то, что наличие двойных форм для выражения одного и того же языкового явления позволяет нам более точно передать мысль, оформить высказывание. Но при этом выбор варианта в каждом конкретном случае должен быть обоснован, стилистически оправдан. М. Горький писал: «Слово – одежда всех фактов, всех мыслей». Великий писатель тем самым, обращает внимание Д.Э. Розенталя, «подчёркивал неразрывную связь между содержанием и формой высказывания: эту одежду необходимо подбирать «по мерке» и «со вкусом» В первую очередь важно учитывать присущее каждому слову значение» [1, с. 10].

Таким образом, словарно-семантическая работа в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» на филологических факультетах будет способствовать формированию у обуча-

ющихся необходимых представлений о богатстве русского языка, его ресурсах, структуре, научит их оптимально использовать средства родного языка для устного и письменного общения, поможет им обогатить свой лексический запас и, наконец, будет способствовать развитию языковой личности, обогащению её духовного мира.

Литература

1. Розенталь Д. Э. Говорите и пишете по-русски правильно. – Москва: Айрис – Пресс, 2014. – 254с.

ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Л.В. Савченко, Е.М. Шахова, М.С. Фильцова

Таврическая академия; Медицинская академия имени
С.И.Георгиевского (структурные подразделения)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Требование свободного владения языковыми, стилистическими, коммуникативными нормами является основообразующим компонентом профессии будущих специалистов в области издательского дела, рекламы и связей с общественностью. В соответствии с ФГОС 3+ выпускник вуза должен обладать «способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)»; «способностью к самоорганизации и самообразованию (ОК-7)» «способностью выявлять механизмы образования текста, единицы его речевой реализации, виды информации и функционально-смысловые типы речи вербальных текстов (ОПК-4)»; «способностью владеть приёмами и методами аналитико-синтетической переработки историко-книжной информации (ПК-3); способностью анализировать и обобщать профессиональную научно-техническую информацию (ПК-4)»; «способностью представлять результаты исследования в форме

рефератов, публикаций, научных отчётов (ПК-5)»; «способностью владеть приёмами и методами аналитико-синтетической переработки потоков информации (ПК-16)» [7; 8]. Очевидно, что конечный результат языковой подготовки работников массовой коммуникации нацелен на текстовую деятельность, оперативное создание и грамотное редактирование медиатекстов в разных жанрах, стилях, форматах. Кроме того, для студентов, обучающихся в вузах нефилологического профиля, язык является средством получения профилирующих знаний, приобретения желаемой специальности, культура же письменной речи, подчинённой задачам профессионального общения, является одной из составляющих профессиональной культуры специалиста. Между тем выпускники школ, студенты младших курсов нефилологических вузов имеют весьма неопределённое представление о типах и композиционно-смысловой структуре научных текстов, текстообразующих языковых средствах; не владеют навыками аналитико-синтетической переработки текстов и создания собственных стилистически, грамматически, композиционно, логически правильных вторичных письменных текстов разного назначения. Многие из студентов 1 курса уверены в том, что реферат представляет собой не что иное, как произвольную компиляцию интернет – источников, конспект – это набор цитат, а в библиографическом списке фамилии пишутся вслед за инициалами. Отметим также неупорядоченность изложения в письменных студенческих работах, трафаретность порядка слов (хотя это может противоречить логике мыслей), стереотипность фраз, бедность синтаксической синонимии, незаконченность и неполноту выражения мысли, стиль раздробленных предложений, вызванный трудностями передачи связи между словами и предложениями, выделение не самых существенных признаков предметов и явлений, недостаточное раскрытие взаимосвязи между явлениями, неумение выражать личное отношение к высказываемым мыслям и др.

Нарушения структуры письменных текстов вызваны, по-видимому, тем, что в школах конспектированию, лектированию, тезированию, аннотированию, реферированию целенаправленно не учат, а в вузах это пущено на самотёк (почему-то изначально предполагается, что писать умеют все!). В качестве образца при написании собственных научных текстов студенты нефилологи-

ческих вузов используют учебники, научные статьи, курсовые и дипломные работы студентов старших курсов и т.п., что не всегда бывает приемлемым и уместным. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, следует обучать **технологии** создания профессионально значимого письменного текста, обязательно объясняя учащимся, какими приёмами достигается требуемый результат. Должна быть представлена, прокомментирована и отработана каждая когнитивная операция восприятия и порождения речи (заметим, что это полностью соответствует принятой в современной методике обучения теории поэтапного формирования умственных действий). В поле зрения преподавателя русского языка должны также постоянно оставаться проблемы стилевой дифференциации речи.

Высказанные соображения положены в основу Практикума по обучению письменной речи, предназначенного для отечественных студентов 1 курса, обучающихся по специальностям 42.03.03 «Издательское дело», 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», и имеющего целью развитие навыков и умений письменной речи в рамках профессиональных потребностей этого контингента учащихся [6]. Практикум включает в себя введение, 8 тем и методическую записку для преподавателя. Количество часов, отводимых на каждую тему, регулируется рабочей программой.

Методические задачи, реализуемые в практикуме, определяются конкретными целями обучения, среди которых нужно выделить развитие у студентов навыков и умений в области письменной речи в рамках их профессиональных потребностей – в первую очередь навыков построения самостоятельного коммуникативно мотивированного письменного высказывания на основе текста-источника, а также развитие умений связной устной речи с опорой на вторичный письменный текст. Перечисленные умения актуальны для учащихся в ходе подготовки докладов, написания курсовых и дипломных работ, устных выступлений на семинаре, участия в беседе / дискуссии на профессиональные темы. Представленная в пособии методика обучения письменной речи базируется на структурно-смысловом анализе текстов, что одновременно способствует развитию навыков и умений в области аналитического чтения. Под структурно-смысловым анализом текста

мы понимаем, прежде всего, формирование 1) умения дифференцировать и интегрировать информацию текста-первоисточника: отделять главные факты от второстепенных, классифицировать имеющийся в тексте фактический материал, группировать факты, устанавливая логические связи между ними; 2) умения соотносить части текста-первоисточника: устанавливать последовательность развития главной мысли, определять начало и конец микротем в составе макротекста, переход от одного утверждения к другому; выявлять логический план исходного текста. На основе этих умений и формируется навык составления письменного вторичного текста – конспекта печатного и аудиотекста, тезисов, информативного реферата, реферата-обзора, реферата-резюме, что соответствует коммуникативным потребностям студентов первого, и тем более старших курсов. В силу этого мы сознательно использовали в пособии аутентичные тексты учебных пособий по специальностям, соответствующим требованиям программ и учебных планов: история рекламы и PR, основы рекламы, основы связей с общественностью, социология массовых коммуникаций, имиджеведение, политология и др., а также в незначительной степени сокращённые оригинальные статьи, тематически связанные с текстами учебных пособий.

При составлении практикума мы опирались на четыре классических уровня сжатия текста (Т. М. Дридзе, О. И. Москальская, А. Н. Барыкина): 1) вербальный и 2) морфосинтаксический, направленные на изменения в конкретных предложениях текста; 3) синтаксический, предполагающий трансформацию сверхфразовых единств, и 4) семантический, основанный на смысловом анализе текста [1, с. 27-29]. Вербальный уровень предполагается при конспектировании; учить в этом случае требуется сокращённой записи терминов, а также общеупотребительных и часто встречающихся в конкретном тексте слов и словосочетаний [1, с. 28]. Морфосинтаксический уровень связан с сокращением предложения за счёт лексических и синтаксических замен при сохранении основного смысла [Там же]. На синтаксическом уровне сжатия текста ряд простых предложений трансформируется в одно сложное или же одно сложное – в ряд простых [1, с. 29]. При семантической компрессии учитывается иерархия разнопорядковых смысловых блоков – смысловых предикатов текста (термин

Т.М. Дридзе), где в качестве предикации первого порядка выступают языковые средства, которыми передана основная идея сообщения, в качестве предикаций второго, третьего и т.д. порядка – подчинённая описательная часть сообщения, призванная трактовать, аргументировать, иллюстрировать, оценивать, подкреплять авторский замысел [3; 4]. Семантическая компрессия предполагает сокращение текста до минимума, в том числе путём удаления не только фрагментов предложений, но и целых предложений и сверхфразовых единств, содержащих второстепенную информацию, с сохранением при этом его основной информации. Умение производить такое смысловое сжатие включает в себя деление текста на смысловые части, поиск компонентов текста, несущих основную информацию, и вербальных маркеров второстепенной информации, трансформацию сверхфразовых единств и предложений, содержащих второстепенную информацию [1, с. 29-30], в результате чего полученное краткое содержание текста передаётся в виде нового, вторичного связного текста, оформленного по требованиям разных жанров – конспекта, тезисов, аннотации, реферата. Подчеркнём, что названные приёмы работы составляют суть обучения письменной речи иноговорящих учащихся, однако, как ни парадоксально, практика показывает необходимость последовательного формирования навыков письменной передачи информации, умений ориентироваться в структуре абзаца и сверхфразового единства разных типов научного текста, сокращать текст до минимального объёма, позволяющего сохранить информационную ценность, и т.д. у студентов, для которых русский язык является родным.

Итак, структура практикума подчинена решению основной методической задачи, о которой говорилось выше. В основу системы заданий положен принцип поэтапного формирования навыков: от наблюдения к репродукции и самостоятельной продукции письменного текста соответствующего типа. Темы пособия содержат материал для аудиторной работы под руководством преподавателя и блок заданий для самостоятельной работы.

Прежде всего нам показалось целесообразным представить студентам особенности тематической и логической структуры, а также типичные языковые средства оформления разных функционально-смысловых моделей научных текстов – описания, по-

вестования, рассуждения (включая рассуждение-доказательство), поскольку каждый названный тип микротекста выступает как специфическая информационно-коммуникативная единица макротекста, отличается семантической завершённостью, синтаксической связанностью, целостностью, обладает некоторыми повторяющимися композиционно-структурными и лингвистическими признаками, что облегчает задачу компрессии текстов при конспектировании, тезировании и пр.

Нами был исследован основной массив текстов, представленных в учебной литературе, рекомендованной для студентов, обучающихся по интересующим нас специальностям, и выделена система текстов-стереотипов, на основе которой в дальнейшем строилась методика работы по построению собственного вторичного письменного текста. Заметим попутно, что типовые тексты представляются полезными и в другом отношении: практика показывает, что если механизм текстовой стереотипии формировать целенаправленно, то легче усваивается и совокупность лингвистических и композиционных средств языка специальности в рамках профессиональных потребностей студентов-нефилологов, поскольку именно в текстах-стереотипах языковые элементы, отражающие структурно-смысловую организацию текста определённого типа, минимизированы, организованы, и, следовательно, можно проследить модель стандартизованного высказывания на уровне как отдельного предложения, так и целого текста. Такими элементами служат межфразовые связующие средства, организующие текст и позволяющие представить смысловую структуру научных текстов в виде схем, вначале предъявляемых студентам в готовом виде, а в дальнейшем – в виде заданий по самостоятельному выделению схем текста-источника.

Итак, в первом блоке заданий студентам предлагается проанализировать: 1) характерные черты разных функционально-смысловых типов аутентичных микротекстов по специальности; 2) разные типы смысловых связей, тема-рематических последовательностей внутри микротекста и между частями макротекста, а именно цепной связи, при которой одно суждение вытекает из другого, дополняет и развивает его; сквозной связи, при которой называются разные признаки одного предмета, явления, действия или состояния; параллельной и веерной связи, когда имеется це-

почка предложений, повторяющих одну и ту же синтаксическую модель и имеющих симметричное расположение главных членов предложения, или когда из одной общей темы, данной в первом предложении микротекста, вытекает несколько производных, зависимых тем. Студентам предлагается определить типы микротекстов, назвать их характерные особенности, определить типовые смысловые компоненты и средства их представления, а также определить и записать ключевую проблему микротекстов в виде вопроса, назывного предложения либо тезиса.

Отметим, что тексты по интересующим нас специальностям чаще всего включают в себя микротексты – определения понятий, микротексты – характеристики объекта (его структура, качественные и количественные характеристики и их изменение), микротексты – классы объектов, микротексты – характеристики процесса, классы процессов, обусловленность процессов, их динамика, оценка, роль, функция процесса, а также методологический аспект процесса / явления.

В следующем блоке заданий рассматриваются внешние сигналы, обеспечивающие единство темы в микротексте. При этом используется принцип языковой наглядности – таблицы лексических средств организации связного текста и речевых клише, которые, по нашему мнению, облегчают выполнение ряда заданий, связанных с продуцированием письменных высказываний различного типа. Студентам предлагаются задания на определение типов средств связности текста и выражаемых ими смысловых отношений, поиск синонимических эквивалентов, редактирование текста.

Целью следующего блока тем является развитие навыков чтения конспектирования и тезирования учебной литературы по специальности, а также навыков репродуктивной и частично продуктивной устной речи с опорой на конспект / тезисы. Предлагаемые материалы представляют собой не перечень теоретических правил или готовых моделей, а выстроенную в рамках тем последовательность заданий, при отборе которых авторы попытались установить должную пропорцию системного (языковая компетенция) и функционального (речевая компетенция) подходов. Материал располагается следующим образом: от способов сокращения слов и словосочетаний к синтаксической трансформации и сокращению предложений, а затем текста, т.е. к составле-

нию собственно конспекта разных видов либо тезисов. При составлении конспекта особое внимание уделяется правильности его оформления, что позволит использовать его для ссылок и цитирования при написании курсовой работы: записи выходных данных источника, оформления разного рода дополнительных записей на полях конспекта (ссылок, цитат, замечаний по поводу конспектируемого материала и др.). Всё это соответствует коммуникативным потребностям студентов-нефилологов 1 курса.

Цель последнего блока заданий практикума – обучение аннотированию и письменному монографическому реферированию научных текстов по специальности студентов. Система обучения реферированию, представленная в практикуме, предусматривает последовательное усложнение композиционно-смысловой структуры текстов (от текстов со сходной тематикой к текстам, содержащим взаимодополняющую и пересекающуюся информацию), а также нарастание трудности учебных действий, необходимых для формирования умений реферирования: от поиска основных характеристик реферата, отличающих его от других форм работы над текстом, и анализа принципов свёртывания информации в реферате к собственно реферированию. Большое место в практикуме отводится заданиям, отрабатывающим навыки использования языковых средств оформления смысловых отношений между частями информации в реферате и организации связного текста, – заданиям на вставку необходимых по смыслу реферативных клише и стандартных выражений, используемых при составлении текстов рефератов, поиск синонимичных вариантов, редактирование текста реферата. Что касается аннотирования, отметим следующее: типовая информация, чёткая структура, доходящие до стереотипа лексико-грамматические особенности позволяют расценивать аннотацию как минимальное из жанров научного стиля речевое произведение, в котором наиболее ярко находят своё выражение специфические черты функционального общенаучного стиля (лаконичность, обобщённость, отвлечённый характер изложения, однородность синтаксических структур и т.д.). В дальнейшем активизируемые лексико-грамматические модели и синтаксические структуры послужат языковым материалом для продуцирования в письменной форме собственного монологического высказывания при написании об-

зора литературы в курсовой работе. Подчеркнём, что для реферирования и аннотирования предлагаются только аутентичные тексты по специальности студентов.

Итогом работы по настоящему практикуму должно явиться обеспечение для студентов возможности самостоятельного использования любых текстов профессиональной направленности как базы для продуцирования связного письменного высказывания в зависимости от целевой установки. В плане развития речевой и мыслительной деятельности студентов обучение перечисленным формам письменной речи следует рассматривать как единый нерасчленённый процесс, где обучение письменной речи следует рассматривать как обучение способам письменного выражения мыслей, что является принципиально важным в системе подготовки квалифицированных специалистов.

Литература

1. Барыкина А. Н. Компрессия информативного содержания текста как один из ведущих навыков при обучении письменной речи на базе текста // Русский язык для студентов-иностранцев: сб. метод. статей № 24 / отв. ред. Е. И. Кедайтене. – М. : Русский язык, 1987. – С. 27-30.
2. Барышникова Е. Н., Клепач Е. В., Красс Н. А. Речевая культура молодого специалиста : Учебное пособие. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 225 с.
3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – М. : Наука; Академия наук СССР, Институт социологических исследований. – 232 с.
4. Москальская О. И. Грамматика текста. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.
5. Папуша И. С. Комплексный уровневый анализ микротекста как метод обучения монологической письменной речи студентов-нефилологов: дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.02 „Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». – Москва, 2006. – 303 с.
6. Савченко Л. В., Шахова Е. М., Фильцова М. С. Практикум по развитию письменной речи (конспектирование, тезирование, реферирование, аннотирование научного текста). – Препринт. – Симферополь, 2017. – 128 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 42.03.03. Издательское дело (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 20 октября 2015 г. N 1168). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dokipedia.ru/document/5282386>

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 42.03.01. Реклама и связи с общественностью (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 11 августа 2015 г. N 997). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mgutm.ru/files/students-and-masters/gos_i_fgos/b/42.03.01.pdf

9. Kuznetsov A. A. The essentials of english language for specific purposes for pr-managers and practical advices for successful public speech on english language // Филология и литературоведение. – 2015. – № 3. – С. 15–17.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В МАСС-МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ
(НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИИ
«МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ»)**

Сегал Н.А., Мищенко А.Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

В современных измерениях научного познания фокус исследовательского внимания закономерно смещается с системно-структурной парадигмы на парадигму антропоцентрическую, когнитивно-прагматическую, определяя тем самым важные лингвистические направления, связанные с изучением базовых средств категоризации мира. Актуальными для рубежа веков становятся проблемы, связанные с соотношением языка и мышления, структуризацией знаний, способами выражения в языке экстралингвистической действительности, моделированием текстового пространства.

Конфликтность современного мира, связанная с социально-политическими стратегиями и тактиками, напряженными внешне-неполитическими отношениями, отсутствием гармоничного и конструктивного взаимодействия во внутренней политике приводит к расширению потенциала образных средств с интегральным компонентом 'агрессия'. Метафоры, сравнения, олицетворения, прецедентные феномены формируют корпус масс-медийных текстов с конфликтной заряженностью, определяют прагматические

установки политиков и журналистов и особенности восприятия текстов потенциальным электоратом.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей реализации устойчивой конструкции *«между Сциллой и Харибдой»* в русскоязычном политическом дискурсе (на материале русскоязычных политических текстов за 2010 – 2017 гг.).

Как известно, любой политический режим реализуется в коммуникации, созданной и оформленной языковыми законами времени. Исследование политического дискурса последнего десятилетия все более приобретает вид описания языка в многомерном пространстве с подвижной сеткой координат, определяющих базовые коммуникативные модели. Один из аспектов дискурсивного анализа, необходимого для их описания, связан с исследованием мотивационных механизмов моделей, в основе которых лежит определенная коммуникативная стратегия. Коммуникативный потенциал высказывания зависит от иллокутивной силы, средством реализации которой является выбор речевых единиц, выявляемых целями и мотивами речевого поведения личности, временными и пространственными характеристиками. При формировании политического текста конфликтной направленности значимое место занимают устойчивые конструкции с интегральными компонентами 'угроза', 'опасность', которые отражают проблемы безопасности страны, противостояние политических сил и различных властных структур, угроз национальной безопасности в информационной сфере и т.д.

Как показал анализ текстов политических СМИ, наиболее ярко данные компоненты реализуются в конструкции *«между Сциллой и Харибдой»*, что, в частности, обусловлено ее исходным значением.

Согласно древнегреческим преданиям, Скилла (др.-греч. Σκύλλα, в латинской транслитерации Сцилла, лат. Scylla) и Харибда (др.-греч. Χάρυβδις, допустима транскрипция Харибдида) – морские чудища из древнегреческой мифологии. Харибда в древнегреческом эпосе – олицетворённое представление всепоглощающей морской пучины (этимологически, как отмечают многие источники, Харибда восходит к лексеме, означающей «водоворот», хотя есть и иные толкования этого слова). В «Одиссее» Харибда изображается как морское божество, обитающее в проливе

под скалой в расстоянии полёта стрелы от другой скалы, которая служила местопребыванием Сциллы [5, с. 583].

Ядром значения конструкции «*между Сциллой и Харибдой*» при ее реализации в масс-медийном дискурсе является значение, зафиксированное в фразеологических словарях русского языка: «в таком положении, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон» [8, с. 465]. Отметим, что при сохранении ядра в масс-медийных текстах данная единица обрастает новыми коннотативными признаками, что позволяет формировать новые ассоциативные образы. При анализе данной конструкции в статье используются приемы, предложенные В.П. Ковалевым: 1) прямое введение фразеологизмов в контекст без изменения их значения и состава; 2) смысловое обыгрывание фразеологизмов; 3) разного рода преобразования состава фразеологизмов [2, с. 303 – 307].

Первый прием достигается за счет того, что устойчивое выражение взаимодействует с контекстом и возникает новый стилистический эффект, при этом конструкция не трансформируется, а ее форма и семантика сохраняются в кодифицированном виде: *Между Сциллой и Харибдой: Выбор России в противостоянии Новороссия – Украина* (Politikus.ru, 16.06.2014). Так, в контексте Россия находится между двумя конфликтующими сторонами и любое стратегически неверное решение может быть опасным.

В информационном издании ИноСМИ.Ru (публикация за 27.03.2013) зафиксирован следующий развернутый контекст: *Сегодня Украина оказалась в той точке, которую Гомер описал в двенадцатой главе «Одиссеи». Справа – уродливая Харибда, которая своими хищными пастями хватает и рвет всех, кто приблизится к ней. Слева – страшный водоворот Сцилла, который втягивает и уничтожает корабли... Пройти нужно так осторожно, чтобы понести наименьшие потери. Это аналогия с известным латинским изречением «*Incidisin Scyllam cupiens vitare Charybdim*» – «наталкиваешься на Сциллу, пытаешься избежать Харибды», говорили в древнем Риме, имея в виду ситуации, о которых наши современники говорят «Из огня да в полымя». По мнению издания, именно это устойчивое сочетание характеризует состояние, в котором оказалась Украина, делая свой выбор между Евразийским и Европейским Союзом. Конфликтность современного политика приводит к возникновению агрессивных*

доминирующих и зависимых от них пассивных субъектов. Конструкции с интегральными компонентами 'угроза', 'опасность' характеризуют политический мир как жесткую и бескомпромиссную систему, что приводит к разногласиям между странами и народами. Такие разногласия усиливаются отсутствием толерантности, неумением достичь компромисса бесконфликтным путем, что приводит к агрессивным действиям.

Второй прием подразумевает нарушение обычных стилистических границ употребления устойчивой конструкции. При этой семантической трансформации происходит наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности: *Российская Федерация сейчас оказалась между теми самыми мифическими Сциллой и Харибдой. Сцилла: Россия вводит войска на территорию Украины для защиты мирного населения ДНР и ЛНР от киевских «свидомых» карателей; Харибда: Россия не вмешивается в украинские дела, не оказывает Сопротивлению никакой помощи и сдаёт Новороссию. Население России воспринимает это, как страшное предательство русских людей. Доверие к правительству катастрофически падает*» (Версия, 13.05.2014). Из этого следует, что морским чудищам из древнегреческой мифологии в масс-медийном дискурсе соответствуют различные политические действия, такие как агрессия, вторжение, оккупация, сопротивление и др. Активизация подобных конструкций связана, прежде всего, с военными конфликтами на Юго-Востоке Украины, в которые, безусловно, была вовлечена и РФ.

К третьему приему относится лексическая трансформация, объектом манипуляции которой является слово или несколько слов. Наиболее активно в русле такого приема устойчивое сочетание расширяется новыми словами, при этом может расширяться как первый компонент устойчивой конструкции, так и второй: *Белоруссия между Сциллой России и Харибдой Европы* (Версия, 13.05.2013).

Рассмотрение различных классификаций дает возможность выявить особенности функционирования анализируемой конструкции в политических текстах. Широкий трансформационный потенциал конструкции «между Сциллой и Харибдой» предполагает расширение ее значения за счет замены или включения но-

вых компонентов. Важным является то, что трансформационные особенности не являются однородными и предполагают дифференциацию по определенной классификации:

1. Расширение конструкций с помощью адъектива: *«Щит Евфрата»: США между курдской Сциллой и турецкой Харибдой в Сирии* (Регнум.ру, 26.08.2016).

2. Расширение конструкций с помощью субстантива: *Ялта: курортная столица между сциллой благоустройства и харибдой цен* (Крымформ, 12.08.2014); *Польша – Россия: между Сциллой враждебности и Харибдой сомнений* (ИноСМИ.RU, 01.02.2010); *Между сциллой охранительства и харибдой нигилизма* (Путин24, 08.12.2016); *Петр Порошенко оказался между Сциллой США и Харибдой Евросоюза* (Коммерсант, 18.02.2015); *Порошенко между Сциллой бандеровщины и Харибдой Европы* (Живой журнал, 26.04.2015).

3. Расширение конструкции с помощью словосочетания:

3.1. Добавление словосочетания к первому компоненту конструкции: *Удерживая корабль государства в фарватере демократического развития, лидеру страны как штурману штурманов очень и очень непросто вести этот корабль между Сциллой внутренних противоречий и Харибдой* (voprosik.net, 20.07.2013).

3.2. Добавление словосочетания к обоим компонентам конструкции: *между Сциллой миллиардеров и Харибдой региональных бюджетов* (Привет из России, 05.12.2016); *Путин и Россия между Сциллой Запада и Харибдой российской элиты* (Кант, 18.06.2016); *Порошенко между Сциллой прагматизма и Харибдой преданности избирателям* (БФМ.ру, 30.06.2014); *Сцилла Евросоюза и Харибда Таможенного союза в противостоянии* (Украинская правда, 25.03.2013); *между Сциллой и Харибдой татарстанской политики* (Эхо Москвы, 28.11.2012); *Ангела Меркель, как когда-то один невезучий грек, оказалась между Сциллой народного гнева и Харибдой ненависти со стороны коллег-политиков* (Живой журнал, 21.12.2016).

4. Расширение конструкции за счет продолжения однородного ряда: *Порошенко между Сциллой, Харибдой и Гроссмейстером* (Мировой кризис, 10.06.2014).

В политических текстах конструкция «между Сциллой и Харибдой» может предполагать наличие определенного объекта и

действия, которые представляют опасность или угрозу с двух сторон. Такие единицы разнообразны и неоднородны, поэтому и представлены следующими тематическими группами:

1) *территориально-административные объекты (государства или регионы): Россия между Сциллой и Харибдой* (ИноСМИ.RU, 24.12.2016); *Украина: между Сциллой и Харибдой* (Международные новости, 14.08.2016); *Турция между Сциллой и Харибдой* (Правдинформ, 18.10.2013); *Беларусь: между Сциллой и Харибдой. Минск изо всех сил пытается нащупать баланс между тесными связями с Россией и необходимостью привлечения новых иностранных инвестиций* (Профинанс, 08.11.2016);

2) *политические действия: Интеграционная Одиссея Украины: между Сциллой и Харибдой* (Украинская правда, 25.03. 2013). Данная конструкция имеет иронический оттенок: интеграция (вхождение Украины в Европейский союз) как Одиссея – длительное путешествие с приключениями. *Между Сциллой и Харибдой. Президентские выборы в Украине* (Портал-Credo.ru, 14.12.2009);

3) *политические лидеры: Борьба за восток Украины: Путин между Сциллой и Харибдой (забрать Крым и ухудшить отношения с Западом)* (ИноСМИ.RU, 22.07.2014); *Ангела Меркель между Сциллой и Харибдой* (Живой журнал, 21.12.2016); *Порошенко между Сциллой и Харибдой. Выполнение своей части Минских соглашений неизбежно. С Порошенко или без* (Взгляд, 29.01.2016); *Яценюк между Сциллой и Харибдой. Новому спикеру теперь тоже придется нелегко: с одной стороны Сцилла, на которой он обещал БЮТ премьерство для Тимошенко, с другой – Харибда с Ющенко на вершине, куда он вовсе не расположен пускаться без боя бывшую боевую подружку по «оранжевому» майдану* (Новая крымская газета, 13.12.2011).

4) *политические термины: Постимперский реваншизм и казахский национализм – это наши Сцилла и Харибда* (Республика КЗ, 07.07.2014); *Сразу поясню, какой смысл я вкладываю ныне в обозначенную древними греками проблематику: Сцилла – это национализм, Харибда – это интернационализм* (Газета русскоязычной Америки, 08.19.2014).

Таким образом, использование устойчивой конструкции «*между Сциллой и Харибдой*» является удачным приемом при-

влечения внимания к политическим проблемам государства и общества. Реализуясь в масс-медийных текстах, подобные конструкции меняют свое семантическое наполнение, приобретают определенную коннотацию, становятся основой трансформаций. Расширение семантико-прагматического и грамматического потенциала конструкций при их реализации в масс-медийных текстах формируют новый аспект политического дискурса.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
2. Ковалев В.П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов / В.П. Ковалев // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. – Новгород, 1971. – С. 303 – 307.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
4. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
5. Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1991. – Т.1 – 671 с., Т.2 – 719 с.
6. Сегал Н.А. Особенности реализации прецедентного феномена «Дамоклов меч» в текстах политических СМИ / Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко // Вестник ВятГУ. – Киров, 2016. – С. 79 – 84.
7. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Оникс, 2008 – 1200 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – Москва: Астрель, 2008. – 828 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ¹

Е.Я.Титаренко

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского
(Симферополь)

Крым представляет собой сложное культурно-языковое пространство, населенное представителями более чем 120 национальностей, т.е. исторически является поликультурным регионом. С лингвистической точки зрения это регион *полилингвокультурный* (термин ввела в научный обиход Г.Ю.Богданович [2]). По национальному составу население Крыма является преимущественно русским, украинским и крымскотатарским.

Полилингвокультурная ситуация – это многомерный феномен с набором признаковых характеристик социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических свойств, определяющих функционально-коммуникативный статус языка общения [1]. *Языковая ситуация* в Крыму до 2014 года была трехкомпонентной (русский, украинский, крымскотатарский языки), неравновесной (преобладание – так называемая «демографическая мощность» – носителей русского языка), дисгармоничной.

В Конституции Республики Крым 1992 года государственными языками были объявлены крымскотатарский, русский и украинский (статья 6). Однако в Конституции 1998 года статус государственных крымскотатарский и русский языки утратили, в статье 10 русский язык признавался языком большинства населения, который приемлем в качестве языка межнационального общения и может использоваться во всех сферах общественной жизни. Государственный язык в Крыму, как и на всей Украине, был один – украинский.

В новой Конституции Республики Крым 2014 года три языка (русский, украинский и крымскотатарский) вновь были признаны

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» на 2015 — 2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» «Поддержка академической мобильности работников университета на заявительной основе – ПМР» в РУДН.

государственными. При этом единственным государственным языком Российской Федерации, как известно, является русский язык и, следовательно, он занимает во всей стране (и в Республике Крым) главенствующее положение и оказывает влияние на миноритарные языки. В отношении государственных украинского и крымскотатарского языков в Крыму, на наш взгляд, справедливо следующее утверждение: «Стремление народа, составляющего национальный социум, обладать собственным национальным языком, отличным от языка других наций, относится к сфере чувств и пристрастий, которые хотя и вызываются объективными причинами культурно-исторического, политического, психологического, социального характера, часто несут на себе отпечаток субъективных ценностных ориентаций, нередко противоречащих реально сложившимся языковым ситуациям. (...) **Юридическое равноправие языков** может сочетаться с **фактическим преобладанием** одного из них» [4: 326] (*выделено мной – Е.Т.*).

До 2014 года в Крыму русский язык был *de facto* мажоритарным, но *de jure* – как и на всей территории Украины – миноритарным [7], и имел статус языка «национальных меньшин» (*укр.*). При этом носители русского языка, проживавшие в стране, условно делились на 3 группы:

- владеющие украинским языком свободно, активно использующие его во всех видах речевой деятельности;
- владеющие пассивно (понимают, читают, но не разговаривают);
- не владеющие украинским языком.

В Крыму представителей первой группы (владеющих свободно и активно употребляющих украинский язык) было значительно меньше, чем в целом по Украине, основная часть населения Крыма владела (и сейчас владеет) украинским языком пассивно. Однако до 2014 года все делопроизводство велось на украинском языке, что способствовало развитию письменной формы официально-делового стиля украинской речи крымчан всех национальностей.

Вплоть до 2014 года вопрос о единственном государственном (украинском) языке стоял очень остро: многие ученые и общественные деятели (в том числе автор этих строк) выступали за признание русского языка вторым государственным. В стране фактически существовало двуязычие. Проблемы украино-

русского билингвизма постоянно были в центре внимания лингвистов (см., например, [3; 5; 6; 7]).

Языковая политика государства Украины была направлена на то, чтобы довести русский язык (в том числе в Крыму) до уровня домашнего, а украинский вывести на позицию основного. Однако эта политика вызывала отторжение значительной части русскоязычного населения в силу отсутствия у него языковой лояльности. Понятие языковой лояльности связано с оценочными признаками, которые касаются «оценки языка носителями др. языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д. Совокупность внутренних оценок определяет степень т. наз. «языковой лояльности» данного языкового коллектива, т. е. степень его приверженности к родному языку» [4: 617]. Приверженность родному языку, как стало очевидно после 2014 года, оказалась более высокой у русского и крымскотатарского народов Крыма (по сравнению с украинским, если говорить о трех основных языках Республики Крым). Именно в силу языковой лояльности носители украинского языка, проживающие сейчас в Крыму, перешли на использование русского языка во всех сферах деловой и общественной жизни, и многие перевели своих детей на русский язык обучения в образовательных учреждениях (об этом подробнее будет сказано ниже).

В начале XXI века проблема лингвистической стратегии развития славянских языков в Крыму была крайне политизирована, сосуществование украинского и русского языков здесь специалисты квалифицировали как «соперничество» [9], «обреченность» на диалог [1] и т. п. Одни и те же события – например, результаты Всеукраинской переписи населения 2001 года – представители разных политических лагерей оценивали прямо противоположно. Так, «Кримська світлиця» (единственная в то время газета в Крыму, издававшаяся на украинском языке мизерным тиражом) с удовлетворением отмечала, что 2/3 граждан Украины назвали украинский язык родным и это должно положить конец спекуляциям на тему придания русскому языку статуса официального или второго государственного. В то же время газета «Крымская правда» устами доктора социологических наук Павла Хриенко констатировала: «Путем всеукраинской переписи еще раз под-

твержден факт, что с точки зрения культурно-национальной самоидентичности Крым – преимущественно русский. Официальные данные переписи должны способствовать крымчанам защищать себя от лингвистической агрессии, вплоть до Европейского суда по правам человека и в других правозащитных структурах» [КП 11.01.03].

По мнению А.Б. Швеца, в период до 2014 г. «двойная идентичность славян Крыма – это в некоторой степени метка социального протеста регионального сообщества против попыток некоего Центра навязать региону свой стандарт освоения (в том числе лингвистического) территории. В этом протесте региональное сообщество может быть ложноориентированным и просто конъюнктурным» [9: 247]. Так, статус государственного, которым обладал украинский язык в Крыму до 2014 года, позволял носителям украинского языка и лицам, владеющим этим языком свободно во всех видах речевой деятельности, занимать высокие посты, должности в государственных учреждениях, чувствовать свой престиж и какие-то преимущества в конкурентной борьбе.

После 2014 года ситуация изменилась зеркально: русский язык стал государственным и закрепил свой фактически существовавший в Крыму статус юридически, украинский язык стал фактически миноритарным (будучи, как уже сказано, юридически одним из трех государственных языков РК). Однако политизированность ситуации сохранилась. Яркий пример: 1 сентября 2016 г. в одной из социальных сетей мама ученицы 5 класса пишет (орфография и пунктуация первоисточника сохранена): *«Привет всем! Ну, мы своим правилам не изменили). Первый и последний звонок – в вышиванках. Одни в классе и во всей школе. Ребенок пошел в 5-й класс. И оказалось, что наша классный руководитель – председатель городского отделения известной партии с медведем на эмблеме. Вопрос – "Это протест?" Ответ – "Это традиция"»*. Вышиванка – украинская вышитая рубашка – была воспринята учителем не как проявление национальной самоидентификации, дань национальной традиции, а как форма протеста. Вполне очевидно, впрочем, что некоторые основания для такой реакции у учителя были: ношение вышиванок, также как и ношение мусульманских платков в школе, имеет свои скрытые смыслы.

Для «взамонепонимания» носителей двух близкородственных языков есть, на наш взгляд, и некоторые интралингвистические причины. Так, в украинском языке не различаются слова *русский* и *российский*, поэтому для носителей украинского языка и русские граждане Украины, и граждане РФ (любой национальности) – «*росіяни*». Таким образом, тезис о принятии русского языка как второго государственного по-украински звучит как требование узаконить «*російську мову*», т.е. язык другого государства. В то же время, для носителей русского языка эти слова наполнены глубоким смыслом и дают возможность различать граждан России – *россиян* и людей, принадлежащих к русской нации – *русских*. С другой стороны, в украинском языке одним словом называются и лица украинской национальности, и граждане страны Украины. Вот почему русские по национальности *громадяне України* (проживавшие, например, в Крыму), которых по-украински называли *українцями (українці)*, внутренне сопротивлялись этому, как отказу от своей национальной самоидентификации, что вызывает естественную негативную реакцию.

Другой пример: некоторые лексемы, функционирующие в обоих языках, различаются стилистической окраской. Вполне литературные в украинском языке, в русском они являются разговорно-просторечными и «режут слух». Например, слова: *брехати (лгать, врать)*, *брехня (ложь, вранье)*, *нехай (пусть)*, *чи, хиба (или)*, *свекруха (свекровь)*, *яблуко (яблоко)* и др.; словоформы: императивы (*біжи – беги, заходь – заходи, заходьте – заходите*); личные формы глаголов (*хочете – хотите, хочу – хочу*); падежные формы существительных: *пальта* (мн.ч. Им.п. *пальто*), *закрий рота (закрой рот)* и т.п. Когда в результате межъязыковой интерференции эти украинизмы появляются в речи говорящих по-русски, у носителей русского языка возникают нежелательные коннотации (собеседник воспринимается как малограмотный человек).

Таким образом, для коммуникативных неудач в ходе межкультурной коммуникации носителей близкородственных языков имеются, на наш взгляд, как экстра-, так и интралингвистические причины.

В сфере образования в Крыму в дошкольных и средних общеобразовательных учебных заведениях русский является основным языком обучения. На двух других государственных языках

Республики Крым в текущем учебном году, по данным Министерства образования, науки и молодежи, обучается 5620 учеников: 5381 человек на крымскотатарском языке и 239 человек на украинском языке.

Для сравнения: в 2007 году в Крыму было 330 школ с русским языком обучения, 7 с украинским, 15 с крымскотатарским, 171 с русским и украинским, 1 с крымскотатарским и украинским, 27 с русским и крымскотатарским, 38 с русским, украинским и крымскотатарским языками обучения. Количество школ с крымскотатарским языком обучения до настоящего времени не уменьшилось – их по-прежнему 15, кроме того, в 37 «русских» школах работает 137 классов с крымскотатарским языком обучения. Количество же школ с украинским языком обучения сократилось до нуля, и сейчас в РК насчитывается только 19 украинских классов в 12 школах. Очевидно, что украинский язык вытесняется из сферы образования, однако, как представляется, это явление временное и в перспективе украинский язык займет свое место в образовательном пространстве и в языковой ситуации Крыма в соответствии со своей «демографической мощностью».

В сфере высшего образования по законам РФ и в соответствии с европейской практикой языком обучения является государственный русский язык. Подготовку по специальностям «крымскотатарский язык и литература» и «украинский язык и литература» осуществляет КФУ имени В.И.Вернадского (бакалавриат, магистратура, аспирантура), по специальностям «крымскотатарский язык и литература, английский язык и литература», «крымскотатарский язык и литература; русский язык и литература», а также «английский язык и литература, украинский язык и литература» – Крымский инженерно-педагогический университет.

Таким образом, в настоящее время языковую ситуацию в Крыму мы считаем правильным охарактеризовать как *полилингвокультурную* (поликомпонентную) с преобладанием одного – государственного – языка (русского). Языковая ситуация по демографической и коммуникативной мощности составляющих языков *неравновесная*; по своим качественным признакам – *гомогенная* и *гетероморфная, дисгармоничная, недиглоссная*. Существенные изменения в языковой ситуации Крыма связаны с

сокращением функций украинского языка, который утратил свою коммуникативную мощь, потерял прежние позиции в образовательной сфере, переместился на уровень домашнего языка. Основными языками общения в Крыму являются русский (для всех жителей) и крымскотатарский (для представителей почти 10% населения). При этом государственная языковая политика Республики Крым направлена на поддержку трех языков (русского, украинского и крымскотатарского) и сохранение всех национальных языков народов, населяющих полуостров, особенно таких, как крымчаки, караимы и др.

Литература

1. Богданович Г.Ю. О лингвокультурной ситуации в полиэтничной среде // Культура народов Причерноморья. Март 2004. № 49. Т.1 – С.83-87.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
3. Дубичинский В.В. Двужычие в Украине? //Культура народов Причерноморья. Май 2005. №60, Т.3, С.6-9.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Савченко Л.В. Міжмовні комунікації: проблеми білінгвізму в Україні // Культура народов Причерноморья. Январь 2003. №37. С.62-65
6. Титаренко Е.Я. Русская речь в Крыму и Украине сегодня // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. Т.II. – СПб.: Политехника, 2003. – С.530-535.
7. Титаренко Е.Я. Русский язык в Крыму: вчера, сегодня, завтра. // Русский язык в поликультурном мире. 2013 / сб. научных работ. / Под ред. проф. Л.А.Кудрявцевой. – Киев, 2014. – С. 83-87.
8. Усачева О.Ю. Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного // Славянские языки и культуры в современном мире : III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, филологический ф-т, 23-26 мая 2016г). – М.: МАКС Пресс, 2016. – С.623-626
9. Швец А.Б. Особенности лингвистических взаимодействий основных славянских народов Крыма // Культура народов Причерноморья. Январь 2003. №37. С. 244-248.

ДИСКУРСИВНЫЕ СВЯЗИ ЗАГОЛОВКОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

С.Г. Чернобривец

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Журналисты, публикующие свой материал в газете, стремятся обратить информацию к читателю так, чтобы он сразу заинтересовался опубликованными сведениями.

Открывая газету, читатель прежде всего обращает внимание на заголовки – квинтэссенцию текста, ту часть дискурса, которая является предтекстом. Поэтому заголовок должен быть интригующим, неожиданным и кратким.

Подзаголовок – следующий, но не обязательный после заголовка элемент дискурса, отсылающий читающего и к тексту, и к заглавию. Как и заголовок, подзаголовок выражает позицию автора к публикуемому материалу. Подзаголовок характеризуется большей информативной ёмкостью, чем заголовок.

Лид-абзац (от англ. lead – возглавлять, вести) – самый важный, если он представлен в публикации, абзац в тексте. Это первый абзац статьи, обычно выделяемый полужирным шрифтом или курсивом, который позволяет «захватить» внимание читателя. Лид-абзац кратко, конспективно доносит до читателя ту информацию, которая подробно раскрывается в статье.

Наше внимание привлекли некоторые заголовки, подзаголовки и лид-абзацы крымских изданий со стороны приёмов, образующих взаимосвязи между ними. Огромное значение в этом имеют знаки препинания [2].

Известно, что пунктуация – одно из выразительных средств репрезентации тех сторон содержания, которые либо не могут передаваться при помощи лексических и грамматических средств, либо передаются такими способами частично. Н. С. Валгина в связи с этим замечает: «Современная пунктуация контекстуально обусловлена. Контекстуальная вариативность сообщает пунктуации такое замечательное качество, как гибкость» [1, с. 241].

«Знаки препинания, – далее пишет Н. С. Валгина, – читаются, т. е. несут в себе определённую, известную нам информацию,

следовательно, они отягощены смыслом, исторически накопленным в практике печати» [1, с. 241].

Наши наблюдения показали, что с помощью знаков препинания журналисты намеренно выделяют те части заголовка, подзаголовка и лид-абзаца, на которые читатель должен обратить внимание в первую очередь. Яркий пример этому – парцеллированные конструкции, в которых знак конца предложения, разрывающий грамматическую структуру, способствует акцентированию внимания читающего на отчленённой части – парцелляте [3]. Например: *Йо! В баночке* (Крымская правда, 27.10.16). Автор статьи, построив заголовок таким образом, прежде всего привлекает внимание его необычностью, так как при первом прочтении не понятно, о чём, собственно, идёт речь. Далее, в подзаголовке этой публикации *Как выбрать правильный продукт с живыми бактериями*, кратко формулируется основная цель статьи, но не называется сам продукт, а в лид-абзаце, коммуникативная установка которого – сообщить читателю, что дальше будет ещё интереснее, конспективно намечает вопросы, на которые призвана ответить статья:

Питьевой и для еды, с фруктами, соком, в баночке и бутылочках, обещающий насытить организм живыми бактериями и удивить вкусом. Йогурт, популярный кисломолочный продукт, способный усилить сопротивляемость организма вирусам и восстановить микрофлору кишечника. На прилавках выбор его огромный, как не ошибиться – выясняла «Крымская правда».

В этом лид-абзаце в первом предложении происходит нанизывание определений без определяемого слова, а это в свою очередь интригует читателя, побуждает его выяснить, какой же продукт имеет такие характеристики. И только в следующей конструкции, отчленённой от предыдущей, называется определяемое – йогурт.

Такие построения, создающие эффект прерывистости в передаче информации, имитируют интонации разговорной речи: читатель, как бы «споткнувшись» на точке – месте разрыва – сразу же обращает внимание на отчленённую часть, выделенную по смыслу и интонационно. При помощи такого стилистического приёма парцеллированные конструкции приобретают особый смысл, что и используется журналистами в своих публикациях

для привлечения внимания читателя. Вот ещё пример такой конструкции: *И будет сад. Детский* (Крымская правда, 22.09.16). Без парцелляции этот заголовок теряет экспрессивный оттенок: *И будет детский сад*. Как видим, если в парцеллированной конструкции с точки зрения коммуникативного членения ремой, новым, важным является парцеллят «детский», то без расчленения тематическое членение будет иным: слово «детский» попадает в синтагму со словом «сад» и вместе с ним называет нерасчленённый синтаксически объект действительности, причём с отступлением от объективного словопорядка в именовании данного учреждения.

В газете «Крымская правда» часто встречается в функции заголовка отчлененная предикативная единица «Если бы не Крым...» (Крымская правда, 06.09.16, 12.07.16, 30.09.16, 13.09.16), после которого в подзаголовке одной фразой намечается тема публикации, а в лид-абзаце двумя-тремя предложениями тезисно даётся план статьи, раскрывающей роль Крыма в мировой истории и культуре. Такой заголовок – по форме придаточная предикативная единица со значением условия – заключает в себе главную информацию публикации. Например: *Если бы не Крым...* – заголовок; *В Санкт-Петербурге не погиб бы Александр II, а на Чёрном море не появился бы самый высокий маяк.* – подзаголовок; *«Крымская правда» продолжает выяснять, за что мир благодарен нашему полуострову.* – лид-абзац (Крымская правда, 13.09.16).

Нами обнаружены также названия статей, в которых заголовок и подзаголовок – одно высказывание, в котором подзаголовок – парцеллят к заголовку. Например: *Блэкаут не вернётся* – заголовок; *но временные отключения возможны* – подзаголовок (Крымская правда, 05.10.16); *Водка вернётся в интернет* – заголовок; *Но сайты, торгующие спиртным, попадут в госреестр* – подзаголовок (Комсомольская правда. Крым, 19-26 октября 2016). В этих конструкциях акцент делается на противительных отношениях. *Владимир Путин в Крыму* – заголовок; *обсудил дополнительные меры безопасности на полуострове* – подзаголовок (Крымская правда, 20.08.16). Базовая структура здесь заостряет внимание читателя на присутствии определённого лица – В. Путина – в Крыму, а парцеллят – сказуемое с его распространителями – конкретизирует цель присутствия В. Путина. Таким

образом, разрыв связи координации добавляет новые смыслы в заголовок и подзаголовок, побуждая читателя узнать из статьи конкретные сведения, намеченные в заголовке и подзаголовке. *Жизнь без счётчика...* – заголовок; *...или как кадры влияют на нашу жизнь* – подзаголовок (Крымская газета, 19.10.16); *Только личная прибыль...* – заголовок; *...вероятно, интересуется тех, кто даёт добро на застройку Симферополя высотками* (Крымская правда, 11.01.17) – подзаголовок. В этих названиях разрываются отношения тождества, оформленные с помощью союза ИЛИ и многоточия, как это происходит в первом примере. Во втором отчленяется группа сказуемого от базовой структуры – подлежащего, что и стимулирует читателя к дальнейшему прочтению всей статьи, что также побуждает к получению более подробных сведений в опубликованном материале и усиливает эмоциональное напряжение, создаёт эффект неожиданности. В парцелированных названиях интонационный рисунок таков, что вначале акцентируется базовая структура как основное событие, а затем называется парцеллят, конкретизирующий это событие.

Как показали примеры, употребление двоеточия в крымских газетах используется в основном также для разделения высказывания на две части: в первой называется проблема, а после двоеточия представлена её конкретизация. Например: *Роуминг в Крыму: необходимость или спекуляция?* (Крымская правда, 25.08.16); *Безопасная школа: миф или реальность?* (Крымская правда, 14.09.16); *Осень: укрепляем иммунитет* (Комсомольская правда. Крым, 19-26 октября 2016). Такая сегментация не только информирует реципиента о событии, но и воздействует на него, побуждая к прочтению основного текста.

Обращает на себя внимание также довольно частое употребление двоеточия в двучленных заголовочных конструкциях такого типа: *Польский сейм: бандеровцы – фашисты* (Крымская правда, 23.07.16); *В. Путин: убийство посла – подлая провокация* (Крымская правда, 21.12.16); *Трампы: мы сделали это!* (Крымская правда, 21.12.16); *В. Путин: заключённые – наши граждане* (Крымская правда, 08.12.16). По правилам пунктуации, после двоеточия, если это прямая речь, слова автора должны помещаться в кавычки. Однако такие заголовки оформляются как несобственно-прямая речь: первая часть называет того, кто является

автором высказывания, стоящего после двоеточия, но приводится оно не как цитация, поскольку содержит только основную мысль. Постановка двоеточия в таких двучленных конструкциях современными правилами не оговаривается, однако журналисты часто прибегают к такого рода построениям. Они броски и содержательно компактны.

Функции тире в заголовках довольно широки, однако, как правило, указывают на смысловую зависимость частей фразы, расчленённой с помощью этого знака. Например: *Вы к нам, а мы – к вам* (Крымская правда, 17.11.16); *С выборов – на сессию* (Крымская правда, 22.09.16); *Четырёхполоска – к 2020 году* (Крымская правда, 26.11.16); *Сектантов – за решётку!* (Крымская правда, 26.11.16); *Курилы наши, ракеты – тоже* (Крымская правда, 26.11.16); *Подданных – под колпак* (Крымская правда, 01.12.16); *Газета – из поколения в поколение* (Крымская правда, 20.12.16). В таких конструкциях в результате пропуска предикативной формы глагола создаётся эмоционально-смысловая напряжённость. Кроме такого употребления тире в газетах встречается и авторское его использование, т. е. не регламентированное правилами пунктуации. Например: *А гегемон-то – голый* (Крымская правда, 20.09.16); *А лучшие – бесплатно* (Крымская правда, 30.09.16); *У самих добра такого – завались* (Крымская правда, 14.09.16); *Главный укрофашист – ещё и главный коррупционер* (Крымская правда, 07.12.16). Такой тип заголовка привлекает внимание читателя к наиболее важным сторонам события, ставшего предметом внимания журналиста, интригует и побуждает к прочтению конкретных сведений из публикуемой после заглавия статьи.

Употребление многоточия в заголовках связано с содержательной и эмоциональной стороной. Например: *Казань брал, Астрахань брал... а Орёл не может* (Комсомольская правда. Крым, 16.09.16). Так озаглавлена статья, в которой речь идёт об установке памятника Ивану Грозному в городе на Оке. Здесь многоточие указывает на определённый подтекст, который читатель может узнать, только прочитав всю статью. Следующие два заголовка к разным публикациям как бы продолжают друг друга, что также выражается пунктуацией: *Киев просит у США оружия...* (Крымская правда, 18.02.15). После публикации под таким

заголовком сразу же подана статья, озаглавленная *...хотя экономика страны в упадке* (Крымская правда, 18.02.15).

Таким образом, между заголовком и остальной частью текста публикации – подзаголовком, лид-абзацем и текстом – существуют особого рода связи: заголовок позволяет прогнозировать содержание публикации, выражая основной её смысл, а подзаголовок и лид-абзац, если они присутствуют, скрепляют текст в единое целое, содержательно относясь и к заголовку, и к основному тексту. Заголовок, подзаголовок и лид-абзац – это единая стилистико-композиционная система подачи начальной информации, направленная на реализацию функции воздействия на читателя. Знаки препинания связывают эти части дискурса с его основным содержанием, эмоционально и семантически его наполняя. Пунктуационные знаки позволяют невербально показать интенции автора публикации, выразить подтекст. Пунктуация также призвана сделать начало текста экспрессивным и тем самым обозначить точку зрения журналиста на освещаемое событие, а следовательно, побудить читателя к дальнейшему прочтению всей статьи.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

2. Чернобривец С. Г. Газетные заголовки как средство достижения коммуникативно-прагматических целей / С. Г. Чернобривец. // УЗ КФУ им. В.И. Вернадского. – Филологические науки. – Т. 1 (67). - № 2. – Симферополь, 2015. – С. 110-116.

3. Чернобривец С. Г. К вопросу о статусе парцеллированных фрагментов текста /С. Г. Чернобривец // Сборник научных трудов. Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. – Киев, 2006. – С. 96-98.

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

А.М. Эмирова

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
(Симферополь)

Ищите и обрящите.

Толцые, и отверзется.

(Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 7)

Русский и крымско-татарский языки в правовом поле Украины имели, как известно, статус языков национальных меньшинств. Будучи русистом, я прекрасно осознавала некорректность такого статуса для русского языка, поэтому особое внимание мной было уделено проблемам имплементации положений «Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» применительно к русскому и миноритарным языкам Крыма (крымско-татарскому, караимскому, крымчакскому). Известно, однако, что ни одна из «больших» проблем языковой ситуации и языковой политики в Крыму за 23 года (с 1991 по 2014 гг.) решена не была. (См. об этом публикации автора [2–6].)

Новые геополитические условия, в которых сегодня находится Крым, поставили перед всем крымским сообществом, в том числе и властными институтами РК, задачу создания условий для корректной и своевременной имплементации нового социального статуса доминирующих в Крыму языков – русского, украинского, крымско-татарского. За истекшие три года многое сделано в этом направлении: принят «Закон об образовании в Республике Крым» (17 июня 2015), реорганизована в нужном направлении система образования, в том числе внедрены в учебную практику учебные пособия, соответствующие российским стандартам, и др. Однако многое ещё предстоит сделать. В частности, до сих пор не принят закон «О функционировании государственных языков и иных языков в Республике Крым» (проект от 14.04.2015 г.).

Выполняет ли сегодня крымско-татарский язык делегированные ему три года назад функции государственного языка? Государственный язык, как известно, – это язык, который обслуживает все важные сферы государственной и общественной жизни:

управление, делопроизводство, судопроизводство, законотворчество, дипломатия, СМИ, все формы и уровни образовательной системы и др. Крымско-татарский язык сегодня не выполняет всех перечисленных выше функций. Он используется ограниченно лишь в сферах образования и науки (филологии), а также в СМИ (resp. в интернете).

Витальность и дальнейшее развитие языка, как известно, обеспечиваются его использованием прежде всего в трёх сферах: в семье, в практике преподавания и в общественной жизни.

Крымско-татарская семья сегодня не в состоянии обеспечить естественного приобщения новых поколений к национальной культуре и её базовому компоненту – крымско-татарскому языку. Такое положение дел объясняется тем, что уже четвёртое поколение крымских татар живёт в мощном иноязычном окружении, одним из следствий которого является большое количество смешанных браков (по разным источникам – от 20 до 40 %.), языком общения в которых является русский язык. В несмешанных семьях, сформированных молодыми поколениями, получившими среднее и высшее образование в русской школе, семейным языком также является русский язык. Известно, что язык умирает, если он перестает быть средством общения в семье. Однако, выполняя лишь эту функцию, он не только не развивается, но беднеет, вырождается.

Сегодня есть основания говорить о языковой аттриции – частичной деградации, коррозии крымско-татарского языка, что проявляется в наличии многочисленных лексических заимствований из русского языка, в том числе разного рода кáлек и полукáлек (словообразовательных, фразеологических, синтаксических); в замедлении процессов развития лексического состава языка (отсутствуют новообразования, созданные на базе собственных деривационных ресурсов крымско-татарского языка); в морфологической и синтаксической интерференции; в лексических и фразеологических заменах в процессах продуцирования речи; в появлении слышимого акцента и др.

Не следует при этом забывать, что согласно последней версии «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» (2010 г.) степень сохранности крымско-татарского языка можно определить как промежуточную между *под угрозой* (в се-

мье дети уже не овладевают родным языком) и *серьёзно уязвимый* (на языке говорит старшее поколение; новые поколения родителей могут его понимать, но не говорят на нём с детьми и/или между собой).

Надежду на сохранение и дальнейшее развитие родного языка крымско-татарская общественность сегодня связывает лишь со сферой образования.

Согласно п. 2 статьи 11 «Язык образования» закона «Об образовании в Республике Крым», дублирующего п. 4 статьи 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», «граждане РФ, проживающие на территории РК, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымско-татарском, а также право на изучение родного языка **в пределах возможностей, предоставляемых системой образования**». К сказанному следует добавить, что преподавание и изучение крымско-татарского языка осуществляется в образовательных организациях РК на основании заявлений родителей (минимум – 7–8 человек для открытия класса). Следовательно, конституционные права детей изначально ущемлены, т. к. они опосредованы мотивацией и волей родителей. Складывается впечатление, что проблема сохранения и развития миноритарных языков не только в РК, но и, судя по информации в СМИ, в Российской Федерации в целом передана в ведение родителей. Однако, как известно, родительская общественность не является единой социальной структурой, обладающей инструментами воздействия на социум.

В 2016/2017 учебном году в Республике Крым функционирует 556 общеобразовательных организаций всех форм собственности, в которых обучается 192,3 тысячи детей. Из них 186,5 тысяч детей получают образование на русском языке (96,9 % от общего контингента), 5,4 тысяч детей – на крымско-татарском (3 %), 371 – на украинском (0,1 %). Кроме того, на базе общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения открыты классы с крымско-татарским языком обучения – в 37 школах 137 классов, 1730 учащихся².

²Из выступления министра образования РК Н. Гончаровой по итогам мероприятий, посвящённых Дню родного языка, – 21 февраля 2017 г.

Как соотносится цифра 3% с общим количеством детей школьного возраста крымско-татарской национальности? Такие данные в Министерстве образования РК отсутствуют. Может ли такое мизерное количество детей, обучающихся сегодня на родном языке, после их вступления во взрослую жизнь как-то способствовать если не развитию, то хотя бы сохранению следующими поколениями крымско-татарского языка? Ответ ясен.

Какова же сегодня языковая политика в РК? Как было сказано выше, до сих пор не принят закон о функционировании языков в РК (проект от 14.04.2015 г.), который по логике вещей должен был предшествовать закону об образовании. С 5.03.2015 г. по сей день находится в стадии рассмотрения в комиссиях Госсовета РК и проект закона РК «О государственной поддержке крымско-татарского языка как государственного языка Республики Крым»³, который, как сказано в преамбуле текста законопроекта, направлен на создание условий для использования крымско-татарского языка как государственного языка на территории Республики Крым, защиту и развитие крымско-татарской языковой культуры, сохранение исторических и национальных традиций и культурного своеобразия Республики Крым.

Узловые моменты содержания данного законопроекта, изложенные в семи статьях, коррелируют с духом и буквой федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации» и «О языках народов Российской Федерации». Под защитой крымско-татарского языка понимается обеспечение его распространения, использования, сохранения и развития посредством прежде всего обязательного преподавания крымско-татарского языка в учреждениях дошкольного, начального общего, основного общего, полного общего, начального и среднего профессионального образования и др. Именно это положение – обязательное преподавание и изучение крымско-татарского языка во всех звеньях системы образования и воспитания – вызывает возражения критиков. Например, в заключении комиссии Госсовета РК по вопросам образования, науки, делам молодежи и спорта о проекте закона «О функционировании государственных языков в Республике Крым»

³Внесён депутатом Государственного совета РК Р.И. Ильясовым.

(06.03.2015) написано: «В основу проекта закона положено обыденное (не научное) толкование понятия “государственный язык”. Подразумевается, что все государственные языки – это языки, обязательные для изучения, в то время как государственный язык, по нашему мнению, следует определять как язык, на котором гражданин может осуществлять коммуникацию с государством».

Здесь уместно напомнить определение понятия «государственный язык» в словаре ИЯ РАН [1]: государственный язык – это «язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др.» [1, с. 47]. В отсылочной статье «Огосударствление языка» того же словаря [1, с. 157] термин *огосударствление языка* толкуется как «придание языку данной территориальной единицы статуса государственного и, следовательно, обязательного для употребления в официальных сферах общения».

Как известно, в разных субъектах РФ преподавании государственных (в том числе и родных) языков осуществляется в соответствии с социально-демографическими особенностями региона. Так, в Чечне национальный язык преподается во всех школах республики как отдельный предмет. В республиках Татарстан и Калмыкия приняты законы, в соответствии с которыми граждане России, обучающиеся на территории этих регионов, помимо русского языка, как государственного языка РФ, обязаны изучать также государственный язык республики.⁴

Представляется, что на сегодняшнем этапе функционирования крымского сообщества проблему сохранения и дальнейшего развития крымско-татарского языка можно было бы решить путем обязательного его преподавания в качестве **родного языка** в начальной школе, например, путём деления учащихся класса по национальным группам (русские, украинцы и крымские татары) или иным способом по усмотрению администрации школы. На следующих же этапах обучения сохранить нынешнюю практику преподавания – с согласия родителей. Такой путь позволил бы

⁴ <http://nazaccent.ru/content/11552-89-rodnyh-yazykov.html> (Дата обращения: 08.04..2017)].

избежать межэтнической напряженности и в какой-то степени способствовал бы сохранению крымско-татарского языка.

Мировая общественность сегодня, как известно, внимательно следит за событиями в России и в Крыму. Представляется также, что новые реальные шаги РФ по сохранению и развитию крымско-татарского языка могли бы способствовать укреплению международного имиджа России как гаранта мира и демократии.

Забота о государственных языках, как известно, – это прерогатива и обязанность государства. В свете сказанного следует напомнить содержание пункта 2 статьи 4 закона РФ «О языках народов Российской Федерации»: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РФ». См. также пункт 4 названной статьи, предусматривающий ответственность юридических и физических лиц за актуализацию научно обоснованной языковой политики.

Крымские татары – один из коренных народов Крыма, многовековая культура которых является своеобразной визитной карточкой Крыма. Долг и обязанность великой России сегодня перед всей мировой общественностью – сохранить уникальную культуру крымских татар и её душу – крымско-татарский язык.

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. д-р филол. наук В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
2. Эмирова А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар // X конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русское слово в мировой культуре. Россия в мировом культурном пространстве. Санкт-Петербург, 2003. С. – 142–146.
3. Эмирова А. М. Русский язык на Украине (Новая концепция государственной языковой политики) // Журнал «Октябрь». – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
4. Эмирова А.М. Крымско-татарский язык как объект «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» // Культура народов Причерноморья, № 197, т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 180–187.
5. Эмирова А.М. Правовой статус крымско-татарского языка в Республике Крым и перспективы его имплементации // Сборник материалов всероссийского семинара-совещания «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности. – М., 2015. – С. 408–411.

6. Эмирова А. М. Крымско-татарский язык в языковой ситуации Республики Крым // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 г.). – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2016. – С. 731–735.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ГОЛОВА' В СОСТАВЕ РУССКИХ СЛОВ

Л.А.Баранова

Медицинская академия имени С.И.Георгиевского

(структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Много ли слов в русском языке восходят к слову *голова*? На первый взгляд, не так уж и много – около 4 десятков. Однако в русском языке есть ещё множество слов, в которых исходное значение '*голова*' как бы «спрятано» за иноязычной оболочкой, и выявить его мы можем лишь с помощью этимологического анализа. Оболочка эта может быть весьма разнообразной, поскольку заимствованные компоненты с указанным значением могут принадлежать к разным языковым группам. Кроме того, прежде чем попасть в русский язык, эти слова проходят сложный путь через один или несколько других языков, что также определяет особенности данных слов и затрудняет установление смыслового родства их исходных корней.

В составе русских слов мы можем найти подобные компоненты, заимствованные из греческого, латинского и тюркских языков, причём группы заимствований из этих языков значительно различаются в количественном отношении.

Так, заимствование из греческого языка представлено в русском языке всего лишь одним словом – названием морской промысловой рыбы *кефаль*: «Заимствовано в древнерусскую эпоху из греческого языка, где *Kerphalos* – от *Kerphale* – 'голова'. Название рыбе дано по внешнему виду» [7, с. 193; также: 6, с. 129]. Из 17 видов данной рыбы в водах России обитает лишь один вид – *лобан*. Как мы видим, русское название данного вида также отражает внешние особенности этой рыбы – крупную голову, большой лоб. На подобную особенность в русском языке указы-

вает и название ещё одной рыбы – *голавль*, однако это уже русское по происхождению название пресноводной рыбы из семейства карповых.

Ещё одну достаточно немногочисленную группу составляют слова с тюркским компонентом *баш* – 'голова' и их производные. Вспомним синонимичное слову *голова* русское разговорно-просторечное слово *башка* – «древнерусское заимствование из тюркских языков; тюркское *баш* на русской почве было словообразовательно переоформлено посредством суффикса *-КА*» [7, с. 38]. На его основе в русском языке образовалось прилагательное *башковитый* – 'умный, сообразительный' [4, т. 1, с. 66]. А вот по поводу времени появления слова *башка* в русском языке мнения исследователей расходятся. Так, в словаре Т.Л. Фёдоровой, О.А. Щегловой появление этого слова датируется XVIII веком (1771 г.), в то время как в словаре Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой его возникновение отнесено к XVI веку с примечанием: «Сначала в значении 'голова рыбы'» [6, с. 19].

Отмечено в словарях и слово *баш* – в составе устойчивого словосочетания *баш на баш* [4, т. 1, с. 66; 2, с. 111; 1, с.84]. Возникло это выражение в тайном языке тамбовских гуртовщиков и торговцев скотом и обозначало равный обмен “голова на голову”, в этой же среде появилось и слово *башлять* – 'платить за что-либо поголовьем скота'. Выражение *баш на баш* и поныне используется в разговорной речи в ситуациях равноценного обмена без придачи, без убытка и без прибыли.

Элемент *баш-* может присутствовать в словах, называющих как людей (*башибузук*), так и вещи (*башлык, башмак*).

Башибузук – от заимствованного в XIX веке турецкого *basybozuk* – 'обречённая или бешеная голова'. Этим словом называли солдат нерегулярных конных войск в Турции XVIII-XIX в.в. В русском разговорном языке это слово (ныне уже устаревшее) использовалось в значении 'разбойник, головорез, грубый, безжалостный человек' [7, с. 38; 1, с. 84; 2, с. 111; 4, т. 1, с. 66]. Устаревшим можно считать и слово *башлык*, заимствованное «в XVI в. из тюркских языков, где *башлык* – суффиксальное производное от *баш* – 'голова' – буквально обозначает 'головной (убор)' [6, с. 19].

А вот слово *башмак* (древнерусское заимствование из татарского языка) не только не устарело, но и, помимо своего прямого значения '*закрытая обувь, ботинки*', используется в специальном, техническом языке для обозначения определённых приспособлений (*тормозной башмак*), а также развило переносное значение и употребляется в составе устойчивого словосочетания (*быть под башмаком* у кого-то – быть в полном подчинении). На основе слова сформировались и производные *башмачок, башмачник, башмачный* [4, т. 1, с. 66; 5, с. 40; 7, с. 38].

Но наиболее значительную по объёму и разнообразную по значениям и форме группу составляют в русском языке слова, восходящие в своей основе к латинскому слову *caput* – '*голова*' и его производным. Так, производное латинское прилагательное *capitalis* – '*основной, главный*' стало основой существительных *capital* во французском, *capitale* – в итальянском, *Kapital* – в немецком языках. Русским языком слово *капитал* было заимствовано в начале XVIII в. из немецкого языка, а вот что касается источника заимствования в немецком языке, то большинство исследователей считают таковым французский язык [1, с. 250; 2, с. 312; с.5, с. 153], но существует и точка зрения, что немецкий язык заимствовал это слово из итальянского: «Заимствовано в начале XVIII в., вероятнее всего, из немецкого языка, где *Kapital* – из итал. *Capitale* ('*основная сумма*'), восходящего к лат. *Capitalis*» [6, с.121]. В русском языке это слово образовало целый ряд производных, некоторые из которых не только развили новые, дополнительные значения, но и образовали собственные словообразовательные гнезда (например, слово *капитальный*). Но отдельные производные были также заимствованы, причём значительно позже, чем исходное слово. Так, слово *капитализм* «заимствовано в первой половине XIX в. из немецкого языка. Современное значение – с «Капитала» К. Маркса (первый русский перевод был сделан в 1872 г.)» [6, с. 121].

К той же латинской основе восходит и итальянское слово *capitano*, заимствованное затем французским языком (*capitaine*), а из него – польским (*kapitan*). Русским языком слово *капитан* было заимствовано из польского языка в XVII в. Кроме того, из французского языка, в котором для обозначения определённой армейской должности употреблялось словосочетание *capitaine*

d'armes (*armes* – 'оружие'), это словосочетание было заимствовано русским языком в виде целого слова *каптенармус* с тем же значением, что и во французском языке. В итальянском языке из слова *capo* – 'голова' возникло наименование армейского звания *caporal*, заимствованное в той же графической форме французским языком, из которого слово *капрал* было заимствовано русским языком в XVII в. [4, т. 2, с. 29-30].

Всё с той же латинской основой связано и французское слово *chef* – 'голова, командир', заимствованное русским языком в Петровскую эпоху (*шеф*) и развившее в последующем ряд дополнительных значений ('начальник, глава – по отношению к подчинённым', 'организация или человек, оказывающий помощь кому-либо') и производных форм (*шефский, шефство, шефствовать*) [1, с. 661; 2, с. 810; 4, т. 4, с. 713].

Производное от *caput* латинское слово *sarra* – 'головной убор', пройдя ряд преобразований в других языках, стало основой для целой группы слов в русском языке, обозначающих различные виды головных уборов (*шапка* – древнерусское заимствование из старофранцузского *chapeau*, *шляпа* – заимствовано в XVI в. из средневерхненемецкого *Slappe*, *капор* – из голландского *kapen* – 'шапка'; *капелюх* – заимствовано через польский и украинский языки из немецкого *Kappe*; *кепи*, заимствованное из английского *keri*, и его русские производные *кепка, кепочка, кепчонка, кепочник, кепочный*), а также называющих определённые предметы одежды или её части. Так, французское слово *cape*, образованное от латинского *sarra* с тем же значением, превратилось затем в новое слово *сарот* – 'род плаща с капюшоном', позднее развившее новое техническое значение – наименование детали автомобиля. Русским языком слово *капот* было заимствовано из французского языка в начале XIX в. в значении 'женский халат' (ныне уже устаревшем), и лишь в начале XX в. оно пришло в русский язык в своём техническом значении, в котором используется и поныне. Но во французском языке наряду со словом *sarot* к латинскому языку восходит ещё одно наименование детали одежды – *sarrichon*, однако восходит оно не напрямую к *sarra*, а к его производному *caputium* – 'монашеская шапка'. Заимствованное в середине XVIII в., в русском языке это слово превратилось в *капюшон*.

В итальянском языке, в котором *капюшон* – это *sarrissio*, было образовано слово *sarrissino* для обозначения членов католического монашеского ордена, основанного в XVI в. как ответвление ордена францисканцев в Италии, которые носили плащи с капюшонами. Название этих монахов было заимствовано русским языком из итальянского: *капуцины*. А вот уже в наши дни в итальянском языке у слова *sarrissino* появилось ещё одно значение – так стал называться новый рецепт приготовления кофе – с шапкой молочной пены на его поверхности (по сходству формы этой пены с головным убором монахов кофе и получил своё название). Современным русским языком было заимствовано из итальянского и это слово, но уже в иной графической форме: *капучино*. То есть, если в итальянском языке это слово в двух его значениях совпадает, то в русском языке это два разных слова [8, с.275].

К латинскому корню *caput* восходит в русском языке и ещё целый ряд заимствованных слов, принадлежащих к разным тематическим группам: *капитель* – архитектурный термин, обозначающий верхнюю часть колонны; медицинский термин *капилляры*; *капитул* – у католиков место собрания духовенства; *капелла* в 2-х значениях: 1) *capella* – 'часовня' и его производные *капеллан*, *каплица* и 2) *capella* – 'хор певчих, смешанный ансамбль' и его производные *капельдинер*, *капельмейстер*; *Капитолий* – холм, на котором возник Древний Рим и храм на этом холме, а также здание Конгресса США в Вашингтоне.

А вот связь русского наименования *капусты*, даже внешне напоминающей голову, с латинским *caput* не столь очевидна для исследователей: «Капуста – общеслав., этимологически не установлено, считается заимствованием, восходящим к контаминации лат. *caput* и лат. *composita*» [5, с. 154].

Таким образом, мы видим, что присутствие в русских словах различных компонентов со значением 'голова' весьма широко и разнообразно, что и вызывает интерес к исследованию данной группы.

Литература

1. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. Изд. 2-е, испр. – М.: Мартин, 2008. – 704 с.

2. Крысин Л. П. Иллюстративный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
3. Словарь иностранных слов. Изд. 14-е, испр. – М.: Русский язык, 1987. – 608 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. Стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1. 1985 – 696 с. Т. 2. 1986 – 736 с. Т. 4. 1988 – 800 с.
5. Фёдорова Т. Л., Щеглова О. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: ЛадКом, 2007. – 608 с.
6. Шанский Н.М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.
7. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
8. Шаталова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX-начало XXI в.): более 3000 слов и словосочетаний. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 943 с.

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ «УСТУПКА»

Калугина Т.В.

РБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»
(Симферополь)

Средства выражения языковых смыслов могут быть расчлененными и нерасчлененными. Языковой смысл «уступка» не реализован нерасчлененными средствами выражения, так как сформировался довольно поздно.

Расчлененным средством выражения языкового смысла «уступка» является предложно-падежная форма. Это семантически единое сочетание имени и предлога, предназначенное для выражения языкового смысла.

Актуальность исследования определяется тем, что языковой смысл «уступка» продолжает свое формирование в современном русском языке, расширяя арсенал языковых средств выражения, что вызывает значительные трудности при его рассмотрении в школьной и вузовской практике из-за функциональной омонимии.

При выражении языкового смысла «уступка» в сочетании с формой Родительного падежа используются производные предлоги *вне зависимости от, независимо от, на фоне*; в сочетании с формой Дательного падежа – производный предлог *вопреки*; в

сочетании с формой Винительного падежа – производные предлоги *несмотря на, невзирая на*; в сочетании с формой Предложного падежа – непроизводный предлог *при*.

Роль предлога в предложно-падежной форме как средства выражения языковых смыслов чрезвычайно велика. Особую актуальность это имеет для языкового смысла «уступка», который не реализован нерасчлененными средствами выражения. З. Д. Попова, глубоко изучившая предложно-падежные формы в русском языке, пишет: «...Изучение значений, которые предложно-падежная форма способна выражать при разных лексико-семантических группах слов, ее наполняющих, позволяет показать глубокое взаимодействие грамматической функции предложно-падежной формы с ее лексически наполнением и ее позицией в позиционной схеме высказывания. Удастся понять, что значение предложно-падежной формы развивается подобно значению слова и это развитие является одним из средств выражения языковых смыслов» [4, с. 407].

Мы, вслед за Е. Н. Сидоренко, будем рассматривать предложно-падежную форму как семантически единое сочетание имени и предлога, предназначенное для выражения определенных языковых смыслов [5, с. 72].

По мнению Е. С. Кубряковой, словообразование играет особую роль в выражении падежных значений, и нет ни одной категории из описывающихся в рамках падежной грамматики, которая не имела бы своих аналогий в словообразовательных системах. «Все известные нам падежные значения служат основой ономаσιологических категорий, создаваемых с помощью словообразовательных средств» [2].

Сочетания знаменательных слов со служебными единицами В. И. Теркулов считает вариантными аналитическими грамматическими модификациями номинатемы и предполагает, что сочетание знаменательной единицы со служебной является единой глоссой в аналитической форме. Он определяет грамматическое варьирование, реализованное в сочетаниях знаменательных слов со служебными «словоидами», как модифицирование, не нарушающее тождества номинатемы [6, с. 82–83]. По гипотезе В. И. Теркулова, падежное значение – это актуализированное значение номинатемы, которое имеет статус либо ономаσιологи-

ческого базиса предикативной конструкции, либо ономасиологического признака [7, с. 34].

Основным традиционным средством выражения языкового смысла «уступка» являются специфические производные предлоги *несмотря на*, *невзирая на* в сочетании с формой Винительного падежа, функционально омонимичные деепричастиям, и предлог *вопреки* в сочетании с формой Дательного падежа, функционально омонимичный наречию.

Наиболее частотным является предлог *несмотря на*. Он может употребляться с именами существительными и отрицательным местоимением *ни на что*.

Именами существительные могут обозначать как физические, так и психические свойства. К физическим свойствам окружающей среды относятся *жара*, *вечер*: ***Несмотря на жару в сторожке, в лице офицера не было ни кровинки*** [3, с. 9]. ***Несмотря на вечер, ни дирижер, ни оркестранты не включили лампочек над пультами*** [3, с. 354]. К физическим свойствам живого существа относятся *возраст*, *некрасивость*. ***Но, несмотря на некрасивость, у всех теток были в молодости жестокие романы*** [3, с. 29]. ***Несмотря на свой возраст, он чувствовал себя мальчишкой и страдал в обществе взрослых*** [3, с. 61].

Предложно-падежная форма может включать и абстрактные имена существительные, которые обозначают свойства предметов: *Я долго мучился над ним и не понимал, почему он выходит у меня вялым и бледным, несмотря на трагическое содержание* [3, с. 95]. *Дед Семен был чистейшим образцом русского характера – гордого, благородного и щедрого, несмотря на внешнюю скудость своей жизни* [3, с. 140]. *В ней же, по-моему, несмотря на особенность материала, все равно должна была присутствовать индивидуальность писателя, со всеми качествами его восприятия действительности, стиля и языка* [3, с. 159].

Предложно-падежная форма может состоять из предлога *несмотря на* и отрицательного местоимения *несмотря ни на что*, которое имеет значение *несмотря ни на какие препятствия, несмотря ни на какие обстоятельства*: *Она говорит, что люди никогда не сдадутся и, несмотря ни на что, будут делать свое дело* [3, с. 84].

Максимальная частотность предлога *несмотря на* выражается также в том, что он наиболее активно актуализируется в тексте. Например, в статье «*Contra spem spero*» А. Манчука сочетание *несмотря ни на что* является смысловым центром текста. Оно является политическим лозунгом, подвергается авторской рефлексии и противопоставляется выражению *contra spem spero* (без надежды надеюсь). Таким образом, автор прибегает к рецепции текстов Леси Украинки и Карла Маркса. *Лозунг «contra spem spero» подходит сюда с той поправкой, что эта пока мало чем обоснованная надежда должна быть основана на конкретном, практическом и едином действии. Пожалуй, его можно было заменить словами «Trotz alledem» – «несмотря ни на что». Так озаглавил свою последнюю статью Карл Либкнехт – после того, как германская революция погибла, не имея опоры в виде массовой политической организации пролетариата.*

Еще одной яркой особенностью является семантическая конкретизация прономинальной конструкции целым рядом однородных обособленных дополнений, причем одно из дополнений включает предлог *невзирая на*: ***Несмотря ни на что: невзирая на годы, упущенные в бесполезных метаниях и междоусобной грызне, несмотря на общую апатию, пассивность и пессимизм, несмотря на крохотные ресурсы и могущественных врагов, мы должны всеми силами пытаться создать из материи жизни те предпосылки, которые позволили бы качнуть маятник в другую, противоположную варварству сторону [1].*** Такая конструкция позволяет автору максимально усилить читательское восприятие и подчеркнуть силу человеческого духа в преодолении препятствий.

По сравнению с предлогом *несмотря на* предлог *невзирая на* используется более ограниченно, однако степень эмоциональности выше, что может подчеркиваться употреблением тире и превращением в рему: *Горько и больно осознавать, что за последнюю четверть века мы как общество так и не удосужились, а точнее — не захотели по-настоящему разобраться в том, что же на самом деле произошло с нашей общей страной. И это — невзирая на бесконечные споры на эту тему [1].*

Предлог *вопреки* сочетается с именами существительными, обозначающими речевую характеристику. *Но я, вопреки мнению*

многих писателей, считаю их почти бесполезными для основной писательской работы [3, с. 183]. Может быть, только двое этих простых людей и знали, вопреки общему ложному мнению о Мопассане, что у их хозяина было гордое и стыдливое сердце [3, с. 185].

Предлоги *вне зависимости от* и *независимо от* обозначают преодоление экзистенциальных свойств предмета, связанных с ним неразрывно: *Независимо от фамилий людей, занимавших эти должности, после возвращения конституции 2004 года конфликт между ними был неизбежен, так как они имели примерно равные возможности по доступу к ресурсной базе [1]. Так во время Великой Отечественной войны народ, единый народ — вне зависимости от конкретной национальности — сплотился вокруг идеи защиты Родины [1].*

Так как количество предлогов, обслуживающих языковой смысл «уступка», ограничено, возникает необходимость в препозиционализации за счет других частей речи, в том числе имен существительных. Можно говорить о препозиционализации сочетания *на фоне*: *Получается парадоксальная ситуация. В 2014-м на фоне украинского кризиса, воссоединения Крыма с Россией и введения санкций, экономика России не только не была «разорвана», но даже умудрилась подрасти! [1]*

Единственным производным предлогом, используемым для выражения языкового смысла «уступка», является предлог *при*: *При всей вынужденной политкорректности в голову так и лезет старая сказка о «мухе и воле»... [1].* Это многозначный предлог, развивший вторичное уступительное значение на базе значения «условие». Употребление его как средства выражения языкового смысла «уступка» подчеркивается лексемой *вынужденная*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уступительные отношения имеют важное значение для языковой картины мира. Можно говорить о расширении средств выражения языкового смысла «уступка» за счет препозиционализации и вовлечения в сферу уступительных отношений новейших предлогов *вне зависимости от*, *на фоне*, а также появления уступительного значения у производного предлога *при*.

Литература

1. Новостной фронт. Информационное агентство [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://news-front.info>. – Загол. с экрана.
2. Кубрякова Е. С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков [Текст] / Е. С. Кубрякова // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / отв. ред. Г. П. Немищенко. – М. : Наука, 1987. – С. 39–46.
3. Паустовский К. Г. Золотая роза : Повести и рассказы [Текст] / К.Г.Паустовский. – К. : Рад. школа, 1984. – 384 с., – (Мир в образах).
4. Попова З. Д. Предложно-падежная форма как средство выражения языковых смыслов [Текст] / З. Д. Попова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2011. – Том 24 (63) № 2. Часть 3. – С. 406–411.
5. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения : монография [Текст] / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – 128 с.
6. Теркулов В. И. О грамматическом модифицировании номинатемы [Электронный ресурс] / В. И. Теркулов // Режим доступа : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nvkhdu/2010_X/15.pdf. – Загол. с экрана.
7. Теркулов В. И. Гештальтная семантика глагольной номинатемы [Текст] / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 9. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2011. – С. 28–38.

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ ‘ВНИМАНИЕ КАК ПОЗИТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА’

Ю.Ю. Балацкая

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь)

Современные научные исследования в области фразеологии традиционно отличаются полипарадигмальностью и разноаспектностью. XXI век характеризуется стремлением лингвистов к синтезу наук через понимание того, что объяснение языка невозможно без привлечения научного потенциала различных областей познания, сочетания различных парадигм, методов и принципов, в частности, антропоцентризма, этно- и культуроцентризма-

ма. Актуальным подходом к изучению фразеологии является мультипарадигмальный [8, с. 7] или полипарадигмальный [1, с. 7], то есть «с одной стороны, предмет фразеологии традиционный. <...> С другой стороны, в конце XX в. в центр внимания исследователей попадают связи и отношения фразеологии с другими объектами научного познания, такими как речь, общение, деятельность, психика, культура и этнос» [1, с. 7–8]. Интерес к фрагментам действительности, закодированным во фразеологических единицах (далее ФЕ), связывается с их идеографическим аспектом исследования и описания, в котором актуальным представляется предварительное изучение семантической структуры отдельных фразеосемантических полей.

В последние годы XX – начала XXI века опубликован ряд монографий, статей и диссертаций, в которых исследовались идеографические группы ФЕ на материале разных языков, изучались теоретические проблемы фразеологической идеографии (см. труды А.С. Аксамитова, Н.Ф. Алефиренко, А.К. Бирих, В.С. Калашника, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Ю.Ф. Прадида, В.М. Телия, В.Д. Ужченко, А.М. Эмировой и др.).

Рассмотрены некоторые идеографические поля ФЕ русского языка в словарных изданиях Р.И. Яранцева [10] и Бириха А.К., Мокиенко В.Н., Степановой Л.И. [2], где фразеологические единицы объединены в смысловые поля, в которых отображается тот или иной фрагмент действительности.

Цель статьи – описать семантические особенности ФЕ, целостное значение которых реализует представление о позитивном отношении человека; охарактеризовать структуру фразеосемантического микрополя ‘внимание как позитивное отношение человека’. Мы придерживаемся общепринятой структуры идеографической классификации ФЕ: фразеосинонимический ряд (ФСР) → фразеосемантическая группа (ФСГ) → фразеосемантическое микрополе (ФСМП) → фразеосемантическое поле (ФСП).

Проявлением внимания в пределах личности является такое его свойство, как отношение. В.Н. Мясищев отмечает, что психологические отношения человека в развитом виде представляют собой целостную систему индивидуальных выборочных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории разви-

тия человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания [7, с. 10–46]. Отношение человека характеризуется большей активностью психических процессов тогда, когда для личности предмет этих отношений является более значимым, выделяясь положительным или отрицательным знаком (любовь – ненависть, заинтересованность – безразличие).

Особенность номинации комплекса признаков позитивного отношения человека по принципу «от носителя к языку» определяет классификацию языкового материала. Исследованный фразеологический материал свидетельствует о том, что массив ФЕ на обозначение внимания как позитивного отношения человека составляет небольшое образование (ФСМП) и объединяет три глагольные и одну адвербиальную ФСГ (37 ФЕ).

Глагольная ФСГ «заботливо относиться» представила отражение в смысле своих конstituентов критериев, по которым определяется заботливое отношение человека. Наличие в семантической структуре ФЕ дифференциальных сем позволяет организовать их в 2 ФСР:

а) уделять чрезмерное внимание: *носитя как <дурак (дурень)> с писаной торбой (со ступой) с кем, чем (прост., разг.); носитя как курица с яйцом (как кошка с котятами) с кем, чем (прост., разг.)*. Например: *Заведется у вас страданьице – вы с ним как курица с яйцом носитесь!* (Достоевский, Преступление и наказание) [5, с. 186]. Означенный ФСР имеет яркую лексическую вариантность: у М. И. Михельсона находим интересный пример, соотношенный с предложением: *не уносится кума (баба) со сплетней, ни курица с яйцом* [3]. Все ФЕ этого ФСР мотивированы представлениями о бессмысленном движении субъекта с каким-либо объектом. Имеющиеся лексические варианты компонентов ФЕ демонстрируют комплекс ассоциаций, связанных с образным представлением о самом дорогом (*курица – яйцо; кошка – котята; дурень – писаная торба, ступа; кума – сплетня*). По структурно-грамматической модели ФЕ этого ряда имеют одинаковую форму: глагол движения + сравнительный оборот. Образ фразеологизмов «в целом выполняет роль эталона неверной оценки значимости, ценности людей, вещей и событий» [4, с. 304];

б) окружать вниманием, заботиться: *брать / взять на себя*

заботу (заботы) о ком, о чем; брать / взять на <свое> попечение (под <свою> опеку) кого, что; брать / взять под <свое> крыло (крылышко) кого (ирон.) [2, с. 60]. Например: – *Я познакомлю тебя со здешними барышнями, я беру тебя под своё крылышко* (Тургенев, Отцы и дети) [9, с. 44]. Образ фразеологизмов «связан с рядом архетипических представлений “открытый” – “закрытый”, “близкий” – “далекий”, “свой” – “чужой”, “старший” – “младший”, “сильный” – “слабый”. ... В целом выступает в роли символа защиты и покровительства старшего, сильного по отношению к младшему, слабому» [4, с. 540];

в) помогать, содействовать: *брать / взять на буксир кого, что; держать, удерживать) / удержат на плаву кого, что; тянуть (тащить) за уши кого (разг., шутл.); подавать (протягивать) / подать (протянуть) руку <помощи> кому; подставлять / подставить плечо кому; принимать / принять участие в ком.* Например: *Он ни в коем случае не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бедному художнику* (Гоголь, Портрет) [5, с. 44]. Сема ‘содействовать’ актуализируется в целостном значении ФЕ при помощи грамматических (видовых) вариантов компонентов-глаголов (*подавать – подать, тянуть – протянуть, подставлять – подставить*), такая субституция приводит к прозрачному восприятию оконченного / неоконченного действия и помощи через телесный код человека: *уши, рука, плечо.*

Адвербиальная ФСГ «заботливо» реализуется в 2 ФСР с такими идеограммами:

а) проявляя особую заботу, исключительное внимание: *как зеницу ока; पुще глаза (глазу) (разг.)* при глаголах несов.вида *беречь, хранить.* Например: – *Поди присмотри, чтобы отвезли его под речку в баню да заперли там, берегли пуще глаза* (А.Н.Толстой, Петр Первый) [5, с. 86]. Интергальная сема ‘заботливо’ мотивируется тем, что «в основе фразеологизма лежит конструкция сравнения, где задано свойство «ценность» и его эталон *зеница ока*, что обозначает одну из наивысших ценностей в бытовой, социальной и духовной жизни человека – зрение. Совокупность компонентов *зеница ока, глаз* соотносится с соматическим, т. е. телесным, кодом культуры [4, с. 304];

б) под надежным покровительством, защитой: *как у Христа за пазухой <за пазушкой> (разг., экспрес.); ровно за каменной*

горой (прост., экспрес.); *как (словно, точно) за каменной стеной* (разг., экспрес.). *Благодарите всевышнего, что сидите у болота, как у Христа за пазухой*, – вмешался в разговор Бунчук. (Шолохов, Тихий Дон) [9, с. 731]; В смысловой основе конститuentов этого ФСР «лежат две архетипические, т.е. наиболее древние в культурном освоении мира, оппозиции: “свое” – “чужое”, “внутреннее” – “внешнее”. Фразеологизмы содержат метафору – уподобление по аналогии тому, кто служит надежной защитой, оберегает от тревог, волнений, печалей, от трудностей, опасностей внешнего мира» [4, с. 313–314]. Компоненты соотносятся с пространственным кодом культуры. Образ первого конститuenta «в целом основан на народно-религиозном восприятии Христа как Спасителя, ограждающего и сохраняющего верующих в Него от всяких бед» [4, с. 317]. Фразеологизмы в целом выступают в роли эталона полной защищённости, абсолютной безопасности, а также обеспеченной жизни.

Положительное отношение сопровождается, в частности, проявлением интереса, что позволило объединить фразеологизмы в соответствующую глагольную ФСГ – «**заинтересованно относиться**». Все единицы в описанной ФСГ реализуют интегральную сему ‘заинтересовать’, а выделение дифференциальных сем в смысловой структуре всех фразеологизмов группы позволяет квалифицировать 2 ФСР, конститuentы которых актуализируют представления о субъекте и объекте интереса, способе и интенсивности проявления интереса:

а) кокетливо поглядывать, привлекая к себе внимание: *строить (делать) / редко сделать глазки кому* (разг.), *стрелять (постреливать) / редко стрельнуть глазами (глазками) в кого* (разг.); Например: *Она [Варвара Павловна] хихикала и делала ему глазки, когда свет от уличного фонаря западал в карету* (Тургенев, Дворянское гнездо) [5, с. 343]. Именной компонент ФЕ этого ФСР *глаза* символически осмысляются как орудие психологического воздействия на кого-либо. Кроме того, образ фразеологизма создаётся метонимическим отождествлением, основанным на смежности восприятия «орган зрения – зрение как действие (видение, смотрение), используемое в качестве средства достижения определённого результата». ... В образе фразеологизмов лежит понятие о разрушительной силе женского очарова-

ния, содержащейся в женском взгляде (в *глазах*), которой трудно противостоять, и противоположное понятие о взгляде как об одном из средств поражения [4, с. 677];

б) проявлять любовное внимание, ухаживать: *подбивать* / (редко) *подбить клинья* к кому, *под кого* (прост., шутл.); *строить куры* кому (разг., шутл.); *подкатывать* / *подкатить салазки* к кому (прост., шутл.); *заводить (подпускать)* / *завести амуры* с кем (кому) (устарев., прост., шутл.-ирон.); *заводить (разводить)* / *завести шашни* с кем, (прост., неодобр.); *заводить (крутить) шуры-муры* с кем (прост., шутл.-ирон.). Например: *Господин виконт де Брассард, с отменной ласкою принятый в доме одного богатого ветерана ... усердно приволакивался за молодой его супругой, незаметно, по-военному, подпуская ей амуры* (К. Прутков, Выдержки из записок) [5, с. 291]. Образ фразеологизма восходит к древнейшей архетипической оппозиции «мужчина – женщина». ФЕ этого ФСР мотивируются образным представлением «о поведении мужчин и женщин в ситуации, когда они стремятся установить знакомство, завоевать расположение друг друга, что предполагает соблюдение некоего комплекса поведенческих правил» [4, с. 680]. Конституенты ФЕ отличаются разного типа вариантностью глагольного компонента: – лексической (*заводить – подпускать, крутить*), словообразовательной (*заводить – разводить*); грамматической (видовой) (*подкатывать / подкатить, заводить / завести*).

Глагольная ФСГ «*благосклонно относиться*» сформирована из 2 ФСР, интегральной семьей которых выступает ‘*благосклонность*’, а дифференциальными – ‘*отношения субъекта и объекта*’.

а) относиться с особым вниманием, баловать: *носить на руках* кого; *воспитывать как тепличное растение* кого (неодобр.); *держат под стеклянным колпаком* кого (разг., неодобр.); *исполнять все прихоти* кого, *чьи* (неодобр.); *ни в чем не отказывать* кому [2, с. 26]; Например: – *Он вас не умел ценить. Если бы он был немножко поумнее, он бы вас холил, на руках носил бы.* (Вересаев, Два конца) [9, с. 420];

б) располагать к себе: *находить / найти дорогу к сердцу* кого, *чьему.* (экспрес.); *искать путь к сердцу*; *влезть в душу [в сердце]* (прост., экспрес.); *заглядывать / заглянуть в душу [в*

сердце] кого; *достучаться до сердца*. Например: *Работящая Наталья влезла свёкром в душу* (Шолохов, Тихий Дон) [9, с. 81]. Конституенты этого ФСР имеют лексическую (*сердце / душа*) и грамматическую (видовую) вариантность: (*находить / найти; заглядывать / заглянуть*). А общий для всех ФЕ этого ФСР соматизм *сердце*, который является символом сосредоточения широких по спектру эмоций, в частности мотивирует сему 'привязанности'. В. А. Маслова отмечает, что «сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, центр греховности и святости ..., центр мышления и воли; оно не только “орган чувств” и “орган желаний”, но и “орган предчувствий”, следовательно, сердце как бы абсолютный центр всего человеческого» [6, с. 114].

в) относиться с вниманием; сочувствовать: – *входить / войти в положение* кого, чье; *принять участие* в ком (устар.); *брать / взять участие* (устар.) в чём. Например: *Никогда мне не приходилось так входить в его положение, как теперь. Я припомнил его жизнь, неудачи и радости, как будто бы они были моими* (Гаршин, Трус) [9, с. 108]. ФЕ этого ФСР своим значением актуализируют сему 'сочувствовать'. Кардиоцентризм, стремление помочь в трудной ситуации, умение сопереживать – это те черты, которые этнографы определяют как характерные для славянского менталитета и квалифицируют как положительные.

Таким образом, ФСМП для обозначения «внимания как положительного отношения человека» является разветвленным образованием, в структуру которого вошли **три глагольные и одна адвербиальная ФСГ**, состоящие из 10 ФСР. Описанный фразеологический материал продемонстрировал корреляцию между целостным значением анализируемых единиц и сформировавшимися взглядами на внимание как позитивное отношение, что, в свою очередь, мотивирует выделение соответствующих ФСР. Исследование отдельных фразеологических микросистем с учетом достижений психологической, лингвокультурологической наук поможет совершить идеографическое описание всего фразеологического массива языка и в создании фразеологических словарей идеографического типа.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Эллис, 2008. – 271 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л. И. Степанова [Около 7000 фразеологизмов, свыше 900 синонимических рядов]. – М. : ООО Издательство Астрель, 2001. – 496 с.
3. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. Электронный ресурс: [Издание: ETS Publishing house, 2004, Формат: ISO, страниц: 220 Размер: 7,47].
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В. Н. Телия. М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.
5. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр. – М. : Русский язык, 1987. – 448 с.;
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие [для студ. высш. учеб. зав.] / В. А. Маслова – М. : Академия, 2001. – 208 с.
7. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды [Под ред. А.А. Бодалева] / В.Н. Мясищев. М. – Воронеж : НПО МОДЕК, 1998. – 363 с.
8. Тропина Н.П. Семантическая деривация : мультипарадигмальное исследование : монография / Н.П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
9. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.
10. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И. Яранцев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985. – 304 с.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕСТНЫХ ЛЕГЕНД НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Р.Н.Гусейнова

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Общеизвестно, что усвоение другого языка невозможно без взаимодействия с другой культурой. Причина коммуникативной неудачи зачастую кроется не столько в различии языков, сколько

в различии национального сознания коммуникантов, а следовательно, первостепенное значение в достижении взаимопонимания приобретает взаимосвязь языка и культуры. В процессе коммуникации представителям иноязычной среды предстоит преодолеть не только языковой, но и культурный барьер.

Несомненно, важную роль в решении данного вопроса играют страноведение и краеведение как его составная часть. В процессе обучения прослеживается тесная взаимосвязь между ними, поэтому возникает потребность разграничить эти понятия. Страноведение – комплексное изучение отдельных стран, их природы, географии, экономики, социального устройства [6]. Краеведение же – совокупность различных (географических, этнографических, экономических и т. п.) знаний о каком-л. крае [3]. Иными словами, страноведение является комплексом сведений о населении, истории, культуре, традициях и реалиях всей страны, а краеведение – какой-то ее части.

В поликультурном Крыму, где свой след оставили многие племена и народы, изучение «национальной», отдельно взятой культуры невозможно без изучения исторического процесса и культуры полуострова в целом. Реальный путь к пониманию особенностей этнокультурного комплекса Крыма открывают легенды.

Слово *легенда*, заимствованное из средневековой латыни, не народного, а церковно-латинского происхождения. По определению В.Я. Проппа, «латинское *legenda* представляет собой множественное число причастия среднего рода, впоследствии неправильно воспринятое как слово единственного числа женского рода (буквальный перевод `то, что подлежит чтению`) [7]. Возникнув в эпоху раннего средневековья (к. Vв.) как название произведений, содержащих описание жизни святых, позже этот термин стал использоваться для обозначения фольклорного жанра. Наиболее содержательным нам представляется объяснение легенды как опоэтизированного, основанного на устных преданиях повествования об исторических или вымышленных лицах и событиях [8].

Существовавшие долгое время в устной форме крымские легенды стали записываться только в XIX веке. Впервые они были опубликованы В.Х. Кондараки и по замыслу автора должны были дополнить его многотомный труд «Универсальное описание Крыма» [4].

Рассмотренный материал позволяет говорить о существовании крымских легенд греческого, латинского, крымскотатарского, русского, армянского, крымчакского, караимского, немецкого, украинского происхождения [5]. Проведенный нами анализ показал, что наиболее широко в печатных изданиях представлены греческие и крымскотатарские легенды. Сложно переоценить роль этих двух народов в становлении историко-культурного комплекса крымского региона.

Благодаря грекам, появившимся в Крыму в VIII-VII вв. до н.э., ускорился процесс развития местных племен. Эллы принесли в этот отдаленный тогда от древних цивилизаций край не только элементы государства, но и высочайшую культуру. Даже одно из названий полуострова – Таврида – связано с именовани-ем греками племени тавров, населявших эту землю в глубокой древности. К крымским легендам греческого происхождения можно отнести следующие: «*Понт Аксинский и Понт Эвксинский*», «*Окаменелый корабль*», «*Источник под Ай-Петри*» и ряд других.

Татары на территории полуострова появились значительно позже. Процесс формирования крымскотатарского этноса завершился в XV веке. Почти четыре столетия вплоть до присоединения Крыма к России (1783 г.) они оставались полноправными хозяевами крымской земли, что, безусловно, не могло не отразиться на исторических и культурных событиях полуострова. Легенды крымскотатарского происхождения: «*Камни мать и дочь*», «*Русалка и фонтан Арзы*», «*Гора Айше*», «*Мюск-джамии*» и другие.

Использование местных легенд в учебном процессе целесообразно и оправданно, ведь они являются одновременно и единицей обучения языку, и источником краеведческой информации.

В работе с иностранными обучающимися могут быть использованы как адаптированные, так и аутентичные тексты легенд. Выбор зависит от аудитории, от ее уровня владения языком.

К вопросу методической обработки текстов легенд следует подходить обдуманно и проводить ее, согласно правилам, на информативном, синтаксическом и лексическом уровнях. Адаптация должна быть направлена на смысловую обработку (сокращение объема при сохранении смысловой целостности текста) и языковую (лексическая и грамматическая обработка в соответствии с реальными возможностями учащихся).

Немаловажное значение в работе с краеведческими материалами приобретает вопрос их отбора. Так, при выборе легенд для работы в иноязычной аудитории необходимо руководствоваться несколькими принципами:

1) содержание легенд должно иметь необходимое страноведческое наполнение, способствующее ознакомлению обучающихся с новой для них действительностью;

2) включение легенд в учебный процесс должно иметь практическое учебное применение (давать возможность отрабатывать программный фонетический, лексический, грамматический материал; служить основой для развития навыков чтения; мотивировать собственные высказывания учащегося);

3) тексты должны быть интересны для аудитории, так как занимательность сюжета позволит повысить мотивацию изучения языка;

4) желательно, чтобы сюжеты легенд были «привязаны» к конкретным ландшафтными и историческим памятникам полуострова, что сделает целесообразным сочетание их изучения с экскурсионными поездками к отраженным в них достопримечательностям.

Всем вышеперечисленным требованиям соответствует крымская легенда «*О происхождении Бахчисарая*».

Работа над легендой должна предваряться историческим комментарием, с помощью которого вводятся дополнительные фоновые знания, необходимые для более полного понимания содержания текста [1].

В основе легенды «*О происхождении Бахчисарая*» лежат исторические события, связанные с противоборством в Крыму Османской империи и Золотой Орды. В борьбе за самостоятельность крымские ханы поддерживали турецких султанов, но, освободившись от власти золотоордынцев, попали в вассальную зависимость от турок.

Крымское ханство образовалось в XV веке в период ослабления Золотой Орды. Основателем династии, правившей Крымом 350 лет, стал Хаджи I Гирей. Он перенес свою резиденцию из столицы Солхат (*совр. Старый Крым*) в Кырк-Ор (*Чуфуткале*). А позже по приказу его сына хана Менгли-Гирея на берегу реки Чурук-Су началось строительство дворца. Так в XVI веке

Бахчисарай стал новой столицей Крымского ханства [2]. В переводе с тюркского название города означает *сад-дворец* или *дворец в саду* (bahçe – сад, saray – дворец).

В данной легенде представлены не только исторические факты, но и реальные личности: Менгли-Гирей⁵ и хан Ахмед⁶, а также название географического объекта – Чурук-су⁷. «Однажды сын хана **Менгли-Гирея** поехал на охоту»; «И пришла долгожданная весть: **Оттоманская Порта** одолела ордынского хана **Ахмеда**»; «Вдруг послышался шорох на том берегу **Чурук-су**» [5].

Информационно-ценной легенду о Бахчисарае делает и упоминание о династическом гербе крымских ханов: «Двух перевившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трёх: двух в борьбе, а третью – полумёртвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей» [5].

Возможно, на фамильном гербе Гиреев изображены только две из трех упомянутых в легенде борющихся змей потому, что крымские ханы не были самостоятельными фигурами в этой борьбе.

Безусловно, достоверность изложенных событий и представленные реалии определяют страноведческую ценность легенды «О происхождении Бахчисарая», что оправдывает использование ее в качестве краеведческого материала на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории.

Следует помнить, что изучающие русский язык как неродной не смогут понять и проанализировать содержание без знания грамматического материала, отражённого в легенде. Именно поэтому работу необходимо проводить в несколько этапов, а именно: предтекстовая работа, чтение текста и послетекстовые задания.

⁵ Менгли I Гирей (1445-1515) – крымский хан из династии Гиреев (1467, 1469-1475, 1478-1515), шестой сын первого крымского хана Хаджи I Гирея, дед султана Османской империи Сулеймана Великолепного.

⁶ Хан Ахмат (Ахмед) – хан Большой Орды (?-1481). С 1460 года правил совместно с братом, с 1471 года – единолично. Воевал в Крыму с Менгли-Гиреем. Последний ордынский правитель, в политической зависимости от которого находились московские князья.

⁷ Чурук-су (с крымскотат. гнилая вода: çüyük – гнилой, su – вода) – река в Крыму, правый приток Качи. Берет начало на восточной окраине Бахчисарая, общая протяжённость – 11 км.

Предтекстовый этап направлен на снятие лексико-грамматических трудностей. Предложенные задания типа: *выделите корни в данных словах; запишите слова в скобках в правильной надежной форме* и другие помогут отработать или повторить уже пройденный грамматический материал и перейти к следующему этапу – **осмысленному прочтению текста**. Выполнение **послетекстовых заданий** типа: *ответьте на вопросы, выберите правильный вариант ответа; соедините две части одной фразы* и другие позволит преподавателю проконтролировать, насколько обучающимися понят прочитанный текст.

В заключение хочется отметить, что в работе с иноязычной аудиторией следует уделять должное внимание использованию краеведческих материалов, в том числе и местных легенд, так как они способны не только расширить кругозор обучающихся, но и помочь им понять ментальность народа-носителя языка.

Литература

1. Балашова И.Г., Новикова Т.Ю. Поликультурность Крыма как основа организации краеведческих материалов // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. – Серия «Филологические науки». – Симферополь, 2002. – т. 15 (54). – №4. – С.200-206
2. Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма: Квадранал. – Симферополь, 2005. – 395с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2006. – 1233с.
4. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма: тип. Краевского. – Николаев, 1873. – т.1. – 253с.
5. Легенды Крыма / сост. Литвинова Е.М. – Симферополь, Рубин, 2002. – 352с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Шведовой Н.Ю. – М., Русский язык, 1989. – 20-е изд. – 750с.
7. Пропп В.Я. Русская сказка // Собрание трудов В.Я. Проппа: Лабиринт. – М., 2000. – С.38
8. Словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1979. – 7-е изд. – 280с.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «БОЯРЩИНА»

Е.В. Кравченко

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Одной из актуальных проблем современного литературоведения является проблема автора и способов выражения авторской позиции в тексте. Обращаясь к субъектному уровню романа А. Ф. Писемского «Боярщина» как средству экспликации авторской точки зрения, особое внимание уделим нарративному дискурсу произведения как способу речевой репрезентации изображаемого события [2, с. 27]. В тексте выявлено наличие двух планов повествования. Объективное изложение событий демонстрирует точку зрения аукториального повествователя. В литературоведческий дискурс понятие вводит В. И. Тюпа и предлагает соотносить данное определение с повествователем, наделенным «авторским всеведением» и не связанным «определенной позицией во времени и пространстве» [5, с. 50]. Таким образом, повествователь знает все, что происходит в любой точке произведения и может свободно переходить от одного персонажа к другому, забегать вперед и возвращаться назад. Он стоит над миром персонажей и не сливается с ними. Аукториальный повествователь вводит читателя в мир дворянского уездного общества и оценивает происходящее извне. «Всякий, кому только господь Бог соизволил поездить по святой Руси, всякий, без сомнения, заметил, как пустеют нынче усадьбы<...> но никак нельзя было этого сказать про упомянутую волость» [4, с. 53], – замечает он, характеризуя Боярщину, основное место действия романа. Повествователь определяет данное пространство как «место притоманное» [4, с. 53], к тому же связанное с плутовством. Соотнесение персонажной системы с образом Боярщины обеспечивает дополнительную смысловую коннотацию: ироничное отношение автора к описываемым лицам.

Основным субъектом речи в романе становится персонифицированный повествователь, который проявляется в тексте по-

средством личного местоимения «я». Одной из его функций является фиксация пространственно-временных координат. Повествование этого плана ведется изнутри, предполагает внутреннюю фокализацию, воплощение субъективной точки зрения. Данная этим повествователем ассоциативная характеристика Боярщины как «раскольникового кладбища» [4, с. 54] корреспондирует с восприятием этого места повествователем аукториальным. Таким образом, приведенные характеристики, наслаиваясь друг на друга, моделируют представление о мире, в котором гибнет душа человека под гнетом страстей и пороков.

Автор очень точно, несколькими штрихами дает глубокую характеристику персонажам: она многослойна и полифонична, представлена сквозь призму восприятия повествователя, рассматривающего героя в действии в конкретной ситуации. Также репрезентирована точка зрения автора, направленная на раскрытие внутреннего заложенного потенциала, с учетом внешности и духовной составляющей героя; еще один слой – многоголосие оценок других персонажей, оценивающих героя в соответствии со своим мировосприятием. Данное переключение нарративов объясняется авторской стратегией, заключающейся в стремлении показать героев во всей их сложности и неоднозначности.

Так, Задор-Мановский представлен нарратором как «суровый и мрачный человек» [4, с. 80], имеющий «необыкновенную способность всех женщин заставлять плакать» [4, с. 70], он замкнут для общества, которое оценивает достаточно резко: «вечно полон дом сволочи» [4, с. 144]. В то же время автор репрезентирует Мановского как человека неглупого, но необразованного, самостоятельного в суждениях и оценках и стремящегося «управлять чужими мнениями» [4, с. 70]. Аукториальный повествователь называет Мановского львом: «Лев действительно начинал просыпаться» [4, с. 153]. Символика льва в русском культурном сознании является амбивалентной, включает и светлое и темное начала: благородство и стремление к одиночеству, с одной стороны, гордыню и необузданность – с другой [6]. Внешность героя устрашает слабых, возможно, именно поэтому Анна Павловна не находит с ним счастья в семейной жизни (она слишком хрупка и «воздушна», как «пери» [4, с. 74]), именно поэтому Эльчанинов боится Мановского и называет «медведем»: «”Черта с два, позна-

комишься с этим медведем», – подумал Эльчанинов и лег...» [4, с. 110]. Семантика слова «медведь», зафиксированная в словаре В. И. Даля [1], включает, с одной стороны, понятие «сила», а с другой – «глупость». Именно эти качества становятся доминирующими в восприятии Задор-Мановского Эльчаниновым. Для него это «колоссальная фигура» (вновь реализуется сема «силы»), и потому молодой человек всячески пытается избежать с ним личных встреч. Такое многоголосие в оценках одного персонажа дает возможность усложнить его характеристику и показывает неоднозначное восприятие данного образа автором (данный прием автор использует и при характеристике других персонажей романа). В финале романа Мановский слабый старик, разбитый параличом, но прощающий жену, сбежавшую к любовнику и глубоко переживающий ее смерть: утрачивая внешнюю силу, он, казалось бы, неожиданно обретает духовное богатство.

Автор занимает в романе позицию вненаходимости, отстраняясь от характеристик и резюмирования характеров и ситуаций. В то же время позиция персонифицированного повествователя отличается значительной активностью: он знакомит читателя с нравами и обычаями жителей Боярщины, рассказывает о жизни героев до начала событий романа, считая, что в ретроспективе их развития и становления заложены основы их поведения и дальнейшей судьбы (один из типичных конфликтов «натуральной школы»). Часто нарратор комментирует мысли и чувства героев («Ему стало досадно и грустно, и он так же страдал от ревности к вдове, как за несколько минут страдал, ревнуя Анну Павловну» [4, с. 108] и т. п.); здесь используется принцип «авторского вторжения в текст», способствующий однозначности трактовки поведения и хода мыслей персонажей.

Авторское повествование, на первый взгляд, ведется довольно отстраненно, события и ключевые моменты в развитии сюжета определяются волею судьбы: «Судьба посадила Задор-Мановского напротив вдовы» [4, с. 67]; «Таким образом, судьба как бы нарочно направила пронизательный взор этого человека совершенно не в ту сторону, куда бы следовало» [4, с. 68]; «и, конечно, если бы судьба послала ей доброго мужа, она сделалась бы доброй женой и нежной матерью, и вся бы жизнь ее протекла в выполнении этого чувства любви» [4, с. 79]. Однако за маской безразличия скрыто ав-

торское негодование: общество растит не «героев своего времени», а фразеров и низкопоклонников (Эльчанинов), его основные приоритеты – чин и капитал (богатый помещик Сапега – «был совсем большой барин по породе, богатству и своему официальному положению<...> Все себе дали слово: на другой же день явиться к графу для засвидетельствования глубочайшего почтения» [4, с. 70]), основания для уважения человека – невежество, сила и грубость (Мановский). Повествование пронизано горькой иронией, автор рисует мрачные картины разврата и деградации, все хрупкое и прекрасное должно погибнуть в этом мире (эту идею воплощает образ Анны Павловны). Обществом ценится другая красота – внешняя, выставленная напоказ, грубая и раскрепощенная (Клеопатра Николаевна – «примадонна всех съездов Боярщины» [4, с. 67]). Писемский использует мотив игры и театральности как воплощения неискренности, лицемерия. Примером тому в романе служит показной обморок Клеопатры Николаевны с целью одурачить графа. Сам же Сапега наблюдает за этой сценой через зеркало, и когда фальшь становится раскрытой, смеется. Подобная карнавализация и образ зеркала становятся неотъемлемыми атрибутами светского общества, разыгрывающего спектакль под названием «жизнь» [3, с. 190].

Модальность романа варьируется: аукториальное повествование, обобщающее и всеобъемлющее, ироничное и высвечивающее слабости личности и социальные пороки, сопрягается с субъективной оценкой нарратора, который объясняет характеры героев и оправдывает их поступки силой сложившегося общественного порядка и влиянием неизбежности рока (именно эти две силы довлеют над героями Писемского). Различные типы наррации обеспечивают неоднородность повествовательной структуры текста, что позволяет автору дать комплексный художественный анализ проблемы взаимоотношений индивидуума и общества и формирования личности под влиянием условий быта и социума, освещая ее с различных точек зрения.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Спб., 1863-1866. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal.htm> (дата обращения 11.04.2017).

2. Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920-1950-х годов). – Монография. – Новосибирск: ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2013. – 316 с.
3. Кравченко Е. В. Русские и зарубежные писатели в интертекстуальном поле романов А. Ф. Писемского / Е. В. Кравченко // Вестник Брянского государственного университета. №1 (31) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. – Брянск : РИО БГУ, 2017. – С. 185-192.
4. Писемский А. Ф. Боярщина / А. Ф. Писемский // Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. – Т. 1. : Боярщина. – М. : Правда, 1959. – 483 с.
5. Тюпа В. И. Анализ художественного текста [Текст]: Учеб. пособие / В. И. Тюпа. – М. : Академия, 2009. – 336 с.
6. Энциклопедия символы и знаки. – Режим доступа: <http://sigils.ru/symbols/lev.html> (дата обращения 11.04.2017).

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ СПОНТАННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ

Н.М.Кизилова

Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Овладение устной непринуждённой спонтанной речью – одна из трудных задач для иностранных студентов первого года обучения, несмотря на то, что они находятся в языковой среде.

Важная цель преподавателя при обучении любому иностранному языку – научить своих студентов практически пользоваться изучаемым языком, общаться с окружающими людьми естественно и свободно, не стесняясь допустить ошибку; поблагодарить собеседника, если он помог исправить недостаток в речи, комфортно чувствовать себя в новой обстановке среди носителей чужого языка. Проблемы, связанные с овладением навыками устной речи, очень актуальны.

Психологи доказали, что при усвоении иностранного языка в сознании человека функционируют два языковых кода: базисный – код родного языка и код языка неродного, часто спонтанно отторгаемый и инстинктивно не воспринимаемый. Преподаватель, особенно на самом начальном этапе обучения (фонетическом),

должен учитывать особенности родного языка обучаемых и уделять большое внимание формированию правильного произношения наиболее трудных, «непроизносимых» для студентов звуков.

В процессе обучения русской разговорной речи студентам необходимо овладеть многими навыками: орфоэпически правильным произношением звуков, необходимым запасом лексики, элементарными навыками морфологии и синтаксиса, основами речевого этикета – всё это помогает в оформлении созданной мысли на русском языке. Эта идея давно была высказана А.А. Потебнёй: «Язык – есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать её» [6, с.130].

Даже начинающий преподаватель знает, что существует четыре вида речевой деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо. Говоря об этом, И.А. Зимняя отмечает, что при этом всегда игнорируется такой вид интеллектуальной деятельности человека, изучающего новый язык, как думание. Ни один вид речевой деятельности не может происходить без думания. И.А. Зимняя отмечает, что думание – это процесс, в котором человек, общаясь сам с собой, выступает в двух ролях – как говорящий и как слушающий [5, с.145].

Русский литературный язык имеет две разновидности – «кодифицированный литературный язык и разговорный литературный язык ... разговорная речь не есть нечто вторичное ..., а полноправная языковая система первичная по своей роли в сфере коммуникации, естественно усвоенная людьми, для которых русский язык – родной» [3, с.4].

Выработка механизмов сознательного овладения грамматическим и лексическим материалом русского языка неразрывно связана с процессом обучения навыкам и умениям понимания и выражения мысли.

Опытные преподаватели в своей практике встречаются с, кажется, необъяснимым фактом: студенты, которые довольно удовлетворительно читают и бойко говорят по-русски по заранее подготовленным лексическим темам, оказываются совершенно беспомощными в естественной разговорной среде, так как не могут понять беглую непринуждённую речь.

Разговорная бытовая речь – это особая разновидность языка, на котором общаются в сфере неофициальной, а также в сфере

личных отношений. Она рождается и формируется в непосредственном контакте с собеседником.

«Особенностью разговорной речи является опора на внеязыковую ситуацию – конситуацию» [4, с.8]. Во время неформальной беседы многое не называется, потому что оно понятно собеседникам и так, при этом активно используются невербальные средства общения – жесты, мимика и т.д. Кроме того, в разговорной неподготовленной речи употребляются бытовизмы, семантически своеобразные слова – модные в молодёжной среде жаргонизмы. Слова могут употребляться и в переносных значениях.

Речь на неродном, чужом языке не может возникнуть без усвоения языкового материала и формирования грамматически правильных навыков и умений, усвоения синтаксических законов построения русского предложения. У людей, которые приступают к изучению иностранного языка (в нашем случае), уже сформированы навыки говорения на родном языке. Наш опыт показывает, что если уровень знания грамматики, лексики, синтаксиса родного языка высок, то овладение иностранным языком, включая разговорную речь, будет происходить легче.

Работа над устной речью на начальном этапе должна занимать ведущее место, так как это необходимо для закрепления речевых механизмов и других видов речевой деятельности. Для того чтобы «войти в речь», необходимо заучивание и повторение образцов, пересказ, комбинирование ранее изученных форм.

Иностранные студенты на самом раннем этапе обучения, как правило, стремятся проявлять речевую инициативу. Это стремление надо поощрять и умело направлять. У студентов, которые начали изучать русский язык, будучи уже взрослыми, существует разрыв между желанием говорить и ограниченностью запаса лексики, незнанием грамматики, очень слабым пониманием синтаксического построения русского предложения. Преподавателю надо суметь вселить в студента уверенность в успехе, создать благоприятную для обучения обстановку, тактично исправлять неизбежно проявляющиеся в неподготовленной речи ошибки.

Стимулирование неподготовленной речи является одной из важных составляющих в процессе обучения иностранного студента русскому языку. Оно должно начинаться на самых ранних стадиях и проходить через весь курс обучения.

Необходимо приблизить устную речь к реальной жизни студентов. Устное опережение способствует развитию навыков не только устной речи, но и письменной. Для большинства иностранных студентов элементарное владение устной речью для общения в учебной, социально-бытовой и социально-культурной сферах должно быть сформировано в сжатые сроки: 4-8 недель обучения.

Устная речь – это диалог и монолог. Диалог в стандартной ситуации (в магазине, в аптеке, в библиотеке), разговор с друзьями на общие темы (особенно полезно, если это студенты, говорящие на разных языках), участие в речевом общении на уроке. Монолог – это 6-7 предложений, связанных логически.

Многочисленные виды речевых упражнений помогают вырабатывать умение строить диалоги и монологи, участвовать в естественном общении. Объём диалогов и монологов постоянно возрастает, возрастает и речевая самостоятельность студентов – от подготовленных высказываний к спонтанным. Разговоры на неучебные темы должны имитировать реальное общение, быть доступными, творческими: дополнить реплики диалога, восстановить пропущенные реплики, составить рассказ на основе прочитанного диалога.

Вначале при обучении монологу задания могут быть простыми: скажите одним предложением, что самое интересное в этом тексте, что и кого вы видите в классе, почему студенты не любят понедельник и т.д. Далее задания усложняются: дайте развёрнутые ответы на вопросы, требующие рассуждений. Можно составить схему текста и предложить пересказать текст по схеме. Необходимо во время пересказа учить студентов умению выразить своё отношение к происходящему. Выборочный пересказ приближает студентов к неподготовленному рассказу.

Очень эффективно использовать на уроке элементы игры, которые активизируют интеллектуальную деятельность студентов, развивают их творческое отношение к языку [1, с.215].

Грамматика – это то, от чего надо оттолкнуться для того, чтобы попасть в сферу мысли. (И.А.Зимняя). Гибкие, способные к варьированию коммуникативные умения вырабатываются на основе сознательного усвоения основ грамматического строя русского языка. С помощью тщательно продуманной системы

тренировочных упражнений от грамматических, дрилловых упражнений мы переходим к творческим упражнениям, закрепляя фонетические, лексические, грамматические, синтаксические навыки в речевой практике. Но всё это ещё не обеспечивает автоматического выхода в свободную речь. Изучение грамматики, выполнение системы упражнений – первоначальное средство для овладения языком. Далее следуют беседы, слушание, аудирование, пересказ, высказывание своего отношения к полученной информации, особенно на морально-этические темы. Для наших студентов, обучающихся в медицинской академии, большим подспорьем в формировании навыков неподготовленной речи служат примеры, взятые из курса деонтологии. Поскольку они взяты из реальной жизни и связаны с медицинской этикой, то никого не оставляют равнодушными. Порой между студентами завязывается настоящий спор в связи с конкретной проблемной медицинской ситуацией, например: кому из пациентов, пострадавших в автокатастрофе, оказать помощь в первую очередь, если в наличии только один аппарат искусственного дыхания.

Ситуативные задания подобного рода не только развивают и закрепляют навыки неподготовленной устной речи, но формируют личность будущего врача.

В качестве стимула для развития неподготовленного вида устной речи мы рекомендуем использовать наглядность, слуховую и зрительно-слуховую, насыщенную многочисленными деталями. Одну и ту же картинку можно использовать для выполнения разных заданий. В упражнениях такого рода достижение успеха в развитии инициативной речи зависит от мастерства преподавателя, от его такта и умения вести беседу. Например: расскажите о девушке, изображённой на фотографии. Как по-вашему, почему она грустна? Что предшествовало сюжету, изображённому на картинке?

Слушая ответы студентов, преподаватель должен вовремя, тихо, ненавязчиво подсказать забытое (или незнакомое) слово, помочь последовательному изложению сюжета.

При хорошо сформированных навыках устной неподготовленной речи эффективно использование картинок-комиксов с чётко выраженным сюжетом, который дает возможность высказать своё личное отношение к тому, что происходит в нарисован-

ном рассказе. Из своего опыта отмечаю, что студенты с большим интересом составляли рассказы по картинкам-комиксам Херлуфа Бидструпа. [«Случай со шляпой» (помимо сюжета обсудили типы высшей нервной деятельности); «На пикнике» (кроме описания ситуации, поговорили об экологии и роли человека в ней); «Весенний случай» (составили рассказ и объяснили, почему заболел герой рассказа)].

Подводя итоги, ещё раз напоминаем последовательность работы по формированию навыков спонтанной, неподготовленной речи. Начало этой работы – подготовленная речь на основе какой-то определённой темы. Затем задания становятся разнообразнее, интереснее. Это пересказ, с попыткой изложить своё мнение; парная работа, имитирующая общение в реальной жизненной ситуации. Далее расширяем круг задач: разбить текст на смысловые фрагменты, составить простой (можно вопросный план), а для более подготовленных студентов – сложный план. С опорой на план коротко передать содержание текста, выделить в тексте главное и второстепенное. Эти приёмы работы вовлекают в общий процесс практического занятия всех студентов, повышая их речевую активность.

«Обоснование коммуникативных целей в качестве основы всей учебной деятельности позволяет так организовать учебный процесс, что учащиеся смогут в любой момент соотнести изучаемый материал с коммуникативными потребностями, а в конечном счёте – со всей мотивацией, оценить собственные успехи и достижения в результате обучения» [2, с.102].

Коммуникативная компетенция считается сформированной, если студенты используют в речи изученный материал, свободно воспринимают новые тексты, создают свои, используя изученную лексику. Овладение каждым студентом коммуникативной компетенцией является конечной целью обучения. Преподаватель в процессе формирования навыков неподготовленной речи должен помнить: сделать это можно, лишь сформировав на практическом занятии доброжелательную обстановку, не критикуя сделанные ошибки резко и непримиримо, не перебивая (даже при наличии грубых грамматических ошибок, не мешающих, однако, восприятию содержания текста). Стимулировать активность, поддерживать даже небольшие успехи, высоко оценивать способности сту-

дентов – вот что должен делать преподаватель для результативного обучения речевой деятельности.

Литература

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного.– М.: Рус. яз. 2002.– 256 с.
2. Вятютнев М.И. Теория учебника русского языка как иностранного. М.: Рус. яз. 1984 —144 с.
3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. яз. 1979 – 240 с.
4. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение. 1985 – 160 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: ПСС, Научная пед. эл. б-ка. 1926. Т.1.– 208 с.

О СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ГРАММАТИКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ (ОБРАЗОВАНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА)

И.М.Кушнарёва

Медицинская академия имени С.И.Георгиевского (СП)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Согласно теории коммуникативного обучения, формирование умений коммуникативного уровня владения языком должно быть обеспечено сформированностью докоммуникативных умений – предкоммуникативных речевых, языковых [1, с.125-143]. Чтобы не препятствовать формированию коммуникативной компетенции, докоммуникативные умения должны быть, следовательно, максимально автоматизированы.

Руководствуясь этим, можно создать учебное пособие по грамматике и в рамках корректировочного курса предложить цикл занятий по подготовке к использованию в речи глагола. На этих занятиях у учащихся можно скорректировать умения языкового (грамматического) и частично речевого уровня, для чего предложить им «овладеть правилами анализа и синтеза слов, словоформ... безотносительно к их семантике и прагматике» и научиться «преобразовывать по заданному» образцу [1, с.142].

При этом следует учитывать трудности, с которыми сталкивается студент, приступающий к выполнению коммуникативных упражнений по использованию глагола, когда он оказывается перед проблемой одновременного выбора: 1) глагола совершенного или несовершенного вида, 2) глагола с постфиксом -ся или без постфикса -ся (что является трудностью коммуникативного характера и, следовательно, составляет предмет/цель обучения коммуникативного уровня формирования языковой компетенции). И, как правило, одновременно студент должен уметь использовать в соответствии с ситуацией: 3) временную и 4) личнородовую форму глагола (что является предметом/целью докоммуникативного – предкоммуникативного речевого – уровня формирования языковой компетенции). Причем формирование умений п.3,4 будет существенно зависеть от содержания п.1,2. Таким образом, умение образовывать видовременные формы глагола, будучи предметом обучения начального уровня формирования языковой компетенции – грамматического и частично речевого, – является начальным/стартовым этапом формирования коммуникативных умений.

Целью данного пособия/цикла занятий может быть формирование у студентов представления о многообразии глагольных моделей и навыков глагольных трансформаций.

Для тренинга могут быть предложены модели образования форм **настоящего времени** глаголов 1 и 2 спряжения с ударным и безударным окончанием, разноспрягаемых глаголов, всех названных групп глаголов с аффиксом -ся; форм **будущего времени** глаголов несовершенного и совершенного вида; форм **прошедшего времени** глаголов, образующих эту временную форму *по общему правилу и не по общему правилу*, без постфикса -ся и с постфиксом -ся.

Для усвоения могут быть предложены наиболее активные группы-модели глаголов, выбор которых можно осуществить из пособий по русскому языку для иностранцев [3, 4]. Например:

Модели образования форм настоящего времени глаголов:
1-го спряжения с ударным окончанием : 1. давать-даю 2. а) идти-иду б) мести-мету 3. печь-пеку 4. шить-шью 5. Запомнить: жить-живу, брать-беру...; **с безударным окончанием**: 6. а) думать-думаю (кроме 4-х глаголов на -ать) б) писать-пишу в) рисовать-

рисую 7. уметь-умею (кроме 7-и глаголов на -еть) 8. мокнуть-мокну; **2-го спряжения с ударным окончанием:** 9. а) лежать-лежу б) говорить-говорю, звенеть-звеню; с безударным окончанием: 10. а) дарить-дарю (кроме глаголов: брить, стелить) б) учить-учу 11. 7 глаголов на -еть 12. 4 глагола на -ать; **разноспрягаемых глаголов.**

Модели образования форм будущего времени глаголов совершенного вида: 1. глаголов сов. вида, образованных от глаголов несов. вида путем префиксации: см. модели образования форм настоящего времени глаголов + приставки; 2. глаголов сов. вида, образованных от глаголов несов. вида путем суффиксации: 1) а) перевязывать-перевязать б) скрещивать-скрестить в) споласкивать-сполоснуть г) профильтровывать-профильтровать 2) а) решать-решить б) проверять-проверить 3) кричать-крикнуть 4) а) разбивать-разбить, б) успевать-успеть, в) давать-дать 5) а) спасать-спасти, б) помогать-помочь, в) принимать-принять; 3. глаголов сов. вида, образующих с глаголами несовершенного вида супплетивные видовые пары.

Модели образования форм прошедшего времени глаголов: по общему правилу; не по общему правилу: 1. мёрзнуть-мёрз 2. везти-вёз 3. мести-мёл 4. течь-тёк 5. запереть-запер.

Тематический отбор глаголов можно произвести, исходя из актуальности их для общения студентов, студентов и преподавателей (социально-бытовая сфера), в соответствии с заданными грамматическими параметрами, и осуществить по указанным выше пособиям и грамматическому словарю [2].

Тренировочный материал пособия целесообразно сопроводить справочной информацией, к которой проявляют интерес иностранные студенты, сталкиваясь с огромным разнообразием моделей формообразования глаголов: каждую из предлагаемых моделей сопроводить сведениями о количественном составе этой группы глаголов в русском языке [данные по: 4]. Подобная информация должна способствовать упорядочиванию представлений иностранных студентов о грамматике русского языка в целом, свидетельствуя о том, что в ней существуют свои законы, которые необходимо и можно познавать, и, следовательно, существуют правила, по которым происходят те или иные граммати-

ческие трансформации и которые можно и следует знать и применять.

Среди некоторых характеристик данного пособия можно назвать следующее: 1) для усвоения будет предложен достаточный для данного контингента учащихся ограниченный минимум моделей, которые охватывают самые представительные группы глаголов; 2) каждая модель будет представлена количеством глаголов, достаточным для автоматизации навыка трансформаций; 3) предъявляемые глаголы, по-возможности, будут объединены в тематические группы, что позволит моделировать коммуникативные микроситуации, в которых данные глаголы могут использоваться; 4) в тренировочных упражнениях будет прослеживаться взаимосвязанность некоторых грамматических явлений: а) последовательность упражнений может определяться степенью усложнения формируемого ими навыка (если в задании даются модели образования форм настоящего или прошедшего времени, то в следующем задании предлагаются те же модели с аффиксом -ся); б) при образовании форм прошедшего времени от глаголов совершенного и несовершенного вида внимание будет акцентироваться на сохранении видового суффикса и т.д.; 5) трансформация глаголов по заданной модели сопровождается заданием самостоятельно составить алгоритм данной трансформации, что должно способствовать пониманию учащимися наблюдаемого грамматического явления, а также формированию сознательной языковой компетенции у иностранных студентов-нефилологов.

Литература

1. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. – М.: Рус. яз., 1990. – 168 с.
2. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1977. – 880 с.
3. Пулькина И.М., Захава-Некрасова Е.Б. Учебник русского языка. Для студентов-иностранцев. – М.: Высшая школа, 1964. – С. 198-348.
4. Современный русский литературный язык. / Под ред. Шанского Н.М. (для студентов пед. институтов по специальности № 2116 «Русский язык и литература в национальной школе»). – Ленинград: Просвещение, 1988. – С. 359-449.

КРЫМСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КРЫМА

Н. А. Лантух

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь)

В XXI веке выдвинулся вопрос о геополитической идентичности Крыма и, соответственно, жителей Крыма – крымчан [1, 2]. География всегда играла важную роль в политике, но в современную эпоху географическая фрагментация приняла сложные формы регионализма, которые диктуют новый тип взаимодействия Центра и регионов. Как правило, в человеке фокусируется несколько различных идентичностей. Практически все виды идентичностей формируются на низовом уровне, связаны с территорией, на которой формируется личность, поскольку «привязанность человека к месту, где он родился и вырос, выступает в качестве необычайно эффективного символа и критерия идентификации, позволяющего отличать «своих» от «чужих» [3, с. 446]. Это прежде всего относится к этнической и региональной идентичности, которые возникают в процессе осознания индивидом своей принадлежности к «малой родине». Глобализация резко актуализировала проблему национально-культурной идентичности, выдвинула её на передний план современной науки.

Для Крыма актуальным является сочетание региональной, национально-культурной и этнокультурной идентичностей. Понятие «региональная идентичность» соотносится с понятием «региональная культура». Региональная культура – совокупность культурных символов социальных и этнических общностей, проживающих в пределах данного региона [4, с. 174]. Регион, с точки зрения его социокультурных характеристик, рассматривают как устойчивый социокультурный и хозяйственный комплекс, который образуют природно-ландшафтные условия, система экзистенциальных ценностей, религиозно-нравственное мировоззрение, формы правовых и политических отношений, которые проявляются в определённых пространственно-временных рамках у близко живущих народов [4, с. 171].

На фоне общемировых глобальных процессов разрушения и десакрализации традиционных ценностей и норм в Крыму в начале XXI века получил активное развитие процесс межэтнической дифференциации в области духовной жизни и культуры, возрастала культурная гомогенность различных этнических групп. Наряду с неуклонным сокращением количества этнодифференцирующих признаков происходит актуализация исторической памяти, увеличивается роль общности исторической судьбы как символа единства народа. Процесс консолидации на базе символического признака этнической идентичности – общности исторической судьбы – ярко проявляется у крымских татар и крымских русских. Общий вектор поиска идентичности – это движение в направлении большей укоренённости группы. «Происходит определённая территориализация этнических самосознаний» [5, с.10]. Если в советское время вопрос об этнической принадлежности крымчан стоял на периферии их идентификационной матрицы, то в начале XXI века он переместился в её центр. Возрастает личностная включённость в свой этнонациональный статус.

Параллельно с этим идёт процесс региональной консолидации крымского общества. Основой объединения крымчан является русский язык и русская культура, республиканский статус Крыма, эмоциональная привязанность к полуострову и его духовное восприятие как своей родины, крымские мифы и предания, общие культурные и естественные символы (объекты природы), региональная кухня, сходный уклад жизни, восприятие Крыма как центра в современной пространственно-временной и культурно-исторической парадигме.

Одним из первых о крымской региональной идентичности рассказал в своём романе «Остров Крым» Василий Аксёнов, который вербально выразил некие смутные очертания возможной будущей судьбы полуострова, предугадал островные тенденции его развития, дал образ крымчан в недалёкой исторической перспективе. Прошло почти четыре десятилетия со времени написания этого литературного произведения, и время уже подтвердило его мощный прогностический потенциал. Всё, что происходило в Крыму с начала 90-х годов XX века, напоминает некое мистическое превращение полуострова Крым в Остров Крым с последовательным развитием черт будущей судьбы стремящегося в Россию Острова.

Абсолютно верно подмечена писателем «островная» направленность идентичности крымчан, которую он усилил в романе, назвав Крым «Островом» с большой буквы. Островной характер населения Крыма берёт своё начало в древности, вытекает из особого географического положения и сложных исторических переплетений судеб разных народов. Проявления островного характера крымской ментальности по-разному выражались в различные периоды исторической жизни полуострова. Так, в годы существования Крымского ханства у русских формируется устрашающий образ «татарской неволи», связанный с Крымом, и на лубочных картах XVII века можно увидеть остров в центре Чёрного моря, «отекающего остров Крым». Крымские татары также манифестируют свой образ полуострова в тот период как «адо Крым» (или «остров Крым») [6, с. 68].

Возможно, в этом устойчивом образе зафиксированы смутные воспоминания об утраченных древних знаниях, о некогда существовавшем острове, который являлся центром сакрально-мифологического пространства Чёрного моря. Значение Чёрного моря в глазах античных греков, наиболее просвещённого народа древности, было огромным и во многом мистическим, необъяснимым с рациональных позиций.

Островная предыстория Крыма находит подтверждение в трудах древних историков. Так, Плиний Старший отмечает: «Таврида некогда была окружена морем, которое занимало места, ныне являющиеся равнинами; далее она постепенно переходит к возвышенностям» [7, с. 233]. Полуостров Крым по своей геологической истории и морфологии представляет собой полуостров особого типа – бывший остров. Такие полуострова видный русский антропогеограф А. А. Крубер называл причленившимися полуостровами. Среди полуостровов Европы к категории причленившихся Крубер относит только Крым [7, с. 13].

Островной характер природы Крыма проявляется не только в её геологии, в наличии естественных природных рубежей, отделяющих полуостров от материка, в составе эндемиков её флоры и фауны, но и в её особой островной энергетике, которая создаёт некое магическое пространство, способное активизировать продуцирование и передачу культурных импульсов, влиять на формирование некой островной ментальности.

Следует отметить, что «островная» идентичность всегда присутствовала в ментальном пространстве Крыма, имея лишь различную степень выраженности в разные исторические периоды. Островная окраска местных форм существования и региональной идентичности позволяла Крыму сохранять региональное самоуправление и определённую автономию жизни и в составе Римской империи, и Византии, и Османской Турции [5, с. 45]. Даже в самый спокойный и благополучный период для Крыма – в эпоху «застоя» – для крымчан была актуальна мифологема «за Перекопом земли нет», которая в то время не имела никакого политического подтекста, а только лишь манифестировала идею «инаковости», «отделённости» от материка, «островную», или крымскую региональную идентичность. Типичное выражение крымчан «там, в России» или «там, на Украине», ранее бытовавшее и бытующее сейчас, однозначно локализует крымчанина на некой третьей территории, не включаемой в единое пространство с названными территориями. И если в советское время в данных устойчивых словосочетаниях преобладал дифференцирующий компонент с региональным оттенком, поскольку все три субъекта входили в единое государство, то в период нахождения Крыма в составе Украины чётко фиксировалась политическая доминанта в этих типично крымских выражениях.

Ген автономности Крыма, по-разному проявлявший себя в различные исторические эпохи, активно заявил о себе в XX веке. В эпоху революции и гражданской войны 1917-1920 гг. крымский автономизм оформился окончательно. Несколько попыток создания в Крыму автономных образований различными политическими силами завершилось созданием 18 октября 1921 года Автономной Крымской Социалистической Советской Республики — «автономным государством рабочих и крестьян» в составе РСФСР [5, с. 46]. В 1945 году Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР, а 19 февраля 1954 года передана из состава РСФСР в состав УССР.

Усиление общемировых тенденций регионализации Крым ощутил на себе одним из первых в СССР. Начавшееся в конце 80-х годов активное автономистское движение добивается существенных успехов – восстановления автономного статуса региона. 20 января 1991 года состоялся первый в СССР референдум, который

воссоздал Крымскую АССР в качестве субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. За воссоздание автономии проголосовало 1343855 человек, что составило 93,26% от принявших участие в референдуме [5, с. 50].

26 февраля 1992 года Верховным Советом Крымской АССР был принят закон «О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым», в этот же день была утверждена музыкальная редакция Гимна Республики Крым (композитор Алемдар Караманов). Идея государственности Крыма была в тот период доминирующей. В 1992 году крымский парламент принимает Конституцию Республики Крым, закон о Государственном Флаге и Государственном Гербе Республики Крым. В 1994 году были избраны президент Республики Крым и новый парламент автономии. Были сформированы главные атрибуты государственности Крыма.

Очередное обострение отношений между Симферополем и Киевом закончилось поражением молодой республики. В марте 1995 года Верховный Совет Украины специальным решением отменил Конституцию Республики Крым и упразднил пост президента. В течение последующих 3-х лет Крым утратил многое из своих завоеваний начала 90-х годов. Новая Конституция 1998 года фактически закрепила горькие политические потери автономии. Но в памяти республики зафиксирован опыт политических достижений начала 90-х годов, опыт борьбы за региональные интересы и права. За короткий период Крым на собственном опыте испытал президентско-парламентскую, парламентско-президентскую и чисто парламентскую формы правления, первым применил смешанную избирательную систему, национальные квоты для представителей депортированных этнических общин [8, с. 77].

Незавершённость процесса автономизации полуострова стала причиной того, что перед Крымом и Украиной постоянно вставал вопрос о разграничении полномочий между автономией и центром, поскольку существовавшее дискриминационное ограничение полномочий АРК тормозило экономическое и социально-культурное развитие республики.

В украинский период в Крыму действовал ряд факторов, усиливавших тенденции регионализации и диктовавших стремление к ещё большей автономности. Среди них необходимо выделить:

культурно-цивилизационный, географический, геополитический, полиэтнический, политико-психологический.

Стойкое непонимание Украиной специфики Крыма, нежелание учитывать региональные интересы и потребности крымчан, попытки силового давления в области языка и культуры отдаляли полуостров от материка, способствовали формированию «островного» регионального сознания, провоцировали сепаратистские настроения. По результатам социологического опроса Центра Разумкова в 2008 году 32,4% жителей АР Крым демонстрировали сепаратистские настроения. При этом доля тех, кто готов был лично добиваться реализации сепаратистских вариантов, являлась меньше и не превышала четверти населения полуострова [9].

Социологический опрос, проведённый в Крыму в 2006 году, подтверждал тенденцию к укреплению крымской региональной идентичности. Так, среди других социальных идентичностей (житель своего села, города; региона, гражданин Украины, представитель своего этноса, народа и др.) 46% жителей Крыма выбрали региональную идентичность, сказав, что считают себя прежде всего крымчанами. При этом среди этнических групп Крыма самый высокий результат показали русские – 52,3% (крымские татары – 41,5%, украинцы – 35%). 61,2% крымчан заявили, что для них важно, что Крым является республикой, а не областью. Так думали 76,8% крымских татар, 60,4% русских и 55,1% крымских украинцев. [10, с. 126-127].

Наибольшее культурное и политическое отчуждение между Крымом и Украиной показали данные социологического исследования Центра Разумкова, проведённого в Крыму в октябре-ноябре 2008 года [11]. На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом Украины?» «да» ответили только 9,2% крымчан и «скорее да» ещё 19,4% респондентов. [11].

Общепризнанно, что родной язык представляет собой абсолютную ценность вне зависимости от этнической принадлежности его носителей. При возникновении угрозы родной язык становится объектом защиты и фактором консолидации языкового коллектива. 81,3% жителей Крыма назвали русский язык родным, а именно: 76,7% украинцев, 95,7% русских и 9,1% крымских татар. При этом дома говорят на русском языке 86,4% украинцев и 20,8% крымских татар, что превышает в данных этнических группах процент тех,

кто назвал русский язык родным. В целом 86,5% крымчан говорят дома по-русски [11]. Языковой вопрос стал мощнейшим фактором усиления «островных» тенденций в формировании крымской региональной идентичности.

В современной науке утвердилось понимание, что важнейшими факторами влияния на регионализацию глобальной социосферы являются феномены «культура» и «цивилизация», поэтому в качестве стержня новой регионализации мира всё чаще выдвигаются культурные характеристики, которые менее подвижны и переменчивы, чем идеологические, политические или экономические [12, с. 147]. Любая страна (или регион) представляет собой некую мозаику из климата, ресурсов, политики, а также прошлого, будущего, ориентиров и занятий населяющих её людей. По этому признаку фактически формируются ‘культурные регионы’, границы между которыми намного значимее, нежели те, что проведены политиками. ‘Культурные регионы’ – это области устойчивых человеческих ценностей, таких, формирование которых занимало века и которые не могут меняться с изменением государственных границ [12]. Новейшая история Крыма подтвердила, что Крым, как и другие культурно-исторические очаги, является геостационарным образованием, поскольку «связующим элементом таких территорий становится культура, в целом слабо подчиняющаяся усилиям общественно-политического порядка по её ликвидации или изменению» [12, с. 151].

Крым как полиэтничное и поликонфессиональное пространство на перекрёстке глобальных культурных и цивилизационных потоков сформировался и стабилизировался как очаг русской культуры. Русская культура и русский язык являются мощным стабилизирующим и интегрирующим фактором на полуострове. Как показал опрос 2008 года, в эпоху правления Виктора Ющенко и наибольшего культурного и языкового давления Киева на Крым, 55,5% жителей Крыма относили себя к русской культурной традиции, 14,6% – к советской, которую также ассоциировали с русской. В целом – это 70,1% населения полуострова. К украинской культурной традиции себя относили только 8,6% крымчан, к крымско-татарской – 8,3% жителей полуострова [11].

Попытки украинского государства осуществить ускоренную украинизацию не дали желаемых результатов, наталкивались на

«глухую оборону» населения, региональную невосприимчивость Крыма к украинскому культурному и языковому влиянию. Как реакция на давление украинских властей русский язык и русская культура приобрели на полуострове черты мобилизационного фактора, сыгравшего свою роль в событиях Крымской весны.

Конфликтность и обособленность крымской жизни в украинский период определили и специфику регионального сознания, сформировали в качестве защитной реакции такую черту, как отторжение претендентов на крымскую власть, пришедших извне. Выразительной особенностью крымского регионального сознания является автархичность. Этим полуироническим неологизмом крымский учёный В.А. Темненко называет специфическую черту крымской элиты – её склонность к отторжению чужаков из сферы регионального управления. Крым дал яркие примеры автархичности в разные эпохи крымской автономии. Темненко подчёркивает, что автархичность является важной деталью крымской полуостровной идентичности, несёт на себе отпечаток чего-то важного в крымской русской ментальности [13, с. 103].

Региональная идентичность отличается своей локальной социальностью и тенденцией к территориальной солидарности. Региональная солидарность – константа крымского сообщества, то насущно необходимое качество, которое способно консолидировать многонациональный Крым в период актуализации этнической и религиозной идентичности крымчан. Солидаристский потенциал крымского общества основан на особой конфигурации региональных символов группового единства, на базе русского языка и русской культуры, на общем представлении о будущем Крыма, сформулированном в девизе республики – «Процветание в единстве!».

Ярко выраженная идентичность крымчан с «малой родиной» – Крымом – в сочетании с отторжением идентичности украинского национального государства усиливала импульсы регионализма, подпитывала культурный и политический сепаратизм. Социологические исследования жизни крымского сообщества показывали, что социокультурный разрыв между Крымом, базирующимся на российском традиционализме, и Киевом, стремящимся к западной модернизации, неуклонно рос. Политическое и социокультурное развитие Украины в XXI веке демонстрировало отсутствие перспектив общегосударственной украинской идентичности. Государ-

ство не смогло предложить стержневого интегративного украинского проекта, и в стране шёл активный процесс формирования региональных идентичностей.

Сформировавшаяся крымская региональная идентичность со своим именем, особой версией региональной истории, собственным символическим капиталом, мощной островной энергетикой служила консолидирующим и мобилизационным фактором в новейшей крымской истории, стала основанием для претензий на формирование новой геополитической идентичности Крыма, движущей силой событий Крымской весны. Крымская весна решала не только «проклятые русские островные и материковые проблемы» [14, с. 281], но прежде всего она решала главный вопрос – вопрос исторического и духовного выбора – «сытое прозябание на задворках человечества или участие в мессианском пути России, а, следовательно, в духовном процессе нашего времени» [14, с. 267].

Литература

1. Лантух Н. А. Крымская региональная идентичность: особенности становления и перспективы. // Избранные доклады и материалы международной научно-практической конференции «Русский язык как фактор духовности в современной Украине»: Доклады и материалы. – Луганск: ЛПЦ «Готика», 2008. – С. 174 – 185.
2. Лантух Н. А. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. Симферополь: СОНАТ, 2012. – С. 257 – 268.
3. Шендрик А. И. Культура в мире: драма бытия. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2007.
4. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
5. Мальгин А. В., Ефимов С. А. Крымский регионализм. XX век. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 40 – 60.
6. Киселёв С. Н. Политико-географические и геополитические образы Крыма. // Автономная республика Крым в 21 веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006.
7. Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002.

8. Демидов Г. В. О правовом статусе Автономной Республики Крым. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 75 – 80.

9. Политический портрет крымчанина глазами социологов. // <http://crimea.unian.net/rus/detail/8160>

10. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. // Международный круглый стол. Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 125 – 129.

11. Центр Разумкова о Крыме. // http://razumkov.org.ua/poll.php?poll_id=403

12. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: Учебник. – М.: Гардарики, 2003.

13. Темненко В. А. Автономная Республика Крым: ценности и зияния. // Автономная Республика Крым в XXI веке: опыт, проблемы, развитие. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь: Антиква, 2006. – С. 101 – 116.

14. Аксенов В. П. Остров Крым. – Симферополь: Редотдел крымского управления по печати, 1992.

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» В ВОСПРИЯТИИ КРЫМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

С. В. Капустина

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Восприятие современными крымскими школьниками повести Н. В. Гоголя «Шинель» и адекватная оценка ее главного действующего лица осложняется многими факторами. Мастерство педагога должно проявляться, прежде всего, в том, чтобы преодолеть «проблемные места» в изучении этого произведения. На первый взгляд, указанная дилемма кажется легко решаемой, однако педагогический опыт демонстрирует обратное.

Для того чтобы понять, *каким* именно видят Акакия Акакиевича Башмачкина современные учащиеся средних школ Крыма, нами был проведен своеобразный эксперимент.

После прочтения повести Н. В. Гоголя и перед непосредственным ее анализом дети получили задание написать эссе на тему "Кто такой Башмачкин?" В пояснении этого задания педагог подчеркнул, что характеристика героя должна быть представлена разнопланово, то есть должны учитываться не только портрет героя, его профессия и взаимоотношения с другими персонажами, но в первую очередь – читательская оценка его характера, духовного мира; характеристика его жизненного пути (с определением «положительного» и «отрицательного» периодов).

На основе подготовленных эссе был проведен статистический анализ характеристик героя. Подавляющее большинство обучающихся употребили в своих работах прилагательное «слабый» и близкое к нему – «слабовольный» (данный ряд можно продолжить и сочетанием «не имеющий силы воли», «безвольный»). На почетном «втором месте» расположилось прилагательное «жалкий». С небольшим статистическим «отрывом» были указаны прилагательные «несчастный», «убогий», «униженный». В отдельных работах встречались и такие экспрессивные характеристики, как «посмешище», «тюфяк», «амеба» и «слабак». Эти работы опираются на традиционное прочтение повести Н.В. Гоголя как произведения о «маленьком человеке» [7; с. 8].

Как видим, все эти характеристики имеют четко выраженную негативную коннотацию. Зафиксировав это, мы расширили границы проводимого эксперимента и исследовали методические разработки коллег, размещенные во «всемирной паутине».

К счастью, выдержки из планов занятия по «Шинели» Н. В. Гоголя несут и иной эмоциональный посыл. Вот, к примеру, выдержка из плана-конспекта одного из российских педагогов-славистов:

«Итак, ребята, Гоголь не скрывает убожества внутреннего мира Акакия Акакиевича, его ограниченности, скудости интересов, неспособности логически мыслить, косноязычия. Писатель как бы отстраняет все эти отрицательные качества, не делает на них акцента, а крупным планом дает другое: кротость, душевное незлобие, безропотное терпение забитого жизнью бедняка»

Подводя итоги своего занятия, этот же преподаватель говорит:

«Самосознание, самоощущение каждого человека, достоинство каждого человека надо уважать, несмотря ни на что. У человека может быть низкий уровень культуры, образованности, пользу он может приносить не такую, как другие (например, один занимается конструированием самолетов, а другой моет посуду), но ДОСТОИНСТВО нужно уважать в каждом. В этом философский аспект проблемы. Все мы вышли из «шинели» – в этом гуманизм Гоголя. И воссоздавая трагедию «маленького человека», Гоголь пробуждает к нему чувство сострадания».

Закономерен вопрос: «Как же преодолеть эту пропасть между "слабаком", "амебой" и "достойным Человеком"?». На что должен обратить внимание педагог, чтобы изначально отрицательные черты нравственного мира героя стали восприниматься в ином свете?

Стоит непременно взять во внимание большúю культурно-аксиологическую дистанцированность между духовными приоритетами Н. В. Гоголя и устремлениями среднестатистического крымского школьника. Более того – необходимо учесть поликонфессиональность (мультикультурализм) крымской аудитории и – в отдельных случаях – абсолютную дезориентацию молодого поколения в основных догмах мировых религий.

Именно поэтому при воссоздании духовного портрета Акакия Акакиевича Башмачкина необходимо обратиться и к духовным ориентирам Н. В. Гоголя, и к отдельным категориям близкого ему Православия. Рекомендуем подискутировать с учащимися о смысле излюбленных фраз автора – цитаты из завета Ап. Павла «сила наша в немощи заключается» и выдержки из гоголевского письма «всякое поприще требует богатырства» [3;4;5].

В ходе дискуссии формируется мнение о том, что далеко не каждый обладатель заурядной внешности является слабым: иногда душевные качества могут составлять истинную силу и питать волю визуально слабого человека, делая его тем самым сильным, способным не пасть перед ударами судьбы. Истинная сила, по Н. В. Гоголю проявляется и в честном и беззаветном служении, восприятии своего поприща как дела всей жизни. Бесспорно, прийти к последнему выводу будет непросто: большинство представителей подрастающего поколения имеют колоссальные профессиональные амбиции, поэтому им сложно понять, как можно всю жизнь довольствоваться малым.

Таким образом, в процессе этой занимательной дискуссии мы стремимся восстановить такие православные концепты, как «сила», «служение», «смирение», «терпимость». Возникающие проблемные ситуации в виде многочисленных контраргументов – положительная сторона изучения. Даже если класс разделится на оппозиционно мыслящие группы, цель занятия может быть успешно достигнута.

После данной дискуссии можно перейти к историко-филологическому блоку. Стоит обратить внимание на то, какую характеристику жизненного пути Башмачкина предлагают литературоведы различных «школ» и направлений. Считаем обязательным прочесть несколько выдержек из работ советских ученых относительно того, что в первой части проявляется слабость героя, а во второй – его сила. Затем следует представить полярное мнение православных гоголеведов: благостный «период капота» и губительный «период шинели».

«Столкновение взглядов» поможет сформировать еще одну проблемную ситуацию, при которой каждый из прочитавших произведение сможет аргументированно высказать свое мнение.

Следующим этапом может стать текстологический анализ повести Н. В. Гоголя «Шинель». Приступая к нему, следует обратить внимание на то, как автор представляет героя читателю; каков Акакий Акакиевич в департаменте – с другими; какова его внутренняя жизнь, и, наконец, авторский портрет Акакия Акакиевича – сцена крестин.

Параллельно следует начать работу над выразительным чтением (сцены «крестины», «бумажки», «вечер Акакия Акакиевича»). Важно добиться разного лирического звучания фрагментов. Ученники должны доказать верность выбранной ими интонации.

Сцена крестин, как известно, проникнута язвительностью и сарказмом, ее персонажи словно картонные куклы. Но эпизод в департаменте меняет читательское впечатление, поскольку звучит по-детски простой, но по-зрелому проникновенный вопрос «Зачем вы меня обижаете?». По действию, произведенному ими, по той трактовке, которую дает им Гоголь, это слова юродивого. «Се человек!» – восклицает Гоголь.

Христианская идея человеколюбия не находит никакого развития в характерах персонажей – это лирическая нота повести,

лично авторская. Однако успешная реализация цели занятия предполагает четкое воспроизведение этой ноты без навязчивого на ней сосредоточения.

Таким образом, для формирования адекватной оценки образа Башмачкина в аудитории крымских школьников, необходимо создать (как минимум) две проблемные ситуации: 1) попытаться осмыслить такие базисные для Н. В. Гоголя концепты, как «служение», «сила», «смирение», «терпимость», «человеколюбие»; 2) представить полярные исследовательские взгляды на два периода жизненного пути Башмачкина. Крайне важно также на начальном этапе изучения (прочтение) зафиксировать первые впечатления учащихся от характера Башмачкина.

С учетом полученных результатов рекомендуем приступить к подробному текстологическому анализу повести. Каждый ответ учащегося должен сопровождаться доказывающей правоту последнего цитатой.

Выводы

- систематизация главенствующих в мировой литературе трактовок образа Башмачкина демонстрирует одну характерную черту: восприятие героя как слабовольного человека, проявившего характер лишь единожды – при приобретении шинели. Жалость и сочувствие к такому излишне тихому «маленькому человеку» – вот те основы, на которых зиждется гуманистическое направление советского литературоведения. Однако в современном гоголеведении с середины 90-х годов наметился иной – православный – вектор изучения наследия классика;

- изучение наследия Н. В. Гоголя в рамках христианской аксиологии не явилось новшеством XXI столетия, однако именно с середины 90-х годов все больше авторитетных гоголеведов соотносили художественный мир писателя с его духовными исканиями. Вполне закономерно, что переосмыслению подверглась знаковая повесть «Шинель». Ее главный герой в свете православия приобретает совершенно иные черты: то, что в начале его жизненного пути воспринималось читателями как слабость и безволие, в координатах православия можно трактовать как терпимость и смиренность;

- в современном литературоведении имеются фундаментальные исследования, в которых проводятся параллели между житием Св. Акакия и жизнью Акакия Башмачкина. Следовательно,

герой уже не воспринимается как жалкий и слабовольный человек, единожды проявивший силу характера при покупке шинели. Напротив, «период капота» представляется благостным временем, когда герой смиренно и терпимо пребывает на службе, не мучается излишними амбициями, не поддается на многочисленные провокации коллег. «Период шинели» лишает его этой благости: жизнь героя погружается в суету чиновничьего Петербурга, ему становятся знакомыми ощущения гордости и отчасти бахвальства. Этот период заканчивается трагически, но даже после смерти Акакий Акакиевич не может найти упокоения.

- с учетом полученных результатов рекомендуем приступить к подробному текстологическому анализу повести. Каждый ответ учащегося должен сопровождаться доказывающей правоту последнего цитатой.

- перед подведением итогов считаем рациональным предложить учащимся самостоятельную работу, которая уже на новом этапе предполагает оценивание героя. Развернутость и обоснованность ответа, учет дискуссионности трактовок образа в литературоведении, апелляция к близким Н. В. Гоголю христианским категориям будут демонстрировать то, что цель занятия успешно достигнута.

Литература

1. Агеева, И.И. Нравственно-религиозный идеал Н.В. Гоголя в контексте русской литературы первой половины XIX века / И.И. Агеева. Баку: Мутарджин, 1998. – 274 с.
2. Вайскопф, М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст / М.Я. Вайскопф. М.: Радикс, 1993. – 592 с.
3. Гончаров, С.А. Творчество Н.В. Гоголя и традиции учительской культуры / С.А. Гончаров. СПб.: Образование, 1992. – 155 с.
4. Золотусский, И.П. Гоголь и Достоевский / И.П. Золотусский // Литература в школе. 2004. № 4. С. 2-6.
5. Лебедев, Ю.В. Историко-философский урок «Шинели» Гоголя / Ю.В. Лебедев // Литература в школе. 2002. № 6. – С. 27– 30.
6. Никифорова, С.А. Изучение повести Н.В. Гоголя «Шинель» / С.А. Никифорова // Литература в школе. 2004. № 4. – С. 33– 36.
7. Ревякин, А.И. История русской литературы XIX века / А.И. Ревякин. М.: Просвещение, 1977. – 559 с.
8. Храпченко, М.Б. Гоголь. Литературный путь, величие писателя / М.Б. Храпченко. М.: Худ. литература, 1980. – 711 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РУССКИЙ ЯЗЫК И ПРАВОСЛАВИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.В. Бугаева

ФГАБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева»
(Москва)

Отношения языка и религии – сложный вопрос, который неоднократно становился поводом научных и мировоззренческих дискуссий. При всем разнообразии подходов трудно отрицать наличие таких отношений, о чем свидетельствует история развития лингвистики и христианства в разных европейских странах.

Рассматривая историю изучения русского языка в мире, становление понятия «Русский мир», оценивая роль преподавателей, методистов, дипломатов, необходимо отдать должное заметному вкладу Русской Православной Церкви в распространение русского языка. Церковь в России была традиционным центром грамотности, первыми и самыми распространенными начальными и высшими учебными заведениями были церковно-приходские школы и духовные академии. Благодаря миссионерской деятельности священнослужителей русский язык изучался многочисленными народами Российской Империи, а также становился известным в других странах. Один из величайших русских православных подвижников XIX - начала XX века, святой равноапостольный Николай (Касаткин), архиепископ Японский, принёс Православие в Японию. В Токио им была организована духовная школа, которая стала катехизическим институтом с богословскими исследованиями на русском языке. Самим архиеп. Николаем Японским и под его прямым руководством создавались учебники русского языка, разговорники, словари. До сих пор обучение в Токийской православной семинарии ведется на двух языках: русском и японском.

Православной Церковью организуются многочисленные детские летние лагеря, языком общения в которых является русский (Дания, Германия, Австралия, Канада, Финляндия и т.д.).

Русский язык поддерживается также изданием православных печатных изданий, а в последнее время большинство зарубежных приходов имеют официальные сайты на двух и более языках.

В России богословское образование получают не только россияне, но и иностранные граждане. В Санкт-Петербургской духовной семинарии в 1965 году был открыт факультет иностранных студентов. За эти годы получили религиозное образование на русском языке граждане Сербии, Боснии и Герцеговины, Германии, Швеции, Черногории, Хорватии, Греции, Китая, Нидерландов, Таиланда, Польши, Финляндии и т.д. Но, к сожалению, в нашей стране до сих пор нет специальных учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному для религиозных учебных заведений. На наш взгляд, следует обратить внимание на религиозную сферу как равноправную коммуникативную и учебную среду.

Интерес к России часто возникает через знакомство с русской классической литературой. Это подтверждается многочисленными примерами. Вот как вспоминает свое увлечение Россией кипрский протоиерей Савва Михаилидис: «Впервые я узнал о России и полюбил ее еще в школьные годы. Тогда я много читал русских классиков, особенно Достоевского. На последнем курсе богословского факультета в Афинах, в 1970-1971 гг. начал сам по учебникам и пластинкам изучать русский язык. После целый семестр провел в русском монастыре вмч. Пантелеимона на Афоне, а затем уехал во Францию. Там с 1971 по 1973 год работал в русском монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси, и одновременно брал уроки русского языка у педагога, лучше которого не встречал в своей жизни, у матушки Серафимы Осоргиной» (<http://www.pravoslavie.ru/cgibin/sykon/client/display.pl?sid=526&did=1028>)

Меньше известны другие случаи, когда через интерес к Православию приходит интерес к России, к ее истории, культуре и русскому языку. Так, игуменья Инес (Айау Гарсиа), настоятельница единственного православного прихода в Гватемале монастыря Святой Живоначальной Троицы «Лавра Мамбре», рассказывает: «Мне дали для ознакомления беседы преподобного Се-

рафима Саровского с Николаем Мотовиловым и тексты православных литургий. Прочитанное поразило меня до глубины души. Одна из монахинь привезла несколько православных икон, в том числе репродукцию иконы «Святая Троица» Андрея Рублева. Я была очарована и загорелась желанием выяснить, где корни всего этого? <...> Мы искренне любим Россию и Русскую Православную Церковь. Кресты на наших куполах – византийские. Все остальное русское: и архитектура, и иконы, и росписи» (<http://www.pravoslavie.ru>).

Принятие Православия часто приводит к изучению русского языка. Примером может служить судьба двух молодых датчан, Андреаса Р. и Карин К., которые не только выучили русский язык, но и стали переводчиками православной литературы с русского языка на датский. А молодой англичанин о. Кирилл, который принял Православие в Иерусалиме, выучил русский и может служить по-церковнославянски.

Удивительна судьба американца с неамериканской судьбой – архимандрита Иоасафа (Маклеллана). Выпускник Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвиле, регент, доктор наук в области славянской филологии, преподаватель университетов в Миссури и в Принстоне несколько лет преподавал начальный курс русского языка и некоторые аспирантские курсы по истории русского языка и по церковнославянскому языку.

В последнее время возрос интерес к всестороннему и междисциплинарному описанию религиозной сферы. В связи с этим ставятся вопросы о методах, единицах исследования, терминологии и т.д. В конце XX века стали активно писать о теолингвистике как науке, изучающей взаимоотношения языка и религии. В западных странах теолингвистика давно является равноправным членом среди других «лингвистик», проводятся конференции, издаются сборники научных трудов, есть профессиональный сайт *Theolinguistics* [7]. В России о теолингвистике стали писать с середины 2000-х годов.

Теолингвистика большинством исследователей оценивается как субдисциплина языкознания, в центре внимания которой находится коммуникация в религиозной сфере. «Объектом исследования теолингвистики являются особенности вербализации религиозного языкового сознания в текстах разных жанров и сти-

лей. Предметом исследований могут быть вербальные и невербальные проявления религиозного сознания в разных коммуникативных ситуациях. Задачи исследования – разноаспектное изучение взаимосвязи религии – языка – сознания – личности – коммуникации» [2, с. 88]. Таким образом, теолингвистика решает лингвистические задачи исследования текстов и коммуникации в религиозной сфере.

Наше многолетнее изучение взаимодействия языка и религии позволило сделать вывод о том, что наряду с теолингвистикой следует выделить еще одно междисциплинарное направление исследований, которое предлагаем называть лингвотеологией. «Лингвотеология – это субдисциплина теологии, объектом которой являются канонические богословские тексты, их переводы, толкования, написание новых богослужебных текстов (агиография, гимнография, проповеди). Исследовательским материалом лингвотеологии являются религиозные тексты и проблемы, связанные с используемыми в них речевыми фактами, также цели и задачи, решаемыми теологами в их богослужебной, миссионерской, переводческой и научной деятельности» [2, с.88].

При теоретическом осмыслении лингвотеологии можно провести некоторые параллели с лингвокультурологией. Аналогично с лингвокультурологическими исследованиями, принципы и подходы которых обоснованы В.В. Воробьевым [4], выделяем следующие задачи лингвотеологии. Во-первых, разработать теоретическую модель описания когнитивной и речевой деятельности религиозной языковой личности. Во-вторых, изучить влияние религии на язык. Ф.И. Буслаев первым в отечественном языкознании избрал такой вектор изучения языка. Идеи, заложенные в его магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык», вышедшей в 1848 году и переизданной в 2011 году, практически не получили должного продолжения [3]. Логико-методологический и герменевтический анализ языка как духовной энергии и миропонимания народа представлен в монографии В.И. Постоваловой «Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта» [6]. В-третьих, необходимо разработать лингвотеологическую теорию слова. Традиционное изучение религиозной лексики и опыты лексикографического описания религиозной лексики не носят необходимого

комплексного характера, учитывающего не только лингвистические, но и богословские особенности. Среди лексики, характерной для религиозной сферы, по нашему мнению, выделяется собственно религиозная лексика и сакральная лексика. Две эти группы относятся друг к другу как общее и частное. К религиозной лексике относятся слова, обозначающие предметы, явления, действия, связанные с религией в целом. К сакральной лексике относятся лексемы, в семантической структуре которых есть сема «святости», «сакральности». Эта сема либо заложена в самом богословском понятии, например, «Бог», «Святой Дух», «Троица»; либо появляется в результате ритуального действия.

Отметим опыт отбора религиозной лексики составителями «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики». По их мнению, «словарь должен по возможности полно отражать представления современного православного богословия о сути описываемых понятий, с одной стороны, и представления современной русистики о полноценном лексикографическом описании слова — с другой» [5, с. 119]. Основным принципом работы над словарными статьями заключается в том, что «для многозначных лексем в словаре описываются только те их значения, которые функционируют в христианской научной, профессиональной или разговорной речи, а также те «светские» значения, которые родились из религиозных или тесно связаны с ними» [5, с. 119].

В своих исследованиях богословы используют традиционные лингвистические методы (семантический анализ, сравнительно-исторический метод, этимологический анализ, перевод) и богословские методы (герменевтику, толкование, апофатический метод, катафатический метод). Игумен Агафангел (Гагуа) в статье «Учение о Церкви: лингвокультурологический аспект» пишет: «Лингвокультурологический подход, выработанный в современной филологии на стыке с другими науками гуманитарного и культурологического круга, даёт уникальную возможность избежать непродуктивных догматических споров, очень часто возникающих исключительно по «лингвистическим» же причинам: несовпадение языковых планов и коммуникативные неудачи, вызванные разными историко-культурными контекстами, не всегда оказываются порождением сугубо богословского конфликта» [1].

В современных богословских исследованиях используются также элементы семиотического анализа, где язык выполняет функцию означающего, а богословские смыслы выступают в роли означаемого.

Мы понимаем дискуссионность высказанных положений и определений. Цель данной статьи – обратить внимание научного сообщества на лингвотеологию как новую научную парадигму, статус которой определяется теоретическим осмыслением взаимосвязи религии – языка – сознания – личности – коммуникации.

Литература

1. Агафангел (Гагау), игумен. Учение о Церкви: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4717662.html> дата обращения 10.02.2017).
2. Бугаева И.В. Лингвотеология как новое направление лингвистических исследований // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н.Головина): Сборник статей по материалам межд. конф. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. – С.87-92.
3. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык.– М.: Университетская типография, 1848. 213 с.; изд. 2-е. М., 2011.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология 30 лет спустя: есть ли теоретические достижения в описании взаимодействия языка – культуры – личности и каковы прикладные перспективы в обучении иностранным языкам? // Русский язык в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая и др.: В 15 т. –Т. 6. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015.– С.110–116.
5. Добрушина Е.Р., священник Константин Польсков, Литвинцева К.М., Хангиреев И.А. От «Аббата» до «Аналая»: фрагмент «Лингвоэнциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. III: Филология. –2011.– Вып. 3 (25).– С. 119–146.
6. Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / Отв. Ред. А.А. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп.– М.: ЛЕНАНД, 2014. –256 с.
7. Theolinguistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theolinguistik.de/index.html> (дата обращения 04.03.2017).

МАССОВАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ПО ОЦЕНКАМ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА¹

Иссерс О.С., Малышева Е.Г.

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»
(Омск)

В современной коммуникации наблюдается значительное влияние образцов массовой речевой культуры на формирование социальных норм и стереотипов, что ставит на повестку дня необходимость изучения этого феномена. Массовая речевая культура формируется как некий новый способ общения, используемый множеством людей независимо от их статуса, уровня образования и социальной роли и в публичном общении, и в повседневной жизни. Эти образцы речевого поведения активно транслируются и тиражируются в СМИ и блогосфере. Яркие примеры последних лет – речевая формула «*Доброго времени суток!*»; вошедшее в речевой обиход выражение *Вот как-то так*, которым стало принято заканчивать речь; использующаяся в различных коммуникативных ситуациях оценочная конструкция *ни о чём* и т.п.

Если учитывать тот факт, что последнее массовое обследование функционирования русского языка проводилось в 60-70-х гг. [9]), то мы вынуждены признать, что оценка того или иного варианта во многом основана на интуиции и лингвистическом чутье кодификатора (эксперта). Нормы ретроспективны по определению, но в отсутствие свежих репрезентативных данных один из критериев – это мнение экспертного сообщества. Оценка тех или иных фактов русской речи, в т.ч. и языковых новаций, как соответствующих языковым, коммуникативным и этическим нормам, «языковому вкусу эпохи» играет существенную роль в их дальнейшей кодификации.

В последние два десятилетия опубликован ряд исследований, предпринятых в целях выявления тенденций русской речи и языковой моды нашего времени [1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11 и др].

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта в рамках реализации ФЦП «Русский язык» на 2016 - 2020 годы (цикл телевизионных и радиопередач «Лица современной русистики» - <https://modrus.pushkininstitute.ru/>)

Исследователи отмечают, что в последние десятилетия разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устной речи, стали свойственны не только современному бытовому общению, но и публичным сферам, СМИ, что было нехарактерно для русского литературного языка недавнего прошлого [4, с. 359].

В связи с этим изучение различных аспектов массовой речевой культуры методом глубинного интервью помогает выявить зоны активной научной рефлексии в русистике, глубже понять процессы взаимодействия и взаимообусловленности социальных и лингвистических факторов в современной дискурсивной реальности.

Материалом исследования стали интервью с ведущими российскими учеными-русистами, проведенные в рамках проекта «Лица современной русистики» (ФЦП «Русский язык») в 2016-2017 гг. – профессорами В.И. Карасиком, В.И. Коньковым, Л.П. Крысиным, Ю.Е. Прохоровым, И.А. Стерниным и др.

Для выяснения оценок современной русской речи в аспекте культурно-речевых норм всем экспертам был задан вопрос: «Что вас огорчает и что радует в современном русском языке?».

Ответы можно сгруппировать по позитивным и негативным оценкам. **Позитивные** связаны с вариативностью способов выражения интенции, наличием у говорящего речевого и коммуникативного выбора, признанием территориального варьирования языка.

Л.П. Крысин: Радует свобода. Мне кажется, с конца 80-х годов, когда политики перестали говорить по бумажке, такая речевая свобода появилась. Люди не боятся ошибиться, даже в эфире. Поскольку это не заготовленные тексты, это естественным образом рождающаяся речь, и там могут быть какие-то неточности, даже ошибки, но это стихия речи. Это такая свободная речь. И сейчас, по-моему, это выражается в том, что повседневное наше общение, повседневная речь вбирает в себя очень много такого, что раньше осуждалось с точки зрения нормы. Жаргон, просторечие, сленг и так далее. Но это такая данность, вот это сейчас есть.

В.И. Карасик: В целом, язык – живой организм. И, как всё живое, он красив, если понять, в чём его красота. В общении он используется в большей мере адекватно. Всё неадекватное безжалостно редактируется участниками общения, исчезает, идёт в

мясорубку. Ну нет проблемы никакой! Хороший язык, и на нём хорошо говорят. Количество штампов у нас такое, какое обычно бывает в разных типах дискурса. В политическом его больше, в обиходном тоже есть. В художественном нет, и слава Богу. Почему я говорю, что нужно читать художественную литературу, хорошую публицистику.

Ю.Е. Прохоров: Меня совершенно не пугает некая вольность с языком. Я даже иногда боюсь, что моя вольность с языком пугает кого-то другого. Потому что я считаю, что у нас было как-то очень жёстко. Вот мы говорили «язык – это сокровищница культуры». Когда я в первый раз сказал, что фраза «учите русский язык, и будете читать Пушкина в подлиннике» – это самая тупиковая фраза для обучения русскому как иностранному, тоже был чуть ли не побит... Я абсолютно убеждён, что язык – это культурная составляющая, сокровищница, хранилище... Но говорим мы на языке всегда здесь и сейчас. Не вчера и там, а здесь и сейчас.

Раньше...если мы говорили публично, мы придерживались определённой модели – что можно употребить, что нельзя употребить. Сейчас, попадая в разные коммуникативные пространства, мы, к счастью, начинаем говорить немножко по-разному. Причём на всех уровнях, от верха до обихода. Это тоже нормально и хорошо. Это более естественная форма общения в этом коммуникативном пространстве.

Негативные оценки состояния массовой речевой культуры связаны в основном с бедностью языка, речевыми штампами, проникновением вульгарных и обценных единиц в публичную сферу, откуда эти «образцы» молодежь воспринимает как социальную норму. В то же время все эксперты предостерегают от непрофессиональных оценок языковых новаций как «порчи» русского языка и подчеркивают ответственность журналистов за трансляцию речевых норм и моделей коммуникативного поведения.

Л.П. Крысин: Что огорчает? Бедность языка молодёжи, Интернет-общение... Скучный словарь, скучные какие-то, бедные интонации. Просто плохое знание языка.

И, кроме того, ненормативность этих сфер очень по-разному понимается. Для одного слово «ляпнуть» уже грубость, а для другого и слово, которое близко, так сказать, к «основному сло-

варному фонду», не очень режет ухо. Безобразие, по-моему, – это мат в эфире, мат в публичной речи. Этого не должно быть. Записывают, но это же прозрачно всё. Зачем пускать на телевидение такого рода людей, которые не могут общаться без этого даже в публичной сфере?

В.И. Карасик: Мы не можем оценивать языковые характеристики, коммуникативные характеристики современной жизни в отрыве от культурных характеристик. Некоторые культурные характеристики меня раздражают. Коммуникативные характеристики в меньшей мере, потому что они просто выводятся отсюда. Падение общекультурного уровня, падение грамотности. Это меня раздражает очень сильно. Но всякие вещи, связанные, скажем, с избыточными порой, со смешными заимствованиями... ну что ж, это мутная волна, которая сойдёт.

...Я понимаю, происходит разрастание штампов. Почему? Потому что у телеведущих есть внутренний страх – не дай Бог сорваться в патетику. А словесное такое, развёрнутое выражение эмоций – это неискреннее, патетическое. Подростки это не примут. А наша культура сориентирована на подростковый мир. Вот поэтому и такое поведение. Жест. Мимическое какое-то выражение. Коротенькое слово. И этого достаточно.

Порча – это общекультурное явление, а не языковое и даже не коммуникативное. Как правило, когда мы говорим «порча языка», мы тем самым говорим о недостатках своего возраста. А современная культура (не случайно культурологи говорят, что она ювенальна), она сориентирована на подростка, на молодёжь.

Ю.Е. Прохоров: Я понимаю, что всем очень хочется сейчас поговорить по-английски. Поэтому есть категория людей, которые «вау» произносят в день чаще, чем англичанин за всю свою жизнь. Потому что это единственное английское слово, которое они знают.

Есть какие-то вещи, которые всё-таки должны быть совершенно однозначно определёнными с точки зрения нормы. Попав в армию, я с изумлением узнал, что 80% населения определённого возраста, мужского по крайней мере, говорит не «бреешься», а «броешься». Мне это и резало ухо, и режет. Я, можно сказать, терпеть не могу слово «фотка» и «сфоткать». Я, может быть, даже перетерплю «отксерить», но фоткать... И при этом я очень

люблю две конструкции, которые пришли понятно откуда, но их не хватало в русском языке: «типа» и «чисто конкретно». Ничего не могу с собой сделать: это, я считаю, самый гениальный методический способ объяснения разницы между определённым и неопределённым артиклем.

Когда говорят «гибнет язык», давайте договоримся: язык гибнет, если его губят. Кто его может губить? Только носитель русского языка, больше никому. Значит, мы с вами.

В.И. Коньков: Меня, как филолога, который этим занимается, ничего не раздражает. Если же говорить, что меня раздражает как обычного человека, который живёт в этой среде, конечно, меня раздражает, прежде всего, агрессивность медиасреды. Потому что мы в значительной степени погружены именно в речевую атмосферу средств массовой информации. Раздражает, ну скажем так, замусоренность вот этой среды.

И.А. Стернин: Есть так называемые «цензовые ошибки»... Если говорят *музЭй*, допустим. Или если говорят *врУчим, вклю-чим*. Когда мы вели занятия по культуре речи учителя, определили около трёхсот слов, так называемые грубые ошибки, мы их назвали цензовые. По ним можно определить, что у человека низкий интеллектуальный и культурный ценз.

Резюмируя, скажем о взвешенной оценке **В.В. Колесова**, который констатирует: «Современный русский язык отличается тем, что в нем начисто исчез высокий стиль. Его место занял средний стиль, стиль литературного языка ... Но место среднего стиля занял низкий стиль, который заполонил наши Палестины. Теперь у нас грубоватая речь, которая иногда даже коробит. Я не говорю о мате, который тоже присутствует... С другой стороны, низкий стиль тоже очень важен. В низком стиле пользуются образом, это образная речь. В образах прежде всего развивается понятие, откладывается символ... Убрать образное представление из речи тоже невозможно».

Представив палитру экспертных мнений и оценок современного состояния речевой и коммуникативной культуры, можно констатировать, что каждый из высказавших своё мнение специалистов наметил круг проблем, которые требуют детального изучения в ближайшем будущем.

Как кажется, вектор изучения массовой культуры в целом связан и с тем обстоятельством, которое, по воспоминаниям профессора МГУ Н.И. Клушиной, не раз подчеркивал **Г.Я. Солганик**: «...когда мы пытались Григорию Яковлевичу как-то сказать, что все-таки есть норма, есть среда, есть элитарная культура, он сказал: «Но ведь 90 % – массовая культура». Он отстаивал свою идею на ученом совете, не все наши литературоведы его поддержали, когда он смело, храбро вышел и сказал: «Классическая литература – это нужно, это важно, но, к сожалению, она уже в прошлом, она ушла. А сейчас время массовой литературы, и мы должны с этим считаться». В полной мере это относится и к массовой речевой культуре.

Литература

1. Борисова Е.Г. Мода и узус: моделирование влияния социума на речь // Мода в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. - М.: РГГУ, 2014. - С. 47-55.
2. Гусейнов Г. Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу. - М.: Издательский дом «Дело», 2012. – 240 с.
3. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 3 Д. - М.: Астрель, Corpus, 2012. - 217 с.
4. Крысин Л.П. Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) // Труды Института им. В.В. Виноградова. - Вып.1. - М., 2014. - С. 358-387.
5. Левонтина И.Б. Русский со словарем. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. - 365 с.
6. Мода в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. - М.: РГГУ, 2014. - 341 с.
7. Мустайоки А., Вепрева И.Т. Метаязыковой портрет модных слов. [Электронный ресурс] http://www.dialog-21.ru/media/1089/mustajoki_aveprevait.pdf (Дата обращения: 30.03.2017).
8. Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: АСТ-Пресс, 2016. – 352 с.
9. Русский язык по данным массового обследования. М.: Наука, 1974. – 351 с.
10. Северская О.И. Вкусняшки для стройняшек: актуализация словообразовательной модели или новый ее «фасон»? // Мода в языке и коммуникации. Сборник статей. – М.: Изд-во РГГУ, 2014. - С.154-168.
11. Харченко В.К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство ЛКИ, 2010. - 184 с.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ НА ФОНЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Е. М. Маркова

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет

(Москва, Россия)

Университет Св. Кирилла и Мефодия

(Трнава, Словакия)

Отмеченная А. Вежбицкой в качестве специфической для русской языковой картины мира такая черта, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и к людям [2, с.34], на современном этапе развития языка находит все большее и большее подтверждение. В последнее время не только целые лексемы демонстрируют тенденцию развития прагматического компонента семантики, но и словообразовательные форманты: префиксы, суффиксы, целые словообразовательные модели – активизировались в этом плане. Активно используются для создания эмоционально-оценочного эффекта и фразеологические трансформации.

Бурные процессы в области слово- и фразеобразования объясняются, главным образом, внеязыковыми причинами. В эпохи общественно-политических перемен, тотальной перестройки в жизни общества и связанных с ними волнений и переживаний язык всегда реагировал повышением его эмоциональной составляющей. Язык и его возможности отражают общеотрицательные эмоции, господствующие в обществе, и скептицизм в отношении к тому, что происходит в экономике, политике, общественной жизни, жизни чиновников, политиков, бизнесменов, поп- и телезвёзд, для передачи которых активизируются различные языковые средства. Но есть и другие причины словомейкерства. Это отражает господствующее сегодня стремление осмеивать, иронизировать, играя языком, желание посмеяться над окружающим, ироническое отношение к отрицательным явлениям и происходящим событиям, помогающее преодолеть негативизм и пессимизм. К тому же это отражает присущее русским чувство юмора, которое реализуется в разного рода играх с языковым материалом.

Разумеется, нельзя не отметить роли в этом процессе и факторов внутриязыковых – заложенных в системе языка возможностей для творчества: наличия экспрессивных деривационных средств, моделей метафорических переносов, трансформативных возможностей фразеологизмов, вторичного использования языковых знаков, основанного на ассоциативности мышления. Игрет свою роль в процессе креативизации лексикона также закрепление и тиражирование «меткого русского слова» в языке СМИ, которое, благодаря массовости и суггестивным возможностям, активно внедряет в нашу речь необычные языковые формы.

Исследователи русского языка отмечают приоритетность экспрессивных форм при выборе лексической единицы для номинации, а в случае отсутствия таковой – подключение слово- и фразеобразовательных возможностей языка, создание максимально нагруженного экспрессивной оценкой обозначения. «В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей» [1, с.149].

Указанные процессы происходят неравномерно в разных славянских языках, на общем фоне которых в этом плане ощутимо выделяется русский язык [4].

Среди наиболее востребованных в словотворчестве суффиксов с ярко выраженной пейоративной (отрицательной) коннотацией, в компактной форме высмеивающих отрицательные стороны нашей жизни, можно выделить следующие:

- суффиксы абстрактного характера, среди которых выделяется заимствованный суффикс **-инг**. «Инговое цунами» позволило появиться таким окказионализмам, как *автобусинг*, *автомобилинг*, *блюдолизинг*, *болванинг*, *дурачинг* и др;

- суффиксы социально-оценочного характера: **-иоз**: *опохмелиоз*; **-щин(а)**: *телевизионщина*; *петросянщина* и т. п.; **-(из)аци(я)**, прибавляемый к именным основам и имеющий значение широты охвата территории явлением, номинируемым производящим словом: *аферизация* (...*аферизация* всей страны), *макдоналдизация*, *бандеризация* (...*бандеризация* Украины);

- суффикс **-лк** (**-ловк**) для образования отглагольных существительных с абстрактным значением желания, терпения, обещания: *обещалки*, *хотелки*, *отдыхаловки*, *терпелка* и т. п.;

– активны в креативном словообразовании агентивные суффиксы для обозначения лиц мужского и женского пола, характеризующиеся яркой отрицательной или иронической экспрессией: **-ун**: *ездун*, **-лкин**: *опоздалкин*; женского рода: **-ин(я)**: *олигархиня*, **-иц(а)**: *чайница* (от *чайник* ‘плохой водитель’), **-ушк**: *хвальбушка*; **-к(а)**: *нелегалка*, *миска* (от *мисс* с уничижительной коннотацией о девушках, победивших в конкурсах красоты); **-ш(а)** со сниженной коннотацией для образования лица женского пола: *магша*, *коллегша*, *бизнесвуменша*;

– суффикс **-ец** (как маркер яркой негативной экспрессии образований по модели известного русского обценного слова): *копец*, *трындец*, *Армагеддец* (от названия *Армагеддон*), *Джигурдец* (от фамилии эпатажного русского актера Джигурды).

Суффикс **-ак** чрезвычайно активен не только в русском, но и в сравниваемом словацком языке для экспрессивного наименования лиц, предметов или явлений: *следак* ‘следователь’; *фальшак* ‘подделка’; *общак* ‘общая касса’; слвц. **-ак**: *darebák* ‘негодяй, мерзавец’, *eštebák* ‘кагебешник’, *bezpečák* ‘милиционер’, *feťák* ‘наркоман, нюхач’, *parták* ‘соучастник’, *houmlésák* ‘бомж’, *bočák* ‘халтура’ и ‘внебрачная связь’.

Из наиболее продуктивных эмоционально-оценочных префиксов можно назвать приставки со значением высокой степени качества, признака, среди которых лидирует по частотности **супер-**, активно используемая в настоящее время в рекламе и имеющая практически безграничную сочетаемость: *супердиетический*; *суперсовременный*, *суперкрутые*; *суперлиберальный*; *суперэсклюзивный*; *суперпамять*; *суперпомидоры*; *суперпрофессионал*; *суперцель* и т. п.

Среди других префиксов размерно-оценочной семантики, возрастание словообразовательной активности которых учёные связывают с процессом «амероглобализации», продуктивность демонстрируют также **гипер-**, **мега-**, **ультра-**: *гипернакрутка*, *гиперответственность*, *гиперлюди*, *гиперинтересно* и т. п.; *мегаферма*, *мегамагазин*, *мегапопулярность*, *мегановость*, *мегафорум*, *мегарейтинговый*, *мегасделка* и др. Исследователи отмечают усиление социальной оценочности у прилагательных с приставками **супер-** и **ультра-**: *ультрамодернистская утопия*, *ультрамузыкальное жульничество*.

Активны также приставки *псевдо-*, *квази-* с оттенком отрицательной экспрессии, транслирующие господство в нашей современной жизни лжи, подделок, обмана, недоверия к происходящему: *псевдосуверенитет*, *псевдоопекуны*, *псевдоспециалисты*, *псевдодемократия*; *псевдопатриотизм* и др.

Исключительно важное место в кругу слов, активно вовлекаемых в языковое творчество, занимают собственные имена, в первую очередь – антропонимы [5]. Круг их довольно непостоянен, изменчив. К ним относятся имена субъектов, известных в обществе, имена “героев нашего времени” – в первую очередь имена ведущих политиков, а также известных экономистов и бизнесменов, иногда – артистов, спортсменов. Особенно активны в окказиональном словообразовании имена действующих политиков, в том числе «первых лиц» государства. Это говорит о том, что в современных СМИ нет недосягаемых личностей или «священных коров».

Среди фамилий политиков, фигурирующих в окказиональном словообразовании, в последнее время бесспорно лидировали фамилии Путин и Обама: *Санкт-Путинбург*, *путинг*, *обамабаксы*, *обамомания*, *обаманутые* и другие продукты словомейкерства постоянно мелькали на страницах СМИ и в интернете. Однако в конце прошлого – начале этого года их решительно вытеснило имя нового американского президента – Дональда Трампа, неоднозначная личность которого вызвала всплеск новообразований, мотивированных его фамилией: *трампизм* (как политический вектор, направление изменения политического мира), *трампобия*, *трампобилы*, *трампункт*, *трам-пам-пам*, *трамплантация* (*Успешная трамплантация* – заголовок в АИФ 26.01-2.02.2017), *трамповедение*, *антитрамповские настроения*, *трампикалипсис* (1 канал, 2016).

Основой языковой игры в новообразованиях нередко становится контаминация, основанная на притяжении паронимов, паронимической аттракции [3, с.17], напр., *десовестизация* (от *Советы* и *совесть* по модели *десоветизация*) или *столичность* (от *столица* и *сто лиц* по модели *личность*), *супермент* (для иронического названия сотрудника милиции-полиции, от *супермен* и *мент*) и т. п.

В наше время чрезвычайно разнообразны словообразовательные эксперименты с глаголами: в этом процессе задействованы различные префиксы и суффиксы. Некоторые из них не ограничились единичными употреблениями, но получили всенародное распространение (перешли в статус *солецизмов* – «разрешённых неправильностей») [6, с.59]). Нередко подобные «неправильности» возникают из потребности заполнения языковой лакуны, так, можно отметить тенденцию к приобретению переходности у эмоциональных глаголов, напр., *грустить, улыбнуть*: *Это меня грустит* (из речи коллеги-лингвиста); *Мы тебя, Пашка, улыбнем!* (фраза О. П. Табакова по отношению к сыну в передаче, посвящённой юбилею актёра); примеры из живой речи: *Какие-то обстоятельства замешкали его; Улыбайте ваши лица! Решил вас улыбнуть. Прошу не смеять меня!* В русле заполнения лакун наблюдается и создание видовых пар, отсутствующих в языке, напр.: *состаиваться* (как коррелят к одновидовому глаголу совершенного вида *состояться*: *Если любовь составляется... Когда пара составляется ...*) (1 канал ТВ).

В русле активизации аффиксального словообразования появляются многочисленные окказионализмы с двойными и даже тройными формантами. По аналогии со знаменитым солецизмом *понаехали* (и его дериватами типа *понаехавшие краснодипломники*) был образован *понаоставались*, а также глагол с тремя префиксами *понаотсосать*, возникший в связи с воровством газа, идущего через Украину. Значение отрицательной результативности, сопровождаемое оценкой осуждения, свойственно глаголам с префиксам *до-* и постфиксом *-ся*, широко распространённым в современной речи: *доработаться, дописаться, дозаниматься, дочитать, доотмечаться, доотмечаться, допить, допомогаться, доразговариваться* (Так разговаривали поздние коммунисты и *доразговаривались*. АИФ, 22-28.06.2011) и т.п.

Глагольные новообразования, как и другие неологические явления, зачастую связаны с какими-л. злободневными, насущными, широко обсуждаемыми явлениями, событиями, которые у всех «на языке» и которые становятся основой и для словотворчества. Например, махинации с проведением ЕГЭ спровоцировали создание таких окказиональных форм, как *объЕГЭрять, ЕГЭкнуться*. Много примеров глагольного окказионального сло-

вообразования не только в русском, но и в словацком языке, который в этом плане если не превосходит русский язык, то уж никак ему не уступает. При этом глагольные новообразования часто прагматически заряжены, напр., *letovat* ‘проводить лето’, *vidličkovat* ‘взбивать вилкой’ от *vidlička* ‘вилка’, *hraniťsa* (‘чесать спину о дверной косяк’ от *pošuchať saohrani*), *bankovat* ‘держат деньги в каком-л. банке’ и т. п.

Нередко и заимствованные лексемы входят в нашу речь благодаря наличию ярко выраженного экспрессивного заряда. Например, глагол *троллить* (из англ. *Totroll* ‘издеваться, насмеяться’), ещё совсем недавно маркирующий речь молодёжи, сейчас всюду употребляется на телевидении представителями старшего поколения: *Зима троллит над нами* (Прогноз погоды на канале «Россия» по поводу возврата холодов в конце марта).

Кроме словообразовательных приёмов, средством активного пополнения прагматикона является вторичное использование языкового знака, при котором стилистически нейтральная единица начинает использоваться в эмоционально-оценочном статусе, например, *зачёт* в значении «отлично, здорово» часто употребляется в последнее время как одобрение хорошей шутки или остроумного высказывания. Уже прочно вошли во вторичном значении рус. *перезагрузка* (‘обновление’: перезагрузка организма, отношений, взглядов и пр.); словц. *Resetovanie* (‘перезагрузка’), *špica* (‘вещь мирового стандарта’) ‘классный специалист’, *bomba* (‘бомба’) ‘мастак’, *nula* (‘ноль’) ‘ничтожество’, *varič* (плита) ‘кто варит наркотики’ и др.

Факты вторичного семиозиса всегда экспрессивно заряжены, образны, т. к. созданы путём метафорического переноса, о чём свидетельствует многочисленная компьютерная лексика, активно использующая уже имеющиеся в языке единицы, при этом они нередко отражают особенности национального «видения» того или иного явления. Так, глагол *зависнуть*, который начал использоваться для обозначения состояния компьютера, не реагирующего на команды, в словацком соответствует лексема *zamrznúť* ‘замерзнуть’ (*nie je ničh oršie, ak uprostred práce váš počítač zamrzol – нет ничего хуже, если в разгар работы компьютер замерзает*).

Авторские преобразования расширяют эмоциональные и экспрессивные возможности и фразеологизмов, усиливают их функционально-стилистическую значимость. Использование модифицированных фразеологизмов в СМИ способствует более эффективному воздействию на адресата.

Грамматическая трансформация ФЕ сопровождается формально-грамматическими изменениями, вносящими в первоначальную единицу новые смысловые или стилистические оттенки. В качестве примеров можно привести сочетания, в результате которых первоначальная ФЕ приобретает противоположное значение: *организация разьединенных наций* (разногласия в ООН в урегулировании палестино-израильского конфликта – Современная Россия, 15.10.2010); *средства массовой дезинформации* [МК, 31.05.2010]; *торжество несправедливости* (НГ, 03.02.2012).

Классическим примером образования фразеологического каламбура считается его параллельное использование в качестве фразеологизма и свободного сочетания, для чего требуется более широкий контекст, а также фоновые знания описываемого события. Например, широкую слово- и фразеотворческую разработку получило такое явление, как экономический кризис, охвативший все страны: *Кризис достиг дна ещё в апреле, главное, чтобы не начал копать вглубь* (ответ политика на вопрос журналистов, достиг ли кризис своего дна). *Hovorí, že kríza je pred dvermi. ...Pred akými dvermi, ved' už ani dvere nebudú mať tí ľudia* (Говорят, что кризис уже ждет у дверей. Какие там двери? Ведь у людей скоро даже дверей не останется).

Структурная трансформация сопровождается изменениями в составе отдельных компонентов ФЕ или их возможной заменой. Довольно распространённым приёмом структурной трансформации фразеологизмов считается экспликация, увеличение числа компонентов. Например: *Москвичам протянули вторую руку помощи* (МК, 11.03.2009); *Prvé billboardové lastovičky už visia v uliciach* (букв. 'первые рекламные ласточки уже висят на улицах' – о предвыборной рекламе 2016г.).

К инновационным изменениям компонентов ФЕ относятся и фразеологические аллюзии, созданные по принципу аналогии с известной фразеологической единицей. Например, обыгрыванием известного выражения *любви все возрасты покорны* можно по-

лучить практически неограниченное количество трансформаций типа: *власти все возрасты покорны; болезням все возрасты покорны* и т. п. На подобном принципе основаны и следующие модификации: *Полцарства за коня // Полцарства за вакцину* (против свиного гриппа) [МК, 11.03.2009]; *Влюблённые часов не наблюдают // Экономные часов не наблюдают* [МК, 11.03.2009]. По модели выражения *Ученье – свет, а неученье – тьма* создано комично-назидательное *Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу*. Большое количество вариантов встречается от известной ФЕ *от любви до ненависти один шаг: от кризиса до революции один шаг // от революции до коалиции один шаг // от коалиции до оппозиции один шаг // от разврата до коррупции один шаг // от политики до коррупции один шаг // от оранжевой революции до Северного потока – один шаг* и т. п.

Эмоциональная лексика и фразеология актуализируется для передачи в основном отрицательной оценки явлений, иронии, насмешки либо служит для заполнения языковых лакун. Таким образом, экспрессивизация лексиконов славянских языков поддерживается и усиливается экспрессивностью новообразований, которые из средств массовой информации активно проникают в речь носителей языков. Игра со словами, фразами и с их дериватами подтверждает «высокую эмоциональную температуру» русской речи, которая оказывается выше эмоциональной температуры других славянских языков.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 303 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М., 1996. 441 с.
3. Иссерс О. С., Мельник Ю. А. Социолингвистический проект «слово года» как источник сведений о неологической динамике современного русского языка // Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // Вестник МГОУ: Филологические науки (Электронный журнал). 2017. № 1. <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-1-799>. – С. 14-18.
4. Маркова Е., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Brno: TRIBUNEU, 2016. 187 с.

5. Рацибурская Л. В. Антропонимы в современном медийном словотворчестве // там же - <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2017-1-799>. С. 9-13.

6. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: URSS, 2010. 220 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ¹

Е.В. Петрухина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

1. Вступление

Русский язык последние тридцать лет находится в русле новой общеславянской интеграции на основе глобализационных процессов и влияния английского языка. Одной из ведущих тенденций развития словообразования современных славянских языков считается интернационализация, проявляющаяся в активном использовании заимствований из английского языка в качестве основ, которые порождают новые словообразовательные ряды и гнезда; в активизации интернациональных аффиксов (*ультра-, мега-, гипер-, псевдо-, -филия, -мания* и др.) при образовании производных не только с заимствованными, но и с исконными основами; в усилении роли словосложения разных типов, а также их серийной реализации и трансформации частей заимствованных лексических единиц в словообразовательные форманты типа *арт- / art, -мейкер / maker* и др. Заимствование формантов типа *медиа-, евро-, веб-, шоу-* и активное образование с ними композитов, возрастание продуктивности (под влиянием английского языка как посредника) префиксальных моделей имен с греко-латинскими приставками рассматриваются как важный фактор интернационализации лексики [12, 6, 1, 5, 8, 11].

2. Композиты как проводники номинаций новых реалий и новых интерпретаций

Среди неологизмов-композитов в русском языке встречаются и чистые заимствования (типа *клипмейкер – clip maker*,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а

clipmaker), воспринимаемые как производные в силу употребления одной из частей композита либо как самостоятельной лексической единицы (ср. *клип*), либо как связанной в составе других композитов (*шоумейкер*), и кальки (ср. *кофе-пауза* – *coffeebreak*), и дериваты, в которых иноязычные части сочетаются с исконно русскими (*арт-праздник*, *арт-данные*). Подобные композиты имитируют структуру английской именной группы [N[N]], где первое существительное является определением ко второму [1, с. 36; 8]. В именную группу [N[N]] в английском языке могут входить как отдельные, так и связанные лексические единицы (о сложной проблеме разграничения композита и свободного словосочетания в английском языке см. [10, с.11-14]).

Модель композита [N][N] позволяет адаптировать к лексической системе русского языка многие англицизмы, соединяя их с исконными или давно заимствованными лексемами, например: *фитнес-версия*, *фитнес-мастер*, *фитнес-направление*, *фитнес-услуга*; *спам-атака*, *спам-письмо*, *спам-рассылка*; *дайвинг-магазин*, *дайвинг-оборудование*, *дайвинг-курсы*. Новым процессам в русском словосложении способствует заимствование одновременно целого словообразовательного гнезда (ср. *шоу*, *ток-шоу*, *телешоу*, *шоумен*, *шоу-бизнес* и мн. др.), а также активное формирование гибридных номинаций с заимствованными и исконными элементами на русской почве (например, *шоу-площадка*). Наблюдается стремительное увеличение количества неологизмов-композитов с заимствованными элементами, которые в русском языке имеют связанный характер (типа *арт-группа*, *медиа-среда*), приобретая статус аффиксоидов (о последних см. [4]). При этом по своим деривационным характеристикам и генезису модель с аффиксоидами сближается с композитами, в которых обе части могут использоваться как самостоятельные лексемы (с такими как *фитнес-зал*; *спам-послание*, *экспресс-опрос*), так как в языке-источнике в обоих случаях им могут соответствовать отдельные лексические единицы.

Продуктивность композитообразования с заимствованными формантами в настоящий период определяется не только потребностями номинации новых реалий, но и коммуникативно-прагматическими факторами: престижем английского языка и глобализационными процессами. Но интенсивный рост дерива-

ционной активности рассматриваемых моделей был бы невозможен без опоры на исконно русские или давно существующие в русском языке модели. Имеются в виду русские модели словосложения с определительной препозитивной частью (*сон-трава, чудо-молот*), с аффиксоидами (*полумера, самотек, самоуправство, садовод*); с давно заимствованными греко-латинскими формантами (типа *теле-, био-, аква-, гидро-*), а также сложносокращенные советизмы типа *госучреждение, танцплощадка* и др.).

В последние десятилетия активизируются такие аффиксоиды, как *медиа-, евро-, арт-, акт-, веб-, -мейкер, блиц-, веб-, масс-, топ-, эко-, премиум-* и др. Мы провели эксперимент: в поисковых системах Google и Яндекс искали композиты с формантом *арт-*, составляя логически возможные сочетания (около пяти десятков), – для каждого из них нашлись сотни страниц вхождений: *арт-группа, арт-галерея, арт-группировка, арт-данные, арт-диктатор, арт-директор, арт-звезда, арт-журнал, арт-каталог, арт-клуб, арт-критика, арт-критик, арт-объект, арт-проект, арт-рынок, арт-событие, арт-сообщество, арт-столица, арт-студия, арт-цена, арт-терапия, арт-туризм, арт-фотография, арт-центр, арт-школа* и др. Элемент *арт* может занимать и второе место в сложном производном, но в основном в английских заимствованиях: *боди-арт, поп-арт, соц-арт, топ-арт, модерн-арт, тех-арт, ОРФО-арт*.

Аффиксоид *арт-* становится своего рода модным брендом, приобретая «размытую универсальность», «сокращая огромное поле смыслов до одного общего знаменателя» [2, с. 84] и тем самым затемняя суть явления, в стремлении повысить престиж того, к чему «бренд» относится. Формант *арт-* часто используется в названиях рекламных сайтов и торговых марок самых обыденных товаров: в рекламе рабочих перчаток и холщовых рукавиц – *art-perchatka.ru* (возможно, это ирония); махровых халатов с именной вышивкой "АРТ-ХАЛАТ" (https://vk.com/art_halat), цветных носков с рисунком – *арт-носки* и т.д.

История сложных слов в русском языке дает интересный материал для исследования того, как в результате исторических процессов в обществе меняются комбинации актуальных смыслов, требующих типизированных способов выражения.

3. Приставки как маркеры актуальных для российского общества заимствованных смыслов

В русском словообразовании усилились также процессы интернационализации фонда словообразовательных морфем [7]. Через английский язык как посредник активизировалось в частности использование аффиксов греческого и латинского происхождения, прежде всего префиксов со значением высокой степени проявления признака: *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-*, *экстра-*; отрицания и противопоставления: *дис-*, *ре-*, *им-/ир-*, *а-*, *анти-*, *контр-*; временных отношений: *пост-*, *экс-*; префиксов и суффиксов со значением несоответствия реальности или норме *квази-*, *псевдо-*, *пара-*, *суб-*, *-оид*. Эти аффиксы вступают в сложные конкурентные (как с семантической, так и функциональной точки зрения) отношения с исконно русскими формантами *не-*, *без-*, *противо-*, *архи-*, *пере-*, *пре-*, *раз-*, *сверх-*, *после-*, *недо-*, *лже-*, *вместо-*.

В качестве примера рассмотрим форманты и дериваты со значением несоответствия или мнимого соответствия тому, что названо мотивирующим словом. В связи с совершенствованием компьютерных и телевизионных технологий для создания виртуальных ситуаций – от компьютерных игр до ложной, поддельной информации – указание на псевдообъекты и ситуации, на псевдо-реальность, которая может выступать в различных формах, становится все актуальнее. Интернациональные и русские форманты *квази-*, *псевдо-*, *пара-*, *суб-*, *-оид*, *недо-*, *не-*, *лже-*, *вместо-*, выражающие разнообразные формы несоответствия тому объекту, который называет мотивирующее слово, вступают в семантическую конкуренцию, демонстрируя сложность интерпретации подделок и симулякров.

Если сравнить ряд новообразований: *псевдонаука*, *квазинаука*, *лженаука*, *антинаука*, то можно отметить их семантическую близость и употребление как синонимов, например: *Можно привести еще множество трактовок, раскрывающих суть определения лженауки (впоследствии будет употребляться термин "псевдонаука" и идентичные синонимы), но не менее важно упомянуть ее ведущие характеристики* (http://www.f-mx.ru/biologiya/psevdonauchnye_teorii.html).

Сходным образом с названными префиксами взаимодействуют и многие другие лексемы: *искусство*, *реальность*, *рели-*

гия, политика, информация, экономика, психология, университет, факты; научный, политический, религиозный, экспериментальный и др. Но в некоторых случаях реализуется спецификация значения приставок. Например, у производных от лексемы *деньги* разные приставки закрепляются за разными финансовыми терминами, что способствует семантической дифференциации дериватов. Если *квазиденьги* – это «почти деньги» (это термин, обозначающий денежные средства на срочных счетах в банках, а также облигации и другие ценные бумаги, которые легко могут быть обращены в деньги), то *псевдоденьги* обычно употребляется в значении ‘ненастоящие, поддельные деньги’.

В выражении несоответствия реальности могут участвовать и другие приставки, например *гипер-*, но лишь в соединении с определенными лексемами. Так, термин *гиперреальность* в философии постмодернизма выражает феномен симуляции действительности и неспособность сознания отличить реальность от фантазии (Википедия).

В выражении идей глобализации особыми функциями обладает префикс *транс-*, например в таких производных, как *транснациональный*, *транснационализация*, *трансгосударственный*, *трансграничный*, *трансиммиграция*, *Трансбанк*, *Транскредитбанк*. Ср.: *Транснационализм стал своего рода предтечей такого феномена в современном мировом развитии, как глобализация* (<http://mirznanii.com>). *Транснационализация хозяйственной жизни – процесс усиления роли транснациональных корпораций (ТНК) в мировой экономике* (Википедия).

Под трансэкономические и политические установки подстраиваются культурологические и философские разработки, в которых излагается теория транскультуры и трансгуманизма. Транскультура в «Проективном философском словаре» Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна [9] определяется следующим образом: «ТРАНСКУЛЬТУРА – новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, гендерных, профессиональных культур. Транскультура преодолевает замкнутость их традиций, автоматизмов, языковых и ценностных детерминаций и раздвигает поле "надкультурного" творчества».

Интересна интерпретация этого понятия пользователями Интернета: *Транскультура (transculture) – это иная модель раз-*

вития культуры... Среди множества свобод, которые провозглашаются неотъемлемыми правами личности, возникает еще одна, быть может, самая ёмкая: свобода от собственной культуры, в которой родился и был воспитан. ...**Транскультура** – это особое состояние человека, освобождённого культурой от природы и культурологией от культуры. [<http://lynden.livejournal.com/439491.html>].

Названный выше словарь представляет философию и, шире, мировоззрение ТРАНСГУМАНИЗМА, стремительно развивающегося в США и Западной Европе, а также и на многих сайтах Рунета. Трансгуманизм в статье Гуманология определяется следующим образом: «Трансгуманизм нацелен на возникновение т. н. Сингулярности, такой точки истории, когда созданные человеческим интеллектом механизмы и искусственные организмы выйдут на передний край эволюции разума – и поведут за собой (а может быть, и полностью поглотят) все более отстающих человеков» [9]. О трансгуманизме с мировоззренческой и этической точек зрения см. статью проф. В.Н. Катасонова [3].

Трансгуманизм направлен на изменение самой природы человека – его биологического пола (ср. *транссексуал*, *трансгендер*), генной системы, расы и др., а также его конституирующих социальных ролей (в частности таких, как ‘отец’, ‘мать’, ‘муж’, ‘жена’). Это мировоззрение обосновывает трансформацию человеческой природы и соответственно изменения и разрушения сложившихся культурных, религиозных, морально-нравственных законов человека и человеческого общества.

4. Заключение

Актуальные процессы в русском словообразовании, связанные с заимствованиями из английского языка, активизацией интернациональных словообразовательных морфем и влиянием на русское словосложение английских структур, отражают глобализационные тенденции, которые имеют когнитивную значимость. Динамика в русском словосложении свидетельствует о том, что модель композита [N][N] является проводником для многих иностранных основ, соединяя их с исконными или давно заимствованными лексемами и тем самым адаптируя к лексической системе русского языка. При этом композиты выступают провод-

никами не только заимствованных номинаций, но и новых концептов и их комбинаций, играя ведущую роль в номинации новых реалий конца 20-го и 21-го вв. На русской почве заимствованные концепты могут модифицироваться, приобретая «размытую универсальность» и статус маркера престижности (как, например, формант *арт-*).

Рассмотренные в данной статье интернациональные префиксы (*гипер-*, *транс-*, *пост-*) активно используются в создании когнитивных неологизмов (*гиперреальность*, *транскультура*, *трансгендер*, *трансгуманизм*, *постчеловек*), противоречащих традиционным представлениям о культуре и человеке в русской картине мира. При этом используется описанный в [2] манипуляционный когнитивный механизм: концептуальные неологизмы со значением туманных «проективных» явлений, приобретают как будто свойства реальности, приписывая виртуальным абстрактным построениям действительное существование, так как создаются по продуктивным словообразовательным моделям.

Существующая в русском языке богатая система аффиксальных средств, как исконно русских, так и греко-латинского происхождения, и образованных с их помощью дериватов, выражающих интерпретацию объектов как нереальных, виртуальных или фальшивых, требует отдельного и подробного исследования, причем в сопоставлении с другими славянскими языками, ввиду актуальности и когнитивной важности такой интерпретации.

Литература

1. Горбов А. А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине // Вопросы языкознания. № 6. 2010. – С. 26-36.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием: XXI век. – М.: Алгоритм, 2013. – 464 с.
3. Катасонов В.Н. Трансгуманизм: новая эволюционная утопия. http://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel2/2-17_v.n.katasonov_transguma_nizm_novaja_ehvoljucio.htm
4. Левашов Е.А. (ред.) Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. – СПб.: Нестор-История. 2009. – 288 с.
5. Николина Н.А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013 г. № 6. С. 171-173.

6. Петрухина Е.В. (ред.). Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов – М.: Макс-Пресс.– 442 с.
7. Рацибурская Л.В. Специфика словообразовательных процессов в современном русском языке // OPERA SLAVICA, XIX, 2009, 2. С.1-10.
8. Соколова С.В., Эдберг Б.Х. Что такое валют-рынок? Характеристика именных композитов в русском языке по результатам корпуса и эксперимента // Сборник трудов конференции «Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке», Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург.2016. – 680 с.
9. Тульчинский Г.Л., Эпштейн М. Н. (ред.). Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. – СПб: Алетейя,2003. – 512 с.
10. Харитончик З. А. Лексикология английского языка. Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. Минск: ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА, 1992 – 228 с.
11. Vožděchová I. Kompozita v proměnách moderní české slovní zásoby odborné a neologické // Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доповіді XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів / Упор. та наук. ред. Н. Ф. Клименко і Є. А. Карпіловської. – Київ, 2010.
12. Koriakowcewa. Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich / Red. E. Koriakowcewa. Siedlce, 2009. – 205 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К. П. Смолина

Московский педагогический государственный университет
(Москва)

Русский язык – это государственный язык Российской Федерации на всей ее территории, что определяется Конституцией нашей страны. Таким образом, русский язык является мощным источником национальной общности народов России. Именно поэтому мы – филологи: ученые-русисты и практики-педагоги – прививаем своим ученикам в школе и в высших учебных заведениях любовь к знаниям вообще и к русскому языку в частности, как в современном, так и в историческом его состоянии. На

наших занятиях мы показываем важность таких аспектов в изучении русского языка, как его общенародная и государственная функция, показываем роль литературного языка как языка нормированного. Все эти направления в изучении русского языка являются архиважными. Но остановимся более подробно на историческом аспекте его изучения.

Вспомним замечательные слова известного русского историка В.О. Ключевского: «Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет. Но отнимите у современного человека ... доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей и он все забудет, всему разучится и должен будет все начать сызнова». Ключевский говорит, таким образом, о том, что человек не может осознать свои идеалы, свои мотивы поведения, т. е. не сможет формировать свое самосознание, не опираясь на накопленный веками опыт, социокод поколений, который сохраняется в языке. Как актуально звучат эти слова в наше время.

Для нас очень важно сохранить наше историческое наследие, нашу историческую память.

Давайте посмотрим, не перекликаются ли наше сегодняшнее тревожное время с ранней эпохой развития нашего государства – с эпохой Киевской Руси и вспомним замечательную личность, жившую в то время, одного из наиболее известных древнерусских князей – князя Ярослава Мудрого (родился около 978 г. – умер 20 февраля 1054 г.).

Чем же прославился князь Ярослав Мудрый?

Он укреплял нашу Русь в тяжелейшее для нее время – время междоусобных войн и много сил приложил, чтобы закончить эти междоусобные войны. Он как будто бы слышал строки: «Если будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим...» («Повесть временных лет» под 1094 годом, перевод Д.С. Лихачева). Кроме борьбы с междоусобицами, Ярослав Мудрый предпринимал походы и против внешних врагов и побеждал их. В результате ряда побед он обезопасил южные и западные границы Руси; установил династические связи с рядом стран Европы. Однако процветание своего государства он видел не в воинских походах (это была только необходимость в определенные периоды жизни Руси), а в просвещении, в «учении книж-

ном». Он понимал также, что без правовых основ жизнь в государстве невозможна, и при нем был составлен важнейший юридический документ феодального права «Русская правда». В период правления Ярослава Мудрого огромные средства тратились на переводы и переписку книг. Изучая их древнерусские тексты, узнаем, что культ книги был с древнейших времен. В летописи под 1037 г. читаем: «Велика бо бывает полза от ученья книжного... Се бо суть реки, напаяюще вселенную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утешаем есми; си суть узда въздержанью». Не варварская воинственность, а духовное служение становится высшей добродетелью» [3, с. 218]. Как это актуально в наше время! Прививается ли сегодня культ книги детям?! К сожалению, эта традиция нарушена! А слова нравственность и духовность? Как редко мы слышим и читаем эти замечательные слова! И пока не поздно, надо все это восстанавливать! А теперь перенесемся в Машине времени на много веков вперед: в конец XX – начало XXI века, в наше с вами время. И сравнивая две далекие друг от друга эпохи, видим, как много между ними общего. Как и тогда для Древней Руси при Ярославе Мудром, для современной России – время тяжелое. Вспомним, как бомбили и расчленили Югославию! Мы свидетели с вами того, что происходит в Украине. А началось все с запрета русского языка – родного языка для жителей Донбасса и Луганска. На первый взгляд может показаться, что язык и политика – области далекие друг от друга. Но это только на первый взгляд. Почему правительство Майдана после переворота первые свои указы связало именно с русским языком? А вернее с его запретом? Почему, когда распался Советский Союз, когда прозвучали слова, сказанные Б.Н. Ельциным: «Берите суверенитета, сколько хотите!» (относящиеся к бывшим Советским республикам) первые указы в странах Балтии были связаны опять-таки с русским языком? Эти законы о языках стали первыми не только в странах Балтии, но и в других самостоятельных государствах, образовавшихся после распада Советского Союза. Так почему же появились эти законы? Они появились не случайно! Язык – это больше чем инструмент общения. В языке сохраняется накопленный веками социокод поколений, на который будут опираться следующие поколения. И его надо было уничтожить!

Таким образом, язык, кроме коммуникативной и когнитивной функции, выполняет важнейшую функцию, отражающую национальное самосознание народа, национальное своеобразие его культуры.

Но на новом витке истории мы сталкиваемся с новыми вызовами и мы должны ответить на них. В чем же заключаются эти вызовы? Прежде всего – это глобализационные процессы.

Какие же процессы становятся глобальными и всеобъемлющими в конце XX начале XXI века? Это процессы формирования планетарного информационного пространства. Среди главных предпосылок глобализации чаще всего ставится информационная революция, которая обеспечивает технологическую базу глобализации. Так что же опасного в стремительном развитии глобальных информационных сетей?

Если бы процессы глобализации проходили естественным путем и были выгодны для всех субъектов международной деятельности, они, возможно, служили бы интересам всего человечества. К сожалению, этого не произошло. США, претендующие на безусловное лидерство, предложили мировому сообществу иное видение всего этого процесса. Не считаясь с исторически сложившимся многообразием мира, с традициями многих стран и народов, представляющими иные, не западные цивилизации, США навязали свой план глобализации.

Рассмотрим влияние глобализации в области культуры.

Нет необходимости говорить о роли культуры в жизни общества. Слово *культура* произошло от латинского cultura (возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание). Понятие «культура» включает все сферы духовной жизни человека, его нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение и, конечно, коммуникативную сферу (язык). С глобализацией пришло и понятие «глобализация культуры». В энциклопедии «Глобалистика» находим следующее его определение: «Глобализация культуры – процесс формирования единой общечеловеческой (планетарной, всемирной) культуры как результат реализации изначально заложенных в ней глобальных тенденций, либо вовлечения культуры во всеобщий поток глобализации». [2, с. 196]. Однако в культуре следует признать, прежде всего, определяющее значение духовного начала, духовной сферы. Но возможна ли

глобализация духовной сферы? Если и возможна, то при такой глобализации происходит ценностная нивелировка входящих в состав культуры духовных феноменов. Ведь культура во всеобщем потоке глобализации понимается «как принципиально и исключительно иерархическое образование, «верху» и «низу» которого соответствует элитарная и массовая культура...» [2, с. 196]. А теперь рассмотрим влияние глобализации на язык.

Так что же выявили ученые, исследуя влияние глобализации на функционирование национальных языков? Глобальные коммуникативные связи, соединяющие человечество в единый социальный организм, ориентируются на стандартный английский язык. Но все-таки английский язык нельзя назвать «мировым языком», а вот на то, что он претендует на эту роль, совершенно справедливо указывает В.М. Алпатов: «... процесс глобализации связан с господствующей ролью США в мире, окончательно установившийся после распада СССР. В основе глобализации лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. Такая модель общества и культуры тесно связана с английским языком, который претендует на роль первого в истории человечества всемирного языка...» [1].

Именно поэтому термин «языковая глобализация» определяется как «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации...» и приравнивается этот процесс к распространению английского языка, к появлению англо-американизмов в речи [2, с.130].

Заемствования, пришедшие в язык, сразу высвечивают проблему соотношения «своего» и «чужого» в языке. «Чужая» английская лексика становится своего рода «базовым навыком». Этому способствует, во-первых, выход английского языка на позиции языка «глобального», универсального языка международного общения, во-вторых, сами носители языка (в данном случае русского) способствуют усилению роли английского языка, делая заниженными субъективные оценки своего родного русского языка.

Заемствования хлынули в русскую лексическую систему бурным потоком. Этот лавинообразный неконтролируемый поток заимствований один из важнейших процессов, происходящих в лексической системе русского языка в последние 15-20 лет, что является приметой глобализации. Но почему мы, лингвисты, так

обеспокоены этим процессом? Ведь заимствования были характерны для всех этапов истории русского языка, вспомним Петровскую эпоху.

Качественные перемены, глубокие преобразования в современной России, переход к экономике рыночного типа потребовали также введения новых терминов (главным образом, английских или их американских вариантов). Появились такие слова, как *лизинг* (от англ. *leasing* – аренда) и ряд терминологических сочетаний с этим словом: *лизинг банковский*, *лизинг возвратный*, *лизинг импортный*, *лизинг классический*, *лизинг оперативный* и др. Однако заимствования появились не только в экономической сфере.

Гуляя по улицам Москвы, мы уже давно не встречаем «чайных», «блинных», «пирожковых», «столовых», «пельменных». Но везде нас приглашают красочные вывески «бизнес-ланчей», «кофе-Хаусов», «кебаб-Хаусов», «пицца-хат», «Макдональдсов». В магазинах «Бэби Тойс» мы можем купить игрушки своим детям. Наши исконные «учреждения» стали называться «офисами». «Заведующие» стали «менеджерами» всех уровней, главные среди которых «топ-менеджеры». Если вы хотите купить квартиру в Москве, то можете обратиться в агентство недвижимости – *Astera*, *Free Market*, *Jensen Group* и т. д.

К сожалению, мы все начинаем к этому привыкать! Вообще американско-английской лексикой пестрят многие газетные журнальные тексты. Вот некоторые примеры. Широко употребительно слово *месседж* (*message* – сообщение): *какие месседж В.В. Путин посылает среднему классу* (Радио «Свобода», 30.01.2012). И даже: *отправляю месседж Деду Морозу* (ТВЦ-декабрь 2011г.).

В нашу речь вошло и слово **тренд** (*trend* – направленность). Примеры встречаются в самых разных контекстах, например: *Нынешней весной этот аксессуар особенно актуален – одним из главных трендов становится длинное стильное пальто, которое невозможно представить без шерстяного палантина* (журнал «Аэроэкспресс» № 3, 03.2012).

Уверенно пробивают себе дорогу в нашу речь слова **фэшен** (*fashion* – мода) и **экшен** (*action* – действие). Сравним их в сочетании *фэшин-модельер*, *фэшин-фотограф*, *фэшин-новости*, *фэшин-дизайн* и др.

Англо-американизмы широко проникают в речь спортивных комментаторов: «Получил *дидакшн*» (в речи комментатора фигурного катания 27.01.2012 г.); «*Подольски* (фамилия игрока) *может сделать хет-трик* (hat-trick), *а это опасно*» (из комментария футбольного матча).

Слова *креатив*, *креативный* активно вошли в наше словоупотребление. Что может быть креативным? Как показывают примеры, все, что угодно! Креативный продюсер, креативная реклама, креативное фото, креативная мебель, креативная торговая сеть и др. Слова *креативный*, *креативность*, *креатив* стали широко употребляться и в нашей лингвистике: *креативный потенциал языка*, *креативные функции языка*, *креативная языковая личность*, *креативность как фактор развития грамматики*, *лингвистика креатива*; появились сочетания *лингвокреативная деятельность*, *лингвокреативное мышление*.

Но что это? Новые понятия и новые направления в русистике? Думается, что нет! В русистике давно изучается такое явление как окказионализмы – индивидуально авторское образование и механизмы их появления. Употребление же всех этих лингвистических новых терминов, по словам А.Д. Васильева, – «лингвокультурная экспансия – использование заимствований вместо исконных русских слов». Более определенно об этом написал В.В. Колесов: «Получается, что в нашем сознании не «смысл оформляется», а наоборот – полученная со стороны «форма осмысливается» в соответствии с прикладной задачей данной минуты. Мы не мыслим (то есть, не творим), а только транслируем чужие мысли. Отсюда впечатление зомбированности общественного сознания». (Колесов 2012:66-67.) С этим высказыванием В.В. Колесова, по видимому, следует согласиться.

Так какой же можно сделать вывод из всего сказанного?

«Чужая» англо-американская лексика не должна нарушать равновесия в соотношении «своего» и «чужого» в языке (в данном случае в русском языке).

Если нарушение этого соотношения все-таки произойдет в пользу «чужого», то это покушение на этническую самобытность, на менталитет. Поэтому вопрос о сохранении национального самосознания народа, его этнического и «языкового менталитета» является важнейшей составной частью как общей проблемы ми-

ровой глобализации, так и ее конкретного воплощения – «глобализации языковой». Вопросы «языковой глобализации» и «языкового менталитета» заслуживают самого пристального к себе внимания. Бесспорно – глобализация на мировом уровне несет в себе мировой кризис национальных культур и национальных языков. И что же должны делать мы, педагоги, историки, лингвисты, работники культуры? А мы с вами на конкретном материале (у каждого свой) должны показывать, как тесно связаны между собой славянские культуры и славянские языки. Национальная культура – это мощный источник национальной общности народа. У славянских народов (я имею в виду прежде всего восточных славян) эта общность predetermined всей нашей историей. У нас общие предки: восточнославянские племена кривичей, вятичей, дреговичей, радимичей.

Однако не стоит забывать, что мы находимся на новом витке жизни и сталкиваемся с новыми тенденциями. В чем же заключаются эти тенденции? Эти тенденции заключаются в разъединении славянских народов, вытеснение одного славянского языка другим, в вытеснении вообще всего того, что связано с Россией – все это происходит на наших глазах в Украине.

В теме доклада присутствует сочетание *национальные интересы*, и это значит, что оно должно быть определено.

Под *национальными интересами* понимаются наиболее существенные государственные интересы, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху и его культурно-историческими традициями.

Понятие *национальные интересы* теснейшим образом связано и с понятиями *национальный суверенитет* и *национальная безопасность*.

Национальный суверенитет – неотъемлемое право нации на свободу выбора социального и политического строя, на территориальную целостность, экономическую независимость, развитие языка, культуры и т. д., то есть право своей волей определять собственную судьбу.

Национальная безопасность – это способность государства удовлетворять потребности, необходимые для его самосохранения [2].

Таким образом, русский язык, его развитие и функционирование, его культурно-исторические традиции – важнейшие компоненты как национальных интересов, национального суверенитета, так и национальной безопасности нашей страны.

В ноябре 2014г. проходил X съезд Российского союза ректоров. На нем присутствовал и Президент нашей страны В.В. Путин. Выступая, он сказал следующее: «Система высшего образования была и остается мощным интеллектуальным ресурсом страны. Она генерирует новые знания и, разумеется, для этого и создавалась: готовит кадры для всех сфер жизни». «Мощный интеллектуальный ресурс страны» – вот важнейший ценностный ориентир нашего образования сегодня. Именно поэтому отстаивать и защищать наш великий русский язык, нашу национальную культуру должны, прежде всего, мы с вами и наше государство.

Литература:

- 1.Алпатов //http://www. anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm
- 2.Глобалистика. Энциклопедия. – М.: «Радуга», 2003 – 1327с.
- 3.История культур славянских народов: В 3 т. – т. 1. – М., 2003 – 486с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.И. Никонова, Е.Н. Шульгов, Е.В. Кандрина

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республике Мордовия
(Саранск)

Многочисленные этнокультурные исследования убедительно свидетельствуют о том, что этнические изменения происходят в результате многочисленных и многообразных культурных контактов между народами. В этнологии взаимоотношения этносов получили название «межэтническая коммуникация», под которой понимается обмен между двумя или более этническими общностями материальными и духовными продуктами их культурной деятельности, осуществляемой в различных формах. Исходя из этого, межэтнические отношения понимаются как взаимодей-

ствие народов в разных сферах общественной жизни, которые имеют место в разных сферах общения – трудовой, семейно-бытовой и др. [18]. В качестве самостоятельного направления этнологических исследований проблема межэтнических коммуникаций (взаимодействия культур) сложилась еще в XIX столетии, но в 60-70-е годы XX века она стала особенно актуальной в связи с исследованиями в области массовых коммуникаций и массовой культуры. Россия страна многонациональная. Здесь проживают более 190 этносов, в Республике Мордовия – 119, Республике Крым – свыше 125 национальностей [1, 17]. Языковая картина разнообразна. Например, языковая картина Крымского полуострова характеризуется преобладанием русскоязычия, хотя среди родных языков помимо русского (77,0 %), заметно также присутствие крымскотатарского (11,4 %) и украинского (10,1 %) языков. Кроме этого, после вхождения Крыма в состав РФ, согласно Конституции Республики Крым, провозглашены три государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский [5,6].

Ученые-этнологи, исследующие процессы межэтнических коммуникаций, сходятся во мнении, что эти процессы определяются следующими группами взаимозависимых факторов: историческими, социальными, культурными, психологическими, ситуативными и политическими. Из исторических факторов значительное место занимают исторические события, приобретающие символическое значение в межэтнических контактах; среди социальных – этнический фактор социальной мобильности; культурных – детерминирующие межэтнические отношения, разделенные на группы, одна из которых фактор традиционных норм этнической культуры; ситуационные – стечение обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах, влияющих на восприятие окружающей обстановки, усиливая или ослабляя межэтническую солидарность, этнокультурные контакты; политические – в этом аспекте особенно важным является область культуры, образования и языка. С учетом всех этих факторов очевидно, что результаты межэтнического взаимодействия для разных этносов, участвующих в нем, чаще всего будут различны [18].

Этническая история и современные этнографические процессы находятся в центре внимания этнографов ГКУ РМ «Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Прави-

тельстве Республики Мордовия. С начала 2000 г. институт в своей деятельности целенаправленно ведет работу по изучению взаимодействия этносов в поликультурной и языковой картине мира, проживающих в Республике Мордовия и за её пределами. Участвуя в этнографических экспедициях, издавая коллективные монографии [4, 9–14], апробируя, анализируя и систематизируя собранные данные, своим вкладом сохраняем, укрепляем и соединяем разные области Российской Федерации. Результаты экспедиций дают опору и толчок другим исследователям при изучении народов любого региона. Специфика межэтнических отношений заключается, прежде всего, в их комплексном многоаспектном характере, а этнические элементы в разной степени подвижны и изменчивы. Наиболее устойчивы этническая психология, традиции, обычаи, привычки, язык [16, с. 209]. Благодаря взаимодействию локальных и этнических культур возникает система общения, поддерживаются различные стили и типы поведения, ценностные ориентации, сохраняется их этническая самобытность. Это общение протекает и через взаимную адаптацию и понимание культурного своеобразия соседей [2, с. 21; 15]. Историко-этнографическое исследование того или иного региона требует как привлечения уже накопленных этнографических сведений, так и сбора новых полевых материалов, связанных с изучением материальной и духовной культуры народов. В то же время не так часто в публикациях описывается методика проведения этнографических опросов. Для решения этих вопросов нами изданы несколько учебно-методических пособий [7,8], включающих нескольких составляющих. Предполагается и рассмотрение географического положения, природных условий края (рельеф, климат, реки и озера; природные ресурсы, а также роль географической среды в жизни человека; экология края и влияние географического положения на развитие хозяйственной деятельности, его особенности и др. Далее планируется сбор информации по истории освоения исследуемой территории, сведения о социально-демографической характеристике региона; административно – территориальном устройстве, а также сведения о районе (история, образование, территория, общая численность населения и характеристика этнического состава и расселения по населенным пунктам; статистические сведения о числе дворов и людей;

наиболее распространенные фамилии. В сборе материала о хозяйстве приоритетными являются вопросы об экономическом положении края, в т.ч. о сохранившихся преданиях, обрядах, связанных с окончанием полевых работ: общественных и семейных; об обрядах, связанных со скотоводством. Здесь же производится сбор материала и по неземледельческим занятиям, где требуется раскрытие таких вопросов как охота, рыболовство, собирательство. Интересными являются сведения о крестьянских промыслах. Причем названия орудий труда, элементы обрядов и т.п. записываются на родном языке информатора. Производится опрос населения по расселению и материальной культуре, включающие следующие направления: система общей планировки; водоснабжение; жилища и постройки; украшение жилых домов (резьбой, карнизы, наличники и их форма); усадьба: планировка, размеры, форма, расположение в застройке; хозяйственные постройки; ворота и их украшение; баня: форма, материал, техника строительства и терминология, в т.ч. на родном языке.

Здесь же фиксируются сведения о традиционной одежде: общая характеристика народного костюма и украшений; материал и техника изготовления; одежда женщины: основные элементы, социальные и возрастные различия; украшения; женские головные уборы и их украшение; мужская одежда, основные элементы и региональная специфика одежды и др. Причем названия элементов рисунка записываются на родном языке информатора.

При сборе информации о пище и домашней утвари фиксируются такие основные сведения, как виды и способы переработки пищевых продуктов, места их хранения; режим питания; домашняя утварь и посуда; обрядовая пища, в т. ч. напитки; региональная особенность и особенность терминологии.

При выяснении вопросов семьи, семейных обычаев и обрядов фиксируется информация такого содержания, как: тип семьи, роль в ней главы, отношения между ее членами, положение женщины, детей; право наследования имущества; браки, их численность; свадебные, родильные, похоронные обряды; воспитание детей. Язык общения взрослых и детей.

Рассматриваются вопросы, связанные с народными знаниями — народной медицине, где особое место отводится сбору такого материала, как выявление национальных особенностей ментали-

тета и языковой картины мира на базе сравнения родной культуры с другими культурами [3].

Таким образом, в статье приводится опыт исследования взаимодействия этносов путем специальных вопросников, апробированных в разнообразных экспедициях с целью выявления этнокультуры, национальных особенностей менталитета и языковой картины мира.

Литература

1. Автономная Республика Крым. Режим доступа: http://sity.com.ua/Avtonomnaya_Respublika_Krim/.
2. Грушевицкая Т. Г. Основы этнологии: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 351 с.
3. Казакова О. М. Языковая картина мира в лингвистике и культурологии. Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-275983.html>).
4. Народы Мордовии : историко-этногр. исслед. / Л.И. Никонова [и др.] ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2012. — 608 с. + 80 л. вкл.
5. Население Крыма. Режим доступа: http://crimealife.org.ua/index/naselenie_kryma_124_2012_2013_124_demograf_istorija_kryma/0-61.
6. Население Крыма. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Никонова Л. И. Миграция, этнокультурный, социальный, региональный аспекты: план-проспект, вопросы и анкеты историко-этнографического исследования / Л. И. Никонова, М. Н. Романова, А. А. Шевцова. — Москва – Саранск, 2011. — 32 с.
8. Никонова Л. И. Обращение к истокам: методика историко-этнографического исследования региона / Л. И. Никонова, Т. В. Аксёнова, Т. Н. Охотина, С. А. Махалов, М. Н. Романова, М. М. Фадеева, А. А. Шевцова. — Москва – Саранск, 2011. — 60 с. ;
9. Никонова Л. И., Аксёнова Т. В., Охотина Т. Н., Савка В. П., Фадеева М. М. Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова, Т. В. Аксёнова, Т. Н. Охотина, В. П. Савка, М. М. Фадеева ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2012. — 464 с. : 100 с. ил. — (Мордва России).
10. Никонова Л. И., Аксёнова Т. В., Охотина Т. Н., Фадеева М. М., Чибирева Е. Г. Мордва Владимирской области / Л. И. Никонова, Т. В. Аксёнова, Т. Н. Охотина, М. М. Фадеева, Е. Г. Чибирева ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой ; НИИ

гуманитар, наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2013. – 184 с. + 72 с. илл.

11. Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н. Народная медицина мордвы: простая и загадочная... (по результатам этнографических экспедиций 1990–2010 гг.) / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 420 с. (Народы Мордовии).

12. Никонова Л. И., Кандрина И. А., Щанкина Л. Н. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: историко-этнографический аспект / Л. И. Никонова, И. А. Кандрина, Л. Н. Щанкина / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 528 с. — (Народы Мордовии).

13. Никонова Л. И., Мельник А. Ф., Шевцова А. А. Зёрна граната : о традиционной культуре азербайджанских и грузинских мигрантов в полиэтническом пространстве Республики Мордовия / Л.И. Никонова, А. Ф. Мельник, А. А. Шевцова ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой, канд. ист. наук А. А. Шевцовой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 260 с. ; 36 л. ил. – (Народы Мордовии)

14. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / Л. И. Никонова, А. А. Шевцова ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – 224 с. + 72 л. илл. – (Народы Мордовии).

15. Полевой материал авторов: Ечевский Д.Н., г. Ялта, записи 2006 г.; Выборнов Ю.Б., с. Новоандреевка Симферопольского района, записи 2008 г.; Поступинская Л.И., с. Широкое Сиимферопольский р-н, записи 2009 г. и др.

16. Тавадов Г. Т. Этнология : учеб. для вузов / Г. Т. Тавадов. — М. : Проект, 2004. — 209 с.

17. Финогеев Б.Л., Питюренко О.И. Мордовский этнос: численность, расселение, занятость. – Симферополь, 2009. – 39 с.

18. Этнос контакт коммуникация// http://otherreferats.allbest.ru/moscow/00113062_0.html

19. Языки Крыма. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ В ОБЫДЕННОМ ОБЩЕНИИ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Н.В. Баско

МГУ имени М.В.Ломоносова

(Москва)

В современных условиях нарастающей глобализации одной из главных, ярко выраженных тенденций развития русского языка является активное заимствование лексики и фразеологии из английского языка (преимущественно из его американского варианта), которые проникают во все функциональные сферы русской речи. Этот лавинообразный неконтролируемый поток заимствований является одним из знаковых процессов, происходящих в лексической системе русского языка в последние двадцать лет. Изучение влияния данного процесса на русский язык чрезвычайно важно для сохранения и развития национальной культуры и языка.

В данной статье предпринята попытка проанализировать особенности и результаты иноязычного влияния на русский язык в сфере быденного общения россиян.

В наше время англоязычные заимствования (американизмы) активно используются в повседневной речи наших современников, в российских СМИ, ими заполнено окружающее нас городское пространство, что хорошо видно на примере уличных вывесок и городской наружной рекламы. По мнению академика РАН Л.А.Вербицкой, «сегодняшний наплыв американизмов, переполнивших экономическую, коммерческую, финансовую, музыкальную лексику, язык рекламы и средств массовой информации, трудно сравнить с любым другим периодом развития русского языка» [3, с. 13]. О масштабности и значимости для национальной культуры и языка этого языкового процесса свидетельствуют не только исследования известных ученых Ю.П.Караулова, Г.Н.Скляревской, Л.А.Вербицкой, Л.П.Крысина, но и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в которых фиксируется употребление языковых единиц, как исконно русского,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта № 15-34-11114. Руководитель проекта – академик РАН Е.П.Челышев.

так и заимствованного происхождения в различных контекстах и жанрах медийных и художественных текстов.

По мнению ученых, «в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на культуру и на язык как одну из важнейших форм культуры» [5, с. 27]. В современной лингвистической науке появился даже новый термин «языковая глобализация». Этот термин ввели в употребление учёные, которые исследовали влияние глобализации на функционирование национальных языков. Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [4, с. 1304]. «Языковая глобализация» отражает тесную связь лингвистики и социологии, науки о языке и науки об обществе, а также эффективность и целесообразность социолингвистического подхода при изучении взаимодействия и взаимовлияния языков. «Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки, включая и русский язык, англицизмов. Необходимость заимствования терминов для обозначения новых для российской действительности реалий и понятий в политической, экономической, научно-технической сферах (*спикер, саммит, омбудсмен, лизинг, сайт, блогер*) естественна и обоснована: иностранные слова заполняют свободные тематические пространства, отражающие изменения, происходящие в жизни современного русского общества.

«Высокая частотность употребления иноязычных слов и фразеологизмов терминологического характера в современной русской речи свидетельствует о том, что процесс заимствования этих единиц русским языком был вызван объективной необходимостью, а не связан с сиюминутной «модой» на англицизмы» [1, с. 330]. Иноязычные заимствования не могли бы так активно проникать в язык и адаптироваться в нем, если бы не были востребованы российским обществом.

В наше время иностранные слова и фразеологизмы особенно широко распространены в медийных текстах различных жанров: в публичных выступлениях и интервью политиков, государственных деятелей и ведущих экономистов, в

экономических и политических обзорах аналитиков, в дискуссиях на телевидении, на радио, в прессе по актуальным проблемам современной жизни российского общества. Ученые единодушны во мнении, что в начале XXI века СМИ не только максимально быстро отражают смену социально-политических ориентиров и культурных ценностей, давая практически мгновенную картинку происходящих в мире событий, но и являются главным проводником новых слов и фразеологизмов в общелитературный язык. Известный российский ученый профессор Ю.А.Бельчиков назвал тенденцию возрастающего влияния языка СМИ на общелитературный язык «медиаизацией» русского языка [2, с. 35].

Владение современным россиянином интернациональным лексическим фондом свидетельствует об освоении им научно-технических достижений современной цивилизации, о его способности быть на переднем крае науки и техники, о его адаптации в современном глобальном мире. В этом отношении иноязычное влияние в условиях глобализации, безусловно, играет положительную роль в развитии русского языка обогащая его новыми языковыми единицами.

Однако определенную озабоченность и опасения ученых-филологов и культурологов вызывает то обстоятельство, что иностранные слова активно вторгаются в повседневную жизнь россиян: они активно проникают в современное городское пространство, в повседневную коммуникацию россиян, заполняя сферу обиходно-бытового общения, далекого от терминологии. Это хорошо видно на примере уличных вывесок, названий магазинов, кафе и ресторанов, а также наружной рекламы на улицах российских городов. Ср.: «КОФЕ ХАУС»; «WINE HOUSE»; «WINE & BEER»; «FISH и CHICKEN»; «FARШ. МЯСНАЯ ЛАВКА. БУРГЕРНАЯ»; «FASHION HOUSE АУТЛЕТ»; «ХАУС БЫТА»; «SHEAR & SHIS», «ВАЙН и БИР»; «БИР и ФИШ МАРКЕТ»; «РЭДИ МЭЙД. Кафе и кулинария»; «СУШИ ШОП»; «ШУЗМАСТЕР. Ремонт»; «ФУД СИТИ». Приведем примеры некоторых рекламных объявлений на улицах Москвы: «КУБИНКА ФИШИНГ ПАРК (рыбалка, отдых, ресторан)»; «Строительная фирма «Американ Дрим»; «WINE HOUSE – элитный квартал на острове Балчуг в центре Москвы. Поколение идеалистов будет жить на острове Балчуг»; «FUN 24. Развлекательный центр.

*Приходи!»; «Сдаются помещения под ШОУ РУМЫ»; «А Вы покупаете продукты в ФУД СИТИ?» (реклама супермаркета). Нелепыми в рекламных объявлениях о приёме на работу представляются названия некоторых рабочих вакансий, например, *менеджеры по клинингу* (уборщицы) или *менеджеры по продажам* (продавцы). Об этом не без иронии пишет академик Л.А.Вербицкая: «Особенно курьезно иногда выглядят названия рабочих вакансий, среди которых главное слово – *менеджер*. Например, *менеджеры по клинингу* (уборщицы), *менеджеры по продажам*, *менеджеры по работе с клиентами*, *сэйлзменеджеры*, *акаунт-менеджеры*, *ивент-менеджеры* [3, с. 15]. Концентрируясь на необычности, экстравагантности и привлекательности рекламы, создатели рекламных текстов нередко пренебрегают общими законами и принципами русского языка, по которым создаются грамотные и выразительные тексты, соответствующие сложившимся нормам речевой культуры. Не стоит забывать и о том, что правильная стратегия формирования рекламного сообщения должна строиться с учетом национально-культурных традиций общества и не противоречить психологическим, этическим, нравственным нормам, сложившимся в нем.*

Употребление «чужой» английской лексики в обиходно-бытовой сфере общения становится не только чем-то привычным, обыденным, но и модным, престижным. Сами носители русского языка как бы неосознанно способствуют усилению роли английского языка, делая заниженными субъективные оценки своего родного русского языка. Привыкаемость населения к повседневному присутствию чужого языка или многочисленных его элементов в культурной среде, ежедневный контакт с иностранными словами, «стирание» межъязыковых лексических различий служит унифицированию естественной культурной и ментальной дифференциации этносов. А это прямая угроза национальной культуре и русскому языку. И здесь, на наш взгляд, следует признать негативное влияние иноязычной лексики, агрессивно вторгающейся в сферу обыденного общения россиян, на развитие русского языка. «Чужая» англо-американская лексика не должна нарушать равновесия в соотношении «своего» и «чужого» в национальном языке. Если нарушение этого соотношения все-таки произойдет в пользу «чужого», то это покушение на этниче-

скую самобытность, на менталитет, на национальную культуру и язык. А «язык – не просто система знаков, а инструмент организации жизни общества и человека. Язык – средоточие и выразитель всей народной жизни, ее духа и сегодняшнего состояния. Каков язык – таков и человек, таково и общество» [3, с. 10].

Подводя итоги нашим наблюдениям, можно сделать следующий вывод: в эпоху глобализации иноязычное влияние в сфере обыденного общения россиян следует оценить как негативное, как дестабилизирующий фактор развития русского языка. Являясь следствием речевой моды, иноязычное влияние в обыденной сфере общения «размывает» межъязыковые границы, «снижает статус» родного языка и этим представляет определенную угрозу национальному языку и культуре. Вопрос о сохранении национального самосознания народа, его национальной культуры и языка заслуживает самого пристального внимания со стороны ученых-лингвистов, культурологов, преподавателей средней и высшей школы, деятельность которых должна быть направлена на повышение культуры русской речи учащихся, на поддержку русского языка как государственного языка РФ, языка межнационального общения народов России.

Литература

1. Баско Н.В. Иноязычное влияние: угроза или благо? // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Том 6. Вып. 4. С. 329–333.
2. Бельчиков Ю.А. О понимании адресатом речи социокультурной информации в условиях межкультурной коммуникации // Доклады V Межд. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава: Издательство «Варшавский университет», 2012. С. 32 – 36.
3. Вербицкая Л.А. Русский язык современной России // Болгарская русистика, №1. София, 2016. С. 9 – 17.
4. Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «Диалог»/. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003, 1328 с.
5. Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство и кризис культуры // Вопросы философии, № 2, 2006, с. 27 – 38.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю.О.Коновалова

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса»
(Владивосток)

Проблема формирования гражданской позиции молодежи актуальна во все времена. Преподаватели высшей школы зачастую сталкиваются с тем, что приходящие в вуз студенты не имеют четких сформированных взглядов на общество, свое место в нем, молодые люди не всегда ясно идентифицируют себя как представителей определенной культуры и не уделяют должного внимания вопросам роли национального языка в мире и в их собственном личностном развитии.

Формирование гражданской позиции – это не личное дело каждого человека. Авторы «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков и В.А. Тишков отмечают, что «духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности» [1, с.23]. Воспитание человека, любви к своей стране, а значит, культуре и языку «есть важнейшее условие успешного развития России» [там же].

Попадая в университет и сталкиваясь с представителями различных культур и носителями разных языков, молодые люди оказываются в поликультурной среде, позволяющей им под другим углом взглянуть на собственный язык и культуру.

Иностранные студенты, в свою очередь, оказываются в российском вузе в ситуации изучения иностранного – русского – языка, который дает им возможность не только получить профессиональное образование, но и измениться внутренне. Иностранные студенты, в отличие от российских студентов, очень ясно связывают русский язык с русской культурой. При этом, как отмечают Н.Б.Трофимова и А.М.Жукова, «... российская культура рассматривается иностранными студентами не как нечто внешнее

по отношению к ним, куда они должны включиться, а как обретение новых горизонтов личностного развития...» [3, с.42].

Российских и иностранных студентов внутри вуза объединяет русский язык. Какова роль русского языка в межкультурном диалоге? Что чувствуют современные молодые россияне по отношению к своему родному языку? Насколько высок престиж русского языка в России и мире? Каков потенциал русского языка как средства объединения наций? На эти и другие вопросы мы попытались найти ответы с помощью проведенного в университете анкетирования.

Всего опрошено 200 русских и 90 китайских студентов, обучающихся во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС). Анкеты для российских и иностранных студентов частично совпадали. Всем респондентам было предложено четыре одинаковых вопроса: *1. Русский язык - один из 6 официальных языков ООН. Как вы считаете, насколько высок престиж русского языка в мире? Оцените по 10-балльной шкале. 2. Как вы думаете, какую роль выполняет русский язык в мире? 3. Любая нация формируется общностью языка, территории, культуры. Считаете ли вы, что русский язык способен объединить вокруг себя людей разных национальностей в мире, в России, во Владивостоке, во ВГУЭС? 4. Считаете ли вы себя принадлежащим к русской культуре потому, что вы говорите на русском языке?*

Еще часть вопросов была составлена с учетом национальной принадлежности участников опроса. Российским студентам заданы следующие вопросы: *Как вы считаете, насколько высок престиж русского языка в России? Оцените по 10-балльной шкале. Гордитесь ли вы тем, что ваш родной язык – русский? Почему, на ваш взгляд, иностранцы изучают русский язык?*

В анкете для китайских студентов были следующие вопросы: *Почему вы изучаете русский язык? Насколько популярно изучение русского языка в вашей стране? Оцените по 10-балльной шкале.*

Результаты опроса показали, что китайские молодые люди оценивают престиж русского языка в мире выше, чем русские студенты. Так, из 10 возможных баллов оценки престижности русского языка 62% китайских студентов выбрали диапазон от 6 до 8. Самый популярный ответ – 7 баллов (почти четверть участ-

ников опроса – 24%). Варианты ответа «1 балл» и «2 балла» не выбрал никто. Среди русских студентов самыми низкими баллами (1 и 2) оценили русский язык 3,5% опрошенных. 56% студентов указали диапазон от 4 до 6 баллов. Самый распространенный ответ – 5 баллов (22% респондентов).

Престиж русского языка в России русские студенты оценили достаточно высоко. Почти треть участников (30,5%) указали максимальный балл – 10. Еще 37% респондентов оценили престиж русского языка в России на 8 и 9 баллов; 27% участников – на 6 и 7 баллов. Ниже 5 баллов русский язык оценили 1,5% опрошенных.

Престиж русского языка в своей стране китайские опрошенные оценили ниже, чем статус русского языка в мире. В основном, дана оценка в 3, 4, 5, 6 баллов (21%, 16%, 17%, 21% респондентов соответственно).

Вопрос о том, способен ли русский язык выступить объединяющим началом в мире, в России, во Владивостоке и во ВГУЭС, показал разницу восприятия русскими и китайцами потенциала русского языка.

Как и в случае с первым вопросом, китайцы выше русских оценили способность русского языка объединить вокруг себя людей разных национальностей в мире. 67% китайцев и только 44,5% русских ответили на данный вопрос утвердительно. Кроме того, русские более категоричны: 39% участников опроса отказали русскому языку в возможной объединяющей функции. Что касается возможности русского языка объединять людей на территории России, города и университета, то ответы русских и китайцев, в целом, схожи. Основная часть респондентов (91 % китайцев и 89,5% русских) уверены в том, что русский язык объединяет людей разных национальностей на территории России. Почти такое же количество утвердительных ответов касаются объединяющей роли русского языка в г.Владивостоке (87% китайцев и 91% русских) и на территории университета (86% китайцев, 88% русских).

Мнение студентов о том, считают ли они себя принадлежащими к русской культуре, на основании того, что являются носителями русского языка (или умеют говорить по-русски), оказалось неожиданным. Так, доля китайских студентов, говорящих по-русски и по этой причине чувствующих себя принадлежащими

ми к русской культуре, намного больше (45%), чем доля русских студентов (30,5%). 27% китайцев и 10,5% русских затруднились ответить на вопрос. Основная часть опрошенных россиян (59%) ответили на вопрос отрицательно. Среди китайцев отрицательный ответ характерен для 28% опрошенных.

Ответы русских молодых людей на вопрос о том, гордятся ли они тем, что их родной язык – русский, также заставляют задуматься. Более половины опрошенных ответили на вопрос утвердительно – 59%. Треть респондентов (33,5%) оказались равнодушны (15% студентов выбрали ответ «мне все равно» и 18,5% – «никогда не думал об этом»). 5,5% студентов дали отрицательный ответ.

Русские студенты, объясняя, почему, на их взгляд, иностранцы изучают русский язык, в большинстве своем говорят о том, что иностранцы хотят узнать русскую культуру, что русский язык красив и богат, что русский язык нужен для саморазвития, общения и бизнеса.

Ответы китайских студентов не совпали с мнением русских опрошенных. Так, наиболее распространенные ответы, показывающие причину, по которой студенты учат русский язык, таковы: «Интересно», «Я люблю / мне нравится русский язык», «Хочу узнать Россию», «Хочу жить / работать в России», «Потому что можно найти работу». Ответы, объясняющие выбор изучаемого языка через культуру, встречаются значительно реже. Некоторые китайские студенты объяснили свой выбор случайностью или тем, что в семье уже говорят по-русски.

Представляет интерес анализ ответов на вопрос о том, какую роль выполняет русский язык в мире. Вопрос был открытым. Китайские студенты дали значительно меньше вариантов ответов (менее 20), чем русские (более 40).

56% китайских респондентов дали ответ «важную роль». 10% информантов указали на то, что русский язык содействует развитию связей между Россией и Китаем, в частности, речь идет о культурных обменах и экономическом сотрудничестве. О том, что русский язык знакомит мир с русской культурой, литературой, написали 7% анкетированных. Функцию «общение» назвали 6% студентов, функцию содействия миру – 3%. 4% китайцев дали ответ «не очень важную роль», 7% студентов не дали ответа. Оставшиеся респонденты представили единичные ответы, кото-

рые могут быть в широком смысле отнесены к уже названным вариантам.

Самая распространенная реакция на данный вопрос русских студентов – это отсутствие ответа. 27% российских студентов не ответили на данный вопрос. Второй по популярности ответ – «коммуникативную роль, общение» (16%). На третьем месте оказался ответ «никакую» (13,5%). Еще 5% испытуемых отметили «не самую важную, косвенную» роль русского языка. Только 8,5% анкетированных отводят русскому языку в мире «важную, весомую» роль. Встретились ответы «связь с историей, культурой, литературой» (6%), «интеграция, объединение, сплочение наций» (4%), «язык международного общения» (4,5%). 2,5% студентов отводят русскому языку «особую роль в СНГ». Оставшиеся 8% респондентов дали единичные ответы – «государственный язык РФ», «диалог культур», «один из языков мировых держав», «язык самой большой страны», «познавательная», «развивающая», «для мировой торговли», «средство для переговоров», «не потерять связь с Россией, если находишься далеко», «просвещает население».

Встретились и нестандартные варианты: «ужасную», «пугательную», «запугивающую», «русофобскую». Всего таким образом ответили 4% российских студентов. На наш взгляд, такая позиция молодых людей сформировалась в политическом контексте, ведь, по мнению В.А.Никонова, выступавшего на X Ассамблее Русского мира в Москве в 2016 году, демонизация России на Западе достигает уже таких масштабов, каких не было во время холодной войны [5]. Эта тема широко обсуждается в СМИ, в результате чего молодежь имеет соответствующее мнение.

В целом, исследование показало, что современных русских молодых людей недостаточно интересуют вопросы языка и культуры, что не может не вызывать беспокойства. Следовательно, в образовательных учреждениях требуется планомерное и последовательное проведение мероприятий, направленных на формирование четкой гражданской позиции школьников и студентов в отношении русского языка как средства сплочения русской нации и различных этносов на территории России, средства международного общения за рубежом.

Отношение китайской молодежи к русскому языку достаточно лояльно. Китайцы хотят изучать русский язык и признают

важность его роли в мире. В то же время следует обратить внимание, что, в соответствии с полученными результатами исследования, китайские студенты видят возможности сотрудничества стран посредством русского языка, в первую очередь, в социально-экономической и политической сфере. Вопросы развития культуры, знакомства с русской культурой и сохранения культурных ценностей не находятся в центре внимания иностранных студентов. Следовательно, деятельность русистов, преподавателей вузов, общественников необходимо выстраивать таким образом, чтобы не только укреплять позиции русского языка за рубежом, но и популяризировать русскую культуру и российские ценности и за рубежом, и в России. Это особенно актуально в настоящее время, ведь, как отмечает Л.А.Вербицкая, «главным стержнем Русского мира является великий и могучий русский язык, язык Пушкина и Достоевского» [2].

Именно с этой целью ВГУЭС проводит активную образовательную политику в регионе, тесно сотрудничая с Азиатско-Тихоокеанской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (АТАПРЯЛ) и Дальневосточным филиалом Фонда «Русский мир».

Систематическая работа по укреплению позитивного имиджа русского языка в России и за рубежом, популяризации русской культуры и формирования у молодежи представления о русском языке как о факторе единения наций включает в себя целый блок мероприятий – олимпиад, конкурсов, фестивалей и т.д. Среди них – Интернет-конкурс по русскому языку, международный межвузовский фестиваль «Я учусь в России», Спартакиада АТАПРЯЛ среди иностранных студентов вузов Приморского края и Дальневосточного федерального округа «Поколение мира» и другие. Самым массовым проектом, направленным на формирование у студентов представления о русском языке как о факторе единения наций, является курс «Межкультурная коммуникация», охватывающий ежегодно около тысячи студентов ВГУЭС. В течение семестра российские и иностранные студенты включены в совместную учебно-познавательную и творческую деятельность на русском языке.

Подводя итог, отметим, что описанные в докладе результаты опроса показали срез представлений современной российской и

китайской молодежи о причинах мотивации иностранцев изучать русский язык, об отношении молодежи к русскому языку как фактору сплочения нации и формирования позитивного имиджа русского языка за рубежом. Христидис Т.В. отмечает: «Язык, хранилище культурных ценностей и культурных традиций, способствует пониманию значимости диалога своей и чужой культур...» [4, с.168]. Обобщенный опыт работы ВГУЭС по созданию благоприятной мультикультурной среды в университете позволяет сделать вывод о том, что проводимые мероприятия помогают обеспечивать, с одной стороны, актуализацию восприятия своей культурной идентичности российских студентов, и, с другой стороны, эффективный процесс аккультурации иностранных студентов, обучающихся в российском вузе. Несмотря на это, проводимых мероприятий недостаточно, требуется принятие дополнительных мер, более активная деятельность педагогов основного и высшего образования, направленная на формирование активной гражданской позиции молодых людей, углубление их понимания роли русского языка в современном глобализующемся мире и укрепление позиций русского языка и русской культуры за рубежом.

Литература

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.
2. Русский мир – общность всех, кто верит в Россию. [Э/р]. Р/д: <http://www.russkiymir.ru/fund/assembly/x-assembly-of-the-russian-world/news/216305/> (Дата обращения: 13.02.2017).
3. Трофимова Н.Б., Жукова А.М. Особенности межкультурного общения студентов в условиях поликультурной среды вуза // Вестник ТГУ. 2015. Выпуск 4 (4). С.40 - 43.
4. Христидис Т.В. Готовность студентов к межкультурному взаимодействию как вызов глобализации // Вестник МГУКИ. 2013. № 2 (52). С. 165 - 170.
5. Что такое русский мир в эпоху конфронтации. [Э/р]. Р/д: <http://russkiymir.ru/fund/assembly/x-assembly-of-the-russian-world/news/216228/> (Дата обращения: 13.02.2017).

О ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ

А.Г. Кротова

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
(Новосибирск)

Интернет, без которого нашу сегодняшнюю жизнь уже сложно представить, является не только способом передачи информации, но и особой информационно-коммуникативной средой, вырабатывающей специфические механизмы и средства взаимодействия между коммуникантами. Это могут быть явления разной природы: IT-разработки, языковые неологизмы, жанровые трансформации и т.д. Думается, что интернет-мемы в определенной степени можно считать культурными инновациями интернет-коммуникации, хотя сами по себе мемы появились гораздо раньше интернета.

В широком смысле мем рассматривается как любая культурная информация (от религиозной доктрины до устойчивого выражения), овладевающая умами людей. Интернет-мем, соответственно, – культурная информация, получившая широкое распространение в интернете. Интернет-мемами могут считаться слова, часто окказиональные, эрративные (*интернетсы; превед*); устойчивые сочетания (*капитан очевидность; британские ученые*); предложения фразеологизированной структуры (*то чувство, когда...*); цитаты и их модификации (*денег нет, но вы держитесь*); целостные тексты разного объема и содержания (*песня «Таает лед»*), изображения, аудио, видео и пр. Наши наблюдения за современными процессами интернет-коммуникации позволяют утверждать, что современный интернет-мем – это практически всегда креолизованный текстовый феномен, в котором сочетаются визуальная и вербальная составляющая. Даже если мем изначально имеет сугубо вербальную форму (например, *британские ученые*), он поддерживается визуально (персонаж, комикс, гифы, открытки и т.п.), так как современные технические возможности позволяют это сделать всем и каждому на специальных сайтах.

Можно рассматривать мемы и как прецедентные феномены, которые 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальны в когнитивном

(познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [1].

Подчеркнем, однако, что данные признаки прецедентных феноменов применимы к интернет-мемам с оговорками. Интернет-мемы должны быть известны, в первую очередь, активным пользователям интернета. Актуальность их в познавательном плане не всегда очевидна и обязательна; они предполагают скорее эмоциональную, оценочную, ассоциативную интерпретацию. Постоянная возобновляемость интернет-мемов также условна, поскольку живут мемы, в целом, недолго: они быстро становятся немодными, теряют актуальность, надоедают и в конце концов забываются. Таким образом, интернет-мемы, будучи прецедентными феноменами, имеют весьма заметную специфику, обусловленную особенностями интернет-коммуникации.

Как отмечает Ю.В. Щурина, являясь разновидностью прецедентных феноменов, интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, которую необходимо знать адресату [3]. Эффективность коммуникации, понимание и декодирование мема напрямую зависит от умения интернет-пользователя эксплицировать скрытые культурные коннотации мема, восстанавливать те ассоциативные связи, которые он имеет в той или иной культуре. Чтобы понимать мем, необходимо быть включенным в культурный контекст, иметь определенные предварительные знания, пресуппозиции, общий культурный багаж [Там же].

Считаем, что интернет-мемы, так же как и прецедентные феномены в целом, могут быть социумно-, национально- и универсально-прецедентными [1]. Социально-прецедентные мемы распространены и популярны в определенной социальной группе (*Филологическая Дева, Коварный переводчик*). Национально-прецедентные мемы узнаваемы всеми интернет-представителями определенного национально-лингво-

культурного сообщества (*Денег нет, но вы держитесь; Желтая уточка; На доньшке; Тает лед*).

Универсально-прецедентные феномены, как отмечает В.В. Красных, известны любому среднему современному homo sapiens и входят в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [1, с. 51], существование которой может вызвать сомнение. Однако даже если об «универсальности» интернет-мемов говорить не приходится, в интернете, тем не менее, можно обнаружить такие феномены, функционирование которых не ограничивается рамками одного национально-лингво-культурного сообщества. Например, в «Словаре языка интернета.ru» описывается выражение-мем *Совпадение? Не думаю*, которое, как отмечают авторы, восходит к аналогичному английскому мему *Coincidence? I think not* [2].

Рассмотрим еще один пример. В январе–феврале 2017 года в англоязычном интернете весьма популярным стал мем, который называют *Ролл Сейф* (рис. 1). На фотографии изображен темнокожий парень, прикладывающий палец к голове (происхождение мема описано, например, на сайте The Daily Dot). Вскоре мем появился и в русскоязычном сегменте интернета.

Рис.1

Данный изобразительный жест можно назвать условно универсальным и при этом коннотативно окрашенным, поскольку, с одной стороны, во многих культурах его семантика так или иначе связана с умственной деятельностью, но, с другой стороны, оцениваться она может диаметрально противоположно. Так, во Франции палец у виска означает отрицательную оценку умственных способностей адресата, а в Голландии, наоборот, положительную. В американской культуре жест может одновременно

означать «отличную идею» и «подумай своей головой». Для русских, как кажется, этот жест не вполне характерен (более распространен «покручивание пальцем у виска»), но общее значение, в принципе, понимается без проблем.

Что касается его вербальной составляющей, то и в английском и в русском варианте это чаще всего утверждение-совет, выраженное сложноподчиненным предложением с условным придаточным (см. рис. 2 и 3).

People can't use you if you're
useless.

Рис. 2

**тебя не отчислят из института,
если ты не поступишь**

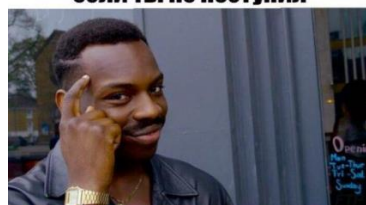

Рис. 3

Семантически этот «совет» не что иное как банальность, поданная как мудрая мысль знающего человека, и потому мем имеет ироничную, насмешливую коннотацию (как кажется, и сам главный герой мема в исходном ролике не относится к своему высказыванию серьезно: выражение его лица явно свидетельствует об этом). Надо отметить, что подобные советы и их интерпретация в ироническом ключе не находка этого мема: достаточно вспомнить другое известное интернет-выражение – *капитан очевидность* или же прецедентный текст доинтернетовской эпохи – *Если у вас нету тети...* Последний, кстати, иногда используется как вербальная составляющая описываемого нами мема.

Безусловно, в рунете у этого мема появляются собственно русские культурные коннотации не только на вербальном уровне. Визуально он также модифицируется: например, возникают варианты мема, на которых «советы дает» Николай II (см. рис. 4).

Никто не сможет упрекнуть тебя в том, что
ты позоришь свою династию, если позорить
станет нечего.

Рис. 4

Таким образом, данный мем можно назвать универсально-прецедентным лишь условно: предполагаем, что в разных культурах он получает сходную понятийную интерпретацию, однако коннотативно осмысливается по-разному.

Подводя итог, заметим, что, несмотря на проникновение инокультурных интернет-мемов в рунет и их активное принятие русскоязычными интернет-пользователями, инвариант восприятия мемов как прецедентных феноменов в разных культурах различен, а их когнитивная обработка происходит с помощью специфических, культурно обусловленных алгоритмов. Другими словами, глобальность интернета в данном случае не работает – национальное побеждает.

Литература

1. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Словарь языка интернета.ru / Под ред. М.А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
3. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. – Екатеринбург, 2012. – №3. – С. 160–172.

РУССКИЙ ЯЗЫК ВО ВЬЕТНАМЕ: ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ)

Н. К. Мао

Институт иностранных языков при ХГУ

(Ханой, Вьетнам)

1. Постановка вопроса

Русский язык, несомненно, играет важную роль как в процессе интеграции и глобализации экономики Вьетнама, так и во всестороннем сотрудничестве с РФ и СНГ. Создать государственную политику приоритетных иностранных языков на макроуровне имеет важное значение для развития страны.

В течение многих лет русский язык занимал первое место в государственной политике иностранных языков во Вьетнаме. У нас люди привыкли к словосочетанию «Nga Trung Anh Phap – русский, китайский, английский, французский языки (по поряд-

ку), «когда речь идёт об обучении иностранным языкам. Эта политика и до сих пор осталась неизменной.

Русский язык вместе с китайским как будто выполнили свою роль: Вьетнам наконец завершил в 1975 году свою продолжительную и дорогостоящую борьбу за свободу и независимость. В 1986 году VI-ой Съезд Компартии Вьетнама начал курс на всестороннее обновление, переводя свою централизованно-снабженческую, малоразвитую и разрушенную войной экономику на рыночную с надеждой и решимостью выйти из глубокого кризиса.

Картина обучения иностранным языкам изменилась в негативную сторону для русского языка. Сужается пространство использования русского языка как рабочего языка. Уменьшается число учащихся русскому языку. 1991 год может считаться важной вехой, когда русский язык после распада бывшего СССР потерял свою былую позицию во Вьетнаме. Его вытесняет английский язык.

На фоне интеграции Вьетнама в мировую экономическую жизнь английский язык выделяется как первый иностранный язык – неудивительная реальность, не зависящая ни от кого-либо.

В настоящее время преподавание русского языка в институте иностранных языков при Ханойском государственном университете сталкивается со следующими трудностями.

2. Трудности

Ниже представлено отражение рынка.

2.1. Трудности, связанные с рынком

Как сказано выше, рыночная экономика влияет на общую картину изучения иностранных языков.

- За последние 5 лет, с 2010 по 2015 г., в институте иностранных языков при ХГУ было подготовлено только 200 выпускников поствузовского обучения с профилем русского языка (против 1282 магистров и 13 кандидатов с профилем английского языка с 2010 по 2016 г.).

- Ежегодная квота для факультета русского языка и русской культуры ИИЯ при ХГУ (в дальнейшем ФРЯ и РК) составляет примерно 70-80 мест.

- За последние 4 года реальное количество студентов, поступивших на ФРЯ и РК, составляет: 68 (2013-2014), 56 (2014-2015),

48 (2015-2016), 50 (2016-2017). Всего 222 студента, не говоря о тех случаях, когда некоторые студенты в силу многих причин прерывают обучение или переходят на другие факультеты, в другие институты.

- В учебном 2015-2016 году всего 11 студентов уехали в РФ на включённое обучение, получив госстипендию. Такие студенты – отличники.

- В 2016 году преподавательский состав ФРЯ и РК составляет только 24 человека. Недавно приняли на работу 2 новых преподавательниц. Всего 26 человека, включая 2 лаборантки.

- По данным А.Л. Арефьева [1], Российская Федерация ежегодно выделяет 10000 госстипендий (мест для бесплатного обучения). При этом почти половина стипендий приходится на долю выходцев из бывших советских республик, а другая половина предназначена представителям дальнего зарубежья.

- В 2010-2011 академическом году в российских вузах учатся 3628 (очно) и 331(заочно) вьетнамских студентов. Всего 3959. Немногие из них выбрали русский язык как будущую специальность. Предпочтение, как правило, дано экономике и управлению.

- По данным Россотрудничества [3], в 2015-2016 учебном году в вузах РФ учатся 3106 вьетнамских студентов (из 5995 студентов ASEAN государств).

- В 2016 году Россия выделила 855 госстипендий для Вьетнама в рамках Соглашения по подготовке и образованию между РФ и СРВ [6].

Сравним это с количеством вьетнамских студентов в США.

- По данным “*SEVIS by the Numbers*” [5], до июля 2015 во всех уровнях американской образовательной системы, особенно в высших школах и институтах (colleges and universities) учатся вьетнамские студенты. Общее количество составляет 24247 человек. Это и значит, что английский язык активно используется.

- Преодолеть трудности, причинённые рынком, вряд ли в наших силах. Это зависит от экономического сотрудничества между двумя странами. Вьетнамским русистам остаётся ждать, пока положение улучшится. Тем больше возможность найти работу с профилем русского языка, тем сильнее сила притяжения к русскому языку.

2.2. Трудности, связанные с процессом обучения

- В силу унификации программной подготовки в пределах ХГУ сроки обучения на ФРЯ и РК (а также на других факультетах) были сжаты. Начальный этап (а первокурсники начинают почти с нуля) сокращается до 2 лет обучения (60 недель * 10 академических часов в неделю). Продвинутый этап (начинается с третьего года обучения) был отделён для разных профилей, туристического, педагогического (в нынешнем академическом 2016-2017 г. остались только 3 студента с этим профилем), лингвистического, экономического и русского языка для офиса.

- Сжатые сроки обучения причинили много трудностей в такой сложной области, как морфология и синтаксис. Много ошибок разного рода сделаны студентами при обучении, например, письму.

- В большинстве имеющихся у нас пособий нет Ключей (правильных ответов; Answer key) на составленные упражнения (не то, что с пособием английского языка, например). Преподавателям приходится искать ответы самим. Иначе говоря, пособия, особенно для продвинутого этапа не в «готовом виде». Перед тем, как их использовать, нужно дополнительно «инвестировать». Это, на наш взгляд, слабость пособий. Надо же учитывать, что и преподаватели и студенты не русские, не носители русского языка.

- Запас упражнений по аудированию очень скудный. И опять только простые, для начинающих. Кое-где в пособиях они представляют собой простую запись, а не настоящее аудирование как таковое [2]. Иногда в пособиях нет даже текстов для записи (аудирования), что является большой трудностью для обучения.

- В последнее время появилось много хороших учебников русского языка, особенно те, которые составлены учёными из Санкт-Петербурга (Издательство «Златоуст»). Многие из таких пособий используются у нас на факультете.

3. Перспектива

Есть предпосылки для хорошей перспективы.

- В государственной политике иностранных языков Вьетнама нет дискриминации. Между языками естественная конкуренция.

- ФРЯ и РК составил разные программы по обучению русскому языку, принял участие в разных проектах. Это один из

ценных факторов для сохранения русского языка во вьетнамской аудитории.

- По статистическим данным [7], до июня 2015 г. Российская Федерация непосредственно инвестирует в 107 проектов с зарегистрированным капиталом в 2 миллиарда долларов, занимая 17-ое место среди стран и регионов, инвестирующих во Вьетнам. РФ инвестирует в 13-21 областей экономики, расположенных в 24-63 провинциях, главным образом в обрабатывающую промышленность.

- По данным Российской ассоциации туризма [4], в 2015 приблизительно 338800 русских туристов посетили Вьетнам.

Это как раз предоставляет лучшие шансы найти работу для выпускников с профилем русского языка.

- С точки зрения долгосрочного плана Россия, со своей политической, военной и экономической мощью, окажет влияние на другие страны. Между РФ и СРВ укрепляется и расширяется всестороннее сотрудничество, не говоря о сотрудничестве с СНГ и Таможенным союзом ЕАЭС, где в деловых отношениях рабочий язык – русский.

- Много мероприятий, связанных с преподаванием русского языка, было организовано в РФ и за её пределами, в том числе Международная региональная конференция «Русский язык в странах Юго-Восточной Азии», состоявшаяся в г. Ханое СРВ 15-16 декабря 2016 года.

- Президент МАПРЯЛ, президент СпбГУ, президент Российской академии образования Л.А. Вербицкая подчеркнула, что нужно сохранять, развивать и распространять русский язык в мире.

4. Заключение

Из всего выше сказанного можно прийти к следующим выводам:

1. То, что связано с рынком, изменить не в наших силах. Однако нужно улучшить учебники, пособия по русскому языку, особенно для продвинутого этапа, сделав их «абсолютно готовым продуктом», которым легко и удобно пользоваться. Повысить тем самым привлекательность учебного процесса. Нужно уменьшить разрыв между пособием русского языка и пособием, например, английского языка в аудиториях зарубежья. Здесь должны быть своего рода «субсидия», финансирование, финан-

совая помощь со стороны государства и благотворительных, экономических организаций.

2. Учебники и пособия для продвинутого этапа необходимо больше ориентировать на темы экономики и управления.

3. Социальная потребность в русском языке во Вьетнаме как языке науки, технологии, культуры, образования, рыночной экономики обязательно вырастет.

Литература

1. Арефьев А.Л. Иностранцы студенты в Российских вузах. Режим доступа: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02>.
2. Головкин О.В. Вперёд. – М. : Русский язык, 2006.
3. Россия активно займется мировой экспансией русского языка, решив вначале добиться его правового статуса в странах бывшего СССР. Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/29nov2016/expansiorussian.html>
4. Du khach Nga den Viet Nam tang trong dau nam 2016. Режим доступа: <http://baotintuc.vn/du-lich/du-khach-nga-den-viet-nam-tang-trong-dau-nam-2016-20160202121758909.htm>
5. Mark Ashwill. Vietnamese student numbers growing in the US. January 2016. Issue No:396. <http://www.universityworldnews.com/article.php?story>
6. Nga cap 855 suat hoc bong cho Viet nam. Thong bao tuyen sinh di hoc tai Lien bang Nga 2016. <http://pbc.moet.gov.vn/?page=1.3&view=1195>.
7. So von dang ki dau tu cua Nga vao Viet nam dat gan 2 ty do la. Режим доступа: <http://www.bvsc.com.vn/News/2015924/385542/so-von-dang-ky-dau-tu-cua-nga-vao-viet-nam-dat-gan-2-ty-usd.aspx>

«ЯЗЫКОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Т.В.Молчанова

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
(Москва)

Процессы формирования планетарного информационного пространства становятся глобальными и всеобъемлющими в конце XX-начале XXI века.

Что же опасного в стремительном развитии глобальных информационных сетей? Если бы процессы глобализации проходили естественным путем и были выгодны для всех субъектов международной деятельности, они, возможно, служили бы интересам

всего человечества. Именно так считали многие экономисты и политики – все те, кто является сторонниками глобализации. К сожалению, этого не произошло. США навязали миру свой план глобализации, где учитываются интересы узкой группы транснациональных корпораций, которые диктуют свою волю целым государствам. К чему это привело в области экономики, мы знаем.

А теперь рассмотрим язык в контексте глобализации и прибегнем к термину «языковая глобализация». В энциклопедии «Глобалистика» термин «языковая глобализация» определяется как «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [1, с.1304].

Процесс взаимопроникновения языков является важнейшим процессом обогащения языков и культур разных народов. Однако все пошло по-другому пути. В основе глобализации лежит, прежде всего, англо-американская модель общества в его экономике, политике и культуре, а значит, и в языке, так как язык является важнейшим компонентом культуры. Таким образом, именно глобализационные процессы вывели английский язык на мировую арену.

Как же влияет глобализация на роль русского языка в современном мире? На этот вопрос отвечают многие наши ученые и общественные деятели. Так, например, в статье «Глобализация русского языка» Советника Президента РФ Мурата Зязикова в интервью «Интерфаксу» (30.12.2009г.), где детально рассмотрены все эти проблемы, читаем: «Причинами смены языков как средств международного общения являлись в основном военно-политические факторы, затем технологический» [2].

С этим нельзя не согласиться. На функционирование русского языка, бесспорно, оказал негативное влияние распад Советского Союза. В бывших национальных республиках СССР значительно стали сокращаться школы, где изучался русский язык, который перестал быть вторым государственным языком. Как отмечает в статье «Русский мир – это больше, чем география», председатель Комитета Государственной Думы по международным делам Леонид Слуцкий: «Мы уже видим в ряде бывших советских республик Центральной Азии, к чему приводит пресловутый самотек. Во всем Туркменистане действует единственная русская школа имени Пушкина в Ашхабаде, резкое сокращение

количества русских школ идет в некоторых других странах региона. Следует понимать, что не через 50, а уже через 5-10 лет там вырастет поколение политической и бизнес-элиты, плохо говорящее на русском языке. А ведь именно он является цементирующей основой не только Русского мира и русской цивилизации, но и всех интеграционных проектов» [3, с.38]. Мы помним, что в конце 80-х на русском языке говорили на планете порядка 350 миллионов человек, сейчас 270. Однако свято место пусто не бывает. Как грибы после дождя стали появляться английские колледжи. Родители считали приоритетным изучение английского языка. Экономика перестала быть плановой, а рыночные отношения «требовали» новых терминов. Так появилось огромное количество новых слов: *лизинг, оффшоры, менеджер, дефолт, Вице-президент компании, контракт*.

Если эта англо-американская экономическая лексика была необходима, то множество других терминов пришло на волне моды английского языка. Поп-культура вошла в нашу жизнь, и вслед за ней большинство американизмов вошло в русский язык без каких-либо препятствий. Например: *OK – окей*. Российские СМИ, особенно телевидение, также способствуют вхождению огромного числа англо-американизмов: такие слова, как *брифинг, ток-шоу*; даже в спорте все чаще можно услышать *CUP* (а не Кубок); *GRAND PRIX* (а не главный Приз).

«Но, несмотря на жестокий прессинг со стороны Запада, русский язык по-прежнему остается языком межнационального общения на всем постсоветском пространстве и уверенно входит в пятерку лидирующих языков мира. Русский язык вновь становится востребованным теми, кто принимает участие в развитии и реализации проектов международного сотрудничества с Россией, заявившей о себе как об одном из ведущих лидеров на мировом рынке» [4, с.82].

Хочется особо отметить в этом роль общественных и правительственных организаций. Это, прежде всего, Совет по русскому языку при Президенте России, МАПРЯЛ (Международная Ассоциация преподавателей русского языка и литературы), РОПРЯЛ (Российское общество преподавателей русского языка и литературы) и, конечно, фонд «Русский мир».

Следует нам не забывать Федеральный закон: «О русском языке как государственном языке Российской Федерации», который отражает консолидирующую роль русского языка во всех сферах общественной жизни науки и культуры как языка, являющегося национальным достоянием России.

Литература

1. «Глобалистика» Энциклопедия М.2003.-1327с.
2. <http://www.interfax.ru/russia/116622//>
3. Слуцкий Л. Общественно-политический журнал Федерального Собрания Парламента РФ «Российская Федерация сегодня» №3 март 2017; М. 2017
4. Цветкович Р., Миленович Ж. Русский язык в эпоху глобализации // <http://cyberleninke.ru/article/n/russkiy-yazyk-verohy-globalizatsii//>

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Н.Омельяненко

Финансовый университет при правительстве РФ
(Москва)

Научно-технический прогресс и развитие современных средств коммуникации способствовали значительному ускорению процесса глобализации и интенсивному межкультурному общению, объединивших мир в “global village” («глобальную деревню»). Этот термин был введен канадским социологом Маршалом Маклюэном и характеризует мировое сообщество в современных условиях, когда массовые коммуникации формируют характер общества, в котором возникает идиллия свободного общения людей. [4].

Глобализация отразилась на всех сферах нашей жизни, но особенно заметно ее влияние в области культуры и языка. Широкое использование английского языка как международного оказывает все большее влияние на национальные языки – например, появились даже такие понятия, а соответственно и слова, как *Spanglish*, *Ruslish*, которые обозначают смесь испанского и русского языков с английским.

В последнее время все больше лингвистов, преподавателей, переводчиков высказывают озабоченность состоянием русского языка, как в плане ухудшения общей грамотности, так и в связи с теми изменениями, которые произошли в нашем языке за последние 20-30 лет. Из эпизодических разрозненных фактов эти изменения перешли в разряд системных явлений, и в настоящее время создалась необходимость не только их констатации и описания, но и серьезного, всестороннего изучения их природы, сущности и влияния на русский язык. В данной статье предпринята попытка выявить основные направления этих изменений, происходящих в современном русском языке, их масштаб, возможные последствия и как им противостоять.

Любой национальный язык, являясь определяющим атрибутом этноса, не может не изменяться вслед за переменами, происходящими в жизни общества, и наиболее ярко это проявляется в сфере лексики. Так, после распада СССР из нашего речевого обихода ушли целые блоки слов, связанных с ушедшими реалиями, и крупнейший из этих блоков, конечно, – социально-политический: *прогрессивка, соцобязательства, железный занавес, шефская помощь*. А уж такие понятия, как *комсорг, горком, райисполком, первый секретарь* совсем незнакомы жителям XXI века.

Немало слов сменило значения, причем радикально. Так, *бригада* теперь – не объединение хлеборобов, а преступная ячейка; *кислота* – не химический реактив, а легкий синтетический наркотик; *клуб* – не Дом культуры, а ночная дискотека с возможностью поесть, выпить и познакомиться; *мыло* – не только средство для мытья рук, но и электронная почта; *мышь* – средство управления компьютером, а *труба* – мобильный телефон [2, с.341].

Бурное развитие науки и техники способствовало появлению большого числа новых слов, обозначающих новые реалии. Следует отметить, что значительная часть появившихся слов во многих сферах является заимствованиями. Например, компьютер и интернет принесли много слов, без которых уже невозможно представить русский язык: *сайт, чат, чатить, гуглить, драйвер, флешка*, а сотовая связь тоже обогатила наш язык десятками терминов: *мобильник, СМС, роуминг, пин-код*.

Свой вклад внес и автомобильный бум: *тюнинг, рестайлинг*, или «*клиренс*» вместо употреблявшегося ранее термина

«дорожный просвет». Сотни новых заимствований дала русскому языку экономика: *аутсортинг, франчайзинг, опционы, фьючерсы, мерчендайзер, дефолт*. Много слов пришло и продолжает приходить из политики и шоу-бизнеса: *блокбастер, рейтинг, электорат, креатив, гламур, пиар*.

Заимствование слов – это естественный результат межнационального общения, и оно происходило всегда, обогащая заимствующий язык. Например, слова «башка», «водка», «экипаж», «бюстгальтер», воспринимающиеся многими как русские, имеют татарское, польское, французское и немецкое происхождение. В английском же языке, за 15 веков впитавшем в себя огромное количество заимствований из разных языков, зафиксированы такие русские слова, как *tsarism, Bolshevik, apparatchik, Kalashnikov* (оружие), *astrakchan* (каракуль – мех), *balalaika* и др.[3]

Однако ситуация с заимствованиями в современном русском языке иная, в сравнении с предыдущими столетиями: с конца XX века наблюдается сжатый по времени интенсивный поток заимствованных слов, причем не из разных языков, а из одного – английского. Это больше походит не на обогащение, а на экспансию, которая может размыть нормы национального языка.

Заимствования начинают активно осваиваться в русском языке и обрастают словообразовательными вариантами: *пиар, пиарить, распиарить, пиарщик, пиарщица, пропиарить; шоп, шопинг, шоппер*. Особенно это прослеживается в публицистических текстах и рекламе. Замечено, что активизируются словообразовательные процессы, характерные для языков аналитического типа: раньше в русском языке заимствовались результаты словообразовательных процессов, сейчас же все чаще сами модели становятся базой для новых слов [1, с.76].

Изменения в русском языке прослеживаются не только в лексике, но и на более глубоком уровне – в грамматике. Так, пассивные конструкции, характерные для русского языка, все чаще заменяются активными: *я успею* вместо *успеется*, *я не люблю* вместо *не нравится*. Меняется даже актуальное членение высказываний. В английском языке из-за фиксированного порядка слов рема всегда находится в начале высказывания, а тема – в конце. В русском же языке рема обычно помещается в конец высказывания и несет на себе логическое ударение. Несоблюдение этого

порой меняет весь смысл предложения. Сейчас все чаще можно прочесть и услышать, особенно в телевизионных новостях, именно английскую версию актуального членения.

Все это вызывает тревогу за чистоту и сохранность родного языка. В чем же причины такого положения, и действительно ли это экспансия? Кто заставляет нас употреблять иностранные слова вместо имеющихся у нас эквивалентов? Когда в нашу жизнь входит новая реалия, для которой нет названия в русском языке, заимствование может быть оправдано: *дилер, менеджер* (это не управляющий!), *курсор, компьютер, интернет*.

Во многих же случаях использование заимствований, употребляемых для «красивости» или «умности», только засоряет язык: *тинейджер* – подросток, *селебрити* – знаменитость, *экспириенс* – опыт, *креативный* – творческий, *симуляция* – моделирование. В последнем примере заимствование воспринимается двусмысленно, т.к. уже имеет в русском языке другое значение с отрицательной коннотацией.

Особенно грешат ненужными заимствованиями средства массовой информации, которые имеют огромное влияние на всех членов общества, а это ведет к «размыванию» норм русского литературного языка. Вот несколько примеров употребления неоправданных заимствований в различных СМИ.

«Требуется водитель *ричтрака*. Зарплата по договоренности». (Объявление в газете «Работа и учеба»). Думается, что тех, кто откликнулся на это объявление, было бы гораздо больше, если бы вместо *ричтрак* было написано *автопогрузчик*.

«Мероприятия правительства, которые запланированы, идут с каким-то *лагом* по отношению к ситуации» (Цитата из интервью председателя Счетной палаты РФ Т. Голиковой в программе «Итоги» на НТВ 14.11 2014).

«Вот мой *спич* в отношении крапивы» (проф. Д.Н.Шубин, соведущий передачи «Жить здорово» на 1 канале телевидения, 20 07.2012).

А вот такую информацию для широкой публики о предстоящей Ночи Искусств можно было найти в качестве рекламы этого события: «*Выставка «Интерактивная инсталляция. Анимационное граффити*». Этот проект объединяет мастер-класс по *стоп-моушен анимации и видеомэппинг в интерактивную ин-*

сталляцию: на фасаде Музея Москвы будет создано анимационное граффити в режиме реального времени. Стать соавтором может любой желающий.» (Ночь Искусств 03.11.2014, программа в интернете). Как видим, в последнем объявлении, рассчитанном на массовое мероприятие, 33% слов являются заимствованными и понятными далеко не всем.

К сожалению, эта англо-русская смесь (*Ruslish*) уже вошла в нашу жизнь, и есть реальная опасность, что язык не устоит перед ней, как это бывало раньше: не отбросит ненужное, не отшлифует значения чужих слов так, чтобы они вписались в его лексическую систему. В результате может появиться своеобразный «инглиш рашен», который часто требует дальнейшего перевода на нормальный русский язык, чтобы быть понятым. В связи с этим представляется уместным процитировать М.Ганди: «Я не желаю, чтобы мой дом был обнесен со всех сторон стеной и чтобы мои окна были наглухо заколочены: я хочу, чтобы культура всех стран свободно проникала в мой дом. Но я не желаю, чтобы меня сбили с ног». [5].

Совершенно ясно, что русскому языку нужна помощь на уровне государства, и здесь можно последовать примеру Франции, в которой есть специальный закон, охраняющий чистоту национального языка. Конечно, нет смысла придумывать эквиваленты на все иноязычные реалии, отмечая таким образом понятие интернациональной лексики и изолируя свой язык от глобальных, общемировых процессов, но нельзя впадать и в другую крайность – пассивно наблюдать, как мы теряем свой язык, а вместе с ним свою культуру, самобытность и лицо страны. Нельзя забывать, что национальный язык – это неотъемлемый атрибут этноса и важнейшее условие его существования.

Итак, изучение изменений, выявленных в современном русском языке под влиянием глобализации, позволяет сделать следующие выводы.

Есть основания утверждать, что процесс глобализации и, в частности, распространение английского языка в качестве международного, оказали значительное влияние на русский язык.

Изменения, наблюдаемые в современном русском языке, в контексте глобализации приобретают системный характер и проявляются на различных языковых уровнях.

Особую опасность для национального языка представляет интенсивный и неконтролируемый поток заимствований из английского языка, приобретающий характер экспансии.

Для сохранения русского языка как необходимого атрибута национальной идентичности необходима продуманная защитная политика на государственном уровне.

Литература

1. Левицкий А.Э. Словообразовательные модели в пространстве межкультурной коммуникации. // Вестник Московской международной академии, № 1, 2008. С. 74-81.
2. Омеляненко Т.Н. Англоязычные заимствования – благо или зло для русского языка? // Сборник научных трудов 13-й Междунар. науч. конф. «Русистика и современность». Рига, 2011. С.340-342.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Pearson Education Limited, 2005.
4. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. — N.Y.: Bantam, 1968/
5. Цитаты и высказывания Махатмы Ганди [Электронный ресурс] URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/153422-citaty-i-vyskazyvaniya-mahatmy-gandi.html> (дата обращения 21.03.2017).

РУСИСТИКА В ИНДИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ГЯДУЩЕЕ

С. К. Тхакур

Аспирант центра русских исследований
университета имени Джавахарлала Неру
(Дели, Индия)

Отношения между Индией и Россией уходят корнями в глубокое прошлое, и в каждой из этих стран всегда был интерес к языкам и культуре друг друга. Этот интерес усилился в Индии после Октябрьской социалистической революции 1917 г., когда Советский Союз начал строительство нового общества и добился огромного прогресса во всех областях жизни, особенно в области науки и техники. Точно так же и в Советском Союзе интерес к жизни, культуре и языкам Индии значительно вырос после того, как Индия получила свою независимость в 1947 г. и начала строить свою экономику как независимое государство.

В данной статье предпринята попытка проследить этапы развития интереса к русскому языку, осознать историко-политические причины подобной ситуации и будущие возможности русистики в многонациональной индийской аудитории. Кроме этого, научная статья постарается ответить на следующие вопросы: Каковы перспективы развития русистики в Индии? Видится ли целесообразным развитие дистанционного обучения русскому языку как иностранному в Индии?

До второй половины XX века знакомство Индии с Россией и русской литературой осуществлялось посредством английского языка. Русская литература является важной предпосылкой для основания русистики в Индии. Русская литература изучалась в Индии не столько из-за ее литературной ценности, сколько из-за ее политических убеждений. В первые годы после независимости русистика означала только изучение русской литературы на английском языке для ее политического значения [3, с. 297].

Нужно здесь отметить, что из-за языкового барьера индийцы мало знали о русской литературе, крупных русских поэтах и писателях, таких как Достоевский, Толстой, Чехов, Горький и др. После получения независимости в 1947 г. установились культурные связи с Советским Союзом и начались переводы произведений русских писателей и поэтов на индийские языки.

До тех пор, пока Индия была колониальной страной, русский язык не был предметом изучения в университетах. Однако некоторые индийцы самостоятельно изучили русский язык, столкнувшись со всеми трудностями. Вскоре после окончания второй мировой войны, в 1946 г., в Делийском университете впервые в Индии стали преподавать русский язык. Первым руководителем отделения русского языка в университете стал Владимир Анатольевич Шибаяев, которого можно считать основоположником русистики в Индии. Затем не только в столице, но и в других регионах страны в университетах были открыты кафедры русского языка: в 1947 г. — в Алахабадском, в 1958 г. — в Османском на юге Индии и в 1964 г. — в Пунском на западе страны [1, с. 12].

Важной вехой в истории русистики в Индии стало открытие Института русских исследований. 14 ноября 1965 г. в годовщину со дня рождения первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру в столице Индии был открыт Институт русских исследова-

ний. Идея создания института зародилась в ходе беседы тогдашнего министра образования Индии М.С. Чагла с министром высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютиным во время его визита в Индию в феврале 1964 г. Предварительные переговоры были завершены и в течение очень короткого времени, 27 октября 1965 г. было подписано официальное соглашение между правительством Индии и правительством СССР о создании в Дели института русских исследований [5]. Создание института имело важное значение для обеих стран, и поэтому министры образования обеих правительств присутствовали на торжественной церемонии открытия Института и вместе зажгли лампу, символизирующую рождение института русских исследований.

Подчеркивая уникальный характер нового института, В.А. Елютин выступил с речью: «Впервые создается такой институт за рубежом, где будет специальное обучение и научно-исследовательские работы в области русского языка и литературы, систематическое изучение жизни и культуры СССР» [2, с. 6-7]. В свою очередь, Чагла также в своем выступлении заметил: «Я смотрю на открытие этого института как на историческую веху в истории образования в нашей стране... В этом институте мы будем заниматься не только русским языком, но и русской историей, культурой и философией. И вряд ли нужно говорить, насколько это важно для взаимопонимания между нашими народами» [2, с. 7].

В 1969 г. этот институт стал частью университета им. Джавахарлала Неру и был переименован в Центр русских исследований при Школе языков, литературы и культурных исследований. Первым его директором был назначен Проф. Ч. Н. Чакраварти. Первое поколение индийских русистов училось в центре русских исследований. Первые бакалавры-русисты вышли в 1969 г. [1, с. 12].

Русский язык скоро стал пользоваться огромной популярностью среди индийских студентов. К началу 70-х годов русистов уже готовили в более чем 30 вузах страны: Пенджабском, Пунском, Бенаресском, Керальском, в Университете им. Махараджи Саяджирао в Бароде и др. Будущие филологи занимались не только русским языком и литературой, но и историей и культурой Советского Союза. Однако изучение языка имело факультативный характер, а общее время, выделяемое на изучение, составляло два часа трижды в неделю, что очень мало для изучения

языка вне языковой среды. Вследствие этого языковая компетенция выпускников резко падала.

В области дистанционного обучения РКИ кафедра русского языка Центрального института английского и иностранных языков на юге Индии, в Хайдарабаде впервые в 1973 г. решила ввести трехлетний очно-заочный курс русского языка [1, с. 13]. Проф. Тотавар замечает, что этот очно-заочный курс был очень популярным в 70-80-е годы и стал важной вехой в развитии русистики в Индии.

Динамика изучения и распространения русского языка в Индии после распада Советского Союза существенно замедлилась. В 1990е гг. сократились или полностью прекратили деятельность ряд российских организаций и государственных программ. Без поддержки посольства индийские преподаватели и студенты не могли ездить в Россию, опубликовать переводы русской литературы на индийские языки и организовать международные конференции и культурные мероприятия.

В последнее время, после недолгого спада, численность студентов, изучающих русский язык и литературу в Индии, растет. В связи с расширением культурного, экономического, технического и политического обмена между Индией и Россией, сейчас в более чем 40 индийских вузах преподается русский язык и готовят русистов – филологов. Ведущими центрами русистики в Индии являются университет им. Джавахарлала Неру в Дели, Делийский университет и университет английского и иностранных языков в Хайдарабаде. Русский язык также изучают в школах различных регионов Индии. Важными центрами русистики также являются Российский центр науки и культуры «РЦНК» в Дели, Ченнаи, Мумбаи, Тривандраме и Калькутте, курсы которых работают по российским государственным программам.

Научно-исследовательские журналы. Ведущими научными журналами по русскому языку, литературе, культуре и переводу в Индии являются: «Критик», издаваемый центром русских исследований университета им. Джавахарлала Неру в Дели, «Русская Филология», издаваемый кафедрой русского языка университета английского и иностранных языков в Хайдарабаде, «Резонанс», издаваемый кафедрой славянских и финно-угорских исследова-

ний Делийского университета и «Ассонанс», издаваемый кафедрой русской и сравнительной литературы университета Каликута.

В этих журналах статьи публикуются на русском, английском и языках хинди. В этих научных журналах публикуются статьи, посвященные различным вопросам методики преподавания русского языка, вопросам изучения русской литературы, сравнительному литературоведению, что помогает более сознательному и глубокому осмыслению нравственного и эстетического значения русской литературы индийским студентами. Не менее значительны и разделы журналов, посвященные вопросам лингвистики и перевода. Много работ посвящено сравнительному изучению русского языка с индийскими языками на уровне фонетики, лексикологии, морфологии, синтаксиса и др.

Переломным моментом в истории индийской русистики стало вручение ордена Дружбы Профессору Санкар Басу в 2007 г. На церемонии вручения российских государственных наград Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Мы дорожим дружескими чувствами, которые питает к нашей стране господин Санкар Басу. Известный эксперт в области русистики и блестящий педагог, он многое сделал для сохранения наших научных контактов, для популяризации русского языка и духовного наследия России в Индии» [6].

В последние годы появилось довольно много переводов русской литературы, которые делаются в основном русистами, преподавателями русского языка и литературы университета им. Джавахарлала Неру, Делийского университета, Университета английского и иностранных языков и др. (Варьям Сингх, Хем Чандр Панде, Йогендра Нагпал, Чарумати Акелла, Панкадж Малвия, Джитендра Рагхуванши и др.) для популяризации русской литературы в Индии.

К 2016 г. в Индии было защищено более 30 кандидатских диссертаций, более 80 диссертаций на соискание степени магистра философии, более 400 студентов получили диплом магистра, более 800 студентов стали бакалаврами по русскому языку.

Индийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (ИНДАПРЯЛ)

ИНДАПРЯЛ был образован в 2004 г. Со дня своего основания ИНДАПРЯЛ организовал много симпозиумов, международ-

ных конференций и культурных мероприятий. Эти культурные мероприятия сыграли большую роль в способствовании развитию и укреплению русского языка в Индии. В члены ассоциации входят русисты из разных уголков страны. Как известно, Индия многоэтническая и многокультурная страна, поэтому задача распространения и продвижения русского языка в многонациональной индийской аудитории становится еще труднее. В 2017 г. лауреат медали А. С. Пушкина 1998 г. Профессор Р. Н. Менон из университета Джавахарлала Неру, Дели был избран Президентом ИНДАПРЯЛ.

Дистанционное обучение РКИ в Индии. Школа иностранных языков национального открытого университета им. Индиры Ганди в 2017 г. решила ввести дистанционное обучение русскому языку. Курс предлагается в режиме открытого и дистанционного обучения и материал для самостоятельного обучения интегрирован с аудиовизуальными компонентами. Такой метод обучения позволяет желающим заниматься русским языком, продолжая работать или учиться в своем городе.

Проблемы в обучении русскому языку в Индии. Пособий по русскому языку в Индии решительно не хватает, студенты нередко занимаются по устаревшим учебникам еще советских времен, которые давно не соответствуют современным требованиям. На проблемы нехватки современной учебно-методической литературы по РКИ в Индии, профессор Дж. П. Димри также заметил: «Не приходится и говорить, что даже до сегодняшнего дня, мы (преподаватели русского языка) во многом зависим от пособий и учебников, которые были опубликованы в шестидесятых и семидесятых годах. Совместные усилия должны быть приложены в установленный срок, чтобы подготовить ряд учебников русского языка для индийских учащихся» [4, с. 221]. В дополнение к этому следует сказать, что найти учебные пособия по русскому языку даже российского издателя в Индии очень трудно.

В заключение можно сказать, что русский язык является одним из популярных иностранных языков в Индии. Русскому языку учатся не только студенты в вузах, но также и школьники. В настоящее время русский язык привлекает внимание индийцев не только как язык классиков русской литературы, но и как источник научно-технических знаний. Препятствия на пути разви-

тия русистики в Индии могут быть преодолены при активной поддержке Российского посольства. В 2017 г. празднуется 70-летие установления дипломатических отношений между Россией и Индией, и роль индийских русистов несомненно очень важна в сохранении и дальнейшем развитии политических, экономических и культурных отношений с Россией.

Литература

1. Тотавар В. Русистика в Индии // Вестник Новгородского государственного университета. № 43, 2007. С. 12-14
2. Bakaya R. M. Centre of Russian Studies, Ten Years. Монография, опубликованная по случаю десятой годовщины Центра русских исследований университета им. Джавахарлала Неру, Дели, 1975. pp. 6-16
3. Chakraborty A. R. Russian Studies in India // The Russian Review, Vol. 25, No. 3 (Jul., 1966), pp. 297-302
4. Dimri J. P. Russian through the years: A Mosaic of Language, Literature & Culture // Russian through the years: A Mosaic of Language, Literature & Culture. (Ed.) Sankar Basu. Jawaharlal Nehru University, Delhi, 2005. pp. 219-221
5. Соглашение о создании Института русских исследований 27 октября 1965 г. <http://mea.gov.in/bilateraldocuments.htm?dtl/6287/> Agreement+regarding+Institute+of+Russian+Studies (Дата обращения 01.04.2017)
6. <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=277929&soch=1> (Дата обращения 03.04.2017)

ПРОБЛЕМЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Т.Т. Черкашина

ФГБОУ ВО "Государственный университет управления"
(Москва)

Современный языковой мир, игнорируя политические границы, открыто демонстрирует глобальную интеграцию во всех областях человеческой деятельности. Не случайно сегодня ученые говорят о перспективах создания «экосистемы» (Л.Ж. Кальвет), о перспективах внедрения модели всемирной «лингвистической гравитационной системы» и о роли, месте, функциях языков в социокультурной среде. Выделение центрального и периферийных языков в «лингвистической галактике», по их мнению, по-

может преодолеть последствия вселенской лингвистической катастрофы – Вавилонского смешения языков.

На глобализационных форумах лингвистов помимо названных проблем звучат предложения о необходимости лингвистического инжиниринга (Pool, 2010); критически оцениваются проблемы «языкового гомеостаза» экосистемы в целом (К. Крамш, Е. Бонер) и др. Ученые обращают внимание на то, что за новациями мультикультурного обмена, которые пришли на смену межкультурной коммуникации (МК), скрывается опасность поглощения «центральными языками» других, «периферийных» языков. «Центральные языки» усиленно, агрессивно навязывают, с их точки зрения, этнонеравенство и фрагментарность языковой картины мира (ЯКМ), а под маской «воображаемой солидарности» скрывается национальный шовинизм (Kramsch, Boner). В известной работе «Общая и русская идеография» Ю.Н. Караулова дается классификация лексического состава языков, которая, по мнению ученого, «как правило, имеет общую, центральную часть, а также периферийные участки, где наблюдаются расхождения [цит. по 1, с.198-190].

Специфика того или иного языка растворяется на высших уровнях абстракции, а при анализе периферийных иерархических отношений выделяются лакуны. Причинами возникновения лакун могут быть и культурно-исторические, этнографические факторы.

Таким образом, можно сказать, что практически все авторитетные исследователи постмодернистского витка социокультурных сдвигов (*global village*), начиная с Дж. Макмена, Р. Робертсона, употребивших в 1983 году термин *globality*, отмечают расширение его научного толкования, приписывают ему статус главного фактора цивилизационного развития, выделяя различные аспекты видения проблемы, в том числе и лингводидактические перспективы изучения [2, с.127]. Между тем отрицание субъективного отношения к иной культуре между участниками МК, признание плюрализма этнокультурных ценностей не отменяет релятивизацию знания базовых ценностей культуры, среди которых язык занимает одно из ведущих мест, а также соответствие знания контексту и возможностям интерпретации.

Считаем важным подчеркнуть: ряд ученых (Т. Скотнаб-Кангас и Р. Филлипсон) предупреждают о существовании «линг-

вистического империализма», «лингвистического геноцида» в системе образования. Напомним, что в свое время на это указывал К. Поппер: «Уорф и некоторые другие из его последователей утверждали, что все мы живем в своего рода интеллектуальной тюрьме: тюрьме, стены которой возведены структурными правилами нашего языка... Это очень странная тюрьма, поскольку мы обычно не осознаем факт своего заключения. Осознавать это мы начинаем только при столкновении культур». Может ли человек и захочет ли он добровольно покинуть эту «тюрьму»? [3, с. 135] «Выйти за пределы себя», эффективно сотрудничать с носителями другой культуры, не имея о ней представление, не зная языка, не понимая способа интерпретации иной картины мира, сегодня уже нельзя, поэтому межкультурная компетентность – это не только способ поиска деловой идентичности, но и лингводидактическая перспектива создания устойчивых методик и технологий академической адаптации иностранных студентов к условиям российской системы высшего профессионального образования. Поскольку именно язык как код культуры не только обеспечивает возможность речевого контакта, но и отражает национально-культурные особенности общения, владение русским языком рассматривается нами в качестве социокультурной, профессиональной коммуникативной текстуально-диалогической компетенции студентов.

Если подойти к проблеме академической адаптации шире, то следует подчеркнуть, что межкультурный диалог сегодня оценивается как двустороннее общение представителей различных культур, которое базируется на принципах взаимоуважения, взаимопонимания и сотворчества, предполагая такое сближение взаимодействующих субъектов образовательного процесса, когда они не подавляют друг друга, не стремятся доминировать, но "вслушиваются", "содействуют", соприкасаясь бережно и осторожно. При этом важно убедить учащихся в том, что не бывает хороших или плохих культур – бывают разные культуры. Образование существует ради человека. Все субъекты образовательной деятельности поликультурного образовательного пространства такого мегаполиса, каковым является Москва, самобытны и уже на этом основании должны находиться в мирном, вдумчивом диалоге, то же самое можно отнести к республике Крым: на по-

луострове проживают люди разных национальностей, но связывает их как сограждан русский язык.

Современная система образования, как никакая другая система, в полной мере ощутила на себе всю степень серьезности обострения глобальных социокультурных проблем и противоречий, и их разрешение потребует максимального профессионализма преподавателей русского языка, литературы, культуры речи, которые в силу специфики преподаваемых ими предметов не могут не формировать коммуникативную компетентность учащихся. Изучение русского языка и владение русским языком – это один из наиболее эффективных путей культурного воспитания человека и его приобщения к непреходящим гуманистическим ценностям [4, с. 7]. Русская литература, русская культура занимают в таком воспитании одно из ведущих мест. Знания основ межкультурного общения нужны современным школьникам и студентам, чтобы они смогли преодолеть ограниченный личный жизненный опыт выстраивания конструктивного стиля взаимодействия со сверстниками и взрослыми, если те принадлежат к иной национальной культуре.

Так, дети мигрантов, прибывших в Москву, какой бы национальности они ни были, получают образование на русском языке, значит, они должны научиться не только хорошо говорить по-русски, им предстоит научиться думать по-русски, познакомиться с традициями русской национальной культуры.

Как известно, реформы общества привели к серьезным изменениям в культурном облике столицы России. За несколько последних лет появились совершенно новые субъекты образовательной деятельности: к этническим сообществам, которые уже укоренились в Москве, прибавились дети вынужденных мигрантов, дети трудовых мигрантов и проч. Сегодня в Москве проживает 80% не москвичей. Не москвичам приходится соответствовать высокому интеллектуальному, культурному уровню коренных жителей столицы, научиться общаться, учиться, работать *не рядом* с москвичами, а *вместе*, при этом мирно решая межнациональные проблемы, которые неизбежны в поликультурном образовательном пространстве. Происходит становление совершенно нового типа культуры, формируется новое представление о социальной ответственности системы столичного образования перед

субъектами образовательных услуг, столичное образование приспособляется к новым условиям, начиная профессиональную переподготовку по межкультурной коммуникации учителей общеобразовательных школ и преподавателей вузов по таким, к примеру, программам, как "Русский язык на службе межкультурного диалога", что, безусловно, способствует решению проблем академической адаптации субъектов образования [5, с. 3-27]. Качественное обучение тонкостям межкультурного диалога может снять многие противоречия межъязыковых и межкультурных «границ». Д. Камерон подчеркивал, что иностранные языки в целом по-разному интерпретируют национальную картину мира, поэтому целью современной лингводидактики, по его мнению, должна стать унификация ЯКМ. М.Фуко, отмечая фрагментарность языковой компетенции в качестве определенного «репертуара» владения иностранным языком в целях актуализации речевой деятельности на иностранном языке, говорит об усеченной модели использования языка применительно к контексту речи и ситуации общения. М.Фуко считает, что владеть языком – это уметь пользоваться конкретной «иерархией указателей» (order of indexicality) нормы и антинормы, имплицитно представленных в межкультурных лакунах.

Очевидная системность проблем межкультурной коммуникации в контексте расширения термина *globality* корреспондирует не только «приемлемое» и «девиантное» использование национально ориентированных языковых и иных культурных норм, но и актуализирует решение дидактических задач академической адаптации.

В условиях современности феномен диалога рассматривается как средство разрешения многочисленных и неубывающих проблем, национальных, религиозных, культурно цивилизационных конфликтов. Диалог является той формой межличностного контакта, в которой возможно мирное урегулирование практически любых проблем и конфликтов. Основным результатом культурного диалога – естественное перетекание идей, их взаимовлияние, усвоение или отторжение точки зрения партнера или оппонента.

Диалог – это понимание того, как наш личностный взгляд на мир сквозь призму национальных языковых "очков" влияет на наше поведение, на стратегию построения своего речевого пове-

дения в полиэтническом коллективе. Поскольку человек включен в мир, то невозможно научить выстраивать конструктивное диалогическое общение вне системы коммуникативных отношений с этим миром.

Литература

1. Балыхина Т.М., Черкашина Т.Т. Реабилитация системного плюрализма как перспектива построения лингводидактической модели обучения китайских студентов по направлениям подготовки "Менеджмент" и "Экономика": Коллективная монография. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. – С. 195 -219.

2. Черкашина Т.Т. Критерии уровня сформированности диалогической компетентности студентов-экономистов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. Вып. 2 (104) Серия: Педагогика. – С.124 -130.

3. Черкашина Т.Т. и др. Межкультурный диалог. Учебное пособие. - М.: Издательский дом ГУУ, 2016. - 238с.

4. Черкашина Т.Т. Программа "Русский язык на службе межкультурного диалога"- М.: Издательский дом ГУУ, 2016 - 27 с.

5. Язык деловых межкультурных коммуникаций. Учебник / под ред. Т.Т.Черкашиной. Гриф МОН РФ. - М.: ИНФРА-М, 2017. -368 с.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА. МЕДИАЛИНГВИСТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ САЙТОВ «МЕТРОПОЛЬ» И «МАКГАФФИН»

О.Л. Арискина, Е.А. Измалкин
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский университет им. Н.П. Огарёва»
(Саранск)

Молодежные сайты – наиболее быстро развивающееся звено Интернет-СМИ. Е. С. Велим [1], М. Ю. Гетманская [2] и др. подчеркивают специфику молодежных сайтов в Рунете. Однако совершенно неизученными представляются молодежные сайты интеллектуальной направленности, относящие себя к «элитарной» медиажурналистике, такие как «Метрополь» и «Макгаффин».

По заверениям редакторских групп и многочисленным аннотациям, размещенным в социальных сетях («на публичных страницах» данных журналов), «Метрополь» и «Макгаффин» – современные постмодернистские журналы, объектом изучения которых является российская культура рубежа XX–XXI вв., прежде всего кинематограф. Журналисты, а также культурные обозреватели, которые сотрудничают с данными молодежными изданиями, в большинстве своем профессиональные филологи и представляют, соответственно, научный взгляд на российскую культуру. В поле их интересов входят литература, кино, театр, массмедийная индустрия в целом.

Эти сайты отличает жанровое разнообразие, что обусловлено как спецификой данных изданий, высокой степенью научности публикуемых материалов, так и стремлением авторов максимально разнообразить поток научной информации, чтобы читателю было не столь утомительно разбираться в вопросах современной культуры. Среди встретившихся нам жанров необходимо отметить:

1. *Жанр интервью.* Например, интервью И. Герман с А. Павловым «О хорошем плохом вкусе» («Самое интересное, что есть в массовой культуре, – это ее низы»). Философ и культу-

ролог А. Павлов рассуждает о том, что плохой вкус – это не всегда плохо и в принципе присущ каждому человеку в тех или иных областях, независимо от его культурного уровня и мировоззренческих позиций.

2. *Жанр научной статьи.* Например, «"Бивер Лас Вегас!" (слово фаната в защиту «Шоугелз»)» И. К. Хантер. Статьи подобного характера появляются на страницах журналов и их онлайн-версиях достаточно часто. Читатель определенного уровня восприятия научной информации получает возможность познакомиться с результатами исследования того или иного культурного явления. Ученый обращается к истории создания картины, замыслам режиссера и продюсеров, пытается разобраться в причинах «провала» фильма и последующего затем его оглушительного успеха.

3. *Жанр обзора.* Например, «Антиутопии без инфантилизма» А. Павлова, где кинокритик дает оценку зарубежным кинофильмам-антиутопиям, не получившим широкой известности у мирового зрителя, но являющимся вполне достойным продуктом киноиндустрии. По своей стилистике обзор значительно отличается от других жанров, представленных в «Метрополе» и «Макгаффине», поскольку основная коммуникативная задача автора – добиться расположения у читателя, этим обусловлена подчеркнутая ориентация на разговорность, сокращающую дистанцию между автором и читателем. Благодаря этому создается ощущение беседы давно знакомых друзей.

4. *Жанр отзыва (рецензии).* Общая характеристика работы без подробного анализа. Например, отзыв на фильм «Мальши из мусорного бочка» (1987).

Таким образом, можно отметить достаточно большое жанровое разнообразие материалов на сайтах «Метрополь» и «Макгаффин».

Языковые особенности текстов, размещенных на сайтах «Метрополь» и «Макгаффин», сводятся главным образом к стилиевой дифференциации. Проанализируем с этой точки зрения текст интервью И. Герман с А. Павловым. Здесь можно встретить примеры высказываний, насыщенных различного рода терминологией, для которых в целом свойственна логичность и доказательность речи, сближающих их с научным стилем. Экспрессивные средства единичны («В 1990-е, когда качественный сериал

был всего один, «Твин Пикс», а все остальное было чудесным латиноамериканским шоу, говорить на голубом глазу, что ты любишь «Дикий ангел», и что при этом у тебя хороший вкус, наверное, было невозможно»). Как правило, с целью репрезентации собственной позиции относительно объекта речи автор обращается к средствам языкового выражения субъективной оценки (вводным словам и конструкциям), а также элементам экспрессивного синтаксиса: восклицательным и вопросительным предложениям, риторическим вопросам («Однако вы отдаете себе отчет в том, что ваши друзья, которые росли в иной культурной среде обитания, скорее всего осудят вас за искреннюю любовь к Кругу. Что вы делаете? Вы начинаете иронизировать: ваша любовь к Кругу якобы несерьезная, вы просто хотите посмеяться над ним»), некоторым тропам (например, антитезе, актуализированной посредством «столкновения» в «узком контексте» узуальных и контекстуальных антонимов («Однако ведь есть и сериалы, которые могут быть маркером плохого вкуса – «Дальнобойщики», «Улицы разбитых фонарей»). Конечно, в том случае, если вы смотрите их неререфлексивно и без иронии. То есть массовая культура есть престижная и непрестижная»; «Все люди, которые идут на Ларса фон Триера, интеллектуалы – или псевдоинтеллектуалы»; «Триер – не массовый режиссер и никогда им не будет. Триер – это популярное элитарное явление»), эмотивам и фразеологизированным выражениям («Беда в том, что вы, конечно, как бы возвышаете Михаила Круга за счет иронии, но одновременно не можете объявить, что он действительно лучше, чем тот шансон, который существует вокруг него»).

Чаще экспрессивные средства языка встречаются в научной статье И. Хантер «"Бивер Лас Вегас!" (слово фаната в защиту «Шоугелз»)». Уже с первых строк научной статьи мы можем отметить наличие таких изобразительно-выразительных средств языка, как:

– каскады вопросительных конструкций («Почему же мне нравится этот фильм? Как я могу так заблуждаться на его счет? Через пять лет после того, как «Шоугелз» сошел с экрана, попытка выступить в его защиту может показаться или извращением, или банальным чудачеством»; «Фильм намеренно уничтожает психологическую глубину, полагаясь на стереотипы и неодно-

значность мотивации. Кто кого эксплуатирует, когда Номи занимается сексом с Заком?»);

– антитезы («Движение Номи от проститутки до стриптизерши и затем танцовщицы – это не способ справиться с личной травмой и не средство самовыражения, а попытка достичь независимости через превращение себя в товар»);

– оксюморон («В эпоху культурного релятивизма и разрушения критериев эстетического суждения фильм «Шоугелз» стал долгожданным золотым стандартом дурного вкуса и некомпетентности мирового уровня»; «Это по крайней мере даст возможность скептически настроенным читателям понять, как можно обожать самый плохой фильм за всю историю Голливуда»);

– а также эмотивная лексика в целом: «С самого начала враждебность критики фильма ошеломляла»; «По словам Лесли Холлиуэлл, только один из 14 ведущих британских критиков и два из 34 критиков Чикаго, Нью-Йорка и Лос-Анджелеса отважились положительно высказаться о фильме; Остальные заходились в истерике и отвращении».

Подчеркнем, что стиль текста выше рассмотренного интервью и текста научной статьи – подчеркнуто книжный с преимущественным использованием терминологической и профессиональной лексики (*кинокритика, видеорелиз, субъективная дискурсивная практика, трансгессивно, прогрессивный пафос, вульгарный «антиромантический» реализм, экзистенциальная этика фильма* и т. д.), органично «соседствующей» со стандартными оборотами, характерными для публицистического стиля: «Высмеивая бесстыдную прямоту фильма, напыщенность диалогов и отсутствие актерского мастерства у молодой звезды Элизабет Беркли, критики в основном клеймили лицемерие, с которым Верховен эксплуатирует аморализм и вуайеризм, разоблачить которые как раз и должна была его картина»; «Неудивительно, что, хотя «Шоугелз» и был самым разрекламированным фильмом года, в коммерческом плане он провалился»). Автор статьи часто обращается к языковым элементам молодежного сленга («"Шоугелз" – кэмповый мюзикл»).

Таким образом, стилистическое своеобразие рассмотренных выше интервью и научной статьи обусловлено синтезом научного и публицистического стилей с такими характерными для них

коммуникативными качествами речи, как точность и логичность, с одной стороны, экспрессивность и стандартность, с другой. В результате создается подчеркнуто книжная публицистика, ориентированная на достаточно высокий уровень культуры читателя, наличие языкового вкуса и развитой эрудиции. Особенность «Метрополя» и «Макгаффина» на языковом уровне заключается в сочетании принципиально несочетаемого, в синтезе в рамках одного издания совершенно полярных стилевых тенденций. Так, с подчеркнуто книжным стилем здесь «соседствует» нарочитая «разговорность» с вытекающим из нее выбором лексических средств (относящихся прежде всего к молодежному сленгу) и своеобразием построения фразы. На разговорный стиль ориентированы прежде всего жанры обзора, отзыва и некоторые интервью. Например, в «Интервью об успехе» (с А. Кораблевым и А. Павловым) читаем:

«ДТ: Не боитесь, что для ВК паблик слишком интеллектуальный?

АП: Да плевать! Мы просто делаем то, что делаем. И если нас не будут читать и лайкать, мы не будем унижаться до популизма.

АК: Да, все эти тупые картинки с пожеланием «доброй ночи и приятных снов», которые есть в пабликах, не про нас. Мы ориентируемся на серьезные вещи».

Здесь можно отметить те же экспрессивные средства, которые встретились в материалах другой стилиевой ориентации: антитеза (*тупые картинки – серьезные вещи*), элементы экспрессивного синтаксиса и т. п., присутствующие даже в таком небольшом фрагменте текста, однако все они носят подчеркнуто разговорный характер и эмоционально окрашены такими коннотациями, которые раскрывают пренебрежительное и фамильярное отношение говорящего к предмету речи: эмотивы *тупой, плевать*, жаргонизмы *лайкать, ВК, паблик* и др.. Все это, как и многочисленные вводные слова и конструкции, безусловно, сокращает дистанцию между говорящим и читающим, создавая имитацию разговора «по душам», но при этом формирует совершенно иную стилиевую стихию, противоположную отмеченной выше. Особенно четко это прослеживается в следующем примере, где вставная конструкция содержит прямое обращение к читателям, окрашенное авторской иронией: «В далекие-далекие времена, то есть в первой половине 2000-х, когда имя Майка Джаджа многое

говорило молодому поколению (вы, например, скажете, кто такой Майк Джадж, не заглядывая в ГУГЛ?), картина могла стать культовой очень легко».

В обзоре антиутопий («Антиутопии без инфантилизма») обращают на себя внимание следующие высказывания А. Павлова: «Если ты *шибко* умный, на тебя наденут особый шлем, чтобы сравнялся с остальными *идиотами*»; «Короче, очень *халатно* они относились к самому качественному земному ресурсу – людям»; «Не знаю, смотрели ли вы и любите ли это кино, но оно невероятно *крутое*» и др. Если встречаются подчеркнуто книжные элементы, то в таком стилевом окружении они выполняют лишь комическую или пародийную функции.

Таким образом, анализ текстового наполнения сайтов «Метрополь» и «Макгаффин» позволил выявить черты, определяющие их жанровое и языковое своеобразие.

Литература

1. Велим Е. С. Языковые особенности в структуре современного молодежного масс-медийного дискурса : автореф. дис... канд. филол. н. – Тверь, 2015. – 24 с.
2. Гетманская М. Ю. Семантико-стилистические особенности телескопизмов в современном русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00023.pdf
3. Сайт «Макгаффин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mcguffin.ru/young/>
4. Сайт «Метрополь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mtrpl.ru>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОЛИ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Бенивал Суман

Университет им. Джавахарлала Неру

(Дели, Индия)

Язык постоянно обновляется и при этом лексика представляет собой самый подвижный пласт языка. Каждый день в языке появляются заимствованные слова и выражения, выполняющие

не только номинативную, но и эвфемистическую функцию. В статье обсуждается вопрос политических заимствований в роли эвфемизмов. Политические заимствования в роли эвфемизмов обладают манипулятивностью и служат основным способом воздействия на адресата. В данной статье содержится лингвистический анализ политических заимствований, объясняющий их эвфемистическую функцию.

Эвфемизмы – это смягчённые слова и выражения, к которым говорящий прибегает, когда он не хочет обидеть кого-либо. Будучи многосторонним культурно-языковым явлением, эвфемия изучается не только в чистой филологии, но и в культурно-когнитивном и социолингвистическом аспектах. Изучение эвфемии в рамках языкознания началось в конце XIX века. На протяжении XX столетия тема эвфемизмов широко разрабатывалась в Европе и Америке. В русистике тему эвфемии начали рассматривать в последнее десятилетие XX века. За последнее десятилетие XX века Л. П. Крысин [3]; В. П. Москвин [4]; М. Ковшова [2]; Е.П. Сеничкина [6] описали теоретические основы явления эвфемии в русском языке.

Лингвистическая природа эвфемизмов

Эвфемизм представляет собой универсальное явление. Явление эвфемии существует на протяжении всей истории человечества и свойственно человеческому языку в целом. Древний мир был прекрасно знаком с этим лингвистическим и культурным явлением. Эвфемизмы появились в общении в древние времена из-за страха произношения настоящих имен ужасных вещей. Например, в средние века португальцы переименовали «Мыс Бурь» в «Мыс Доброй Надежды». Как отмечает Джаспер Гриффин в своей статье “Euphemisms in Greece and Rome” («Эвфемизмы в Греции и Риме»), римляне не хотели использовать слово “execution” («смертная казнь»). Чтобы скрыть реальность убийства, когда предатели были казнены в Риме, было объявлено, что “They have lived” («Они жили») – эвфемистический способ, чтобы избежать значения убийства. Универсальный характер явления эвфемии отражается в том, что с помощью употребления эвфемизмов табуированная тема прикрывается словами. Замена неприличных слов эвфемизмами представляет собой единственный

выход из дискомфортной ситуации, так как прямо называть такие табуированные понятия звучит грубо.

Эвфемизмы представляют собой эмоционально-нейтральные субституты нежелательных слов в речи. Использование эвфемизмов в речи способствует успешной коммуникации, однако в последнее время тенденция использования эвфемизмов как средство манипулирования становится все более интенсивной. Кроме своей основной функции смягчения, эвфемизмы, выполняющие функцию искажения смысла передаваемой информации, нередко находят своё отражение в современных СМИ. Манипулятивная функция эвфемизмов особенно свойственна политическому дискурсу, поэтому в данной статье рассматриваются политические заимствования в роли эвфемизмов в российских СМИ. Однако эти заимствования давно вошли в русский язык, множество из них еще в начале XX века.

Многие лингвисты признают функцию маскировки действительности основной функцией эвфемии. Камуфлирующие слова и обороты весьма распространены и очень часто употребляются, по Крысину, в тех случаях, «когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение» [3, с.29]. О манипулятивной функции эвфемизмов пишет В. П. Москвин: «Цель употребления этих эвфемизмов в речи – искажение информации» [4, с.62]. Москвин считает политические эвфемизмы разновидностью маскирующих эвфемизмов. При этом способ заимствования лексем является наиболее распространённым видом эвфемизации. В русском языке в роли эвфемизмов применяются многие заимствованные слова, и в политическом дискурсе они зачастую выполняют манипулятивную функцию.

Политические заимствования в роли эвфемизмов

Лексемы иноязычного происхождения часто заменяют нежелательное слово, так как их значение не вызывает отрицательных коннотаций вследствие отсутствия внутренней формы. В статье рассматриваются примеры политических заимствований в роли эвфемизмов.

Иноязычный глагол *ликвидировать* используется эвфемистически в масс-медиа, чтобы обозначать массовое физическое

уничтожение людей. В России слово «ликвидация» раньше обозначало закрытие или прекращение деятельности фирмы и коммерческих предприятий, но позже, в советские времена, это существительное приобрело новое значение и начало употребляться в значении массовых убийств людей, обвиняемых в препятствии режиму.

Слово *нейтрализация* употребляется в масс-медиа эвфемистически вместо исконно русских слов «уничтожение» или «убийство». Многие другие эвфемистические существительные и выражения используются для замены слова «убийство», такие как «депопуляция», «ликвидация», «подавление», «произвольное лишение жизни».

Во время нацистского режима в Германии многие евреи были убиты, и чтобы не употреблять слово «убийство», использовались такие эвфемистические термины, как «return unwanted» (возвращение нежелательно), «special treatment» (специальное обращение), «final solution» (окончательное решение). В данных эвфемистических выражениях были использованы ярко положительные слова, как «solution», «special» и т. д. Главная цель использования таких эвфемистических выражений была в том, чтобы избегать употребления слова «убийство». Очевидно, что в немецком языке не существует слово *геноцид*; вместо него используются *этническая чистка* или *очищение*. Язык быстро изменился во время нацистского режима. Здесь можно утверждать, что использование этих эвфемистических терминов приводит к исчезновению понятия 'убийства', следовательно, к выполнению манипулятивной функции в СМИ.

Эвфемистическое выражение *гуманитарная интервенция* обладает высоким манипулятивным потенциалом из-за присутствия прилагательного «гуманитарный», поэтому в некоторых случаях даже манипулятивная функция этого эвфемистического выражения развенчивается и разоблачаются истинные цели его использования. Например: *Сегодня, столетие спустя, администрация Обамы, продолжая линию имперской агрессии Буша-младшего, грозит начать Третью мировую войну. Бесстыдно эксплуатируя страшную трагедию 11 сентября 2001 года, администрация Буша-младшего разоряет углеводородную империю Центральной Азии и Персидского залива под фиктивными пред-*

логами: война против международного терроризма, ликвидация оружия массового поражения, защита демократии и так называемая "гуманитарная интервенция". (правда.ру, 27 февраля 2015г.)

Интервенция – эвфемизм «интервенция» происходит от латинского слова – *interventio* и используется вместо исконно русского выражения «военное вторжение». Иноязычное происхождение слова «интервенция» затемняет связь между денотатом и сигнификатом, вследствие чего отрицательные коннотации исконно русского слова «вторжение» или «вмешательство» воспринимаются слабо.

В словосочетании «гуманитарная интервенция», прилагательное «гуманитарный» делает данное выражение высоко позитивным, так как слово «гуманитарный» обладает ярко положительной коннотацией и таким образом выполняет свою эвфемистическую функцию.

Эвфемизмы для войны – во время войны в СМИ применяется гораздо больше эвфемизмов, чтобы народы легче мирились с грубой действительностью войн. Образование эвфемистических терминов, не вызывающих образов жестоких действий войн, интенсивно развивалось в последнее время. Для замены слова «война» употребляются многие иноязычные эвфемизмы. Например: *конфликт, операция, конфронтация, интервенция* и. т. д.

Слово «конфронтация» в некоторых контекстах выполняет эвфемистическую функцию. В СМИ «конфронтация» употребляется иногда в значении войны и уменьшает жестокость более прямого слова «войны»: *Если история в данном случае чему-то учит, так это тому, что любая попытка силой изменить мировой баланс неизбежно ведет к **конфронтации**, и тому, что **конфронтация** ни для кого добром не кончается.* (ббс.ру, 27 марта 2014г.)

Многозначное слово «операция» относится к латинскому слову *operatio* и обозначает «действие». Данное слово имеет нейтральный, а в некоторых случаях, положительный оттенок. Слово «операция» используется в сферах медицины и политики. В сфере медицины данное слово имеет положительный оттенок, а в сфере политики оно используется эвфемистически вместо прямого знака «война»: *Президент США Барак Обама в еженедельном телеобращении в субботу заверил американцев, что готовящаяся военная **операция** против Сирии отвечает националь-*

ным интересам США и не станет «новым Ираком или Афганистаном», сообщает РИА Новости. (Московские новости, 07 сентября 2013г.)

Иноязычный термин *пацификация* происходит от латинского «*pacificatio*» и используется в значении умиротворения. Слово *пацификация* часто используется в дипломатии и политике вместо исконно-русского слова «подавление». Данный эвфемизм, имеющий оттенок книжности, скрывает истину подавления народного восстания. Например: *Уважаемая Светлана, Позвольте Вас спросить: когда Галиция отошла к Польше в 1920 г. и началась т.н. "пацификация", т.е. подавление украинского самосознания, какова была реакция местных украинцев? Они бросились изучать польский?* (ббс.ру, 5 июня 2008г.)

Эвфемизм *коллаборационизм* вошёл в русский язык в советское время от французского *collaboration* – сотрудничество, совместные действия. Данный эвфемизм-советизм используется вместо исконно русского слова «предательство» на страницах газет. Приведем пример: *Кандидат в президенты России Михаил Прохоров подверг резкой критике "думскую оппозицию" за коллаборационизм с Кремлем.* (ббс.ру, 16 января 2012)

Заключение

После анализа всех этих политических заимствований в роли эвфемизмов можно заключить, что эвфемизмы в политическом дискурсе часто используются, чтобы скрыть правду о совершаемых преступлениях, особенно военных, и таким образом, скрывая правду, они эффективно выполняют манипулятивную функцию. В медиадискурсе в политической сфере наблюдается тенденция выполнения эвфемизмами по большей части маскировочной функции. Особую значимость приобретает явление эвфемии в политическом дискурсе, благодаря его способности альтернативного представления действительности и воздействия на массового адресата.

В ходе анализа употребления эвфемизмов в политическом дискурсе обнаруживается, что некоторые слова очень активно употреблялись в советские времена в роли эвфемизма. Например, эвфемизмы *ликвидация* и *коллаборационизм*. Некоторые эвфемизмы совсем недавно вошли в русский язык после объявления гласности. Примером может быть англицизм «импичмент». Тема

войны и убийства является самой эвфемизирующей темой в СМИ, так как за эвфемизмами скрывается кровопролитие и грубая реальность войны.

Литература

1. Вильданова Г. А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект. Москва-Берлин: «Директ-медиа», 2015.
2. Ковшова М. Семантика и прагматика эвфемизмов. Москва: Гнозис, 2007.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. // Русистика. №12. 1994. Берлин. – С. 28-49.
4. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. // Вопросы языкознания № 03. РАН. «Наука». Москва, 2001.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988.
6. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка : Спецкурс : Учебное пособие. 2-е издание. Москва: Флинта, 2012.
7. Enright D. J. (ed.). Fair of speech: the uses of euphemism. Oxford University Press. Oxford. New York, 1986
8. Matusitz J. A. Terrorism and communication; a critical introduction. Thousand oaks, calif, 2013.
9. Rawson H. A Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk. Crown Publishers, Inc. New York, 1981.

ВИКИСЛОВАРЬ КАК НОВЫЙ ТИП ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Ван Яньбин

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
(Ростов-на-Дону)

Общеизвестен тот факт, что лексикографические источники не успевают отражать результаты активно идущего в русском языке начиная с конца XX века процесса неологизации. Говоря о неологизации, надо иметь в виду два пути пополнения словаря русского языка: заимствование и деривация, в т.ч. на базе заимствованной лексики.

Рассмотрим оба эти пути на примере терминов интернет-коммуникации – *блог*, *блогер* и их дериватов.

Лексемы *блог*, *блогер* относятся к *актуальной лексике*, к так называемым *актуальным неологизмам*, «которые обозначают заимствованные из чужой действительности и ставшие актуальными в нашей действительности реалии, понятия» [1, с. 426].

Проведем анализ этой лексики сначала в традиционных лексикографических источниках, затем в Викисловаре.

Придерживаясь логики, начнем наше исследование с лексикографических описаний лексемы *блог*.

Следуя хронологии, сначала обратимся к «Толковому словарю русского языка начала XXI века» (далее – АЛ), в котором находим: **Блог**, а, м. [англ. blog < web-log] *Информ.* Weblog.

– Web-log означает «сетевой журнал», то есть вахтенный, бортовой журнал (log-book), в котором мореплаватели и летчики фиксировали все произошедшее за время путешествия, в том числе и пройденное расстояние, вычисляемое при помощи лага (log) [3, с.140].

Обратимся теперь к «Самому новейшему толковому словарю русского языка XXI в.» (далее – Словарь Шагаловой). Лексема *блог* представлена здесь, во-первых, как самостоятельная, ср.: **БЛОГ**, а, м. Страница в Интернете, оформленная в виде журнала, дневника, основное содержание которого – постоянно добавляемые записи, изображения и мультимедиа; сетевой журнал. Англ. blog < web log < web + log ‘журнал’.

Во-вторых, *блог*, как и ряд терминов интернет-коммуникации (например, *интернет*), активно участвует в создании составных наименований, о чем свидетельствует следующая словарная статья: **БЛОГ**-... Первая составная часть сложных слов. Обозначает отнесенность чего-либо к блогу. Блог-безумство, блог-волна, блог-запись...[4].

В Словаре Шагаловой также находим слово *блоггер* со значением «пользователь компьютера, ведущий блог» [там же]. Следующим лексикографическим источником будет Викисловарь («англ. Wiktionary) — «свободно пополняемый многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус, основанный на вики-движке» [5].

Приведем еще одну словарную статью с заголовочным словом **Викисловарь**

1. *неол.* международный онлайн-лексикографический проект Wiktionary ◆ Проекты Викимедиа включают в себя: Википедию, Викитеку, **Викисловарь** и Викицитатник.

2. *неол.* русский раздел международного онлайн-лексикографического проекта Wiktionary ◆ **Викисловарь** стремится быть намного более обширным, чем обычный словарь, и ему это удаётся. «*Wikipedia: как знать больше учителя?*», 2008 г. [6].

Таким образом, сам термин *Викисловарь* тоже является неологизмом, как и перечисленные в статье термины с первой частью *Вики-*. Отметим комментарий об обширности словника Викисловаря в сравнении с обычными словарями.

Считаем, что интересным будет узнать мнение российских лингвистов о лексикографических проектах нового типа: «В Интернете не раз звучали сомнения о том, соответствует ли «Википедия» современным стандартам справочно-информационных изданий (несмотря на занятость в проекте профессиональных редакторов, оплачиваемых из средств специального благотворительного фонда). Существенна, однако, следующая особенность «Википедии»: это ресурс интерактивный и открытый, т.е. не законченный, доступный всем желающим для исправлений и дополнений. Этот ресурс полезен как полуфабрикат, информационное сырьё, которое, конечно же, нуждается в проверке»[2, с.455].

Полагаем, что приведенная цитата дает полное представление о том, как надо относиться к Википедии и к Викисловарю.

Согласно лексикографической концепции в структуру словарной статьи в Викисловаре входят сведения о морфологических и синтаксических свойствах слова, о произношении, о семантических свойствах (значение, синонимы, антонимы, гиперонимы, гипонимы), приводятся родственные слова, дается этимология.

Посмотрим, какую информацию содержит словарная статья с заглавным словом **Блог**: 1. Морфологические и синтаксические свойства: образец склонения; указание на неодушевленность, на род и на тип склонения (по классификации А.А.Зализняка). Правда, перечисленные сведения относятся к морфологии, а не к синтаксису.

Далее сообщается, что корнем слова является **-блог-**.

Приводятся сведения о произношении: ед. ч. [bʎok] мн. ч. [ˈbʎogʲɪ].

Рассмотрим подробнее зону, которая названа «**Семантические свойства**». В нее входят сведения как о семантике, так и о парадигматических связях слова в современном русском языке, ср.:

значение

1. неол., комп. периодически обновляемая лента сообщений на разные темы, каждое из которых может быть прокомментировано читателями; коллективная доска обсуждений ◆ Не указан пример употребления (см. рекомендации).

2. неол., комп. сетевой дневник; часто обновляемый персональный сайт, в котором публикуются комментарии автора на различные темы ◆ — Совершенно верно, блогеры используют **блог** как дневник.

Обратим внимание на две пометы – *неол.* и *комп.* – сведения о новизне слова и о сфере употребления, и на то, что лексема здесь выступает уже как многозначная, правда, отсутствуют иллюстративные примеры употребления слова в первом значении, что лишний раз подтверждает открытость словаря, доступность для пополнения информацией. Второе значение проиллюстрировано примерами употребления слова в разных контекстах.

Словарная статья содержит также синонимы для первого и второго значения слова, ср.:

1. доска обсуждений, лента сообщений
2. интернет-дневник; веблог (*устар.*).

Очень большой интерес представляет зона «Родственные слова» :

Ближайшее родство

[показать]

- уменьш.-ласк. формы: бложик, микробложик, бложичек
- увелич. формы: бложище
- пр. существительные: блогер, блогерша, блогерство, блогинг; аудиоблог, блогосфера, видеоблог, микроблог, мультиблог, фотоблог
- прилагательные: блоговый, блогерский; блогосферный
- глаголы: блогерить.

Приведенная информация позволяет говорить о словообразовательной адаптации заимствования *блог*, давшего целый ряд производных.

Посмотрим, все ли дериваты от *блог* выступают в качестве заголовочных слов. Анализ показал, что словарные статьи посвящены лексемам *бложик* (деминутив к *блог*), *видеоблог*, *микроблог*. Правда, зона этимологии слова *видеоблог* в словаре не заполнена, но указание на происхождение слова *микроблог* как на словосложение позволяет говорить об аналогии.

Словарные статьи для слов *микробложик*, *бложичек*, *бложище* и прилагательное *блоговый* отсутствуют.

Нет отдельных словарных статей и для сложных слов *аудиоблог*, *мультиблог*, *фотоблог*.

Добавим, что в списке родственных слов отсутствует глагол *блогить*, активно функционирующий в языке интернета, а также название известного сайта – «Блогун».

Обратимся к анализу заимствования *блогер*, которое также активно «обрастает» производными.

Прежде заметим, что это заимствование еще не имеет устоявшегося написания, ср.: *блогер* и *блоггер*.

В АЛ слово приводится как моносемант, ср.: **Блоггер**, а, м. [англ. *blogger*]. Создатель блога [3, с.140].

Здесь же находим и производное *блоггерство* со значением «деятельность блоггера, блоггеров; создание блогов» [3, с.141].

В Словаре Шагаловой также находим слово *блоггер* со значением «пользователь компьютера, ведущий блог» [4]. Производное *блоггерство* в словаре отсутствует, т.к. в словарь включена только заимствованная лексика.

Викисловарь предлагает следующее толкование лексемы **Блог**: *неол.* автор блога (сетевого журнала). Синонимом к слову *блоггер* выступает *интернет-журналист*.

От актуального неологизма *блоггер* (*блогер*) образован целый ряд дериватов: существительное с агентивным значением – коррелят женского рода *блогерша* (что отражено в толковании слова), существительное с отвлеченным значением – *блоггерство*, прилагательное – *блоггерский*, отыменный глагол – *блоггерить*.

В соответствии со сложившейся схемой анализа проверим, какие из этих дериватов выступают в качестве заголовочных

слов. Таким словом является только *блогерша*, ср.: *разг. женск.* к блогер ◆ Не указан пример употребления (см. рекомендации).

Большая часть зон в словарной статье пока не заполнена, есть такая помета: Статья нуждается в доработке.

Таким образом, на основании анализа двух актуальных лексем и производных от них слов можно сделать вывод о том, что Викисловарь опережает новейшие толковые словари и это позволяет использовать его как лексикографический источник при изучении активных процессов в русском языке, в том числе и в преподавании курса русского языка как иностранного на продвинутом этапе.

В то же время материал словаря дает только общую картину, отдельные детали которой нуждаются в более глубоком лингвистическом, лингвостилистическом и лингвопрагматическом анализе.

Литература

1. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 495 с.

2. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 584.

3. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н.Скляревской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

4. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI в. – М.: АСТ: Астрель, 2011 [<http://coollib.com/b/332144>].

5. Википедия <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C>

6. Викисловарь [<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C>].

СПОРТИВНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕКСТЫ В ДИСКУРСЕ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ¹

М.Б. Ворошилова

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
(Екатеринбург)

Летом 2018 года состоится финальная часть XXI чемпионата мира по футболу ФИФА, и впервые она пройдет на территории России. Проведение чемпионата запланировано на 12 стадионах в 11 городах России, и одним из городов-участников станет Екатеринбург. А именно фанаты играют очень важную роль при подготовке к Чемпионату. Как отметил министр спорта РФ Виталий Мутко на расширенном заседании Совета спортивных болельщиков при Минспорте, проведенном в преддверии матча национальной команды с Австрией, «именно болельщики создают неповторимую атмосферу чемпионата мира <...> Необходимо понимать, что на любое событие в российском футболе весь мир смотрит в контексте подготовки к чемпионату мира-2018. Поэтому во многом от наших с вами поступков зависит отношение к турниру в мире, имидж страны».

Изначально спорт возник как сублимация войны и далее развивался как форма замены агрессивных, экстремистских интенций человечества. Футбол – спорт № 1 во всем мире, и именно на футбольных полях разыгрываются нешуточные баталии, но фактически баталии нередко выходят за рамки футбольного поля и переносятся на трибуны. К сожалению, именно российские фанаты известны во всем мире своим агрессивным поведением, нередко граничащим с национализмом, экстремизмом. В мировых рейтингах мы стабильно входим в десятку самых агрессивных футбольных фанатов, что еще раз подтвердилось во Франции летом 2016 года.

В последнее время в научном дискурсе все чаще поднимается проблема криминализации субкультур футбольных фанатов (Мейтин А.А., Кубякин Е.О., Якуба А.В.).

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102)

Исследователи отмечают, что субкультуре футбольных фанатов свойственно:

1) постоянная демонстрация пренебрежения к нормам общепринятого поведения (сквернословие, употребление алкоголя, вызывающее поведение и др.);

2) систематическое проявление агрессии и грубости;

3) готовность к совершению противоправных действий;

4) расистская и националистическая идеология;

5) культивирование вражды между фанатскими группировками, поддерживающими разные клубы [6].

В правовом, юридическом, дискурсе введено понятие спортивного экстремизма, под которым понимаются «экстремистские действия спортивных фанатов, акции вандализма на стадионах, избиение спортсменов и болельщиков, массовые драки между фанатами конкурирующих спортивных клубов» [4, с. 335].

Но мы вынуждены констатировать, что, хотя тема футбольных фанатов обсуждается часто, решительные меры пока не принимаются. Важно также помнить, что в фанатскую среду идет постоянный приток молодежи, и многое зависит от того, кто задает в ней стандарты поведения, определяет ценности. Именно сейчас пришло время обратить особое внимание на фанатский дискурс, на настроение и настрой его членов, на тексты, бытующие в нем.

В ходе футбольного матча нередко демонстрируются баннеры, плакаты с оскорбительными, нередко экстремистскими лозунгами, с фанатских трибун звучат речевки (кричалки) с не менее агрессивным потенциалом. Как отмечают специалисты, «в ходе спортивно-массовых мероприятий экстремистские проявления в действиях болельщиков могут найти внешнее выражение в оскорбительных выкриках (например, групповом скандировании расистских речевок), жестах, групповых повторяющихся телодвижениях, использовании плакатов (баннеров) с надписями и символами экстремистского характера, надписях и символах на лице и оголенных частях тела активных болельщиков. Спортивные мероприятия, как правило, широко освещаются средствами массовой информации, что значительно расширяет аудиторию лиц, испытывающих негативное воздействие проявлений экстремистской направленности» [10, с. 224].

Важно отметить, что первой жертвой негативного воздействия проявления экстремисткой направленности футбольных фанатов становится молодежь. Уже при первом знакомстве с субкультурой молодой человек «увлекается «внешним», символическим, романтизированным срезом криминальной культуры, усваивает и осваивает лингвистический аппарат, символическую составляющую, элементы художественной культуры» [6, с. 185]. Поэтому мы считаем необходимым особое внимание обратить на тексты, бытующие в фанатском дискурсе.

В рамках настоящей статьи в центре нашего внимания будут специфические для данного дискурса тексты, выполняющие важную аксиологическую функцию: фанатские кричалки. Мы представим основные принципы и подходы к междисциплинарному изучению данных текстов.

В современном научном российском дискурсе данный феномен описывается зачастую как фольклорный жанр (Строганов М.В., Боровик Р.А., Фатеев Д.Н.) в аспекте его связей с традиционными обрядовыми архетипами, как элемент ритуала, обеспечивающего магическую поддержку состязания.

Однако в современной ситуации мы считаем актуальным подход к жанру футбольной кричалки как рупору субкультурной группы [1], одна из основных функций данного жанра – выражение позиции группы по вопросам, нередко выходящим далеко за рамки собственно спортивной реальности. Мы полностью согласны с мнением Г.В. Жаркова, что фанатский фольклор в настоящее время активно использует политизированную риторику, несмотря на то что данная субкультура формально находится вне политики [3, с. 174].

Решить поставленную задачу можно только выполнив комплексное исследование, привлекая методы культурологии, антропологии, социологии, политологии, психологии и филологии. Только такой подход позволит представить наиболее полную и емкую модель футбольного фанатского дискурса, и именно дискурсивность должна стать одним из ключевых исследовательских принципов. Необходимо выявить механизмы взаимодействия словесных форм, бытующих в среде замкнутой субкультуры, с широкими дискурсивными процессами (культурная программа, степень напряженности, политизация и др.), что позволяет уви-

деть процесс выстраивания системы как внутридискурсивных связей, но и взаимосвязь данного дискурса с государством, культурой.

Комплексный подход должен быть применен и к текстовому массиву, что обусловлено поликодовой, синкретичной формой жанра фанатской кричалки, исследование которой не должно ограничиваться только всесторонним анализом вербального уровня. Ведь кричалка – это не только ритмизированный текст, это «ритуал», в котором важную смысловую функцию выполняют звуковое, визуальное и жестовое сопровождение, важна и сама ситуация исполнения кричалки, нередко это экстремальная ситуация.

Важную роль в анализируемом дискурсе имеют и специальные символы футбольных фанатов: так, атрибутика футбольного клуба «Урал» не раз попадала в поле зрения правоохранительных органов в связи с открытой демонстрацией нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций. «Оранжевые шмели» в своей атрибутике используют как изображение кельтского креста, известного символа экстремистских организаций прошлого века, так и образы флагов кораблей и судов ВМС Германии 1938-1945 годов.

Важным этапом исследования должно стать моделирование жанра фанатской кричалки. За основу считаем возможным взять модель анализа жанра, описанную в работе Гулиева Н.А., Руженцевой Н.Б. «Газетно-журнальные жанровые разновидности как форма связей с общественностью: политический и рекламный дискурс». Предложенная авторами модель, с одной стороны, опирается на крупнейшие, классические исследования теории жанра, с другой стороны, акцентирует «те структурные компоненты, которые имеют максимальный коммуникативно-прагматический потенциал» [3], что, бесспорно, актуально для агонального жанра.

Базу жанрового анализа составляют два основных направления: 1) содержательно-формальная организация текста (предметно-смысловое содержание; структура (композиция); стилевое оформление); 2) коммуникативно-прагматическая организация текста (с позиции порождения речи и позиции восприятия речи).

При проведении жанрового анализа важным этапом станет определение функций, от которых будет зависеть и содержание и

подача / исполнение фанатской кричалки. Основными функциями текстов данного жанра являются объединяющая и деморализующая. В зависимости от выполняемой функции исследователи выделяют два типа кричалок: заряды, призванные поднять дух «своих» игроков, и собственно кричалки / речевки, главная цель которых – деморализовать «чужих».

Итак, жанр фанатской кричалки еще только ждет своего описания, будучи жанром специфическим (а именно синтетическим, креолизованным) он требует к себе особого подхода, особого инструментария. Предложенный нами комплексный подход к анализу позволит доказать отнесенность данного малого жанра к субкультуре и еще раз выделить его тематические и функциональные доминанты.

Литература

1. Громов Д.В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1.
2. Гулиев Н.А., Руженцева Н.Б. Газетно-журнальные жанровые разновидности как форма связей с общественностью: политический и рекламный дискурс: учебный дискурс: учебное пособие. – Омск : Омский государственный институт сервиса, 2006.
3. Жарков Г.В. Рискованные практики в современных молодежных субкультурах и оформляющие их тексты: тенденции развития // Ситуация пост-фольклора: городские тексты и практики. – М. : Форум, 2015. – С. 166-180.
4. Иншаков С.М. Криминология: учебник для вузов. – М. : Инфра-М., 2002.
5. Кузнецов М. В. Смысловое наполнение понятия «Футбольные фанаты» // Аналитика культурологии.– 2014.– №2.–С. 149-152.
6. Кубякин Е.О. Проблема криминализации молодежной культуры // Вестник КРУ МВД России. –2009. –№4.–С. 185-186.
7. Мейтин А.А. Преступления футбольных болельщиков. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками и их предупреждение. – М. : Школа охраны «Баярд», 2005.
8. Мейтин А. А. Субкультура футбольных фанатов и ее место в криминальной субкультуре // Закон и судебная практика. –Т. 4. –Краснодар : КЮА МВД России, 2003.
9. Строганов М.В., Боровик Р.А. Футбольные кричалки и речевки как жанры городского фольклора // Культура и текст. –2014.– №2 (17). –С. 195-227.
10. Халиуллина Л.И. Спортивный экстремизм: подходы к определению и пути преодоления // Пробелы в российском законодательстве. –2012. –№1.–С. 223-225.

11. Харламова Т.М. Психологическое содержание агрессивности футбольных фанатов // Международный журнал экспериментального образования. –2012. –№5. – С. 132-133.
12. Фатеев Д.Н. Позднетрадиционный фольклор. Классификация жанра футбольная кричалка // Русский язык за рубежом. Учебно-методический журнал. – 2012.– №3 (232). –С. 80-84
13. Якуба А.В. К вопросу о теоретико-методологических основаниях социологического анализа субкультур футбольных фанатов // Теория и практика общественного развития. –2014. –№ 19.– С. 45-48.

ЛОГОЭПИСТЕМЫ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

Н. В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Человек по своей природе является существом социальным, поэтому общение (коммуникация) составляет неотъемлемую часть нашей жизни, отличающую нас от представителей животного мира. Зачастую самоцелью разговора является простое удовлетворение своих коммуникативных потребностей. Однако по своей природе коммуникация довольно сложный процесс со своей четко очерченной спецификой: наличие общего информационного поля, средств кодификации, понятных для обеих сторон общения, активность участников коммуникации и т.д. Кроме того, для обмена информацией и воздействия на реципиента коммуникатор (человек, направляющий информацию) должен четко продумать мысль, которую хочет выразить и передать, чтобы она впоследствии была корректно интерпретирована и вызвала должную реакцию.

В последнее десятилетие лингвистический интерес к невербальным средствам коммуникации значительно возрос. Этому способствовало Интернет-пространство, которое в современном обществе играет значимую роль. Являясь уникальной виртуальной средой, Интернет предоставляет неограниченные возможности своим пользователям. Особое место занимает интернет-общение, которое привело к нейтрализации оппозиции устной и

письменной речи и созданию особого типа речи – речи интернет-дискурса [8].

В современной сети Интернет широкой популярностью пользуются именно визуальные формы общения. Одной из таких форм общения являются так называемые креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и проч.), т. е. тексты, состоящие из двух частей: вербальной (языковой) и невербальной.

Причиной популярности является их развлекательно-юмористический характер. В процессе коммуникации человек опирается на опыт и знания о мире, соотносит производимую речь с действительностью. Для восприятия креолизованных текстов недостаточно одного чувства юмора, адресат должен уметь извлекать из комического текста имплицитный смысл того или иного высказывания. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста – все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста.

Демотиваторы как жанр соединяют в себе как традиционные, так и новые культурные свойства. Исследователи отмечают, что языковая личность в интернет-пространстве чрезвычайно креативна в выборе и использовании речевых средств общения. Такая нестандартность, как правило, проявляется в стремлении достичь комического эффекта. Игра является одной из основных форм коммуникации в сети Интернет. Игровой компонент служит реализации творческих целей, которые предполагают эксперименты над языком, выводят его за рамки общепринятых норм и канонов. Как правило, для создания комического эффекта используется смысловая неоднозначность. Ежедневно мы имеем дело с тысячами фрагментов различной информации, но только некоторую часть мы помним, а еще меньшим количеством этой информации мы можем поделиться с кем-то еще. Это потому, что способность запоминания ограничена. Поэтому демотиваторы, которые передают только самое интересное, отражающее культурные стереотипы, можно отнести к прецедентным феноменам, обладающим культурной коннотацией и содержащих в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене

или историческом событии, который послужил источником для его появления.

Демотиватор несет в себе определенный скрытый, имплицитный смысл, который адресат может понять не сразу, а в результате некой мыслительной операции, кроме того, интерпретация полученной информации может быть разной. Имплицитная информация не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, ее содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов. Для максимально полного понимания демотиватора крайне важна пресуппозиция: адресат формирует определенный смысл на основе личного опыта и фоновых знаний.

Понятие пресуппозиции включает в себя как контекст, так и ситуацию, в которой сделано некоторое высказывание. Жанр демотиватора позволяет обыгрывать пресуппозиции, так как прецедентные элементы, включенные в его состав, отражают специфику современной культурной ситуации.

Трансформированные прецедентные высказывания (логоэпистемы) создают эффект языковой игры, каламбура, когда его вербальная и визуальная составляющая обыгрывают разные значения одного и того же слова [3]. К числу прецедентных высказываний можно отнести различные цитаты, афоризмы, пословицы, трансформированные крылатые выражения, поговорки.

Например, в последнее время в русскоязычном сегменте Интернета получили широкую популярность демотиваторы с изображением русского музыканта и композитора Игоря Николаева и фраза из его песни «Выпьем за любовь» (Рис.1, 2, 3). Благодаря включенности нас в языковое пространство и осведомленности в области русской музыки 90-х годов, мы можем корректно отреагировать на данное юмористическое послание, т.е. возможность достижения комического эффекта стала возможной при совпадении элементов культурного багажа пользователей соцсетей и общности пресуппозиций. Однако подобные демотиваторы недолговечны, это стихийное явление, поэтому после их внедрения

в различные сферы общения популярность их резко снижается, и они переходят в разряд устаревших демотиваторов («баянов»), однако мемы, которые содержатся в таких демотиваторах, сохраняют свою долговечность. Так случилось и с демотиватором «Выпьем за любовь». Образ Игоря Николаева и фраза «выпьем за любовь» стали интернет-мемами, т.е. спонтанным распространением в сети Интернет определенного образа, фразы и популяризируемого в различных социальных сетях и частных переписках для достижения комического эффекта.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Логоэпистемические единицы чаще всего используют в креолизованных текстах, так как они служат маркерами, определяющими ход мыслей реципиента, стимулируют формирование ассоциативных связей, а также являются смыслодержающей частью коммуникации. Логоэпистемы функционируют как сжатый, сконцентрированный текст, поэтому новое его содержание выражается через призму национально-культурных представлений о жизни, а это способствует развитию эмоциональности их смыслового содержания. Таким образом, за ними всегда стоит какой-либо текст, высказывание, прецедентная ситуация.

Наиболее распространены когнитивно-тезаурусные импликатуры, которые проявляются в случае, когда взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении. Такая особенность характерна и для логоэпистемных единиц.

Учитывая теорию Е.Н. Канаевой, мы выделяем логоэпистемные единицы по признаку автономности/связности с текстом-

источником [7]. Таким образом, к структурно связанным с текстом-источником относятся известные цитаты, строчки из песен, названия произведений и т.д. Например, в демотиваторе *Перемен требуют наши сердца* (Рис. 4) иконический компонент отсылает нас к одному из значений слова *перемена* – ‘перерыв между занятиями в учебном заведении’, а вербальный компонент подразумевает прямое значение данного слова – ‘наступившее в каком-н. изменение, поворот к чему-н. новому, появление чего-н. нового’ [4].

Рис. 4

В то же время данный пример содержит в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, т. е. он может быть понят только теми адресатами, которые знакомы с русской культурой, в частности, русским роком и личностью Виктора Цоя, так как вербальный компонент содержит цитату из одноименной песни музыканта. Следовательно, простого наличия изображения и текста в демотиваторе для его правильного понимания недостаточно: нужна культурологическая основа.

Следующая разновидность – логоэпистемные единицы связанные с ситуацией-источником указывают на определенную прецедентную ситуацию. В демотиваторе *И тебя, Брут* (Рис. 5) трансформированный вербальный компонент отсылает нас к историческому факту, иконическая часть заставляет нас расширить ассоциативный ряд, тем самым реализовывая «эффект обманутого ожидания» и вызывая комическую реакцию. Изображение как важнейший компонент креолизованного текста несет значительную функциональную нагрузку. «Оно является сильным зрительным возбудителем, притягивает к себе внимание адресата, вызывает готовность вступить в коммуникативный контакт» [5].

К последней, «автосемантической» [7] группе можно отнести различные пословицы, поговорки и т.д., которые утратили связь с первоисточником и приобрели новое значение благодаря смысловой и вербальной трансформации. В демотивационных постерах формируются контексты, в которых происходит пересечение семантических полей, и, как следствие, совмещение значений разных языковых единиц, имеющих тождественный план выражения. Это является основой для языковой игры, которая формируется на стыке вербальной и иконической части.

Рис. 5

На рисунке № 6 надпись: «*Курс молодого отца*». Происходит взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении.

Рис. 6

Вербальный компонент заставляет нас обратиться к когнитивным знаниям, в частности, сначала узнать логоэпистему, затем воспроизвести в памяти первоначальный текст (*Курс молодого бойца*), сопоставить исходное значение (*Курс молодого бойца* — начальный период прохождения службы в учебных заведениях Минобороны России, МЧС России, МВД России, ФСИН России и

др.) с производным (*Курс молодого отца – трудности с которыми столкнется молодой отец в воспитании ребенка, в частности, разбросанные игрушки Lego*), а затем только осмыслить трансформированный вербальный компонент и его философское смыслоддержание. Иконический компонент служит иллюстрацией трансформированной логоэпистемы. Мы получаем «эффект обманутого ожидания», а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями слушающего о мире.

Следовательно, демотиваторы представляют собой единство иконического и вербального компонентов на содержательном, языковом и композиционном уровнях. Кроме того, данный жанр отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но также сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста. Кроме того, в статье осуществлена попытка классификации логоэпистемных единиц, которые, являясь сжатым текстом, содержат в себе национально-культурные особенности, а употребление их с прецедентным текстом или ситуацией вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд. Приведенные примеры показывают, что для правильного понимания демотиваторов необходима национально-культурная составляющая, определяющая содержание авторского замысла, а пресуппозиция как явление языка выступает в качестве механизма связи языковых единиц с экстралингвистическими явлениями, в том числе и фоновыми знаниями. Вопрос баланса между вербальной и иконической составляющей остается открытым, и это обеспечивает целесообразность дальнейшего исследования данной темы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.

3. Бабина Л. В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2013. – № 2 (20). – С. 28-33.
4. Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. - СПб.: Норинт, 1998.
5. Данилова Ю. Ю. Типы креолизованных текстов в современном лингвосоциуме / Ю. Ю. Данилова Д. Р. Нуриева // Елабужские филологические чтения: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (РТ, Елабуга, 17-18 октября 2013 г.). - Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. - С. 49-52.
6. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1 –М. : МАКС-Пресс, 1997. – С. 100-115.
7. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.10 “Русский язык” / Е. Н. Канаева. – Москва, 2007. – 19 с.
8. Ушаков А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи [Электронный ресурс] / А. А. Ушаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. - № 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-kak-osobyuy-tip-rechi-retsensirovana>
9. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф. // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
10. Щурина Ю. В. Комические креолизованные тексты в интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета. - № 57. – 2010. – С. 82-86.

ВЛИЯНИЕ МЕДИАТЕКСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.В. Гнездилова

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университета –
ТСХА имени К.А. Тимирязева»

(Москва)

Изменения, происходящие сегодня в сфере коммуникации, отражают мощное воздействие массмедиа на сознание современного человека. Именно они актуализируют проблемы, связанные с исследованием медиатекста, с изучением его специфики в условиях развития информационного общества.

Тексты средств массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространённых форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объём речи в других сферах человеческой деятельности. При этом корпус текстов, ежедневно производимых и передаваемых по каналам массмедиа, продолжает постоянно увеличиваться. Сегодня медатекст «уходит» от классического определения, он все больше трактуется как совокупный продукт трех глобальных подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы [3, с.30]. Что, в данном случае, свидетельствует о том, что медиатекст из инструмента формирования превращается в инструмент манипуляции общественным мнением, сужая сознание массового читателя, делая его взгляд направленным по траектории, необходимой автору, средству массовой информации. В качестве примера можно привести медиатексты, размещаемые в эфире и на сайте радиостанции «Sputnik» МИА Россия сегодня. Так, авторы на уровне заголовка новости формируют у слушателя/читателя определенное отношение к событию/персоне: «Да и Туск с ними», «Дипломатический косяк. Или как янки культуру Афганистана расширили», «Пробный Саар: у Шульца – первый блин. У Меркель – первое место» и т.д. Активно сочетая фразеологизмы с просторечной лексикой, авторы формируют у аудитории специфически окрашенное отношение к событию, которое далее раскрывают в основной части текста. Используя такие риторические техники, как клише, оценочную лексику, лексику с эмоциональными и экспрессивными коннотациями, многократные повторы, эвфемизмы и перифразы, демонизацию противника [1, с.7], авторы современных медиатекстов осуществляют манипулирование фактической информацией. Причем данная тенденция сегодня прослеживается как в российских, так и в зарубежных СМИ, о чем свидетельствуют работы американского исследователя Грега Саймонса [4, с.120].

Особенности создания информационной или новостной картины мира являются предметом исследования теоретиков коммуникации, начиная с середины XX века. В этой связи особое значение имеет моделирование информационных процессов. Со времен модели, предложенной американским социологом Г.Лассуэллом, оно направлено на то, чтобы представить движе-

ние информации в медиaprостранстве в структурированном виде и ответить на такие важнейшие вопросы, как: каков механизм медийной интерпретации событий, какие технологии используются для создания медиаобразов, какие факторы влияют на создание и распространение идеологизированных медиаинтерпретаций?

Одной из наиболее эффективных моделей является модель развертывания информации, разработанная Татьяной Добросколонской [2, с. 28]. Удобство данной информационной модели состоит в том, что на её основе можно проследить не только механизм превращения события реальной жизни в событие медийное, или новость, но и понять особенности влияния медиасреды на формирование информационной картины мира, как в индивидуальном, так и в общественном сознании. Использование данной модели как инструмента анализа новостного дискурса способствует формированию критической оценки противоречивого и зачастую идеологизированного медиаконтента, является необходимым условием успешного развития индивидуума. Это особенно актуально сегодня, когда в условиях информационных войн уровень эффективности воздействия на человека и целевые группы реальной информации и информации виртуальной меняется в пользу последней. Массовый потребитель медиатекстов (ТВ, РВ, социальные медиа) не всегда может самостоятельно синтезировать огромное количество различных информационных сообщений вокруг одного и того же факта и выйти на рациональные выводы. Он начинает искать простые и понятные подсказки, которыми становятся «виртуальные выводы по смыслу», являющиеся в большинстве случаев продуктом publicrelations разных уровней, а не журналистскими текстами.

Для того чтобы не стать жертвой манипулятивных технологий, используемых российскими и зарубежными СМИ, современному человеку необходимо быть «включенным» в события, происходящие вокруг него: как в его городе, регионе, стране, так и в мире. Ему необходимо обращаться к различным источникам информации, включая социальные медиа, зарубежные СМИ. Только так можно сформировать собственное отношение к явлениям окружающей действительности, владеть реальной, а не виртуальной информацией.

Литература

1. Бушев А.Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика. Монография. LambertAcademicPress, 2011. – 276 с.
2. Доросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., 2005. – 286 с.
3. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. Вып. 6 (2012). С. 30-41.
4. Saimons G. Mass media reporting on contemporary armed conflicts: journalism or public relations? // Cultural-Pragmatic Aspects of Media Texts as an Object of Linguistics: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Москва. РУДН, 2016. С. 119 – 121.

АРГУМЕНТАЦИЯ В РИТУАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Л.А. Гольшикина

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
(Новосибирск)

Ритуальный дискурс является органической частью практически любого типа дискурса, выделяемого на основании социолингвистических критериев: религиозного, научного, педагогического, спортивного, политического [6]. Ритуальный политический дискурс – феномен, формирующийся в результате актуализации в ситуациях политической коммуникации ритуальной речи, представленной протокольно-этикетными речевыми жанрами. Подтверждением этого положения выступает сама коммуникативная практика. Так, в политической коммуникации активно эксплуатируются такие типовые жанры ритуальной речи, как клятва, торжественное слово, вступительное слово, официальное обращение, поздравление и т.п.

Ритуальная речь манифестирует принятые социумом программы поведения [1, с. 4–5], выступая при этом инструментом сохранения традиций общения, основанных на выполнении требований протокола и этикета. По меткому замечанию Е. Н. Зарецкой, «ритуальная речь произносится для того, чтобы не выйти из социума, – и в этом ее целевая установка: “Я помню правила игры и по ним играю”» [5, с. 48]. В определенной степе-

ни именно ритуальная речь способствует передаче коммуникативного опыта и формированию общей системы коммуникативных ценностей, связывающих поколения.

Проблема выявления аргументативного потенциала ритуального политического дискурса обусловлена следующими факторами. Во-первых, в ритуальной речи наблюдается тенденция к замещению информативности фатикой, к подчинению вербальных составляющих форме сообщения [3], что, на первый взгляд, не предполагает аргументации. Во-вторых, известно, что тексты ритуальной коммуникации в силу их частого повторения в типизированных коммуникативных ситуациях подвержены десемантизации [5, с. 48–49], что ставит под сомнение их содержательно-смысловую значимость.

Однако функция ритуального политического дискурса выступать средством формирования и поддержания традиций власти [7, с. 46] не может быть реализована без аргументации – логико-языковой процедуры, цель которой заключается в убеждении слушателя (читателя) в приемлемости (acceptability) предлагаемой точки зрения [4, с. 14]. Персуазивный эффект аргументации создает массовую интеракцию и поддерживает в массовом коммуникативном сознании существование необходимой системы ценностно-идеологических доминант, без которых немислима политическая коммуникация.

Поскольку ритуальность и информативность выступают в качестве дихотомического основания политической коммуникации, ее типового свойства [12, с. 56], возникает гипотеза о том, что ритуальный политический дискурс не исключает информативную составляющую и использует аргументацию.

Изучение аргументации и оценка ее качества требует анализа структур аргументации, который диктует необходимость «не только четкого осознания отдельных аргументов, но также и понимания связи между этими аргументами. Если не ясно, является тот или иной аргумент независимым от других аргументов, которые входят в состав сложного аргумента (сложной аргументации), то невозможно установить, какой вред принесет негативная оценка подобного довода» [11, с. 123]. Иначе говоря, осмысление связей компонентов сложной аргументации позволяет прогнози-

ровать оценку аргументов реципиентами, шире – эффективность речевого воздействия на участников коммуникативного акта.

Выделяют **три основных типа структур аргументации**: подчинительную аргументацию, или последовательное рассуждение, сочинительную аргументацию, или связанное рассуждение, множественную аргументацию, или конвергентное рассуждение [Там же].

Представим результаты анализа структур аргументации в текстах поздравительных выступлений / обращений Президента РФ В. Путина, выступающих жанровым ядром ритуального политического дискурса и, соответственно, воплощающих дуализм политической коммуникации, базирующийся на антиномии ритуального и информативного.

В исследованном корпусе текстов представлены все три типа структур аргументации – подчинительная, сочинительная и множественная.

Подчинительная аргументация представляет собой последовательное рассуждение, где один аргумент, или довод, поддерживает другой [11, с. 123].

Так, в поздравлении 2017 года российским женщинам с 8 Марта Президент РФ использует подчинительную аргументацию, основанную на дедуктивном принципе организации (от общего к частному): аргумент, представленный высказыванием с генерализованной семантикой, конкретизируется посредством аргумента-иллюстрации, что повышает информативность и, соответственно, персуазивность текста:

...Мы любим и ценим вас (суждение-подтезис). Недаром мужчины веками посвящали женщинам музыку и стихи (аргумент 1). Очень образно и точно сказал о женщине один из наших поэтов Серебряного века Константин Бальмонт:

Женщина – с нами, когда мы рождаемся,

Женщина – с нами в последний наш час.

Женщина – знамя, когда мы сражаемся,

Женщина – радость раскрывшихся глаз (аргумент 2) [10].

Отметим, что аргумент 2 (иллюстрация) оформлен в виде цитаты, актуализирующей интертекстуальные связи и нарочито демонстрирующей эрудицию субъекта речи.

Сочинительная аргументация представляет собой связанное рассуждение, где каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения [11, с. 123].

Взаимозависимость аргументов часто эксплицируется путем актуализации гипертемы, устанавливающей гипо-гиперонимические отношения между суждением-подтезисом и аргументами:

За последнее время мы сделали ряд серьёзных шагов по укреплению армии и флота (суждение-подтезис). С каждым годом увеличиваются возможности Воздушно-космических сил и Военно-Морского Флота, потенциал стратегического сдерживания, усилены группировки на ключевых стратегических направлениях (аргумент 1). Повышается уровень оперативной и боевой подготовки войск, внедряются самые современные средства связи и управления (аргумент 2). Части и соединения планомерно оснащаются новейшими образцами вооружения и военной техники, а российский ОПК ориентирован на создание и производство современных систем оружия (аргумент 3) [9].

В рассмотренном примере гипертема «ряд серьёзных шагов» раскрывается путем представления частных описаний реализованной программы модернизации российской армии в аргументах, имеющих синтаксическую оформленность в виде ряда предложений-высказываний. При этом воздействующий эффект аргументов здесь усиливается синтаксическим параллелизмом и инверсией.

В ходе анализа были отмечены и случаи построения сочинительной аргументации в рамках простого предложения с однородными сказуемыми.

Множественная аргументация представляет собой конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно доказывает (до известной степени) точку зрения [11, с. 123–124].

Самостоятельность аргументов часто обеспечивается развертыванием т.н. сквозной темы, заявленной в суждении-подтезисе и создающей семантико-синтаксическую целостность микротемы:

Наши отцы и деды пережили невыносимые страдания, лишения и утраты (суждение-подтезис). Работали на износ, на пределе человеческих сил (аргумент 1). Воевали не щадя своей

жизни (аргумент 2). *Показали пример благородства и подлинного патриотизма* (аргумент 3) [8].

Здесь пропозициональное суждение-подтезис задает сквозную тему «наши отцы и деды», которая далее эксплицируется в приводимых аргументах, оформленных простыми предложениями, нередко осложненными однородными членами. Воздействующий эффект аргументов усилен синтаксическим параллелизмом и использованием эллиптических конструкций, в которых опущение субъекта (подлежащего) позволяет сконцентрировать внимание на рематическом компоненте – предикате (сказуемом), реализующем как имперфективно-процессуальную функцию (*работали, воевали*), так и функцию динамического перфектива (*пережили, показали*). При этом для обоснования трагической судьбы наших отцов и дедов достаточно любого из приведенных аргументов.

Сделанные наблюдения над спецификой структурной организации аргументации в ритуальном политическом дискурсе свидетельствуют о том, что выявленные аргументы оказывают речевое воздействие «не имплицитно, а явно – через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата» [2, с. 250].

В ходе анализа удалось выявить доминирование аргументации сочинительного типа. Связанные рассуждения позволяют усилить позицию говорящего путем выдвижения единичных аргументаций, каждая из которых оказывается значимой для достижения общей персуазивной цели лишь в системе. Необходимость объединения аргументов и установления смысловых связей между ними обусловлена в значительной степени генерализованным характером семантики большинства высказываний, входящих в такую аргументативную структуру.

Сочинительная аргументация, с нашей точки зрения, заставляет слушателя обратить внимание на взаимосвязь и взаимодополняемость содержательных компонентов, что в свою очередь в определенной степени препятствует десемантизации ритуальной политической речи. Реципиент в ситуации массированного предъявления аргументов, обладающих разной степенью поддержки эксплицируемой точки зрения, вынужден активизировать

способность к установлению иерархических отношений между сущностями на основании представлений о ценностных приоритетах.

Наличие всех трех типов структур аргументации в таком ритуальном речевом жанре, как официальное президентское поздравление / обращение, есть свидетельство подтверждения общего правила, обозначенного А.П. Чудиновым: политические тексты должны быть информативными, т. е. реализовать коммуникативную функцию [12, с. 56].

Эксплуатация ритуальным политическим дискурсом аргументации позволяет сохранять смыслообразующий потенциал ритуала, способствует его трансформации в коммуникативное событие, формирующее и поддерживающее традиции политической власти.

Литература

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб: Наука, 1993. – 240 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
3. Гудков Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: материалы раб. совещания. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 30–36.
4. Еемеерен ван Ф. Х. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14–33.
5. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
6. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 21 с.
7. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
8. Путин В. В. Выступление Президента России на параде, посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне от 09.05.2015. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438>.
9. Путин В. В. Поздравление военнослужащим, гражданскому персоналу Вооружённых Сил и ветеранам с Днем защитника Отечества от 20.02.2016. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51372>.
10. Путин В. В. Поздравление российским женщинам с 8 Марта от 08.03.2017. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51452>.
11. Снук Хенкеманс А. Ф. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 123–161.

12. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (40). – М., 2012. – С. 53–59.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ В ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Х.М. Жансугурова

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»

(Оренбург)

Язык постоянно развивается, изменяется, и в первую очередь изменения находят отражение в его лексическом составе. По мнению лингвистов, лексика, являясь наиболее подвижной частью языка, непрерывно совершенствуется, обновляется под влиянием различных факторов, тем самым реагируя на перемены в окружающей нас действительности [1].

Наряду с образованием новых слов происходят и семантические преобразования уже имеющихся лексем.

Семантические трансформации, происходящие со словами в живой разговорной речи, а также их отражение в языковом сознании говорящих привлекают внимание многих исследователей, считающих изучение этого явления необходимым и актуальным на разных этапах развития языковой системы. По мнению лингвистов, в последнее время стремительно расширяется сочетаемость слов, следствием чего является образование новых значений существующих слов [1; 8, с. 9].

Семантические преобразования отражают изменения в осмыслении реальной действительности, выражают оценку происходящих явлений носителями языка, передают ассоциации, возникающие на их фоне.

В данной статье, опираясь на толковые словари С.И. Ожегова и Г.Н.Скляревской, а также на материал, почерпнутый из Национального корпуса русского языка [6], рассмотрим трансформацию значений некоторых глаголов.

Так, глагол **париться** имеет значение «*подвергать действию пара; находиться в очень теплом, жарком помещении или быть слишком тепло одетым; перен. потеть*» [7].

В последние десятилетия он (этот глагол) приобретает еще одно значение – «*волноваться, переживать*»:

- *По поводу оценок я вообще никогда не парился. Тройка у меня всегда будет.*

Глагол **загрузить** в настоящее время наряду со своим традиционным значением «*наполнять грузом; заполнить работой, дать работу в нужном количестве*» [7] имеет еще одно значение – «*переживать, грустить*»:

- *На последний автобус я точно не успевал. Мне светило ночевать на вокзале. Я сначала загрузился, а потом решил, что унывать не стоит.*

Глагол **тащиться** в словаре С.И. Ожегова имеет значение: «(разг.) *идти или ехать медленно, с трудом*».

В словаре под ред. Г.Н. Складневской **тащиться** – «*жарг. испытывать восторг, восхищение, наслаждение*» [8].

Тащиться можно от чего- или кого-либо (артиста, человека, музыки, фильма, лакомства и т.п.); глагол употребляется с род. падежом:

- *На следующее утро я просыпалась и думала: Я тащусь от жизни, от каждого ее дня* [6];

- *Я тащусь от Тимати* [6].

В качестве яркого примера семантической трансформации слов в разговорной речи можно привести глагол **торчать**.

Прямое значение данного глагола «*находиться в стоячем положении, высовываясь, выпирая откуда-н., выдаваясь из чего-н.*»; переносное (разг., неодобр.) «*находиться, присутствовать где-н.*»: *весь день торчит на вокзале* [7].

Но в словаре актуальной лексики последних десятилетий это слово имеет следующие значения: 1. «*получать удовольствие, испытывать восхищение или удивление*»; 2. «*быть должным кому-либо что-либо*».

В первом значении **торчать** можно от людей и предметов, которые нравятся говорящему, вызывают его восторг и восхищение:

- *Захожу в подъезд и, пока достаю ключи, слышу голос одной из них: «Ой, девки, я торчу от этого мужика»* [6];

- *Я торчу от кубинского рома. И вообще от Кубы* [6].

Кроме того, *торчать* (во втором новом значении) можно кому-либо человеку или фирме какую-либо сумму денег:

- Ты *торчишь* мне три тысячи;
- Он *торчит* нам штуку баксов.

Этому глаголу характерно, во-первых, изменение в сочетаемости (в основном своем значении он употребляется с родительным и предложным, а в жаргоне он сочетается с родительным, дательным, винительным падежами), во-вторых, отсутствие связи нового значения с основным. Если у других слов эта связь прослеживается (*париться – потеть над чем-то – переживать; загрузить – заполнить грузом доверху – загрузиться проблемами – переживать из-за проблем* и т.д.), то в значении *торчать* – «*быть должным*» этого не наблюдается.

Следует отметить, что новые значения относятся к разговорным или жаргонным словам и употребляются большей частью молодыми людьми в ситуации свободного, непринужденного общения с разными целями (придать большую выразительность, эмоциональность, оценочность; для обогащения языка, придания лексической конкретности некоторым явлениям и предметам; для достижения определенного социального статуса в группе; ради забавы и удовольствия; с целью привлечь внимание к собственной персоне и т.д.). Однако нередко их можно встретить в статьях центральных и местных газет, а также в речи героев телепередач.

Анализ языкового материала показал, что в разговорной речи начала двадцать первого века многие глаголы претерпевают значительные изменения в семантике и в сочетаемости, вследствие чего в русском языке появляются новые значения и стилистические оттенки слов.

Литература

1. Караулов Ю.Н. О состоянии современного русского языка // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 27.
2. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. – 2005. – № 2(23).
3. Матусевич А.А. Особенности семантической трансформации слов в условиях современного сетевого общения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. - №4. – С.237-242.
4. Мусина М.С. Семантическая трансформация в пределах концепта «интеллект» в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2009. - № 1 (3). - С. 140-143.

5. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. – 2013. – №5. – С. 3– 27.
6. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. - URL: <http://ruscorpora.ru/>
7. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – 928 с.
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. –М.: Эксмо, 2008. –1136 с.
9. Чеботникова Т.А. «Кто виноват теперь, что их идеал так уродлив?» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 2021–2025.
10. Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. – № 2 (23). – М., 2005.

ДИСКУРС РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ²

А.С. Зотова

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»
(Екатеринбург)

Рекламный дискурс – специфическая область современной языковой реальности, она включает в себя целый спектр лингвокогнитивных аспектов. В процессе развития данного дискурса появился новый вид рекламы – социальный рекламный дискурс, «под которым понимается совокупность определенных рекламных текстов, посвященных социальным проблемам, где в качестве рекламируемого объекта выступают не товары и услуги, как в коммерческой рекламе, а поведение человека, способствующее решению социальных проблем» [3, с. 144]. Дискурс социальной рекламы представляет собой колоссальный массив культуры современного общества, он играет значительную роль в становлении информационной среды как отдельного человека, так и общества в целом. Однако данное явление до сих пор остается малоизученным, имеются весьма разрозненные исследования, которые еще не сложились в единый пласт по изучению проблемы. Так, С.И. Киреев отмечает, что дискурс социальной рекламы яв-

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102) The research is financed by the Russian Scientific Fund (project №16-18-02102)

ляется особым подтипом рекламного дискурса, рассматривает его уникальные характеристики, а также раскрывает феномен дискурсивной мимикрии [2, с. 3]. Е.В. Юрьева раскрывает особенности манипуляции и условия эффективности дискурса социальной рекламы [4, с. 1]. М.В. Терских солидарна с нашей мыслью, что «теория дискурса находится в стадии формирования, с этим связана одна из ключевых проблем современной научной практики, направленной на анализ дискурсивного континуума, – сложность таксономических решений, спорность критериев выделения типов дискурса и их номинации» [3, с. 144]. Социальная реклама в современном ее понимании представляет собой достаточно новое для России дискурсивное образование. Отмечается проблема следующего характера: отсутствие комплексных научных исследований дискурсивных практик в данной сфере обуславливает диффузность как самого понятия «социальная реклама», так и в целом терминологического аппарата, связанного со сферой коммуникации. Кроме того, недостаточная изученность дискурса социальной рекламы приводит к отсутствию научно обоснованных рекомендаций по созданию эффективных сообщений в сфере социальной рекламы.

Особым новообразованием выступает дискурс российской социальной рекламы. Мы проанализировали 1000 креолизованных текстов российской социальной рекламы. Креолизованный текст – сообщение, заключенное в тексте и представленное вербально (словесный текст) или иконически, т.е. изобразительно [1, с. 118].

Все тексты достаточно четко разграничены по проблемам, поднимаемым в российском обществе. Итак, мы определили следующую систему дискурса российской социальной рекламы:

Алименты. В эту категорию входят тексты, связанные с мотивированием к выплате алиментов (*Заплати алименты – обеспечь ребенку достойную жизнь! Вспомни о своем ребенке! Заплати алименты! Папы, не заставляйте детей плакать! Заплатите алименты детям!*).

Чтение. Общество обеспокоено проблемой игнорирования книг и литературы в целом, и соответственно снижением уровня образования (*Читайте книги! Лично знакома с «Героем нашего времени». Рекомендую! Подарил жене «Шинель» вместо «Ша-*

нель». Не оценила. Не сдавайся. На 500-ой странице откроется второе дыхание).

Злоупотребление алкоголем. Поднимаются проблемы потерянности/оторванности человека в обществе (*Не теряй себя*), отмечается регламентирование деятельности реципиента (*Алкоголь и дорога несовместимы*).

Наркотики. Прослеживается идентичная проблеме с алкоголем тенденция, когда член общества становится для него потерянным, опускается на «дно» (*Наркотики. Чувствуешь, что тонешь? Сколько нужно времени, чтобы умереть? 3-5 лет от первого укола*).

Курение. Поднимаемая проблема в социальной рекламе принимает «смертельный» уклон для члена общества (*Затянулся? Мамочка, не переживай, я не узнаю, что моя астма из-за тебя. Папочка, не переживай, я не узнаю, что отстаю в развитии из-за тебя. Курить в присутствии ребенка – еще большая пытка для него*).

Воспитание детей. Дети позиционируются в российской социальной рекламе как полноценные члены общества, воспитание которых лежит на старших членах общества – родителях и других членах семьи, это также прямолинейно регламентируется (*Весь в няню? Проводите больше времени с детьми. Воспитывая детей, начинайте с себя*).

Донорство. Поднимаемая проблема позиционируется неотъемлемой частью жизни члена российского сообщества, направленная на милосердие и единство сообщества (*Спаси жизнь – сдай кровь. Кровь донора спасает жизнь. Стань донором теплой одежды*).

Безопасность на дороге, правила дорожного движения. Поднимаемая проблема также регламентирует поведение членов общества в социальной рекламе (*Идти на красный НЕЛЬЗЯ – запомни раз и навсегда! Для ребенка любое место – это место для игр. Мам, домой не жди. Дядя водитель «торопился». Не торопись за решетку, пропусти пешеходов. Зебра главнее всех лошадей, сбрось скорость на переходе*).

Поведение в обществе. В данной социальной рекламе прослеживается рекомендательный характер поведенческих установок для членов общества (*Мужской журнал не делает тебя*

мужчиной. Пиво не делает тебя мужчиной. Пермь меняется – меняйся и ты. Признаки быдла: плюет в лифте, подъезде, на улице; сходил на пикник – загадил природу; мусор из машины выбросил в окно; матерится на людях).

Таким образом, мы представили попытку кратко охарактеризовать систему дискурса российской социальной рекламы, исходя из проблем, поднимаемых в обществе. В перспективе изучения данного вопроса интересно проследить динамику позиционирования каждой проблемы и провести сопоставительный анализ с зарубежным дискурсом социальной рекламы.

Литература

1. Валгина Н.С. Теория текста. Москва, Логос, 2003. 173 с.
2. Киреев С.И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (10.02.19) / Киреев Станислав Игоревич; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008. – 19 с.
3. Терских М.В. Дискурс социальных ценностей: структура и базовые дискурсивные практики // Политическая лингвистика. - № 4 (54). 2015. С. 144-149.
4. Юрьева Е.В. Манипуляция и условия эффективности дискурса социальной рекламы // Litera. — 2016. - № 3. - С.1-5.

СИНОНИМИЯ В МЕТАЯЗЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.А.Иванова

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

(Киров)

В последнее время лингвисты говорят о «взрыве» терминологической синонимии, обусловленной бурным развитием наук, углублением существующих научных знаний, что приводит к интенсификации-экстенсификации изменению понятийного аппарата той или иной научной дисциплины [4, с. 70; 10, с. 17]. Возникновение синонимов в научной терминологии оценивается позитивно – как свидетельство расширения возможностей специального языка в плане удовлетворения конкретных профессионально-коммуникативных задач [7, с. 25 – 31; 5, с. 18 -19].

Современный метаязык лингвистики, являющийся средством научного общения и реализующий интеллектуально-когнитивную и эпистемическую функции, обладает разнообразными синонимическими средствами. Причиной столь «невероятно развитого дублирования» лингвистических терминов [2, с. 4] является история формирования и становления самой науки о языке; особенности формирования ее понятийно-терминологического аппарата (заимствование, калькирование); описательный характер лингвистики, предполагающий множественность интерпретаций и мнений.

Широко представленная в метаязыке лингвистики синонимия носит социолингвистический характер, проявляющийся в социальной обусловленности синонимичных форм (о «социологическом аспекте» реального метаязыка лингвистики писала О. С. Ахманова в [2, с. 10]).

В ситуации научного общения выбор одной из синонимичных форм термина определяется такими социолингвистическими факторами, как культурно-исторический, идиоэтнический, научно-мировоззренческий, личностный.

Лингвистические термины-синонимы, характеризующиеся сигнификативными различиями при тождестве денотата, являются, как правило, следствием разных способов описания (классификации) языковых феноменов; отражают разные точки зрения лингвистов на один и тот же объект (понятийные, или сигнификативные, синонимы). Ср.: «Возможно...денотативное тождество знаков при их сигнификативном различии. Классическим примером этого расхождения являются фразы *центр тяжести треугольника* и *точка пересечения меридиан*; эти имена задают реально один и тот же объект, но позволяют мыслить его по-разному» [1, с. 60].

Отношения сигнификативной синонимии связывают лингвистические термины с разной внутренней формой. Внутренняя форма синонимичных терминов, логически и образно отражая действительность, актуализирует разные сигнификативные признаки, которые в свою очередь способствуют формированию различных, но взаимодополняющих взглядов на изучаемый объект. Следует отметить, что коммуникативно значимой для пользователей лингвистического метаязыка, знакомых с греческим и латинским языками, является внутренняя форма не

только исконных, но и терминов, образованных на базе греко-латинских терминоэлементов. Ср.: *фрикативный* (лат. *fricatio* ‘трение’) – *длительный* – *дыхательный* – *открытый* – *придувной* – *проточный* – *протяженный* – *спирант* (лат. *spirans, spirantis* ‘дующий, выдыхающий’) – *щелевой*.

Термины-синонимы, характеризующиеся семантическим (денотативно-сигнификативным) тождеством и высокой степенью смыслового сходства, могут различаться характеристиками, связанными с культурно-исторической эпохой, языковедческими традициями, личностными системами взглядов и т. д. (прагматические синонимы).

Культурно-исторические синонимы в терминологии существуют как отражение «теоретических знаний эпохи» [8, с. 21]. Так, термин *прикладная лингвистика*, который получил распространение в отечественной науке в 50-е годы в связи с проблемой автоматизации информационных процессов (автоматизированных систем управления, систем информационного поиска, автоматизированных систем обработки текста и др.), имеет культурно-исторические термины-синонимы: *компьютерная лингвистика*, *вычислительная лингвистика*, *автоматическая лингвистика*, *инженерная лингвистика*.

В настоящее время термин *прикладная лингвистика* обозначает раздел языкознания, в котором разрабатываются методы решения практических задач, связанных с оптимизацией использования языка как важнейшего средства человеческой коммуникации, и синонимов не имеет. Ср. также культурно-исторические синонимы *парадигма* и (устар.) *образец*, *тип склонения* применительно к морфологии (в современной лингвистике *парадигма* рассматривается как общезыковое явление).

Идиоэтнические синонимы различаются идиоэтнической характеристикой, т. е. принадлежностью к разным языковедческим традициям. Например, термины *анофония* (греч. *аро* передает идею отклонения, *phone* ‘звук’) и *аблаут* (нем. *Laut* ‘звук’, *Ablaut* ‘чередование гласных’, ‘перегласовка’) при общности внутренней формы и единой предметно-понятийной отнесенности различаются использованием в разных языковедческих традициях – французской (*анофония*) и немецкой (*аблаут*). Ср. также термины *морфемный альтернант*

(английское языкознание) и *вариант фонемы* (отечественное языкознание), *морфема* (отечественное языкознание) и *монема* (французское языкознание).

К индивидуально-авторским синонимам относятся лингвистические термины, возникшие в результате терминотворческой деятельности ученого и служащие средством описания авторской концепции. Нередко они являются своеобразной «визитной карточкой» автора, его личностной системы взглядов. Ср.: «*Конверсия*. Способ словообразования, при котором основным словообразовательным средством является система окончаний производного слова; то же, что *словообразование безаффиксное*, или *фонетико-морфологическое*... Словообразование с помощью такого словоизменительного средства, как система флексий, в соответствии со структурными особенностями языков, представленное в разных вариантах, называют *конверсией* (А. И. Смирницкий), *нулевой суффиксацией* (Г. Марчанд), *имплицитным словопроизводством* (Ш. Балли), *морфолого-синтаксическим способом* (В.В. Виноградов), *несобственной деривацией* (Н. Д. Арутюнова и др.)» [6, с. 45-46].

Наибольшее распространение получил термин А.И. Смирницкого *конверсия*, расширивший свое первоначальное содержание: он употребляется в работах Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Маслова, Б. Н. Головина, Е. А. Земской и др., а также нашел отражение в [9, с. 298]. Распространению термина *конверсия* способствовала, во-первых, его краткость; во-вторых, мотивированность формы (термин восходит к лат. *conversio* превращение, изменение и наилучшим способом передает сущность языкового феномена – переход, превращение основы из одной части речи в другую, процесс морфологической транспозиции основы, процесс полной смены парадигмы у исходной единицы).

Особое положение занимают так называемые концептуальные синонимы.

Концептуальные синонимы характеризуются тождеством денотата, различием сигнификативного значения и прагматических характеристик. Концептуальная (квази-) синонимия свойственна терминам с разной внутренней формой, служащим для обозначения одного и того же феномена в рамках

различных лингвистических направлений, школ, теорий, концепций. Ср.: *вариант фонемы* (Московская фонологическая школа) – *оттенок фонемы* (Ленинградская фонологическая школа), *научный стиль* (отечественное языкознание) – *язык для специальных целей* (германистика), *дискурс* (коммуникативно-прагматическое направление) – *функциональный стиль* (функциональное направление).

Несовпадение прагматических характеристик концептуальных синонимов связано с различием научно-мировоззренческой информации, передаваемой терминами, – отнесенности их к тому или иному лингвистическому направлению, к той или иной лингвистической школе, теории, концепции.

В случае концептуальной квазисинонимии степень семантической близости лингвистических терминов минимальна. Концептуальные синонимы не взаимозаменяемы, поскольку принадлежат разным терминологическим подсистемам, являющимся инструментом эквивалентного описания одного и того же фрагмента действительности. Подобного рода синонимия представляет собой семантическую соотносительность терминологических единиц, позволяющую установить связи между разными «мирами лингвистической терминологии» [3, с. 96].

Многообразие различных типов синонимов в метаязыке лингвистики дает его пользователям возможность выбора оптимальной языковой формы из ряда синонимичных единиц. Выбором последних управляют разнородные и противоречивые факторы. Наиболее важными из них оказываются социолингвистические параметры терминов, связанные с научной деятельностью исследователя-лингвиста: эпоха, направление, школа, теория, личностная система взглядов, способ описания. Кроме того, существенное влияние оказывают особенности прагматики, ориентированные на говорящего (речевой жанр, профессиональная компетентность, стремление говорящего к полноте и адекватности передаваемой научной информации) и особые прагматические требования, предъявляемые к термину (современность, внедренность, краткость, мотивированность, точность, системность, отсутствие эмоционально-экспрессивных оценок и др.).

Возникновение новых номинативных средств, синонимичных уже существующим, связано с поиском новых способов описания и новых, более адекватных номинаций, с углублением научных знаний об изучаемом объекте, с развитием лингвистики в целом.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 360 с.
4. Лаптев В. Д., Татаринов В. А. Новые пути описания терминологии // Терминологический вестник. – М.: Московский Лицей; Русский Филологический Вестник, 2000. - № 1. - С. 68 – 71.
5. Маринова Е. В. Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии (на материале терминов морфемике и словообразования). Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. – Н. Новгород, 1998. – 20 с.
6. Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 208 с.
7. Русинова Л. Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия) // Термины в языке и речи. Межвуз. сборник. – Горький, 1985. - С. 8.
8. Слюсарева Н. А. О типах терминов (на материале грамматики) // Вопросы языкознания. – 1983. - № 3. – С. 21 – 29.
9. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
10. Татаринов В. А. Научная парадигма Российского терминологического общества РоссТерм и ее перспективы // Терминологический вестник. – М.: Московский Лицей; Русский Филологический Вестник, 2000. № 1. С. 5 – 23.

О ХИЛЛАРИГЕЙТЕ И ТРАМПЛИНЕ ДЛЯ НАРОДА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ АМЕРИКИ КАК ОБЪЕКТ ДЛЯ СЛОВОТВОРЧЕСТВА И СЛОВОЕРНИЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СМИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА)

С.В.Ильсова

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону)

Политическое словотворчество, ориентированное на оценку ключевых событий, ключевых фигур текущего момента сред-

ствами языковой игры, можно считать стилевой доминантой современных российских СМИ, напр.: *Импортовозмущение* (Версия, 2016, №38); *Импортоизвращение* (Версия, 2017, №9); *Башнефтегейт* (Версия, 2016, №42); *Чубайсовцы Партии Роста* (Версия, 2016, №20). В игру вовлекаются как имена нарицательные, так и имена собственные – топонимы, антропонимы.

Объектом исследования в данной работе будут производные от антропонимов – имен и фамилий американских президентов или претендентов на этот пост, – созданные с установкой на языковую игру (далее – ЯИ), зачастую на эпатаж.

Первые примеры подобного словотворчества в нашей картотеке представлены игрой с фамилией Джорджа Буша, но в одном из исследований, посвященных состоянию русского языка конца XX столетия, приводятся более ранние примеры: *рейганомика* и *клинтономика*. Поскольку сегмент *-номика* активно используется и в настоящее время для создания производных от антропонимов, в том числе и интересующих нас, то вернемся к истории превращения этого сегмента в строительный элемент русского словообразования, ср.: «Специфичны для нашего времени произведенные телескопическим способом (*имя лица* + формант *-номика*, сегмент слова *экономика*) наименования экономической политики того или иного деятеля...» [1, с. 100]. Интересны также следующие наблюдения Е.А.Земской: первое касается «закавычивания» инноваций на *-номика*, что служит знаком новизны, неузуальности, и наличие отрицательной коннотации [там же]. В нашей картотеке подобные производные встречаются как в закавыченном виде, напр.: «*Луканомика*» *должна быть экономной* (Известия. 23.12.2008 – от *Лукашенко*), так и без кавычек, напр.: *Батькономика* (Известия.21.06.2001 – от *батька*, президент Белоруссии). В то же время мы полностью разделяем мнение Е.А.Земской о характере коннотации подобных дериватов.

Применительно к объекту нашего исследования нельзя оставить без внимания и замечание Е.А.Земской о том, что «имена зарубежных деятелей вовлекаются не столь активно в русское словообразование, как имена отечественные» [1, с. 101]. Наши многолетние наблюдения за словотворчеством, ЯИ в языке российских СМИ, представленные в наших монографиях [2; 3; 4] позволяют говорить о том, что игра с ключевыми антропонимами

российской политической жизни в настоящий момент не столь распространена в языке СМИ и носит более сдержанный характер, нежели игра с аналогичными зарубежными антропонимами. Подтвердим это примерами.

Так, игра с антропонимом *Буш* представлена как достаточно безобидными словообразовательными шутками, напр.: *На завтрак – ГорБуша, на обед – ГорБуша, на ужин – она же* (АиФ, 2007, №57) или шутливым обыгрыванием прецедентного феномена, напр.: *Белый дом станет изБУШкой на ковбойских ножках* (КП.20.01.2001), так и трансформацией прецедентного феномена с установкой на аллюзию подчеркнута социального звучания, напр.: *БУШечное мясо* (АиФ, 2004, №37).

Гораздо более разнообразна и по использованию приемов, и по диапазону оценочности ЯИ с антропонимом *Обама*. Она лишена той доли элегантности, которую можно было наблюдать при игровых манипуляциях с антропонимом *Буш*, и гораздо больше соответствует стилистике современных российских СМИ, в которых ерничество используется очень активно для привлечения внимания. Так, чего стоят такие контаминации каламбурного характера, как: *Большой Обаман* (Известия.28.07.2008); *Нас не обаманешь* (Версия, 2009, №12); *В Поднебесную приехал Оба-Мао* (Известия. 17.11.2009); *Барак Обаба* (АиФ, 2016, №32).

Нейтральные производные от рассматриваемого антропонима редки, ср.: *Обаманомика* (Известия.04.08.2010); ... что за культ «ОБАМАличности»? (АиФ, 2012, №51).

Завершим обзор ЯИ с антропонимом *Обама* следующим примером: *Облом Обамы* (Версия, 2016, №34). Как видим, для игры на снижение журналист удачно использовал здесь прием *звуковой анафоры*.

Борьба за пост президента Америки ознаменовалась появлением инновации *хилларигейт* в заголовке *Сплошной хилларигейт* (Совершенно секретно, 2016, №11). Этот формант, как и рассмотренный *-номика*, также вычленился из иноязычного слова, правда, имени собственного – названия «вашингтонского отеля «Уотергейт» – и превратился в самостоятельный строительный элемент для создания инноваций, обозначающих скандал, напр.: *Сноуденгейт* (АиФ, 2014, №23). Так, вынесенная в заголовок инновация *хилларигейт* открывает ряд названий скандалов, связан-

ных с четой Клинтон, ср.: *Трэвелгейт, Уайтуотергейт, Файлгейт, Чайнагейт, Моникагейт, Пардонгейт, Снайпергейт, Эмейлгейт, Бенгазигейт.*

Как период предвыборной борьбы, так и приход к власти нового президента нашли отражение в словотворчестве и словоерничестве. Начнем со второго: *Трампец?* (Версия, 2016, №44). Трудно сказать, в каком из дискурсов впервые появилось это словечко, т.к. его можно увидеть и в неформальной интернет-коммуникации, и на телеэкране: во время аналитической передачи Д.Киселева (телеканал «Россия» 13.11.2016), но его подчеркнуто сниженный характер не вызывает сомнения. Эта инновация дополняет ряд уже приводимых нами слов, ср.: *Джигурдец, криздец; рецессец, песнец, хрустец, бензец, стабилизец, витаминЕц, Армагеддец, Крымздец.*

Полагаем, что неприкрытое ерничество можно увидеть и в других примерах ЯИ, напр.: *Трамп-пам-пам и наш большой бабах* (КП.01.03.2017).

В следующем же примере эпатажность создается за счет объединения в одном ряду разнородных понятий, которые стали ключевыми для текущего момента, ср.: *Лабутены, гелендваген, русиано и трампизм* (Lenta.ru. 21.12.2016).

Представим примеры, которые демонстрируют возможности словотворчества: *Трамплин для народа* (АиФ, 2016, №47); *Успешная трамплантация* (АиФ, 2017, №5); *Готовьтесь к трампокалипсису* (НТВ. 28.01.2017). Полагаем, что все они, так же как и инновация *трампец*, оценочны. В первом случае оценка содержится в самой инновации, в способе ее образования, в контекстах же *Трамплин для народа* и *Успешная трамплантация* характер оценки определяется в одном случае указанием на интересы народа, в другом – оценочным прилагательным *успешная*. Наконец, в последнем из примеров коннотация инновации, безусловно, определяется значением сегмента *-покалипсис*, восходящего к *апокалипсис*.

Таким образом, анализ инноваций, производящей базой для которых послужили антропонимы – фамилии первых лиц Соединенных Штатов Америки, позволяет, во-первых, убедиться в масштабности словотворчества, ЯИ в языке современных рос-

сийских СМИ, во-вторых, увидеть переход к словоерничеству, к эпатажу, которые более свободно используются при оценке «чужого».

Литература

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: «Языки русской культуры», 1996. – С. 90 – 141.
2. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов-на-Дону: изд-во Рост. Ун-та, 2002. – 360 с.
3. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В.Ильясова, Л.П.Амири. – М.: Флинта, 2009 и последующие издания. – 296 с.
4. Ильясова С.В. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия: монография / С.В.Ильясова, Л.П.Амири. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 328 с.

СПЕЦИФИКА ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Д.Г.Куренова, О.Е. Павловская

Кубанский государственный технологический университет

Кубанский государственный аграрный университет

(Краснодар)

Проблема взаимодействия искусств, интерпретируемая в терминологии последних десятилетий XX века как интермедальность, имеет глубокие исторические корни. Интерес к синтезу, диалогу различных форм и жанров искусств проявляли еще ученые Античности (литература – музыка, литература – живопись и др.). Однако понятие "интермедальности" было введено в литературоведение Сэмюелем Кольриджем, английским поэтом-романтиком, который под термином *intermedium* подразумевал нарративные функции аллегории, только в 1812 году. С тех пор понятие интермедальности разрабатывалось многими учеными, но до сих пор оно остается не установленным окончательно. Поэтому в качестве рабочего нами взято определение интермедальности, данное Н.В. Тишуниной, под которым понимается «специфическая форма диалога культур, осуществляемая посредством взаимодействия художественных референций» [1, с. 153]. При этом художественными референциями могут выступать художественные образы, стилистические приемы, имеющие опре-

деленный знаковый характер для каждой конкретной исторической эпохи. Слово *медиа* употребляется для обозначения широкого информационного пространства, образуемого средствами массовой информации. Одним из таких средств является реклама.

Разного вида рекламы активно используют идеи и образы литературных и музыкальных произведений, а порой и совмещают их в тексте одного рекламного сообщения. Например, в рекламных роликах пива «Балтика» используются трансформированные строки стихотворений М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина и других авторов, однако таким образом, чтобы они оставались узнаваемыми для целевой аудитории:

*Так что объединяет нас в России?
К примеру, схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Или звезда по имени солнце,
Дубы-колдуны, свет в оконце
И где-то парус одинокий...
Нам всем любые дороги дороги!
И мир прекрасен этот, посмотри!
Вот что в России ценим мы!*

Слоган: «Балтика. Там, где Россия»

В этом телевизионном ролике торговой марки «Балтика» объединены и строки из стихотворений М.Ю. Лермонтова «Бородино» и «Парус», и слова из известных песен («Звезда по имени Солнце» В. Цоя, «Как прекрасен этот мир» Д. Тухманова, «Песенка друзей» из мультфильма «Бременские музыканты», «Песня про зайцев» из кинофильма «Бриллиантовая рука»).

Литературные образы часто становятся основой для создания рекламного сообщения (таблица 1)

Таблица 1 – Примеры литературных образов в рекламных сообщениях

Компания // торговая марка	Текст	Основа
«Уральский банк», наружная реклама	1. Большому кораблю – большое плавание 2. Лёд тронулся! 3. Не изобретай велосипед!	Н.В. Гоголь, «Ревизор» И. Ильф, Е. Петров, «12 стульев»
«МТС», телевизионная реклама	1. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека... 2. И я в разлуке изнемог! И я – в тоске! Я гнусь	А.А. Блок, «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

	Под тяжкой ношей... Теперь я спрячу счастье под замок, – Вернись ко мне: я все-таки хороший...	И. Северянин, «Романс»
«Mercedes Mystic», интернет-реклама (серия баннеров)	1. Красота спасет мир 2. Гений чистой красоты!	Ф.М. Достоевский, «Идиот» А.С. Пушкин, «К ***»
«Балтика», телевизионная реклама	Так что такое классика в России? Конечно же, желтеющая нива. Как гений чистой красоты вода И хмель, что самых честных правил, Соединенные в прекрасный наш союз, Классический – годами неизменный вкус!	М.Ю. Лермонтов, «Когда волнуется желтеющая нива...» А.С. Пушкин, «К ***» А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»
Чай «Майский», телевизионная реклама	Давно сердечное томленье Томило ей младую грудь; Душа ждала... кого-нибудь И дождалась. Открылись очи; Она сказала: «Это он!»	А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»

В данных примерах художественными референциями выступают литературные образы, которые в рамках рекламного текста выполняют прагматическую функцию – влияют на принятие решения о приобретении того или иного товара. Кроме того, данные примеры показывают, что используемые образы не просто цитируются, а подвергаются определенной трансформации, «модификации различных языковых структур и образований, включающихся в новый языковой и смысловой контекст» [2, с. 43].

Использование в рекламе музыкальных образов, помимо прагматической функции, выполняет еще и эстетическую, дополняя и стимулируя первую:

- в телевизионном рекламном ролике чая «Майский» стихотворные строки А.С. Пушкина звучат на фоне музыки А. Хачатуряна к драме «Маскарад»;

- в рекламном ролике компании «РосТелеком» используется музыка Э. Грига «В пещере горного короля» из сюиты «Пер Гюнт»;

- ролик «Samsung Galaxy S4» транслируется на фоне музыкального произведения А. Вивальди «Зима» из цикла «Времена года»;
- салон меховой одежды «Снежная королева» в качестве основы телевизионного рекламного ролика использует вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь» Е. Дога;
- рекламный сюжет торговой марки «Nescafe Classic» разыгрывается на фоне «Большого вальса» из балета «Лебединое озеро» П.И. Чайковского и т.д.

Таким образом, можно говорить о многослойности современной рекламы, в которой собственно рекламный текст переплетается с литературным и/или музыкальным текстом и, трансформируя его, создает, по сути, новое сообщение, выполняющее несколько функций: сообщения, воздействия, эстетическую и побуждения. Следовательно, спецификой интермедиальности в рекламе является создание на основе «диалога» искусств принципиально нового сообщения, полученного с помощью семиотической неоднородности художественных текстов разных художественных культур и вступающего в речевую коммуникацию с читателем/слушателем. Однако многослойность рекламного текста создается не только на основе литературных и музыкальных образов. Интермедиальной канвой рекламы могут выступать и персонажи кинофильмов, и герои театральных постановок, и образы, ставшие историей и запечатленные в скульптуре, и образы современной поп-культуры.

Литература

1. Тишунина Н.В. Специфика интермедиальных связей в рекламном дискурсе // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 149-154.
2. Хамина А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38 – 45.

НАРУШЕНИЯ РЕЧЕВЫХ НОРМ В СПОРТИВНОМ РЕПОРТАЖЕ

С.В.Лягунова

Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского
Кубанский государственный технологический университет
(Краснодар)

Восприятие информации «звучащих» средств массовой коммуникации от адресанта к адресату часто зависит от принадлежности слушателя (зрителя) к определённой социальной группе. Спортивный журналист, организуя телевыступление в репортаже, должен соблюдать нормы литературного языка и в то же время сохранить самобытность своей речи, при этом важно, чтобы он знал и понимал воспринимающую его аудиторию, взаимодействовал с ней. Общество замечает происходящие в языке СМИ (в частности, телевидения) отклонения от речевых норм и не остаётся равнодушным к этому. Различные искажения и «порча» русского языка в речи спортивных комментаторов могут быть обусловлены социальной ориентированностью радио и телевидения, но могут объясняться и просто их (комментаторов) профессиональной неподготовленностью и языковой безграмотностью.

Помня о том, что телеречь должна быть динамична, а спортивная игра сама по себе весьма динамична, комментаторы стремятся максимально быстро реагировать на все изменения игровой ситуации и для достижения своей главной цели – яркого и адекватного комментария – прибегают к различным речевым приёмам. В результате, к сожалению, эти приемы, будучи использованы неумело и неправильно, нередко приводят к колебаниям и нарушениям литературной нормы. Превалирование смысла над формой, возникающее в процессе формирования спонтанной речи некоторых комментаторов, влияет на восприятие информации слушателями, что может привести к коммуникативным неудачам и недоразумениям.

Целью статьи является выявление некодифицированных единиц и «порождающих» их речевых приёмов в комментариях спортивных журналистов и анализ их негативного влияния на языковое оформление жанра спортивного репортажа.

Материалом данной статьи послужили репортажи двух матчей по гандболу на Кубок ЕГФ:

- «Ростов-Дон» – «Битигхайм» от 28.01.2017. Комментаторы: Сергей Приголовкин и Артём Шмельков (*далее в таблице – [1]*)

- «Лейпциг» – «Кубань» от 28.01.2017. Комментаторы: Игорь Щукин и Станислав Урюпченко (*далее в таблице – [2]*)

Кодифицированная норма в условиях устной речи может находиться в колебательном состоянии. Явление колебательности нормы отличается от вариативности. Как заметила О.А. Лаптева: «Вариативность – это нормативность не одного, а более чем одного адекватных задачам сообщения языковых средств, из которых в узусе отправитель речи производит выбор согласно своим установкам и вкусу. Колебательность – это не только вариативность, но и изменение самой структуры нормативного явления (т.е. одного из вариантов), изменение его нормативного, узаконенного облика. В конечном счёте, это отступление от нормь» [2].

Сама языковая ошибка противоположна нормативности. От нормы до ошибки и колеблется литературный стандарт. Часто то, что может быть нормой, «перетекает» в противоречащие ей языковые «погрешности».

По нашим наблюдениям, в спортивных репортажах частотны следующие отклонения от общелитературной нормы:

А) Языковая избыточность – речевая ошибка, чаще возникающая при быстром темпе речи либо ограниченном словарном запасе говорящего. Большинство случаев употребления лишнего члена высказывания не нормативно с точки зрения стандартной нормы.

Б) Лексический повтор. Нормативная стилистика предписывает лексическое разнообразие и запрещает неоправданный лексический повтор. Не всегда представляется возможным легко отделить случаи немотивированного повтора от случаев мотивированного. Но чаще слово, употреблённое неоднократно в предложении, всё же избыточно, а потому и ошибочно.

В) Просторечие – неуместное употребление просторечных конструкций.

Г) Окказионализмы. Использование окказионализмов может быть весьма ярким и самобытным, украшающим спортивный комментарий. Однако чаще, как показывают наши наблюдения,

окказионализмы хоть и помогают сделать речь экспрессивно-эмоциональной, слишком выходят за пределы литературного языка.

Д) Неправильное употреблении фразеологизмов. Наиболее типичными ошибками являются:

- замена компонента фразеологического сочетания;
- неоправданное сокращение или расширение состава фразеологического оборота;
- использование неточного определения в составе фразеологического сочетания;
- контаминация двух оборотов (случайная, не преднамеренная);
- искажение грамматической формы компонентов фразеологизма;
- нарушение грамматической связи фразеологизма, не соответствующего контексту;
- употребление фразеологизма, не соответствующего контексту;
- стилистическая неуместность использования фразеологического оборота.

Е) Неточное употребление слова.

Ж) Лексическая несочетаемость. Границы лексической сочетаемости могут определяться многими факторами: стилистической принадлежностью слов, их семантикой, грамматическими свойствами, эмоциональной окраской и т.д. Лексическая сочетаемость тесно взаимодействует с грамматической, от которой зависит возможность соединения одних частей речи с другими, а также их словоизменительные особенности.

З) Нарушение порядка слов в предложении. Нарушение прямого порядка слов со смысловой и стилистической целью – это инверсия. Однако беспорядочное нагромождение слов, неоправданное и непреднамеренное нарушение порядка слов, вызывающее смысловое искажение текста, является недопустимым, это синтаксическая речевая ошибка.

Рассмотрим конкретные примеры из указанных выше репортажей двух матчей по гандболу (см. таблицу).

Тавтология	<p>1. Кристина Эриксон. Ну, в <i>розыгрыше</i> действительно она <i>играет</i>. [1]</p> <p>2. И это <i>славный</i> город воинской <i>славы</i>, Ростов-на-Дону... [1]</p> <p>3. ...Выбросили свою лиго-чемпионскую кампанию нынешнего сезона, одержав только одну <i>победу</i>, ни разу <i>не победив</i> в гостях, и теперь они играют в кубке ЕГФ. [1]</p>
Лексический повтор	<p>1. Не удаётся <i>быстро</i> разыграть, <i>быстрый</i> ответ у ростовской команды не вышел. [1]</p> <p>2. Мы знаем <i>её</i> по исходной <i>её</i>. [1]</p> <p>3. Пока очень <i>чётко</i> работают арбитры и очень <i>чётко</i>, со знанием дела. [1]</p> <p>4. 23-20. С таким счётом ростовчанки выиграли гостевой поединок, по ходу которого <i>вели</i> в счёте, <i>ведут</i> они и с самых первых минут домашней встречи. [1]</p> <p>5. Вот-вот начнётся у нас игра. <i>Вообще</i>, скажем так, интересная состоится <i>вообще</i> ситуация в кубке ЕГФ. [2]</p> <p>6. 80 <i>процентов</i> это великолепный <i>процент</i>. [2]</p> <p>7. Хотя мы уже рассуждали со Станиславом, при <i>вот такой вот</i> разнице игроков, <i>от которых</i> стоит <i>ждать</i> неприятностей, здесь заступ, конечно, был метровый, практически. <i>Так вот</i> при <i>таком</i> разнообразии гандболисток, <i>от которых</i> можно <i>ждать</i> беды, очень трудно добиться единого бомбардира. То есть гонку бомбардира трудно выиграть, <i>так как</i>, максимум, забирают 5 мячей, кто лучше. [2]</p>
Употребление просторечных конструкций	<p>1. И здесь, <i>прямо скажем</i>, <i>так себе</i> лучший игрок Германии 2013 года. [1]</p> <p>2. Итак, <i>поехали</i>, Сергей Приголовкин, Артём Шмельков работают для вас. [1]</p> <p>3. Датский специалист, который работает с немецкой командой, имеет довольно <i>разнопёрый</i> такой, <i>разношёрстный</i>, опыт работы с неплохими евро-</p>

	<p>пейскими командами, в частности, он делал чемпионом Германии Лейпциг. [1]</p> <p>4. Подставлялась Манагарова, но <i>не суть важно</i>. [1]</p> <p>5. Вот, скажем, 5 минут пройдёт, будет ли он в пользу Кубани? [2]</p> <p>6. Хотели бы, да, <i>десяточку</i>, да. [2]</p> <p>7. Вернул <i>немножечко нам должок</i>. [2]</p>
Использование окказионализмов	<p>1. Я думаю, когда мы немножко <i>попристальней</i> всмотримся в игру команды... [1]</p> <p>2. Как она <i>феерила</i> в конце прошлого сезона за Бухарест! [1]</p> <p>3. Она стала одной из <i>могилицыц</i> «Ростова» в Лиге Чемпионов. [1]</p>
Ошибки при употреблении фразеологизмов	<p>1. <i>Срывался</i> уже, честно, <i>этот посыл</i> у меня с языка по поводу того, что пасовала Нина. [1]</p> <p>2. Если же ростовчанки спокойно и <i>без крови из носа</i> выигрывают против Битигхайма ... [1]</p> <p>3. Она вознамерилась <i>тянуть</i> одна <i>бомбардирскую</i> лямку сегодня. [1]</p> <p>4. Ну вот, пока <i>нашли ключики к ее воротам</i> в самом начале ростовские девчонки, и пока идёт атака ростовчанок. [1]</p> <p>5. И теперь уж точно Ростов <i>кровь из носа</i>, <i>вынь да полож</i>, обязан бороться за победу в кубке ЕГФ. [1]</p> <p>6. Ну, приостановили здесь быструю атаку, хорошо, хоть так. <i>Из двух зол выбрали меньшую</i>. [2]</p>
Неточное употребление слов	<p>1. <i>Отгрузила</i> она всё же 13 мячей всё тому же норвежскому Бьёссену. [1]</p> <p>2. Манагарова, которая всё же <i>окучила</i> весь этот шестиметровый <i>периметр</i>, получает мяч. [1]</p> <p>3. Ой, ну, посмотрите, совершенно <i>расстрелянная</i> <i>передача</i>. Она не попадает в ворота. [1]</p> <p>4. Красивейший мяч, <i>воздушка</i>.</p> <p>5. В <i>позиционном направлении</i> хорошо двигаются. [1]</p> <p>7. Это худшее, что она могла придумать, –прийти</p>

	<p>на наших центральных и <i>зарядить</i> в блок. [1] 8. И вот так в нашего капитана <i>вонзается</i> Нина Кристин Мюллер. [1] 9. Ну, здесь было нарушение, конечно, <i>зарубили</i> немку. [2] 10. Вика Желенская у нас на площадке, <i>понятное дело...</i> Это <i>отдельное</i> зрелище [2]</p>
<p>Синтаксические ошибки: Нарушение порядка слов в высказывании. Беспорядочное нагромождение слов. Нарушение союзной связи, неправильное употребление союзов.</p>	<p>1. Возможно, смутила молодую левшу датскую... [1] 2. Ой, ну, какие моменты не реализуют ростовчанки один за другим. [1] 3. Великолепным броском, хитрым, в ближний угол опять увеличивает разрыв в счёте. [2] 4. Ксения тоже великолепным броском в дальний угол увеличивает разрыв. [2] 5. Вот, Игорь, то, что, о чём мы с Вами говорили. [2] 6. Скажем так, сейчас можно было и не давать нам свободный бросок, понимая, наверно, ответственность за свою прошлую ошибку. [2] 7. Ну, вот так, знаете, снисходительность, тем не менее, это может нам стоить выхода в следующий раунд. [2] 8. Я всё-таки думаю, что мы сами ответственны за свой следующий выход и обязаны выиграть у Венгрии, и уже дома, естественно, в Лейпциге и в Венгрии, и в последнем туре, решающем, когда мы будем здесь принимать французский «Брест», уже я надеюсь и желаю, что мы будем биться за первое место. [2]</p>
<p>Лексическая несочетаемость</p>	<p>1. Резкие передачи, не передерживают мяч, <i>никто не вяжется</i>. [1] 2. Да, ну, Нина Вёрт Мюллер – вновь <i>бросок под шаг по голове защитнице</i>. [1] 3. Вот-вот начнётся у нас игра. Вообще, скажем так, интересная <i>состоится</i> вообще <i>ситуация</i> в кубке ЕГФ. [2]</p>

Таким образом, все лексические и синтаксические отклонения от нормы являются одновременно и стилистическими ошибками, нарушающими русскую литературную речь. Наиболее частотны в проанализированных репортажах немотивированные повторы, тавтология, трансформация слов и фразеологизмов, искажение грамматической формы, просторечная лексика, нарушение порядка слов и их беспорядочное нагромождение в высказывании. Все это вызывает колебательность нормы, негативно влияющую на выполнение таких речевых задач спортивных комментаторов, как:

- точность и ясность информации;
- целостность и связность произносимого текста;
- выразительность и стилистическую нормативность речи.

Литература

1. Карасик В.И. Аспекты языковой личности // Языковая личность: проблемы когнитивно-ориентированной и коммуникации: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград, 2001.
2. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 520 с.
3. Матвеева Л.В., Анисеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. – Москва: Московский гос. ун-т. им. М.В.Ломоносова, 2000.
4. Милюк Н.М., Немец Г.И. Язык и культура: практикум / Н.М.Милюк, Г.И.Немец. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2014. 128 с.
5. Павловская О.Е., Трошева Т.Б. Русский язык и культура речи: курс лекций / О.Е.Павловская, Т.Б.Трошева / КубГАУ. Краснодар, 2009. 84 с.

ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА ФАКТА И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Г.Н. Манаенко

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

(Ставрополь)

Корреляция *событие – факт*, как и их составляющие, которые всегда были в фокусе внимания представителей разных областей гуманитарного знания, приобретают особую значимость для современного дискурса масс-медиа. Не менее существенной

предстает и проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ. Так Г.М. Соловьев отмечал: «Если бы новостной факт был однолинейно хрестоматийным видением, то это не было бы событием и знанием (в публицистическом плане)» [16, с. 12]. При этом осознание особенностей языка и дискурса дает основания для рефлексии над сущностью, целями и способами гуманитарного познания в целом. М.М. Бахтин отмечал, что сознание и мышление человека, его «дух» предстают перед исследователями в форме текстов, опосредованных языково-знаковым выражением. Мысли о мыслях, высказывания о высказываниях составляют суть социального познания, так как человек проявляет себя в тексте, которому присущи значение, смысл и ценность: «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан ведь как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [2, с. 294].

Концепт *факт* «в разной связи обсуждался в философских, логических и лингвистических работах. В философии – это проблема реальности факта, то есть его отнесенности к онтологии или эпистемологии. В логике – это, прежде всего, вопрос о структуре атомарного факта и способах его представления. В лингвистику проблема факта вошла вместе с концепцией пресуппозиций – той информации, которая в составе высказывания принимается за истинную [1, с. 503]. Поскольку же многие аргументы в обосновании той или иной трактовки факта в различных науках опираются на языковое употребление, есть возможность обратиться к решению данной проблемы в лингвофилософских исследованиях, тем более что интерпретация факта языковедами осуществлялась на основе синтеза постановки вопроса о природе факта и его свойствах в смежных гуманитарных дисциплинах. События, произошедшие в недавнем времени на Украине и в Сирии, а точнее, их представление и закрепление в информационном пространстве, также побуждают к теоретическому осмыслению данной корреляции. К сожалению, в зарубежном дискурсе масс-медиа актуализированы и превалируют в качестве номинации «факта действительности» выражения «аннексия / оккупация Крыма», «агрессия России в отношении Украины», «российское вторже-

ние на Донбасс», «бомбардировки мирного населения в Сирии» и т.п.

Почему же принципиально важно учитывать особенности языкового воплощения происходящих событий и почему, к примеру, стала возможной антироссийская пропагандистская кампания, а в информационном пространстве Европы и Америки реанимировался образ России – «империи зла»? Чтобы ответить на данные вопросы, следует прежде всего отказаться от понимания факта как явления действительности.

В первую очередь обратимся к словарной дефиниции: «Факт (лат. *factum* – сделанное) – действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-л. заключения вывода [15, с. 635]. Из второй части лексического значения слова *факт*, следует, что факты *знают*, поскольку факты чаще всего принадлежат прошлому, что следует из первой части словарной дефиниции. В развитие этой идеи З. Вендлер отмечал: «Что же касается самих фактов, а также родственных им причин, результатов и т.п., то они, так сказать, сделаны совсем из другого материала. Во-первых, они не являются созданиями человека в том смысле, что они не относятся к результатам речевой или интеллектуальной деятельности. То, что некто сказал или подумал нечто, может быть фактом, но этот факт никоим образом не тождествен принятому мнению или сделанному утверждению. <...> ... то, что является объектом мнения или утверждения, не относится к фактам как таковым; в лучшем случае оно может соответствовать или удовлетворять фактам» [3, с. 304].

Как утверждает Н.Д. Арутюнова, во многом смешение *фактов* и *событий*, отмеченное для теории познания и в еще большей степени характерное для обыденной речи, обусловлено смещением значения имени *факт* в сторону действительности: факты выступают в качестве первичных, заранее данных сущностей, а истинные суждения, их констатирующие, – в качестве вторичных. Факты считаются независимыми от наших утверждений. Однако Н.Д. Арутюнова убедительно аргументировала и доказала обратное: «Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно» [1, с. 491]. Иными словами, события наполняют собой действительность, говоря о

них, человек превращает их в факты. При этом необходимо учитывать, что окружающий мир представляется человеку отнюдь не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В.А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека... Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание» [4, с. 188].

Следовательно, в корреляции *факт – событие* появляется среднее звено – *ситуация*. Ситуация – это взгляд человека на событие, ракурс представления в сознании человека «действительного, невымышленного происшествия, события, явления». Для того чтобы ситуация приобрела другие свойства факта, данные в его дефиниции, она должна получить языковое воплощение, которое, войдя в мир дискурса, позволит ситуации, выделенной в событии, стать «твердо установленным знанием, данным в опыте» и разделенным другим. Репрезентация ситуации как ментального образа возможна на основе *пропозиции*. Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он воссоздает ситуацию, выбирая глубинный предикат. Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию, т.е. событие (*событие*) в представлении говорящего. Следовательно, корреляция *событие – ситуация – факт* неизбежно трансформируется в корреляцию *событие – ситуация – пропозиция – факт*.

Мир дискурса – это онтология языка и фактов, именно здесь и вычленяются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями, и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека [см.: 6; 7]. Именно поэтому одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то, что находится вне человека, действительно, представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их

свойств и отношений между ними – то или иное *событие*. Из чего следует, что онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Но не просто истинные суждения, а суждения, истинные для определенного национального лингвокультурного сообщества. Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего также можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Таким образом в массовой коммуникации становится возможным «переименование» событий, или, по существу, замена одних фактов другими. Дискурсивная природа факта объясняет и феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотнесенность фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличении *ситуации и события* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины мира. Следовательно, можно утверждать о проблеме *выбора* факта и его закреплении в информационных потоках, что и придает факту характер предварительной *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны инициатору конструирования социальной реальности. Именно поэтому события на Украине чаще номинируются словами *российско-украинская война, агрессия России*, предполагающими двух и более участников и переводящими данные события из внутреннего конфликта (по сути, гражданской войны) в двусторонний (так Россия предстает *агрессивной* стороной в вооруженном противостоянии) и оставляющим за пределами информации о данном событии *факты* военной агрессии и политики геноцида своего народа, осуществленного режимом Порошенко, который, в свою очередь, был идентифицирован в информационном пространстве стран Северной Америки и Европы в качестве подлинного демократического политического деятеля, законно избранного президента Украины.

Между тем, как отмечает Г.Г. Почепцов, «Вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода

информационные фильтры» [11, с. 137]. Инерционность массового сознания – условие, позволяющее в целях пропаганды апеллировать к прошлым символам, к которым массовое сознание относится уже как базовым, маркирующим определенную картину мира. В этой связи У. Матурана справедливо писал, что «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [10, с. 140]. Именно поэтому с укорененной точки зрения любого европейского или американского обывателя, не может «демократическое» правительство Украины, попирая гражданские свободы, физически уничтожать несогласных и уничтожать инфраструктуру территорий, «занятых сепаратистами и российскими наемниками». Вот почему из реального события выделяются другие ситуации, языковое выражение пропозиционального содержания которых позволяет совершенно иначе не только сформировать и подобрать факты, соотнесенные с данным событием, но и дать ему оценку, которая неявным способом поддерживается благодаря использованию в контекстах соответствующей дискурсивной лексики [см.: 8; 9].

В результате подобного подбора и языковой репрезентации фактов создается основа для более циничных манипуляций массовым сознанием и откровенной лжи, которая превращается в безусловные факты, формирующие не только «сиюминутную» картину мира, но и историю. Представляется очевидным, что когнитивно-дискурсивный анализ политической коммуникации является мощнейшим механизмом противостояния информационной агрессии и навязыванию как спекулятивной «политической картины мира» в частности, так и деформированного «образа мира» в целом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. С. 293 – 317.
4. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с.
6. Манаенко Г.Н. Онтология мира дискурса (к проблеме соотношения сознания и идеального) // Язык. Текст. Дискурс. 2004. № 2. С. 14 – 38.
7. Манаенко Г.Н. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 87-97.
8. Манаенко С.А. Достоверность аналитического текста публицистики: языковой аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность II Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2004. С. 436 – 437.
9. Манаенко С.А. Языковое выражение коммуникативных интенций автора в аналитическом тексте публицистики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 108 – 113.
10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 95 – 142.
11. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 180 с.
12. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1993. – 740 с.
13. Соловьев Г.М. Лингвопублицистическая корреляция «факт – оценка»: Автореф. дисс. ... д. филол. н. – Краснодар, 2000. – 42 с.

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ

Ю.В. Маркина

Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону)

На сегодняшний день в современной лингвистике широко обсуждается вопрос активного заимствования иностранных слов. Активизация процесса заимствования возможна при определенных условиях развития общества, которые формируют предпосылки заимствования. «В наши дни к таковым относятся: интенсификация коммуникативных контактов носителей русского языка с носителями других языков; формирование открытого общества; готовность общества принять иноязычные средства выражения; престижность иностранного слова; тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, т.е. стремление к краткости» [2, с.10].

Процесс проникновения иноязычных слов, несомненно, неизбежен для любого языка и является закономерным следствием его развития в реальной коммуникативной среде. С одной стороны, заимствование иноязычной лексики – это один из способов развития и обогащения русского языка. Важно только, чтобы влияние одной культуры на другую не было подавляющим. По мнению исследователя Г.Ю. Богданович, «оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов» [1, с. 63].

С другой стороны, в современных медиатекстах присутствует чрезмерное употребление новых иностранных выражений. Сегодня некоторые журналисты употребляют заимствования, даже не задумываясь над их значениями, просто с целью «быть в тренде» и показаться своей аудитории «знающим» человеком. На наш взгляд, современные медиатексты неоправданно переполнены новой иноязычной лексикой, что, несомненно, плохо влияет на сохранение самобытной национальной культуры. Например:

– *Ночной клуб Platinum открыт не только для любителей потанцевать под качественную клубную музыку, но и для тех, кому нравится петь. После **рестайлинга** и проведенного **апгрейда** для всех любителей профессионального караоке Platinum представляет «Караоке холл» («Gloria». – №4.-2008. – С. 25).*

– *Этот модный сервис доставит вино и закуски, музыку и праздничный **антураж** в любую точку по желанию клиента и всех обслужит. Этот дуэт украсит комплект в стиле **casual** («Gloria». 2010. № 3. С. 17).*

– *Снимая жакет, вы получаете элегантный **лук!** («Искусство потребления». 2012. № 5. С. 19).*

Значительную роль в процессах заимствования играют средства массовой информации, особенно гляцевые издания – культурный феномен, заимствованный у Запада, который принес вместе с собой новую лексику, новую модель поведения и даже новую идеологию. Сегодня все, что связано с модой, находится на пике популярности. О модной индустрии, снимают телепередачи,

пишут книги, появляется большое количество модных изданий [3, с. 28]. Дизайнеры и главные редакторы глянцевого журнального рынка – это медийные персонажи, интерес к которым едва ли не больший, чем к представителям сценических профессий. В модный бизнес вовлечено огромное множество структур, в нем работает бесчисленное количество людей.

Глянцевые журналы активно привносят новую лексику. По мнению многих аналитиков, «глянцевый рынок» влияет на палитру современных средств массовой информации и на развитие литературного русского языка. Глянцевая публикация в первую очередь выделяется частотой употребления специальной, «модной» иноязычной лексики: *кутюрье, дефиле, тренд, имидж, бренд, лук, брашинг, лифтинг, одежда с принтом, SPA, нейл-арт, wellness, имидж-мейкинг, боди-билдинг, гламур, фитнес, шейпинг, шугаринг, стайлинг, пилинг* и другие. В основном эти заимствования присутствуют в рекламных материалах. «В женских журналах наблюдается тенденция замены отечественных лексических единиц, конструкций иностранными, что обеспечивает увеличение эффекта национального колорита, способствует популяризации иностранных слов. Допускается использование иностранной лексики и без перевода: «стадия relax», «back stage месяца», «cool», «not cool», «concept store», «урок aqua belly dance», «украшения haute joaillerie» и другие» [7, с. 83].

Благодаря глянцевым журналам в современный речевой обиход вошло большое количество неологизмов. Например, *фэшин, мажор, селебрити, шоппинг, клаббер, метросексуал, дресс-код, кидалт, чайлдфри, хипстер, молл, артхаус, лук (вид, образ), контент, сиквел* и т.п. [6]. Все эти заимствованные слова являются своеобразными «лингвистическими кодами» – единицами языка, формирующими, в конечном итоге, тип культуры [5, с. 86].

Предупреждения лингвистов об угрозе утраты самобытности языков подтверждаются и при прочтении должностей в издательстве «модных» глянцевых журналов, имеющих международный статус, например, «Vogue». В издательстве русской версии представлены следующие должности: директор по маркетингу / Marketing Director; бренд-менеджер / BrandManager; PR-директор / PR Director; IT-директор / IT Director.

По мнению Н.А. Кулешовой, «в современных глянцевах журналах уже само слово «мода» встречается намного реже, чем английский аналог «fashion» (фэшн)» [4, с. 80].

Таким образом, выразительные возможности русской лексики становятся неотъемлемым условием культурной интеграции и коммуникации. Вводить и использовать заимствования, конечно, нужно. Но они должны быть оправданными и не должны засорять родную речь, т.е. применяться лишь в случае необходимости, чтобы не подвергать нарушению целостности национального русского самосознания.

Литература

1. Богданович Г.Ю. Формирование полилингвокультурной парадигмы в языке // Лингвистика XXI века. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». М., 2014. – С. 61–69.
2. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж. – 2001. – 24 с.
3. Кулешова Н.А. Язык моды в эпоху глобализации (об англо-американских заимствованиях в русской, испанской и французской версиях журнала Vogue) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 71–83.
4. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
5. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.
6. Попова И.В. Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материале журналов о моде): Автореферат дисс. канд. филол. н. – М., 2007. – 25 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/xzz4HTo6lCcW/>.
7. Smeyukha V. The use of foreign vocabulary in women's magazines: functions and features // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 1 (66). – С. 81–95

МЕТОДИКА ДЕЗАВУИРОВАНИЯ ЛЖЕИМЕНОВАНИЙ В РУССКОЙ ПРОПРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова

Донецкий национальный технический университет

(Донецк)

Формирование актуального ономастического пространства характеризуется двумя противопоставленными тенденциями.

С одной стороны, оно объективно расширяется, объединяя в своих языковых конструктах ежесекундно пополняющийся мир новой собственности.

С другой, оно субъективно «исправляется» тенденцией к переименованиям и лжеименованиям, которые не только сужают, но и уничтожают культурно-историческую реальность: *Красноармейск – Покровск, пос. Красный Партизан – Бетманово, Комсомольское – Кальмиусск, Краснопереконск – Яны Капа*; русск. *Николай, Дмитрий, Елена, ул. Речная, пос. Никольское* – укр. *Микола, Дмитро, Олена, Річна, Микільське* (правильно: *Ніколай, Дмитрій, Єлена, Рєчна, Нікольське*).

Чтобы устранить эти противоречия, ономастика должна пересмотреть свои языковые приоритеты, взяв под защиту правовую сферу хозяйственной деятельности и одухотворенный человеком мир (или, по В.И. Вернадскому, ноосферу [1]). Другими словами, процесс официального статуйирования собственных имен как категории права, фиксирующего конкретный объект, включенный в имущественно-хозяйственную деятельность и имеющий информативную «привязку» к явлениям материальной и духовной культуры или фактам истории (*Донецк, Москва, Пушкин, Иван Иванович, Толстой, Ледовое побоище, Невский, Великая Отечественная война, Антанта, НАТО, Вавилон* и т.п.), должен стать главным предметом профессионально-языковой компетенции нового направления науки об именах и названиях – правовой ономастики [2].

Чтобы понять сферу применения и масштабы ее влияния на общество, проанализируем примеры манипулирования гражданско-правовым сознанием при проведении идеологически заангажированной политики относительно реальных объектов номинации. Наиболее примитивный, но и наиболее опасный способ стирания значимых для народа событий и реалий – «ползучая» подмена одних собственных имен другими, которая прошла в своем «развитии» шесть этапов:

1. Постепенное уменьшение частотности актуальных собственных имен (таких, как *Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 г., День Победы*), а затем их замена понятийными «синонимами». Первый такой залп по народной памяти с ис-

пользованием соответствующей методики был осуществлен еще в 1991 г., когда из некоторых украинских изданий были вычеркнуты понятия «Великая Отечественная война», «советский народ» и заменены на «Вторую мировую войну» и «украинский народ» (см. тему «Друга світова війна та участь у ній українського народу» в учебнике «Нариси історії України» [5, с. 163]).

2. Манипулирование графическими символами, в частности, прописной-строчной, строчной-прописной буквами или кавычками: *Отечественная война – отечественная война, Октябрьская революция – октябрьский переворот; ДНР – террористическая организация «ДНР», Глава ДНР – «так называемый глава «ДНР», министр связи – Министр связи, кафедра финансов и банковского дела – кафедра «Финансы и банковское дело», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского – Федеральное государственное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», голодомор – Голодомор.*

3. Замена русских онимов «национальными эквивалентами», опирающимися якобы на языковую «традицию»: *Антонов – Вінтонів (правильно: Антонов), Михаил – Михайло (правильно: Михайл), Николаев – Миколаїв (правильно: Ніколаїв), Екатерина – Катерина (правильно: Єкатерина).*

4. Внедрение в нормы передачи собственных имен моделей исключительно национального звучания, написания или «перевода» (см. об этом более подробно: [3; 4]): *Одесса – Одеса (правильно: Одесса), Россия – Росія (правильно: Россія), Горловка – Горлівка (правильно: Горловка). Константинополь – Костянтинопіль (правильно: Константинополь), Красный Молочник – Червоний Молочар (правильно: Красний Молочник), Ласточкино Гнездо – Ластівчине Гніздо (правильно: Ласточкине Гнездо), Никольское – Микільське (правильно: Нікольське), Углегорск – Вуглегірськ (правильно: Вуглегорськ), Набережные Челны – Набережні Човни (правильно: Набережні Челни), Советская Армия – советська армія (правильно: Радянська Армія), Советский Союз – Советський союз (правильно: Радянський Союз).*

5. Антонимичное противопоставление понятий одного или даже разных хронологических срезов: *Красная Армия – Визвольна Армія ОУН-УПА, День Победы 9 Мая – День примирення 8*

Травня, Покрова – День Української Повстанської Армії, Русь – Киевская Русь, Русь – Украина-Русь, ул. Михаила Лермонтова – ул. Генерала Дудаева, ул. Щорса – ул. Евгения Коновальца, Петр Первый – Мазепа.

6. Массовое уничтожение фактов, событий и явлений истории при переименовании топонимических объектов, в том числе тех, которые имеют мировую или общенациональную информативную значимость, иницируемых (парадокс по Оруэллу) Украинским институтом национальной памяти, на неподконтрольных Украине территориях Донецкой и Луганской областей без согласия самих собственников (по 38 населенных пунктов в каждой, очевидно, исходя из количественного «плана»), например:

Донецкая область:

поселок *Котовского* Благодатновского сельсовета Амвросиевского района – на поселок *Калиново*;

село *Ленинское* Новоивановского сельсовета Амвросиевского района – на село *Верхнееланчик*;

город *Юнокоммунаровск* Енакиевского городского совета – на город *Бунге*;

село *Петровское* Корсунского поселкового совета Енакиевского городского совета – на село *Кринички*;

поселок городского типа *Красный Октябрь* Нижнекрынского поселкового совета Советского районного в городе Макеевка совета – на село *Липский*;

поселок городского типа *Пролетарский* Горняцкого районного в городе Макеевка совета – на село *Пятиполье*;

село *Октябрьское* Моспинского городского совета Пролетарского районного в городе Донецке совета – на село *Кисличее*;

село *Красноармейское* Новоазовского района – на село *Крещатицкий*;

поселок *Красный Октябрь* Первомайского поселкового совета Снежнянского городского совета – на поселок *Балка*;

город *Комсомольское* Старобешевского района – на город *Кальмиусское*;

поселок городского типа *Тельманово* – на поселок городского типа *Бойковское*;

город *Торез* – на город *Чистяково*;

поселок *Красный Партизан* Верхнеторезского поселкового совета Ясиноватского района – на поселок *Бетманово*.

Луганская область:

город *Красный Луч* – на город *Хрустальный*;
село *Артема* Запорожского поселкового совета Краснолучского городского совета – на село *Жеребьячее*;
город *Краснодон* – на город *Сорокино*;
поселок городского типа *Краснодон* Краснодонского городского совета – на село *Теплое*;
город *Артемовск* Перевальского района – на город *Кипучее*;
поселок городского типа *Пролетарский* Ровеньковского городского совета – на село *Картушино*;
село *Чапаевка* Пролетарского поселкового совета Ровеньковского городского совета – на село *Железнодорожное*;
поселок городского типа *Каменка* Свердловского городского совета – на село *Медвежье*;
город *Стаханов* – на город *Кадиевка*.

Выводы. Одним из основных способов дезавуирования лженазваний и разрешения конфликтных противостояний между официальной и народной историей является определение векторов развития проприальной культуры, не ставшей еще предметом научного анализа. Между тем, современное осмысление социальной природы собственного имени и мировой цивилизации требует поставить ИМЯ на высшую ступень права с юридическим и лингвистическим обоснованием безопасности его функционирования в ноосфере.

Юридическое оформление неприкосновенности имени собственного как основного элемента закона о правах человека позволит обеспечить защиту истории и культуры от субъективных стремлений «авторов от политики» увековечить свои политические «пристрастия» непрекращающимися актами лжеименований и переименований, а разработка лингвистической концепции передачи собственных имен создаст условия для адекватной реализации этого права в конкретной национально-языковой парадигме.

Литература

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

2. Мозговой В.И. Правовые горизонты ономастики / В.И. Мозговой // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука». – К., Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – с.391-401.
3. Мозговой В. И. Теория и практика функционирования собственных имен в правовом контексте // Русский язык в поликультурном мире: X Межд. научно-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.) сб. науч.статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.2. – С. 166-179.
4. Мозговой В.И., Вергазова Л.Г. Формирование культуры обращения с проприальной лексикой в родственных языках. // Русский язык в поликультурном мире: X Межд. научно-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.) сб. науч.статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т.2. С. 446-453.
5. Нариси історії України. Навчальний посібник для студентів вузів та учнів середніх шкіл. // Відповідальний за випуск Б.Д. Лановик. – Тернопіль: Тернопільський інститут народного господарства, 1991. – 216 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «СВОЙ КРУГ» В НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ

В.А. Омеляненко

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Семантическая категория «свой круг», продуктивность которой объясняется её гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием [3, с.45-46] связана с оппозицией «свой» – «чужой», которая участвует в формировании онтологических представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «своё» – «чужое». «Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [13, с. 127]. Этот концепт во многом «формирует картину мира различных народов, поскольку вместе с другими бинарными противопоставлениями (верх-низ, правое-левое, далеко-близко) в конечном итоге реализует архетипическую оппозицию доброе-злое» [8, с.110].

Семантическая оппозиция «свои»–«чужие» играет большую роль в рекламной коммуникации. Именно благодаря реализации данной дихотомии посредством использования языковых и экстралингвистических средств, адресант добивается воздей-

ствующего эффекта, позволяющего сформировать положительное отношение у потенциального потребителя к «своему» товару и негативное отношение – к «чужому». В национально-ориентированной рекламе, задачей которой является позиционирование товара отечественного производства, категория «свой» – «чужой» выполняет этнодифференцирующую функцию (наша / русская культура – не наша / нерусская культура, наш менталитет – не наш менталитет) и этноинтегрирующую функцию (осознание «своего» (русского) круга в отличие от «чужого» (иностранного)) [5; с. 174].

Такая реклама богата лингвокультурами (В.В.Воробьёв), которые помогают построить русскую картину мира и позиционировать товар как неотделимую часть русского быта. Формирование обобщённого положительного образа отечественного товара выступает как неотъемлемая часть благосостояния всей страны, а обращение к патриотическим чувствам потребителя используется с коммерческой целью как средство речевого манипулирования, с одной стороны, и как важное средство продвижения отечественных товаров для укрепления российского рынка. Безусловно, в такой рекламе целенаправленно формируется имидж страны, что характерно, в частности, для рекламы продуктов отечественного производства. Особенно это актуально для телевизионной рекламы, которая представляет собой «хорошо продуманное, оригинальное сообщение, переданное с помощью изобразительных и литературно-музыкальных средств, лаконичное, красочное, предельно ясное, запоминающееся и вызывающее положительные эмоции» [9, с.28].

Приёмы формирования семантики «своего» и «чужого» круга весьма разнообразны [3; 4; 11 и др.]. В общем виде учёные выделяют две тактики: обозначить «своих» и обозначить «чужих» [3, с.202]. Рассмотрим по порядку оба пути и определим наиболее частотные коммуникативные ходы, а также языковые средства их реализации. Выбор их связан с реализацией главной рекламной цели – побудить адресата приобрести рекламируемый объект.

Основной способ обозначения «своих» происходит через семантику превосходства над «чужими». Проанализируем телерекламу пива «Бочкарёв»:

Ситуация и визуальный ряд. Действие происходит в Арктике. Подводные лодки спускаются на дно океана, среди них российский корабль «Бочкарёв». В финале ролика батискаф иностранцев (И1, И2) находит на дне океана подводный бар, в котором с комфортом устроились русские.

Вербальный ряд.

Автор: *Подо льдами Арктики несколько держав пытаются первыми заявить свои права на подводный шельф.*

И1: *Аппарат, аппарат, что вы видите перед собой?*

И2: *Я полагаю, это русские, сэр. Это... русский бар!?*

Автор: *Удивлять и **быть первыми** – это по-нашему.*

Автор: *Бочкарёв. **Нас не обойти!***

Как видим, рекламный ролик имеет юмористический характер, «свой круг» при этом обозначается лексемами и словосочетаниями *русские, русский бар, это по-нашему*, а превосходство – *нас не обойти, быть первыми*. Звучащая песня «За тех, кто в море» группы «Машина времени» подчёркивает морскую тематику сюжета и усиливает принадлежность бренда к российскому менталитету. Помимо патриотических чувств, гордости за «своих», опередивших иностранных конкурентов и освоивших первыми подводный Северный полюс, в сюжете прослеживается аналогия с первым полётом Ю. Гагарина в космос. Таким образом, эксплуатируя в рекламе имидж России – сильной державы, рекламода-тель представляет свой товар в выгодном свете.

Создание «своего круга» может быть выражено эксплицитно с помощью таких словосочетаний, как *продукт из России* или *российский продукт*, которые, как считает Э. Хоффманн, обла-дают «широким идентификационным потенциалом, вызывающим определённые культурные коннотации у потребителей» [2; с. 253] (ср., например, «Аэрофлот – **российские** авиалинии»), а также с помощью притяжательных местоимений: *Вкусна каша, если мас-ло **наше*** («Алтайское» масло), «*Выбирай **своё***» (пиво «Белый медведь»). На российском рынке очень популярен бренд *россий-ское*, который в рекламе может выражаться разными лексемами – *российское, русское, наше, своё отечественное, родное* и т.п., и именно благодаря рекламе потребитель воспринимает эти поня-тия как синонимы качественному, полезному и надёжному. В ре-кламе продуктов питания лексема *натуральный, свежий, до-*

машиний (по-домашнему) относятся к «своей кухне», т.е. характеризуют российские продукты питания [2; с.257]. Так, в рекламе шоколадки «Мишка на севере» местоимение *наш* и прилагательные с положительной семантикой, подчёркивающие достоинство рекламируемого объекта, выступают в качестве однородных членов предложения: «*Наш, настоящий, молочный и хрустящий*».

С целью создания категории «свой круг» рекламодатели нередко обращаются к этническим стереотипам, под которыми понимаются представления об определённых качествах (моральных, умственных, физических), присущих представителям различных этнических общностей и передаваемые из поколения в поколение. Апелляция к национальным стереотипам в рекламе – весьма распространённое явление, чему посвящена обширная литература [см., например, 1; 7; 12 и др.].

В рекламе шоколада «Россия – щедрая душа» используется ряд идиом – *душа нараспашку, сделано с душой, для душевных встреч, душа радуется, с открытой душой* и др., придающих национальный колорит рекламным роликам, ключевой темой которых являются человеческие качества, такие как щедрость, доброта и забота друг о друге. В одном из рекламных роликов маленький мальчик проявляет доброту и угощает музыкантов шоколадкой, которые дарят на улице прохожим музыку и добро; в других – родители делают шоколадные подарки своим детям, а дети угощают родителей, бабушек и дедушек сладостями. Это позволяет актуализировать «удаль, широту, прямоту, сметку и смекалку; гостеприимство (хлебосольство), (за)душевность и щедрость» [10; с.343] русского человека, а также «милосердие, чувство долга и ответственности, сочувствие, совесть и другие социально-психологические качества национального характера, занимающие далеко не последнее место в жизни общества» [6; с.16-17]. В каждом ролике звучит эхо-фраза, которая одновременно является и названием бренда «*“Россия” – щедрая душа*», и фабрики, которая с 1995 года принадлежит швейцарской компании Nestlé. Таким образом, в анализируемых рекламных роликах эксплуатируется имидж России, сформированный на основе этнических стереотипов.

Особенно успешной с этой точки зрения является реклама, в которой иностранцы выступают как «свои», т.е. как русские.

Иностранцы, следуя стереотипам, присущим русским, привлекают к себе особое внимание и пробуждают чувство патриотизма у русских. Ярким примером служит рекламный ролик Мегафон 4G, где киноактёр Стивен Сигал, одетый в шубу и шапку-ушанку, пользуясь онлайн-переводчиком, легко налаживает контакт с местными хулиганами, которые в итоге отступают от нападения: *«Ребята, так он же **наш!**»*. Голос за кадром: *«**Наш. Российский 4G интернет от Мегафон**»*.

Большой популярностью в России пользуется рекламный ролик пива «Сибирская корона» с Дэвидом Духовны в главной роли. Актёр рассуждает о том, как бы сложилась его жизнь, если бы он родился в России, представляя, кем мог бы он стать: космонавтом, полярником, игроком российской хоккейной сборной, хореографом балета в Большом театре и т.д. В рекламе играют излюбленные российской публикой мелодии – «Звезда по имени Солнце» группы «Кино», «Поворот» группы «Машина времени», а сам Духовны на русском языке зачитывает стихотворение «Родное» поэта Владимира Орлова и произносит ключевую фразу: *Если бы я родился в России, мне было бы чем гордиться*. Голос за кадром: *Вам есть чем гордиться*.

Одним из частотных способов присоединения к «своим» является эксплуатация патриотических и семейных ценностей, отсылка к традиционной российской культуре, к повседневному быту людей. Проанализируем телерекламу майонеза «Ряба»:

Вдоль русского поля идёт женщина и ведёт за руку ребёнка, который рассуждает: *«Что такое Родина? Расскажи. Чувства необъятные ты из слов сложи. Небо смотрит облаком. Мама, посмотри. Все поля бескрайние у меня внутри»*. Их догоняет отец: *«Стойте, майонез забыли!»*. Они устраивают пикник на природе и мальчик с теплотой произносит: *«Ряба. **Родной**»*.

Итак, с помощью прилагательного *родной* майонез причисляется к «своему» продукту и выступает как неотъемлемая часть благосостояния семьи. Известно, что майонез не имеет ничего общего с российской традицией питания, следовательно, позиционирование «чужого» продукта в национально-патриотическом контексте преследует коммуникативную цель – перевести незнакомый продукт из категории «чужой» в категорию «свой». Как справедливо отметил Э.Хоффманн, «превращение национальной

символики в символическую пользу рекламируемого продукта практикуется не для продуктов питания первой необходимости, а при продвижении дополнительных (не полезных для здоровья) изделий, которые находятся на периферии продуктов питания согласно «Nizza Klassifikation 2002» – шоколада, табака, алкоголя и т.п.» [2, с. 256].

Конструирование «своего круга» может производиться с помощью противопоставления его «чужому». Это также в первую очередь касается рекламы продуктов питания отечественного производства, что отчасти связано с решением проблемы импортозамещения. Кроме того, в 2014 году правительством России был взят активный курс на импортозамещение в связи с введением ряда торгово-экономических санкций. Так, традиционный русский напиток квас часто противопоставляется импортным напиткам с помощью разных языковых средств, таких как *грамматическая омонимия*, осложнённая явлением *омофонии*: *Квас не кола, пей «Никола»*, где в одном контексте сталкиваются существительное с частицей (не кола) и существительное – название торговой марки (Никола); *окказиональное словообразование*: *Нет коланизации – квас здоровье нации* (квас «Никола»), где окказиональное существительное *коланизация*, образованное от существительного *кола* по словообразовательному образцу *американизация*, *макдонализация* (внедрение в массовое сознание американских традиций), выражает к объекту негативное отношение.

В национально-ориентированной рекламе, которая, позиционируя товары отечественного производства, затрагивает патриотические чувства потребителя, обозначение категории «свой круг» связано с рекламной функцией товаров отечественного производства. В рекламе целенаправленно, с коммерческой целью, формируется имидж страны, который выступает как средство речевого манипулирования, с одной стороны, и как важное средство продвижения отечественных товаров для укрепления российского рынка.

Обозначая «своих», рекламисты активно апеллируют к национальным стереотипам, обращаются к патриотическим и семейным ценностям, а также противопоставляют «своих» «чужим». Семантическая категория «свой круг», являясь эффективным ресурсом рекламного позиционирования и мощным сред-

ством манипулирования, создаётся в рекламе с целью пробудить чувство патриотизма у адресата и убедить его купить товар. Позволяя акцентировать преимущества продукта за счёт бинарного деления мира, российский товар позиционируется как качественный, полезный, надёжный, а импортный как некачественный, вредный и ненадёжный.

Литература

1. Андерсон О. В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. – 150 с.
2. Еда по-русски в зеркале языка / Н. Н. Розанова, М. В. Китайгородская, У. Долешаль / – М.: РГГУ: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2013. – 586 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. 1995 № 1. С.93-116.
5. Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой-чужой» как реализация идиолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С. 174-179.
6. Мартыненко Ел. В. Особенности духовной жизни российского общества через призму СМИ и эстетической культуры // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 16-18.
7. Маслова Е.В. О некоторых закономерностях восприятия рекламного текста русским коммуникативным сознанием // Язык и национальное сознание, 2002 .– Вып. 3 .– С. 45-49.
8. Милевич И. Г. Дайджест – коммуникативная территория «чужого» (по материалам прессы современной Латвии) // Современная политическая лингвистика: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 110-112
9. Пирогова Ю.К. и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. – 270 с.
10. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. «С чисто русской аккуратностью...»: (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. М., 1996. Т. 2.
11. Ремчукова Е.Н. Феномены массового лингвокреатива: актуальный комплекс «понаехали-понаехали тут - понаехавшие». // Лингвистика креатива - 3/ Под общей редакцией Т.А. Гридиной / – Екатеринбург, 2014. С. 286-303.
12. Ремчукова, Е.Н., Страхова, А.В. Рекламное «зазеркалье» России и Франции: Лингвокреативный и гендерный аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 216 с.
13. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., Академический проект, 2001. – 990 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРЕДВЫБОРНЫЙ ДИСКУРС КАК СЛОЖНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

О.Е. Павловская, Т.П. Тарасенко

Кубанский государственный аграрный университет

Кубанский государственный университет

(Краснодар)

Современный человек с определенной периодичностью становится одним из членов избирательной кампании, реализуя данные Конституцией права и выполняя роль избирателя в предвыборной коммуникации или участника предвыборной гонки какого-либо уровня. Вольно или невольно избирательная кампания погружает человека в предвыборный дискурс, наполненный реальной информацией о встречах депутатов и их представителей с электоратом, слухами и домыслами о реальной или мнимой возможности того или иного претендента на депутатский мандат, предсказаниями политтехнологов относительно перспектив отдельно взятых кандидатов. Массмедийный предвыборный дискурс (ПД) пестрит разномасштабной хроникой о встречах, поездках, предвыборных обещаниях и платформах вступивших в предвыборную гонку кандидатов, а рядовые члены избирательного марафона активно обсуждают перспективы участников, пытливо вглядываясь в мельчайшие подробности делового и бытового имиджа всех участников избирательного процесса. Даже самые неискушенные в избирательном праве граждане в этот период проявляют неподдельный интерес к вопросам политической и экономической жизни страны. На человека обрушивается шквал политической информации, разобраться в которой бывает подчас нелегко. Конечно, избирательные предпочтениями отдельно взятого человека будут зависеть от его социальных характеристик, культурного уровня, условий жизни, возраста, влияния среды, его политической позиции, сформировавшихся принципов и многих других факторов. Но, кроме этого, избиратель должен ориентироваться и понимать устную и письменную вербальную коммуникацию, используемую организаторами при агитации во время предвыборных мероприятиях, что возможно лишь при правильном прочтении текстов ПД.

Вслед за рядом исследователей, ПД понимается нами как жанр политического дискурса, представленный совокупностью текстов, содержащих материалы агитационного характера в отношении конкретной предвыборной кампании и распространяемых в период проведения этой кампании [1, с. 125]. Анализ этих текстов дает основание предположить, что при всем многообразии возможно условно деление их на ядерные и периферийные. Ядерные содержат основную нормативную информацию, определяющую условия и правила проведения предвыборных и выборов мероприятий, регламентируют форму их проведения, трактуют права и обязанности участников избирательного процесса. Репрезентация ядерных дискурсов осуществляется содержанием Федеральных законов (ФЗ № 67 – Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; ФЗ № 20 – Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и другие законы); материалами государственных российских газет и журналов, а также Интернет-ресурсами, освещающими предвыборные события, (газеты «Аргументы и факты», «Известия», «Труд», «Российская газета» и др., РОИ – официальный Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива», NOTERU.COM – информационный портал и др.). Например: *ЦИК России является вышестоящей комиссией для всех других комиссий при проведении выборов депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации* [ФЗ № 67, с. 20]; *В Бурятии прошла конференция по вопросам международной безопасности* [РГ. 2015.25.06]; *Каждый депутат Палаты обладает правом законодательной инициативы по любым вопросам, а также правом направления интерpellаций* [<http://www.rfwiki.org>].

«Лексический ландшафт» ядерных дискурсов наполнен терминологией избирательного права и избирательного процесса, общественно-политической лексикой, терминологией смежных областей – юриспруденции, политологии, социологии, экономики, дипломатии и др., например: *второй тур выборов – избир. Повторное голосование. Теоретически любые повороты еще возможны, в том числе второй тур* [Труд. 2012.02.03]; *досроч-*

ное голосование – избир. Голосование избирателей до общего дня голосования. *Людей, подпадающих под категорию досрочного голосования, насчитывается 1,14 % от 109 млн избирателей* [РГ.2011.01.12]; *демократия устойчивая* – полит. Либеральное общество, сильное государство, рыночная экономика. *Только реформировав политическую систему, мы сможем создать устойчивую демократию* [РГ.2012.20.01]; *белая зарплата* – социол. – Официальная заработная плата, со всей суммы которой платятся налоги. *Но белую зарплату свыше 3 млн рублей в год в России получают лишь отдельные счастливики* [Труд. 2012.17.01]; *протокол административный* – юрид. Официальный акт о нарушении общественного порядка или закона. *По данным ИТАР-ТАСС, в отношении него был составлен административный протокол...*[РГ.2012.06.03].

Среди выделенных исследователями признаков к конститутивным параметрам ядерных дискурсов избирательной кампании можно отнести агитационность, авторитарность, аргументированность, идеологичность, информативность [2; 3; 5].

Периферийные дискурсы репрезентируются в различных жанрах (форум, митинг, Интернет-пресс-конференция, встреча с депутатом и т.д.) как центральной, так и региональной массмедийной информации, содержащей комментарии текущих политических и экономических событий в стране, оценочные и/или критические высказывания относительно деятельности партий, фракций, отдельных личностей, участвующих в избирательной кампании: В отличие от сдержанных ядерных дискурсов, предписывающих определенные нормы коммуникативного поведения, периферийные дискурсы определяются такими признаками, как агональность, агрессивность, прогностичность, конвенциональность, оценочность, эмоциональность. По-видимому, именно эти параметры обусловили присутствие в периферийных дискурсах большого числа политических метафор: *отдать голос, предвыборная гонка, грязная избирательная кампания, живая подпись, политическое поле, портрет электората, предвыборная горячка, предвыборный марафон, президентский забег, работать на чужой территории, сворачивать знамена, сценарий выборов* и т.д. Политическая метафора делает текст «живым», без лишних комментариев определяет отношение автора к описываемым событи-

ям, исподволь или явно формируя мнение читателей / слушателей: *Парламентская оппозиция категорически выступила против появления на российском политическом поле карликовых партий* [РГ.2012.29.02]; *Политические игры проолигархических и проамериканских марионеток вылились в кровавое противостояние* [АИФ.2015.18.09].

Участники избирательной кампании – люди разного образовательного уровня. Поэтому в структуре ПД встречается как книжная лексика (*деструктивный, имагинация, комфорт, обнародовать, социум* и др.), так и разговорная (*грохнуть, конкретика, ничего не светит, обороновец* и др.), жаргонная лексика (*засветиться, мочить, наезжать, обезьянник, обкатка, себяшка, упаковывать* и др.)

Ход избирательных кампаний направляют политтехнологи, формирующие общественное мнение и моделирующие различные события, так или иначе влияющие на выбор электората. Их рекомендации, общение на различных Интернет-сайтах, заметки и статьи в газетах составляют интереснейший тип дискурса, немыслимый без профессиональной лексики политтехнологов, например: *Если говорить про **окучивание электората**, то здесь набор инструментов у пиар-специалистов гораздо шире...* [Новая газета.2010.30.09]; *Очаровательные **топтушки** на оживленной улице раздавали листовки, продолжительность их смены 3-7 часов* [<http://www.newideology.ru>]. Жаргон политтехнологов – один из молодых видов жаргона, который требует дополнительного изучения, однако уже сейчас можно сказать, что он отличается самобытностью и интересными способами образования, например: *ажютажник* – представитель ажиотажной группы. *Ажютажники работают в течение всей смены выставления пикетов, делая иногда по два-три круга по своему закольцованному маршруту* [4, с. 24]; *антиобраз кандидата* – составная образа кандидата, обратная сторона медали, именуемой положительным образом кандидата. *Антиобраз кандидата означает наличие в образе кандидата таких характеристик, которые подталкивают избирателей больших электоральных групп утверждать, что они не проголосуют за данного кандидата ни при каких обстоятельствах* [4, с.33]; *гасильщик* – представитель специальной команды избирательного штаба кандидата, работающей на раз-

рушение положительного имиджа кандидата-соперника во время плановых встреч последнего с избирателями. *На встрече с избирателями гасильщики задавали кандидату провокационные вопросы* [4, с.89]; *засветка* – первые шаги, меры, направленные на завоевание известности, популярности, узнаваемости, как минимум – ознакомление широкой публики с кем-то или чем-то неизвестным ранее. *Когда целью использования программы является не просто засветка, но и раскрутка кандидата, опрос обычно нужен лишь как повод для установления контакта с избирателем* [4, с. 149]; *избиратель разогретый* – избиратель, предварительно подготовленный СМИ для эксплуатации темы голосования за определенного кандидата. *Телефонные контакты по акции должны вестись с уже разогретым избирателем* [4, с. 158]; *исковая диверсия* – широко используемый в избирательных кампаниях прием дестабилизации работы штабов конкурентов с помощью потока непрекращающихся жалоб и исковых заявлений в избиркомы и суды – по поводу и без, на реальные и мнимые действия конкурента. *Исковая диверсия – наилучший способ заставить соперника обороняться* [4, с. 189] и другие жаргоны политтехнологов. Присутствие жаргона политтехнологов в составе ПД дало основание для их включения в «Словарь избирательной кампании» как полноправных единиц данной коммуникации.

Таким образом, современный ПД – это сложное коммуникативное образование, предназначенное для разных целей (общения организаторов кампаний, воздействия на потенциального избирателя, побуждение его к определенным действиям и т.д.), для людей разного уровня образования, обладающих разным уровнем политической культуры, а потому представляющий собой соединение ядерных и периферийных дискурсов с разным лексическим наполнением. Именно этот факт позволил отразить в «Словаре избирательной кампании» все лексические пласты, обслуживающие избирательные кампании разного уровня [4].

Литература

1. Багана Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2012. № 1. С. 121 – 125.

2. Бенуа В. Л. Функциональная теория дискурса политической кампании // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. С. 92—119.
3. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛКИ, 2007.
4. Тарасенко Т.П.Словарь избирательной кампании : словарь / Т.П. Тарасенко. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2017. – 587 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград, 2004.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СМИ

С.А.Петухов

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
(Севастополь)

Языковые особенности научно-популярных текстов хорошо изучены. Они формируют научно-популярный подстиль научного стиля, который в той или иной степени приближен к публицистике. Экстралингвистическая причина возникновения и формирования научно-популярного подстиля принимается как аксиома: был нужен перевод с научного стиля на язык, понятный большинству.

Научный стиль консервативен. Он практически не изменился со времени фрагментации науки на узкие дисциплины в викторианскую «эпоху науки и прогресса». Раньше, в России со времен Ломоносова, он был гораздо ближе к тому, что сейчас называют публицистическим стилем, прежде всего в силу энциклопедичности научных интересов самих ученых. В XX веке научно-популярный стиль окончательно сформировался со всеми его особенностями, которые сейчас перечислены в стилиевых словарях [1].

В конце века появился массово доступный интернет, ставший мощным экстралингвистическим фактором и повлиявший, в числе прочего, на научно-популярный язык. Один пример. Самый престижный в мире научный журнал британский Nature со второй половины 1990-х еженедельно по средам, в день выхода очередного номера, выкладывал на своем сайте научно-популярные анонсы ключевых научных публикаций номера. Они моменталь-

но попадали на ленты новостных агентств в адаптированном агентствами виде, и, с учетом разницы во времени в разных часовых поясах, на следующий день — в СМИ всего мира, уже в вариантах этих СМИ. Четверг у них был «научным днем», как «рыбный день» в СССР, в профессиональном журналистском обществе даже появился иронический термин «четверговая наука». Побочным продуктом продвижения в массы исследований авторов Nature стал и шуточный мем «британские ученые открыли...», хотя доля англичан в исходных публикациях Nature на самом деле была невелика.

Но «цена вопроса» была не шуточной. От популярности исследования в СМИ (а с появлением социальных сетей и в них тоже) косвенно зависело его дальнейшее финансирование. Британское ноу-хау взяли на вооружение другие научные издания, популярные версии научных статей стали появляться не в день их публикации, а накануне. Возросший поток научных новостей поставили СМИ перед выбором, что публиковать (а пользователей сетей — что «лайкать»). Многое зависело от темы научного исследования, но свою роль играл и язык ее изложения. Резко повысилась роль научных копирайтеров, их обучение было поставлено на поток. Так зримо проявилось обратное влияние лингвистики на экстралингвистические факторы.

Наверное, преждевременно формулировать общий тренд развития научно-популярного стиля в последнее время. Тем не менее, мы рискнем на гипотетическом уровне предположить, что он довольно быстро смещается в сторону публицистического стиля в его чистом виде и посмотрим, насколько далеко это может зайти и что может ограничить этот процесс.

Рассмотрим типичные стадии адаптации описания научного открытия (в данном случае довольно сложного) для широкой аудитории. Вот фрагмент исходного текста в научном журнале Proc. Natl. Acad. Sci. USA (подстрочный перевод с английского): *«Антитела MYST1 и ST1 характеризовались схожей кинетикой связывания TNF и анти-TNF активностью. Одним антигенспецифичным доменом MYST1 антитела взаимодействуют с поверхностью макрофага, а другим связывают секретируемый TNF, снижая его биологическую доступность. ST1 не обладает*

двойной специфичностью к поверхности макрофага и связывается только с TNF».

А это описание сути открытия его автором (ученым) в научно-популярном издании (Ъ-Наука): *«Грубо говоря, миелоидные клетки (один из видов клеток иммунной системы) при артрите производят «патогенный» TNF, а некоторые другие клетки – полезный, защитный. На поверхности всех клеток есть молекулы, которые отличают один вид клеток от другого – это обстоятельство широко используется в цитометрии. Нами было создано искусственное биспецифическое антитело, которое одной своей “рукой” цеплялось за клетки, а другой – хватало производимой этой же клеткой цитокин (TNF)».*

А вот его описание, сделанное научным журналистом для СМИ не научно-популярного профиля (РБК): *«Коллективом молекулярных биологов из ведущих институтов РАН на основе необычных антител верблюда были созданы биоконструкции, образно говоря, с двумя руками. Одной рукой такое антитело держится за поверхность сошедшей с ума иммунной клетки, а второй, как хоккейный вратарь в ловушку, ловит выделяющиеся из клетки вредные для организма вещества и нейтрализует их».*

Второй вариант типичен для советских журналов «Природа» (междисциплинарный научно-популярный журнал для ученых) или «Химия и жизнь» (научно-популярный журнал для широкой аудитории), это научно-популярный язык 1980-х. Третий вариант типичен для современного делового издания. Мешает его отнести к публицистике только одно слово — научный термин «антитело», да и то условно. Все об антителах слышали, для понимания смысла открытия знание функций антител не требуется.

Обращает на себя внимание пассивная форма (страдательный залог) первой фразы этого варианта. Чего проще было написать «биологи создали». Но нет, во взятых наугад научных новостях в ведущих российских СМИ такие конструкции встречаются практически в каждом тексте: *«Учеными выяснены географические пути миграции вируса...»*(«КоммерсантЪ»); *«Новый гель-контрацептив... может начать тестироваться на людях...»* (Газета.ру); *«Четыре объекта... будут изучены при помощи телескопа в Сайдинг-Спринг и другими обсерваториями Земли в ближайшее время»* (РИА Новости).

Столь же характерны в них и другие особенности научно-популярного медиатекста, в чем нетрудно убедиться, открыв раздел «Наука» на сайте любого российского СМИ. Прекрасный исчерпывающий анализ характеристик языка серии публикаций в газете «Троицкий вариант» как образца современного «продвинутого» научно-популярного стиля был сделан в [2]. Видно, насколько заметно он продвинулся в сторону публицистического стиля, но признаки чисто научного языка в нем столь же очевидны. Обезличенные предложения, пассивные конструкции, злоупотребление отглагольными существительными, настоящее время вместо прошедшего, контаминированность научной терминологией и т.д.

Термины часто бывают действительно лишними, их можно опустить без ущерба для смысла. Пример: «*Возможно также, что планеты приливно заблокированы своей звездой, это означает, что они могут быть всегда обращены к звезде одной стороной, как Луна к Земле*» (РБК). Механизм приливного блокирования (tidelock) — гравитационной причины торможения вращения планет вокруг своей оси довольно сложно объяснить, особенно для планеты, где вообще нет воды. Но тут это и не нужно, достаточно сказать, что планеты всегда обращены к своему «солнцу» одной стороной, как Луна к Земле. Термин лишь придает тексту наукообразие.

Но еще чаще волевым снижением «контаминированности» популярного научного языка ради его понятности ведет к утере исходного смысла события. Недавний громкий пример — публикации в СМИ в начале этого года о том, что в Киеве родился первый в мире ребенок от трех родителей. Первое сообщение 17 января на сайте киевской клиники гласило: *World's first baby with DNA of three parents was born in Ukraine after using the pronuclear transfer*. Роковым для мировых СМИ, в том числе таких уважаемых, как BBC и CNN, оказался термин «pronuclear transfer» (пересадка пронуклеуса). Лишь киевский корреспондент The Times сообщил в Лондон: *Three-parent baby born to 'infertile' woman using controversial new IVF* (назвал пересадку пронуклеуса «небесспорной» технологией ЭКО и поостерегся назвать ребенка «первым в мире»). Он явно старался разобраться, что означает этот термин. Остальные мировые СМИ сообщили о «первом в мире

ребенке от трех родителей». Подчеркнем, что речь идет не заголовках (это отдельная тема, которая здесь не рассматривается), а о содержании сообщений.

Только на следующий день 18 января СМИ, вероятно, после первых откликов ученых на публикации, начали объяснять своим читателям, что три генетических родителя (вместо обычных двух) появляются, когда ядро материнской яйцеклетки пересаживают в яйцеклетку суррогатной матери. Что существуют две методики, позволяющие провести эту манипуляцию – перенос веретена деления (выполняется до оплодотворения) и перенос пронуклеуса (выполняется после оплодотворения). Что второй вариант в западных странах запрещен по этическим соображениям. Что операции по первому варианту проводятся давно, и в мире живет уже полтора десятка детей от трех родителей, старшим из них уже исполнилось 16 лет. Что киевский ребенок — не первый, а второй, полученный по запрещенной в развитых странах методике ЭКО (первый родился в Мексике в прошлом году, операцию делал очень известный американский врач, поэтому она не особенно афишировалась).

Подобных примеров, не столь заметных со стороны, к сожалению, масса. Публичные рассуждения на тему «А был ли мальчик?» (в Киеве родился как раз мальчик) только в очередной раз показали, что есть некая «красная черта», за которой популяризация науки превращается в ее профанацию. Перечеркивает одну из главных коммуникативных интенций популярной журналистики — за счет маневров на лингвистическом поле вывести новое знание из узких рамок «цехового» научного дискурса.

Если вернуться к лексико-стилистическим и морфосинтаксическим особенностям современного научно-популярного языка, то он заметно приблизился к публицистике. Но странным образом в нем довольно вяло изживаются упомянутые выше штампы научного «канцелярита». Происходит это у научных журналистов на подсознательном уровне или намеренно, например, в целях лингвистической маркировки своей профессиональной ниши — отдельный и интереснейший, на наш взгляд, вопрос, который требует самостоятельного изучения.

В целом же, с достаточной степенью уверенности можно предположить, что дрейф научно-популярного языка в сторону

публицистики носил, носит и будет носить асимптотический характер, выражаясь математическим языком, то есть полного слияния первого с последним можно ожидать разве что в бесконечности. Также очевидно, что лингвистические резервы для дальнейшего «очеловечивания» популярного языка науки еще достаточно велики. Понимание этого имеет практическое значение для педагогической системы обучения научной журналистике.

В последние годы в России началось ее совершенствование. Курсы научной журналистики из вариативной части программ бакалавриата переносят на уровень магистратуры и включают в базовую часть программ. К процессу подключаются Национальные исследовательские университеты и НИИ нефилологического профиля. НИТУ «МИСиС» объявил о запуске двухлетней магистерской программы по подготовке научных журналистов. Курс по научному копирайтингу открылся на базе МФТИ. Все это вызвано экономической необходимостью. В 2014 году в России на 1000 научных работников в приходилось 0,4 коммуникатора, тогда как норма для развитых стран в 20 раз больше (8 на 1000) [3].

При овладении профессией новому поколению научных журналистов будет совсем не лишним понимать, какие лингвистические процессы идут в их секторе «великого и могучего».

Литература

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н.Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
2. Минакова Н.А. О языке и стиле научно-популярного медиатекста // Вестник Российского университета дружбы народов, серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. — М.: РУДН, 2011. — №2. — С. 27-34
3. Динамика развития отрасли научных коммуникаций в России // Исследование отрасли научных коммуникаций 01.05.2014–30.04.2015 [2016].— 116 с. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/0b3/201605_dynamics_of_scientific_communication.pdf (дата обращения: 31.03.2017).

ДИАЛЕКТИЗМЫ В РЕКЛАМНЫХ И PR-ТЕКСТАХ: ОСОБЕННОСТИ, ФУНКЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

О.А. Полякова

Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону)

Чем более стремительно происходит развитие технологий, международного взаимодействия в различных областях, тем больше русский язык подвержен влиянию других языков. Заимствования довольно легко усваиваются носителями языка, обрабатываются и со временем либо приживаются, обрастая русскими аффиксами и образуя характерные для русского языка парадигмы (к примеру, *смайлик*, *эсэмэска*, *лайкнуть*, *отксерить*, *гаджет*), либо уходят из активного оборота как ненужные (например, в случае если в языке-реципиенте имеются соответствующие полные синонимы). Однако, легко усваивая чужую лексику, носители языка постепенно теряют знания о лексике, вышедшей в силу различных причин из активного речевого оборота.

Одним из таких лексических пластов являются диалектизмы – «слова из разных диалектов, [которые] нередко используются в языке художественной литературы со стилистической целью (для создания местного колорита, для речевой характеристики персонажей)» [2]. Отметим, что мы используем термин «диалектизмы» в узком смысле, ориентируясь на территориальные диалекты. Социальные диалектизмы не являются объектом исследования в данной работе.

Примерно до середины 90-х гг. XX в. диалектизмы еще были частью активного лексикона жителей определенной территории. Диалектологи в экспедициях встречали истинных носителей диалекта – малограмотных пожилых людей, со смертью которых диалекты фактически перестали существовать как целостное явление в живой речи. Диалектные особенности (фонетические, грамматические, лексические) были зафиксированы в словарях, в аудиозаписях, фольклорных произведениях, являлись объектом научных исследований, однако диалекты уже не оказывают серьезного воздействия на процесс развития языка в целом. Лишь некоторые из них благодаря деятельности лингвистов, литераторов,

распространению посредством СМИ со временем вошли в активное употребление и перестали осознаваться носителями языка как диалектные. Часть подобных слов, освоенных литературным языком, не имеет экспрессивной окраски (*сопка, пахать, земляника, филин*), другие, напротив, ярко окрашены (*мямля, чепуха, нудный, морочить*).

Наиболее сохранившимися можно назвать отдельные фонетические диалектные особенности (оканье, аканье, произношение [г] фрикативного), что объясняется усвоением на уровне подражания особенностей произношения, характерных для определенных территорий, в этом случае диалектные особенности подобны иностранному акценту. Кроме того, современные носители языка употребляют некоторые лексемы, не осознавая, что это диалектизмы. Обычно это названия растений (*жердела* – ‘абрикос’, *тютюна* – ‘шелковица’, *кушери* – ‘заросли’, *синенькие* – ‘баклажаны’, *бурак* – ‘свекла’) и животных (*чебак* – ‘лещ’, *сула* – ‘судак’), типичных для данного региона, а также предметы быта, не перешедшие в разряд историзмов (*чувяки* – ‘мягкая обувь’, *четверть* – ‘трехлитровый баллон’). Подобные слова, в отличие от перечисленных нами выше, не входят в лексикон всех носителей языка, но знакомы даже молодым жителям определенного региона (все приведенные в данном абзаце примеры – донские диалектизмы). Люди не связывают их с диалектом, часто считают литературными синонимами и употребляют по привычке, передавая из поколения в поколение.

В художественных и публицистических текстах диалектизмы выполняли ряд важных функций, среди которых можно выделить следующие:

1) **диалектизмы передают местный колорит.** Например, в произведениях донских писателей (М. Шолохова, А. Калинина, Д. Мордовцева, В. Закруткина и др.) много диалектных слов, хорошо знакомых авторам. Благодаря этому мы словно переносимся в ароматный зной донских степей, в казачью станицу, на берег величавого Дона. Писатели-сибиряки (В. Шукшин, В. Астафьев, В. Распутин) мастерски описывают быт таежных поселков;

2) **диалектизмы конкретизируют эпоху изображаемых событий,** ведь исторически еще в первой половине XX в. (не говоря о более ранних периодах) во многих населенных пунктах, удаленных от столицы, диалектная речь была распространена;

3) **диалектизмы служат средством речевой характеристики персонажа.** Если автор заложил в речь героя диалектизмы, то он тем самым передал часть информации о персонаже, даже не уточняя детали его биографии (пожилого возраста; выходец не просто из деревни, а из конкретной области на карте; малообразованный; не смотрящий телевизор и не читающий газет или, если персонаж современный, это может быть ученый-диалектолог или этнограф и т.д.);

4) **диалектизмы являются источником речевой экспрессии,** добавляя текстам изобразительности, выразительности и правдоподобия.

На протяжении истории диалектизмы в литературе использовались по-разному. В XVIII в. они могли проникать только в произведения низких жанров, главным образом в комедии, анекдоты, бытовые сказки, где диалектная лексика служила элементом речевой характеристики персонажа – представителя низких сословий, выходца из народа. В литературе периода романтизма и сентиментализма диалектизмы почти не встречались, а писатели-реалисты (Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь и др.), напротив, использовали их, чтобы «правдиво отразить жизнь народа, передать “простонародный” колорит» [1, с. 77]. В тех же функциях использовали диалектизмы писатели XX в. Современные же авторы постепенно отказываются от включения в текст диалектной лексики, поскольку, во-первых, диалектизмы уже не являются характерной особенностью речи персонажей, а во-вторых, молодые авторы их сами уже не знают. Хотя иногда встречаются примеры корректного использования диалектных слов в произведениях современных писателей, когда диалектизмы выполняют все перечисленные выше функции [3].

Диалектная лексика практически не используется в современной публицистике. Однако это не значит, что она совсем в прошлом. Отдельные представители той или иной местности, гордящиеся своими корнями, выставляют напоказ свое происхождение, употребляя диалектизмы. Яркий пример – Д. Дибров, давно переселившийся в Москву и в целом блестяще владеющий литературным языком, но бравирующий диалектизмами и манерой произношения, характерной для дончан.

По сути, чем менее активно в речи используются диалектизмы, тем более выразительным средством они являются. А значит, потенциально их применение в рекламе и PR очень продуктивно, ведь они непременно привлекут внимание и выполнят ряд других функций. Когда же их включение в рекламный или PR текст оправданно? К примеру, рекламная кампания спутникового телевидения «Триколор» строится на монологах обычных людей, которые описывают плюсы от установки этих систем. Чтобы передать широту покрытия территории, создатели рекламы используют образы людей, живущих в разных регионах. А для того, чтобы эти территориальные различия были более наглядны, можно вставлять в речь героев диалектные слова, значение которых будет поясняться титрами внизу экрана.

Продуктивным представляется и использование диалектизмов в туристической рекламе, особенно если рекламируется этнический туризм, поскольку диалектизмы в этом случае служат неотъемлемой частью местного колорита.

Забавным может быть использование диалектизмов во взаимодействии с иностранными гостями. К примеру, произнесение ими определенного диалектного слова может давать им право на скидку в сувенирных лавках, музеях, в театрах и т.д. Подобная акция вполне может быть реализована во время проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. Перед входом на стадион иностранных болельщиков можно просить произнести на камеру какое-то диалектное слово, вручать им за усилия сувенирные открытки или календарики с символикой чемпионата, полезными адресами, видами города, в котором проводится матч и т.д. Получившиеся ролики можно демонстрировать на экране стадиона в перерыве между таймами, использовать в качестве рекламных заставок на телевидении, выкладывать на сайтах, посвященных чемпионату мира, чтобы болельщики могли их скачивать. Тем самым можно реализовать сразу несколько задач:

- 1) создать развлекательный контент;
- 2) распространить сувениры с рекламной информацией (что, в свою очередь, будет способствовать как притоку туристов в определенные магазины, рестораны, на экскурсии и т.д., так и популяризации региона или страны в целом);
- 3) организовать рекламную кампанию на ТВ;

4) объединить в рамках кампании ведущие торговые, туристические, транспортные и другие предприятия региона;

5) повысить посещаемость отдельных сайтов, что тоже ведет к коммерческой выгоде;

6) создать в обществе атмосферу толерантности к иностранным гостям, чтобы снизить искусственно нагнетаемую напряженность в отношениях России и Запада, то есть улучшить мнение граждан других государств о России.

Следовательно, диалектизмы могут способствовать формированию необходимого образа, например образа патриота, в PR-текстах. Уже упомянутый Д. Дибров особенно часто использует фонетические и лексические черты донского диалекта в тех речевых ситуациях, которые направлены на формирование представления о нем как патриоте, человеке, почитающем своих предков, уважающем казачество и его культуру. Такое речевое поведение будет уместно на официальных встречах земляков, в телевизионных интервью, где речь идет о Доне и юности Д. Диброва.

В PR-акциях, проводимых на тему, связанную с историческими событиями, местными особенностями, тоже можно использовать диалектизмы (в анонсах, на афишах творческих коллективов, в качестве конкурсных заданий и т.д.).

Наконец, текст предвыборных выступлений кандидата перед избирателями тоже может отражать диалектные особенности, однако, во-первых, следует позаботиться, чтобы они выглядели в речи кандидата естественно, а во-вторых, использовать их нужно перед избирателями только того региона, для которого эти диалектные особенности характерны. Только в этом случае его речь вызовет доверие аудитории, а кандидат будет принят за «своего».

В целом же диалектизмы могут функционировать в рекламных текстах не только на территории «своего» региона, поскольку, будучи непонятными словами, они неизбежно будут привлекать внимание к рекламе.

Степень мастерства автора определяется тем, насколько верно и ненавязчиво вплетаются диалектизмы в его текст. Если текст понятен без дополнительных пояснений, если диалектная лексика не раздражает читателя или слушателя, значит, ее употребили к месту и в необходимом количестве. Чаще всего современные авторы лишь намечают какие-то диалектные особенности в речи ге-

роев рекламных роликов, художественных или публицистических произведений, чтобы не изучать диалекты самим и не заставлять адресата текста делать это. Если же диалектизмы требуют пояснений, то их целесообразно объяснять сносками внизу страницы или экрана, чтобы реципиент не тратил время на поиск нужного слова в словаре или примечаниях.

В связи с распространением грамотности, средств массовой коммуникации, с урбанизацией диалекты постепенно стирались, забывались. Литературный язык вытеснял их из активного употребления. Сейчас остались люди, которые помнят отдельные диалектные слова или особенности, помнят, как говорили их бабушки, однако носителей диалекта в чистом виде найти чрезвычайно сложно, даже в глухих таежных поселках. Тем не менее, важно понимать, что диалекты, оставаясь зафиксированными в словарях, записях диалектологов, памятниках письменности и фольклорных текстах, не перестают играть важную роль в изучении истории языка, культуры народа. Относясь к лексике ограниченного употребления и будучи при этом устаревающим, исчезающим пластом в составе лексики современного русского литературного языка, диалектизмы, тем не менее, содержат некий культурный код, следовательно, могут быть ярким средством выразительности в рекламных и PR-текстах. При этом функционирование таких текстов далеко не всегда ограничено территорией, для которой когда-то был характерен используемый диалект. В свою очередь рекламные и PR-тексты позволят продлить существование самих диалектизмов в языке.

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – С. 77.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М: Просвещение, 1976 // Академик. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/357/диалектизмы> (дата обращения 12.03.2017).
3. Чуев С.В. Настоящее лето Димки Бобрикова. – М: Издательские решения, 2017. – 130 с.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(*Нижний Новгород*)

В настоящее время основные идеи и методы современной русистики находят свое применение в разрешении самых разнообразных прикладных задач, одной из которых является производство так называемых «речеведческих экспертиз». Увеличение уровня информатизации нашего общества, расширение массива печатной и электронной продукции приводят к количественному росту и значительному содержательному и структурному усложнению спорных и конфликтогенных текстов. Все это предъявляет новые требования к научной обоснованности и методической адекватности лингвистического экспертного исследования [8].

Современные технологии производства лингвистической экспертизы отличаются активным внедрением самых актуальных стратегий научного поиска современного языкознания, в числе которых, несомненно, особой значимостью обладают идеи и методы теории референции. Методы референциального анализа обнаруживают свою особую эффективность в случаях, когда на разрешение эксперта-лингвиста ставятся вопросы, ответ на которые не вытекает прямым и непосредственным образом из того, что написано в спорном тексте. Речь идет о возможности выявления имплицитной, т.е. словесно не выраженной информации в тексте, которая, несмотря на отсутствие прямой вербализации, может быть установлена с достаточной степенью полноты и недвусмысленности [5; 6].

Настоящее исследование посвящено возможностям применения современной постклассической теории референции в судебно-лингвистической экспертизе спорных текстов СМИ по разным категориям дел (унижение чести и достоинства, оскорбление, угрозы и другие виды речевого насилия, экстремизм). В работе на материале произведенных авторами экспертных исследований печатных и электронных версий материалов в СМИ доказывается

валидность референциального анализа для решения указанных экспертных задач.

В достаточно большом количестве экспертных исследований для выявления факта речевого правонарушения необходимо установить так называемый «адресный характер» высказывания или фрагмента текста, т.е. наличие / отсутствие конкретного лица или группы лиц, к которым относится негативная информация. Для разрешения указанной группы экспертных задач обычно привлекается следующий научный инструментарий из современной теории референции.

Как всякий знак, предложение характеризуется определенным отношением к миру, действительному или воображаемому. Это отношение называется отношением **референции**. **Референция** характеризует только включенное в речь высказывание. Референт предложения — это конкретная **ситуация** или **положение дел в мире**, зафиксированное говорящим в момент порождения высказывания (явление, состояние, процесс, событие, серия событий и т.д.). Одно и то же языковое выражение, взятое в одном и том же языковом значении, может иметь *различную референцию*, т. е., соотноситься с объективным миром по-разному [3].

Способ соотнесения языкового выражения с действительностью (или неким другим миром, в рамках которого оно интерпретируется) называется **референциальным статусом**, или, в терминологии Е.В. Падучевой, **денотативным статусом**. Референциальный статус присущ употребленному языковому выражению, т.е. факту речи. Языковые выражения сами по себе, как факты языка, лишены референции, но благодаря своей структуре они обладают предназначением для использования с тем или иным референциальным статусом. Языковые маркеры референциальных / денотативных статусов Е.В. Падучева предложила именовать **актуализаторами денотативного статуса** [4].

В целях нашего исследования важны следующие денотативные статусы, выделяемые в работах Е.В. Падучевой. Референт может быть **конкретный** (определенный объект / объекты, о которых что-то сообщается: *Моя бабушка идет за хлебом*, с актуализатором *моя*); **неопределенный** (объект / объекты не определены говорящим: *Какая-то бабушка идет за хлебом*, с актуализатором *какая-то*); **абстрактный** (имеется в виду вообще не объ-

ект, а его свойство, характеристика, роль: *Анна Васильева — моя бабушка*, актуализатором выступает сама синтаксическая позиция сказуемого для имени).

Кроме того, возможны нереферентные, или неконкретно-референтные, употребления имен: **экзистенциальная референция** (*Некоторые кошки короткошерстные*, с актуализатором *некоторые*), **универсальная референция** (*Все кошки мурлыкают*, с актуализатором *все*), **родовая** (когда имеются в виду признаки, присущие только этому сорту, роду, типу объектов как их родовое свойство: *Собаки обычно лают, когда видят незнакомца*, актуализатором выступает сужающее объем понятия *собаки* придаточное времени).

В частности, в ряде гражданских дел по унижению чести и достоинства эксперты дали отрицательный ответ, несмотря на явное наличие негативно-оценочной лексики, в силу установления факта референциальной неопределенности, которая не разрешается при обращении к контексту анализируемого материала:

Репортаж телекомпании «Город»: [АНОНС] Несколько предпринимателей поймали на воровстве. [САМ ТЕКСТ] Микрорынок на пересечении улиц Горького — Трудовая завтра будет закрыт. В этом виноваты сами продавцы. Они самовольно подключили старую обесточенную проводку. Делалось это для того, чтобы не платить за электроэнергию. В результате возникла угроза пожара из-за замыкания в сети.

Номинация «продавцы» в тексте статьи не расшифровывается. Был сделан вывод, что нельзя установить, какие именно организации ответственны за это.

Иногда для разрешения экспертной задачи референциальной отнесенности имен или именных групп необходимо проанализировать тип ближайшего контекста их употребления, т.е. особенности всего высказывания, в которое входит интересующая нас единица.

Так, в деле об унижении чести и достоинства г-на Х перед экспертами был поставлен вопрос: «Относятся ли слова: *«Был эфир на «Финам ФМ», где ведущий спросил у меня, как я отношусь к «Единой России».* А я и говорю: *«Я к „Единой России“ отношусь плохо. „Единая Россия“ — это партия жуликов и воров»*, — к гражданину Х или к политической партии «Единая

Россия»? [Речь в этом фрагменте шла об указанном г-не X, который принадлежит к партии «Единая Россия». — *Прим. авторов*].

Был сделан вывод о нереферентном (неконкретно-референтном) типе употребления высказывания: «*Единая Россия*» — *партия жуликов и воров*», с опорой на анализ содержательно-структурного типа анализируемого высказывания, которое было квалифицировано как **атемпоральное высказывание генерализующего типа**, т.е. высказывание вне привязки к конкретному времени события с именным предикатом. Подобные высказывания не имеют конкретной референции, т.е. они, по выражению Ч.С. Пирса, описывают структуру мира в целом и ориентированы на предельное обобщение (генерализацию). Иными словами, высказывания, созданные по такой структуре, претендуют всегда на выражение некоей предельно общей мысли, не привязанной ни к конкретным людям, ни к конкретным событиям. Субъекту данного высказывания в принципе не может быть приписан конкретный референт, т.е. конкретный объект или группа объектов, имеющиеся в виду говорящим при порождении данного высказывания.

В нашем случае — высказывание «*Единая Россия*» — *партия жуликов и воров*» может быть отнесено к заведомо нереферентным высказываниям по типу родовой неконкретной референции, т.е. предикат «партия жуликов и воров» приписан не к какой-либо конкретной группе лиц, а к абстрактному отвлеченному, неопределенному множеству, объединяемому по признаку принадлежности к указанной партии «Единая Россия». Иначе говоря, характеризуется *партия в целом* как некое абстрактное неодушевленное понятие (слово «партия» в русском языке относится к абстрактным неодушевленным существительным), но не множество ее конкретных членов.

С точки зрения содержательных особенностей подобное высказывание рассматривается как **эмоциональное обобщение**, вызванное реакцией говорящего на негативно оцениваемую им ситуацию или поступок какого-либо лица. Подобное эмоциональное обобщение очень часто встречается в обыденной коммуникации, но оно не предполагает верифицируемого (т.е. проверяемого с точки зрения соответствия фактическому положению дел) утверждения. В когнитивистике высказывания подобного типа

относят к так называемым речевым стереотипам, т.е. выражению расхожего типичного мнения неопределенной группы людей, лишенному **логической валентности**, т.е. самой возможности установления его истинности или ложности.

Особую трудность установление референта в спорных высказываниях представляет в случаях косвенного выражения отнесенности имен / именных групп к объектам реферирования, т.е. при наличии дескриптивных, перифрастических или метафорических номинаций, референция которых может быть установлена лишь при обращении к широкому контексту и / или внеязыковой ситуации.

При решении экспертных задач данного типа используются понятия **корреферентности** и **референциальной истории**. Корреферентность — отношение между компонентами высказывания (обычно именными группами), которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, т. е. имеют один и тот же референт [4]. «Цепочка анафорических связей между предыдущим и последующим вхождениями выражений, относящихся к одному и тому же референту, в связный текст образует его «референциальную историю». По мере развёртывания «референциальной истории» происходит обогащение знаний о референте, достигаемое постепенным введением новой сигнификативной информации о нём. Это создаёт возможность повторной несинонимической номинации данного референта выражениями с различным смыслом; например, во 2-й главе повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» один и тот же референт получает наименования: «что-то чёрное», «человек», «дорожный», «он», «вожатый», «мужик», «мужичок», «мой бродяга», некоторый другой референт в 6-й главе получает имена «Емельян Пугачёв», «злодей», «самозванец», «разбойник», наконец, в 8-й главе происходит идентификация двух референтов: «Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо». В дальнейшем речь идёт уже только об одном» [1, с. 410].

Так, в одном из дел по обнаружению признаков речевой стратегии дискредитации было необходимо выявить «референциальную историю» для г-на У — героя одной из статей в нижегородской газете, чтобы установить, обозначают ли многочислен-

ные негативно-оценочные метафорические и перифрастические номинации именно данное лицо.

В результате анализа контекста, включая заголовок, подзаголовки, врезки и пр., было установлено, что г-н У последовательно обозначается в тексте по имени и отчеству, по фамилии, по фамилии с названием должности («депутат У»), просто по должности («депутат»), а также посредством негативно-оценочных слов и выражений «чужак», «новый политик» (по аналогии с «новый русский»), «новоявленный глава Z», «любимый племянник», «одиозный депутат», «самый некоммуникабельный депутат», «системный депутат-болтун», прецедентного текста из романа И. Ильфа и Е. Петрова «кипучий лентяй», перифраза «сталкер, который собрался решать судьбы миллионов» и пр. Ряд этих обозначений, в совокупности с другими языковыми средствами, может квалифицироваться как «негативные сведения», позволяющие формировать в сознании читателя негативный образ У, его деятельности, умаляющие и / или порочащие его честь и достоинство, деловую репутацию.

Также научный аппарат современной теории референции может быть использован для выявления имплицитной информации по делам о речевом насилии (угрозе) и по делам об экстремизме. Для этого в наших работах используется научное понятие **референциальная инференция**. Инференция представляет собой так называемое «выводное знание», которое вообще не содержится в семантике слов и выражений, составляющих высказывание. Это информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, на ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире и пр. В частности, в такое знание может входить и неявным образом выраженная информация о лице, которое имеется в виду в представленном на анализ материале. Это и есть **инференция референциального типа**, или **референциальная инференция** [7, с. 18–21].

Так, в статье одного Интернет-издания приводится высказывание: «*Журналисты-предатели должны быть наказаны!*», в котором были выявлены признаки косвенного речевого акта угрозы в адрес главного редактора газеты «Коммерсантъ» и автора статей о вырубке Химкинского леса в той же газете. Не-

смотря на то, что в самом высказывании конкретный адресат угрозы не эксплицирован, весь контекст представленного для анализа материала наводит однозначную референциальную интерпретацию, что имеются в виду именно эти, вполне конкретные лица, а не вообще неопределенные журналисты (т.е. референция здесь конкретная, а не неконкретная, родовая, по признаку 'предатели').

Также идеи и методы современной теории референции можно использовать для решения экспертных задач по выявлению и квалификации в спорных текстах признаков манипулятивных речевых стратегий, в частности, такого приема «речевой демагогии», как **игра на референциальной неоднозначности** [2].

Литература

1. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: «Советская энциклопедия», 1990. — С.410.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Т.В. Булыгина; А.Д. Шмелев Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Языки русской культуры, 1997. — С.461-477.
3. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М.: Наука, 1985. — 272 с.
5. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 6. — С. 146-149.
6. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 1-1. — С. 286-290.
7. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — №3-2. — С. 18–21.
8. Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 216 с.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ САЙТЫ АРМЕНИИ

В.В. Смеюха

Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону)

Единое информационное пространство стран СНГ реализует ряд важнейших функций: развитие контактов граждан, образования, науки, культуры (см. «Концепцию формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств» [6]). Русский язык определяется учеными и аналитиками как «системообразующий интеграционный фактор» единого информационного поля бывших союзных республик [7]. В условиях информационной глобализации, медиаконвергенции, широкого воздействия медийной среды на сферы деятельности социума встает вопрос о важности социальных моделей поведения, определяемых характером, качеством деятельности массовых коммуникаций. По мнению профессора Г.Ю. Богданович, в «геополитической и социальной общности единого информационного пространства формируются когнитивные модели общекультурного значения, что позволяет говорить об общем ментальном пространстве как совокупности образов и символов общественного сознания» [4, с. 24].

Несмотря на все преимущества образования информационных связей между государствами, в медийном пространстве СНГ выделяется ряд проблем, ведущих к снижению его функциональных возможностей: падение популярности русского языка, закрытие русскоязычных СМИ. Отсутствие информации о близлежащих государствах может вести к падению интереса к ним со стороны аудиторных групп (см., например, Б.Г. Койбаев [5]).

Целью данной статьи является рассмотрение функциональных и типологических характеристик русскоязычных информационных интернет-изданий Армении (автором были использованы типологический и филологический методы исследования). Современные СМИ Армении анализируются в работах отечественных и армянских ученых [1–3], которые отмечают среди общих тенденций развития медиасистемы Армении сокращение

сегмента русскоязычной прессы. Между тем, Россия проявляет заинтересованность в функционировании данного типа СМИ. Так, например, в рамках круглого стола «Русскоязычное медиапространство в Армении: настоящее и будущее» (2011 г.) российской стороной было заявлено, что русский язык – это «мост в завтрашний день, он играет интеграционную роль в укреплении российско-армянских гуманитарных связей, которые являются составляющей стратегических отношений между нашими странами» (Москва заинтересована в развитии русскоязычных СМИ в Армении // Мир 24. 7.10.2011. URL: <http://mir24.tv/news/society/4315777>).

В постсоветский период система прессы Армении подверглась значительным изменениям, преобладающими направлениями в её развитии стали: политизация, коммерциализация. На современном этапе широкая аудитория получает информацию из интернет-медиа. Как отмечает исследователь Д.И. Алексеенко, роль печатных СМИ в общественно-политических и социальных процессах начала снижаться, что определяется не только интернетизацией медийного пространства, но и слабой экономической базой редакций традиционных СМИ, не имеющих средств для развития и продвижения издательской продукции [2].

В системе СМИ Армении выделяются и русскоязычные издания, основной задачей которых является информирование русскоязычной аудитории о политической, экономической, культурной ситуации в Армении. Сегодня в республике действуют русскоязычные информационные агентства: «Спутник Армения», «Новости–Армения», «News.am», газеты: «Голос Армении», «Новое время» и «Радио Ван». В Армении владеют русским языком 23 % населения [8]. В то же время армяне, проживающие на территории России, активно используют русский язык, вследствие чего русскоязычные информационные сайты Армении являются востребованными, так как предоставляют информацию об исторической родине армянской диаспоры, положении страны и её взаимодействии с другими государствами.

Агентство «Новости–Армения» открылось в 2005 г. Его основная задача – информирование русскоязычной аудитории о важнейших событиях, происходящих в Республике Армения, а также в странах СНГ и мире: «Удовлетворить имеющийся в республике спрос на информацию о странах СНГ, а также на миро-

вые новости. Одновременно нам хотелось в полной мере представить этим странам Армению, оперативно и объективно освещать политическую, социальную и культурную жизнь страны»³. Аналитиками отмечается, что агентство «Новости-Армения» является одним из ведущих русскоязычных информационных ресурсов на постсоветском пространстве [8]. В читательскую аудиторию сайта агентства входят русскоговорящие жители стран СНГ (Россия находится на первом месте по посещаемости), причем не только нынешние и бывшие граждане России, но и представители армянской диаспоры, проживающие в других государствах и владеющие русским языком (так, на четвертом месте по посещаемости – США) (данные 2013 г.). Ежемесячное число просмотров на сайте агентства – более 500 тыс.

Сайт предлагает как информационные, так и аналитические материалы. Новостная хроника является преобладающей, что соотносится с первостепенными задачами информационного агентства. Новости публикуются в разделах, выделенных по территориальному и тематическому критерию («Все новости», «Новости Армении», «Политика», «Экономика», «Общество» «В мире», «Нагорный Карабах», «Происшествия», «Наука и технология», «Культура», «Спорт»). Кроме того, журналисты агентства работают в аналитических жанрах («Аналитика») и жанре интервью (раздел «Интервью»). В структуру сайта включен раздел «Тесты и опросы», реализующий развлекательные и культурно-просветительские функции (например, «Тест: знаете ли вы армянскую литературу?», «Тест: хорошо ли вы знаете армянскую архитектуру»).

Информационное агентство «Спутник Армения» начало работу в 2015 г. (новостное агентство «Sputnik» появилось на медиарынке в 2014 г.); оно предоставляет новостной контент на интернет-площадках и осуществляет радиовещание. Ориентируется на зарубежную аудиторию, ведет информационную деятельность на 30 языках (в том числе и русском). Цель информационного агентства – представление альтернативных точек зрения на актуальные информационные темы. Сайт включает разделы: «Ново-

³ Агентство «Новости-Армения» стабильно входит в тройку самых посещаемых отечественных сетевых СМИ // ARKA. 12.12. 2007. URL: <http://arka.am/ru/news/interview/7372/>

сти», «Армения», «В мире», «Карабах», «Эксклюзив», «Аналитика», «Мультимедиа», «Землетрясение 1998»)

«Голос Армении» – сайт общественно-политического издания, открывшегося в 1991 г. Цель информационного ресурса – предоставление информации о внутренней жизни Армении. Редакция газеты характеризует свою аудиторию следующим образом: «Образованные, национально ориентированные люди, которые занимаются наукой, производством, высокими технологиями. Это люди, причастные к культуре и образованию. Это интеллигенция, которую живо интересует всё, что происходит сегодня в республике, регионе и мире»⁴. Структуру сайта образуют следующие разделы: «Политика», «Экономика», «Мы и мир», «Общество», «Право», «Культура», «Наука», «Спорт», «Галерея», «Досуг» и др.

«Радио Ван» открылось в 1998 г., позиционирует себя как молодежное, предлагает не только музыкальный контент, но и информационные, аналитические материалы. На сайте радио выделены следующие разделы: «Ван», «Программы», «Новости», «Реклама», «Галерея», «Проекты».

Таким образом, можно заключить, что русскоязычные информационные сайты Армении играют существенную роль в информировании русскоязычного населения о ситуации в стране, в развитии политических, экономических, культурных отношений, а также в формировании имиджа Республики Армения.

Литература

1. Алексеенко Д.И. Информационные агентства и печатные СМИ Армении: двадцать три года независимости // Журналист. Социальные коммуникации. – 2014. – № 2 (14). – С. 75–78;
2. Алексеенко Д.И. Некоторые типологические особенности печатных СМИ Республики Армения // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2013. – № 1 (11). – С. 26–31.
3. Анна Ж. Характеристика СМИ в Армении: проблема свободы // 21-րդ ԴԱԸ «Նորավանք» գիտակրթական հիմնադրամի տեղեկատվական-վերլուծական հանդես. – 2012. – Կ. 6. Ս. 114.

⁴ Флора Нахшкарян, главный редактор газеты «Голос Армении» // История Армении и Карабаха. Пресса. 2008, ноябрь. URL: http://karabah.h18.ru/press2008/11/1102_flora_nahshkarian.html

4. Богданович Г.Ю. Еще раз о тексте, дискурсе, языковой картине мира в полилингвальной ситуации // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. – Симферополь, 2017. – С. 12–30.
5. Койбаев Б.Г. Журналистика государств Южного Кавказа на рубеже XX–XXI вв.: проблема создания общего информационного пространства // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие: сб. трудов. – Владикавказ, 2016. – С. 49–57.
6. Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств от 18.10. 1996 // Исполнительный комитет СНГ. – URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548>
7. Сурма И.В. Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. – 2015. – № 5. – С.41–58. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.17473. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_17473.html
8. Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив : Русский в Армении / 9.07.2014. URL: <http://russia-armenia.info/node/8351>; Агентство «Новости-Армения» стало одним из ведущих русскоязычных информационных ресурсов на постсоветском пространстве / 29.10.2013. URL: <http://russia-armenia.info/node/3449>

ОБ ИНОСТРАННЫХ МОНАРШИХ И ДВОРЯНСКИХ ТИТУЛАХ В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ СООБЩЕНИЯХ XIX ВЕКА

Виктор Шетэля

Московский педагогический государственный университет
(Москва)

Газетный материал определенного периода издания, в нашем случае до сих пор недостаточно исследованного издания XIX века, показывает различные по своей тематике наименования, ранее в русском языке не выступающие или употребляемые очень редко. Газетные сообщения из разных уголков земного шара дают представление о титулах и званиях, которые носили властелины этих земель. Прежде всего, титулы монархов, дворян из европейских стран и Азии, достаточно часто употребляемые журналистами, позволяют отметить эти названия в словарях русского языка. Наше внимание привлекли не только европейское итальянское *дож*, а и турецкое *визирь* и японское *микадо* и другие подобные. В докладе даются предполагаемые датировки первого употребления таких единиц.

Подобных наименований было множество. Здесь показаны только некоторые из них.

Некоторые из таких наименований встречались и раньше, напр.: слово **визирь** в форме **возирь** употреблено у Афанасия Никитина, который, путешествуя в 1466 – 1472 гг. в Индию, употребил его. Известно, что слово арабско-турецкого происхождения *vāzīr* вошло в русский через нем. *Vesier* в знач. «высший сановник в турецкой империи, председатель совета министров» [4, с.110]. Слово весьма частотное в XIX веке, см., напр.: «Великий Визирь, шедший с армеею своею против Сербов намерен был оставить несколько тысяч человек» [6, 1808, № 67, с.1002]. Подробно см. об этом слове у Фасмер [14, т.1, с.313].

Арабским по своим истокам является для нас испанское слово **алкад**, **алькад** (исп. *alcald* из араб. *al-qādī* – „судья”), которое употреблялось русскими авторами в знач. «глава муниципалитета города», чего примером является данный газетный отрывок: «Мадрит. Смотрение за вооружением поселян представляется Алкадам (Мерам)» [6, 1810, № 39, с. 562]. Это слово не мог не отметить И.А. Гончаров в своем романе «Фрегат „Паллада”»: «Там, говорят, живет испанский алькад» [9, с.263].

Если слово **алькад** имеет отношение к гражданской должности, на которую все же мог претендовать скорее всего дворянин или зажиточный мещанин, то слово **гранд** являлось, безусловно, обозначением знатного человека.

Гранд (исп. *grande* – „великий, знатный; вельможа”) – «титул представителей высших дворянских родов в Испании, пользовавшихся прежде большими привилегиями» [4, с. 149]: «Ни один из Дворян не может быть наименован *Грандом Кортесов* ежели он не имеет 20 000 пиастров годового дохода» [6, 1809, № 67, с.1001]. Слово встречается в путевых заметках Н.В. Гоголя и А.О. Смирновой-Россет, см.: «Бритые гранды, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный...» [7, с.191]; «У Евгении есть гордость гранда и сильное религиозное чувство» [13, с.219]. Слово **гранд** было отмечено в БАС [12, т.3, стб. 366 – 367] с указанием на более ранний факт лексикографической фиксации.

К группе французско-испанских заимствований русского языка, более глубокие истоки которых находятся в латыни, при-

надлежат слова: **сеньор, синьор, синьора** (испанское *senor*, французское *seigneur* от латинского *senior* – „старший” [14, т. III, с. 602] в значении «господин, госпожа в Испании». Слова весьма частотные в русских текстах, см.: «[Жевакин:] Я не говорю уже о дворянах и прочих синьорах» [8, с. 119]; «Это та же Испания, с монахами, сеньорами, покрывалами, дуэньями, боем быков, да вдобавок, Испания тропическая!» [9, с. 437]; «на перекрестках стоят синьоры с продажными зонтиками...» [2, с. 412].

Слово **дож** (итальянское *doge* от лат. *dux (ducis)* – „вождь”) – «титул главы бывших венецианской и генуэзской республик» [4, с. 183] чаще всего встретим в путевых записях, см.: «При доже Сильвестре Вальеро (1694 – 1700) заключен был новый союз между Венециею, Польшею, Австрею и Россиею при Петре I» [3, с. 4 – 5]; «тут похоронен последний дож Manini. Но в гиде я не нашел того» [3, т. X, с. 18].

Не новое для XIX в. слово **герцог** (уже в эпоху Петра I) – «в Германии влиятельная особа или представитель высшего дворянства с титулом высочества; || почетный титул в Англии, Франции, Италии и Испании, даваемый преимущественно владельческим особам» [4, с. 134] интересно тем, что от данного слова были образованы названия государств: **Варшавское Герцогство** и **Герцогство Генуэзское**.

Газетный материал показывает, каким образом данные названия закреплялись в речи.

Варшавское Герцогство (от **герцог** из нем. *Herzog* > герцогство) – «владение герцога; || герцогское достоинство» [4, с. 134], польск. *Księstwo Warszawskie*, см.: «Провинция, которая 1 го Генваря 1772 года составляла часть прежде – бывшего Королевства Польского и после того перешла в разные времена во владение Пруссии поступят ... в полную собственность Короля Саксонского под названием Варшавского Герцогства» [6, 1807, № 68, с. 842]; «Говорят, что большая часть Герцогства Варшавского достанется России, которой границы приблизятся к *Франкфурту на Одере, Бреславию* и *Ольмицу*» [6, 1815, № 16, с. 149]. Название употребляется повсеместно, см., напр.: «Пересечение торговли ... суть главнейшая причина печального запустения сей части Герцогства Варшавского...» [11, ч. 6, с. 13 – 14]; «В конце января все

герцогство Варшавское и вся Пруссия до Одера были очищены от неприятеля» [1, с.211].

Герцогство Генуэзское: [образовано также как и Варшавское Герцогство в результате решений Венского конгресса] «Генуа и Лигурийская Область под названием Герцогства Генуэзского (Ducato di Genova)» [6, 1815, № 9, с.73].

Возрастающий интерес к Японии, который виден по газетным сообщениям, а затем закреплённый краеведческими заметками об этой стране И.А. Гончаровым и В.В. Крестовским способствовали пополнению словарных запасов лексикографических справочников такими словами, как: **микадо, микадесса; сиогун, сегун; тайкун**, которые писателями употреблялись.

Микадо (японское *ми* – „достопочтимый” и *кадо* – „врата”) – «один из титулов японского императора» [4, с.393]. Газета употребила это слово в связи с политическими событиями, которые происходили в Японии, в связи с чем дается информация о значении этого важного для народа слова: «Микадо или духовные владыки» [5, 1847, № 87, с.674]; «Дальнейшие известия и корреспонденции из Китая подтверждают упадок власти тайкуна и возвращение власти микадо» [5, 1863, № 11]; «Японцы запели свою песню, то есть что надо послать в Едо, в верховный совет, тот доложит сиогуну, сиогун микадо» [9, с.300].

В конце столетия В.В. Крестовский более подробно поясняет, в каких случаях употребляется у японцев титул **микадо**: «Имя его Муцугито, но в народе, равно как и при дворе, не принято называть государя собственным именем, которое становится достоянием истории лишь после его смерти, при жизни же государя титулуют одним лишь словом «микадо», что значит – достопочтимый» [10, с.602].

Микадесса, ж.р. от **микадо**, м.р. – «жена микадо». Скорее всего, слово образовано русским автором по образцу слова **поэтесса**: «Император изображен в обще генеральском японском мундире, а микадесса – в национально-придворном костюме» [10, с.671].

Сиогун, сегун (японское) – «высший сановник в Японии; губернатор» – такое значение слова можно определить по следующим заметкам: «Япония разделена на уделы, которые все зависят от сиогуну, платят ему дань и содержат войска» [9, с.286]. В тексте конца XIX века употреблены и другие японские слова:

«Вскоре явились якунины со стражей и объявили ронинам, что арестуют их по повелению сегуна» [10, с.572].

Тайкун (японское, дословно обозначающее „великий покровитель Японии”) – «светское название японского императора» [4, с.626]: «Дальнейшие известия и корреспонденции из Китая подтверждают упадок власти тайкуна и возвращение власти микадо» [5, 1863, № 11].

Таким образом, на представленных примерах видно, что интерес к самым географическим отдаленным странам и народам не мог обойтись без употребления в русских текстах слов из языков этих народов, что и показывает, как осуществлялись межкультурные и политические связи России с разными народами Европы и Азии.

Литература

1. Абаза К.К. Герои и битвы: Общедоступная военно-историческая хрестоматия. С рисунками, картами и планами. – СПб., 1887. – 479 с.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Фрегат «Надежда» // Бестужев-Марлинский А.А. Повести / Сост., вступ. ст. и прим. В.И.Кулешов. – М.: Правда, 1986, с.346 – 456.
3. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Князя П.А.Вяземского. Издание Графа С.Д.Шереметева. – СПб., 1886, т.Х.
4. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. – 60-ое изд. – СПб., К., Харьков, 1912.
5. Газета «Московские ведомости» (М., 1847 г., 1863 г.).
6. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» (СПб., 1807 – 1815 гг.).
7. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959, т. 3, с.173 – 193.
8. Гоголь Н.В. Женитьба // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959, т. 4, с. 97 – 155.
9. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. / Комм. К.И. Тюнькина. – М.: Правда, 1985.
10. Крестовский В.В. В дальних водах и странах. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.
11. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции ... писаны Федором Глинкою. – М., 1815, ч. 3, 5 – 6, 7.
12. Словарь современного русского литературного языка. – М., Л., 1954, т. 3 (БАС).
13. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986 – 1987, т. 1 – 4.

«ФАКТ» И «ОЦЕНКА» В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

О.В. Ширяева

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

(Ростов-на-Дону)

Статья посвящена аксиологии медиадискурса, т.е. ценностным аспектам отбора, интерпретации и языкового оформления информации в СМИ. Проблема соотношения фактуального и аксиологического компонента в массмедийных сообщениях чрезвычайно важна в условиях постиндустриального общества, когда основной массив информации поступает из медиа: традиционных СМИ (пресса, радио, телевидения) и «новых» медиа (соцсети, онлайн-издания, мультимедийные ресурсы). Если до середины XX в. в исследовании масс-медиа выдвигались функции информирования, пропаганды и организации, то сегодня спектр этих функций существенно расширился. Так, Е.В. Поликарпова, в числе актуальных функций СМИ называет «культуронаследовательную», «аксиологически-креативную» [9]. П. Винтерхофф-Шпурк пишет о значимости «гедонистической», «компенсаторно-интеллектуальной», «манипулятивной» функций [1, с. 11–27].

Для обозначения подвижного корпуса текстов СМИ в современных условиях конвергенции национальных терминологий и междисциплинарности используются термины «медиадискурс», «массмедийный дискурс», «масс-медиаальный дискурс» в синонимическом значении. Опираясь на современный теоретический аппарат медиалингвистики [3, 4], мы трактуем *медиадискурс* как совокупность всех текстов, реализующих массовую коммуникацию в национальном медиаландшафте, связанную с аналогичным типом речепроизводства в публичном международном интердискурсивном пространстве (медиасреде).

Уже в конце 1980 гг. Ю.Н. Караулов отмечал, как тесны в языке отношения «между семантикой и гносеологией» [5, с. 165–183] – сложно провести границу между семантикой и ситуативным контекстом: этот комплекс представлений он обозначил понятием «мотивационно-установочная оценка» [5, с. 168]. Рассматривая феномен комплексности семантического и прагмати-

ческого компонентов значения слова, он писал: «Развитие семантики (слова) есть деформация его значения под влиянием двух сил – расширяющихся знаний о мире и гносеологии, т.е. закономерностей познания мира» [5, с. 169]. Прагматизация семантики как тенденция в изучении конкретных дискурсивных формаций обрела методологическую почву в 2000–2010 гг. Итак, «аксиологичность» признается имманентным свойством газетно-публицистического текста [10], «роль языковой личности в дискурсивном пространстве» предстает определяющей в формировании оценочной семантики в дискурсе СМИ» [7, с. 5].

Информационно-аналитический медиадискурс рассматривается нами как одна из формаций медиадискурса, в которой новостная и аналитическая компоненты подвержены конвергенции (смещению и взаимовлиянию). При этом наше внимание сосредоточено на подвиде информационно-аналитического медиадискурса – *деловом медиадискурсе* (в качестве информационно-аналитического в медиасреде могут также функционировать *политический, медицинский, научно-популярный* и другие медиадискурсы). *Материал исследования* – российская деловая пресса 2000–2010 гг. («Ведомости», «Коммерсантъ», «РБК daily», «Секрет фирмы» и др.) [13].

В основе внимания к аксиологическому аспекту медиадискурса – пересмотр коммуникативной конвенции о «безоценочности» новостного медиадискурса и эксплицитной оценочности аналитического и художественно-публицистического дискурсов. Данное разграничение существовало в рамках так называемой нормативной модели журналистики, которая начала меняться в XX столетии [15]. Однако оно перестало функционировать в постмодернистскую эпоху. Проблема эта связана с разграничением фактов и мнений, на языке масс-медиа – «новости» и «комментария», включающего интерпретацию, аналитику (в англоязычной теории СМИ – «news» vs «views» [14, p. 520]. В современной ситуации «факт», «фактуальность», которыми оперирует новостная и информационно-аналитическая журналистика, чаще всего *оценочны*, однако их оценка пролегает не в области эмоционально окрашенных коннотаций, а в сфере моделирования «референтной ситуации» [11, с. 251].

Поскольку новости фиксируют происходящее в мире в течение 24 часов, стремление к оперативности и точности вступает в конфликт с энтропией жизненного потока событий. Для контроля над действительностью новостные массмедиа разработали собственные форматы, которые, согласуясь с определенными *фреймами* социального сознания, позволяют управлять событиями, преобразовывать их в сегментированную, семантически релевантную и стилистически однородную информацию. Речь идет о «фреймизации» информационного контента согласно определенным ментальным, социальным, политическим, стилевым представлениям групп аудитории. (Понятие «фрейм» восходит к социологической теории И. Гофмана, согласно которой интерпретация социальной действительности осуществляется не стихийно, а в соответствии с диктуемыми социумом смысловыми рамками, т.е. «фреймами» [2]). Итак, отбор событий происходит уже на уровне темы, предпочтительной для данного типа или жанра медиадискурса. «В разных жанрах один и тот же фрагмент объективной реальности освещается под собственным специфическим углом зрения: высвечиваются одни стороны референтной ситуации и не попадают в поле зрения (намеренно игнорируются) другие, иными словами, каждому жанру заданы пределы предметной компетенции, выход за которые может означать вторжение на территорию другого жанра» [11, с. 251–252].

Новостной текст может быть охарактеризован через параметры «модальности факта» и отнесен к типу «фактивного высказывания»: в его основе лежит «презумпция» соответствия действительности [12, с. 158] (ср. также понятие «информационной насыщенности» высказывания, выдвигаемое А.В. Оляничем и связываемое с реализацией категорий «точности» / «приблизительности») [8, с. 136–149]. Когнитивно-коммуникативными условиями «фактивного высказывания» являются, по мнению И.Б. Шатуновского, следующие: 1) адресат считает, что адресант располагает верными сведениями по данному вопросу; 2) адресат «безусловно доверяет искренности, правдивости» адресанта [12, с. 159].

Однако в деловой прессе используется конвергенция новостной и аналитической журналистики. В американской и английской журналистике данный смешанный жанровый формат получил название «news-feature» («новостная история»), т.е. тип ме-

диатекста, соединяющий функции «новости» (информационный медиадискурс) и «статьи» (аналитический медиадискурс): жанр «news-feature» «создан не для описания отдельных событий, а тенденций, которые увидел журналист за этими событиями» [6, с. 31]. В сравнении с западной системой массмедийных жанров и дискурсов, наша проблематика «информационного» и «аналитического» компонентов соотносима с «событийными» и «комментарийными» жанрами: вторая группа предполагает элементы «логического анализа».

Рассмотрим пример.

Журнал «Секрет фирмы» (2014. № 3 (340)): «Дорогая передача: Как компания MoneyMan выдает онлайн-кредиты» (Сергей Кашин). Это образец развернутой, аналитической новости. Текст сообщает об одном из банковских продуктов, выпуск которого успешно налажен компанией MoneyMan. Коммуникативная цель автора – не только и не столько информирование о продукте и компании, сколько изучение и экспликация условий, прогнозирование последствий развития данного явления, т. е. *анализ* явления, в отношении которого рассматриваемый единичный объект является «казусом». Об аналитической установке свидетельствует измененная в сравнении с классической рамка – лид: он сформулирован как *проблемный* («Как новичку выйти на рынок, где уровень конкуренции зашкаливает? Компания MoneyMan первой в России научилась выдавать микрозаймы в интернете и теперь растет больше чем на 500 % в год»). Лид содержит явные элементы суждения, что противоречит чисто информативным задачам: так, вместо нейтрального «компания... *выдает микрозаймы*» автор выбирает глагольную конструкцию со словом «научилась» («научилась выдавать»). Так имплицитно вводится положительная оценка объекта: если научилась, значит, обладает высоким профессионализмом, ей можно доверять и т. п. Позитивное отношение к объекту референции поддерживается также эксплицитно – «первой в России», а также в конце лида – в виде объективной информации: «растет больше чем на 500 % в год».

Далее, по мере развертывания текста, превышающего объем стандартной новостной заметки (около 1000 знаков с пробелами) второе, нейтральное информирование регулярно дополняется оценочно-аналитическими элементами. Например, констатация «В

стране не было ни одной компании, которая кредитовала бы клиентов онлайн», вынесенная в сильную позицию – начало абзаца – усиливает позитивную оценку объекта как уникального, единственного в своем роде. Элемент объективной аналитики, основанной на сопоставлении точных данных и резюмировании результата, содержится в финальной цитате текста (приводится мнение *эксперта*): «Доля просроченных кредитов держится в рамках 16-17 %. Это, конечно, больше цифр, привычных банкам, которые занимаются потребительским кредитованием (7-9 %). Но разница покрывается повышенной маржой». Доверие читателя достигается не только стратегией достоверности – наличием статистических данных и объективным представлением разных сторон конкурентной ситуации (микрофинансовые организации / традиционные банки), но и использованием финансового термина («маржа»): такой тактический прием служит цели идентификации самого автора текста как «эксперта» в освещаемой теме. Таким образом, рассмотренная новость с комментарием является образцом конвергенции информационного и аналитического компонентов медиадискурса.

Итак, в отличие от «события», факт является результатом когнитивной интерпретации реальности и, соответственно, вторичен по отношению к миру. Соединяя «новостную» и «аналитическую» стратегии, современный журналист, с одной стороны, обеспечивает доверие адресата, с другой стороны, выносит ряд суждений об анализируемом явлении, событии, формируя массмедийный «факт».

Литература

1. Винтерхофф-Шпурк В. Медиapsихология: основные принципы. – Харьков, 2007. – 288 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.
3. Добросклонская Т.Г. Системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 203 с.
4. Желтухина М.Р. Воздействие медиадискурса на адресата: монография. – Волгоград: Перемена, 2014. – 91 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. – М.: Изд-во Моск. унта, 2008. – 192 с.

7. Овсянникова М.А. Языковая репрезентация оценки в интернет-форуме как жанре спортивного дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. – М., 2012. – 24 с.
8. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
9. Поликарпова Е.В. Аксиологическая функция современных масс-медиа. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 280 с.
10. Синепунова О.С. Оценочная картина мира в публицистическом тексте: на материале печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 22 с.
11. Тырыгина В.А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 320 с.
12. Шатуновский И.Б. Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность // Логический анализ языка: истина и истинность. – М.: Наука, 1995. – С. 158-164.
13. Ширяева О.В. Русский деловой медиадискурс. – Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2016. – 172 с.
14. Mott F.L. American Journalism: A History of Newspapers in the United States through 250 Year 1690 to 1940. – NY: Mcmillan, 1949. – 560 pp.
15. Nerone J. The historical roots of the normative model of journalism // Journalism. – 2013. – Vol. 14. – No. 4. – Pp. 446-458.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ¹

Н.В. Уфимцева

ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

В отечественной психолингвистике созданы к настоящему времени и теоретические, и экспериментальные предпосылки для изучения картины мира именно как целостного образования. Моделирование языкового сознания осуществляется через построение по данным массового ассоциативного эксперимента ассоциативно-вербальной сети (т.е. неполно связанного, ориентированного графа со взвешенной частотой). Материалы ассоциативных экспериментов, проведенных в разных регионах РФ, позволяют исследовать особенности регионального языкового сознания русских.

Понятие языкового сознания в психолингвистических работах появилось в 90-е годы прошлого века с легкой руки Е.Ф. Тарасова, который ввел его в психолингвистический обиход. Собственно, впервые термин появился в названии IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике (Москва, 1988), а содержательное наполнение получил в докладе Е.Ф. Тарасова, который, применительно к предметной области психолингвистики посчитал необходимым различать языковое, метаязыковое и неязыковое сознание [1].

Языковое сознание определяется Е.Ф. Тарасовым как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [2 :10]. Тарасов видит в использовании психолингвистами понятия «образ сознания» вместо привычного лингвистам понятия «значение» то преимущество, что оно позволяет описывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые самим носителем языка знания.

¹Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 15-34-14007 а(ц) «Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния», № 15-04-00378а «Конфликтогенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели».

Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, или, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квази-предметах).

Ассоциативный эксперимент позволяет сделать доступным для анализа содержание сознания индивида, как правило, скрытое от внешнего наблюдателя, поскольку овнешняет его средствами языка.

В нашем случае, т.е. при моделировании обыденного языкового сознания носителя русского языка/культуры, были воспроизведены принципы организации исследуемого объекта. Ассоциативно-вербальная сеть, построенная по материалам массового ассоциативного эксперимента, а точнее по материалам Русского ассоциативного словаря [3], и представляющая собой неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой, является моделью образа мира носителя языка, отвечающей системно-целостному принципу. Этот граф имеет 103 000 тысячи разных вершин, т.е. разных слов, которые входят в эту сеть. Количество испытуемых (респондентов), которые «поделились» с нами фрагментами своего языкового сознания, составляет 11 000 человек – это студенты разных специальностей с родным языком русским в возрасте от 17 до 25 лет, проживающие в разных регионах Российской Федерации. Эксперимент проводился в конце XX века (см. сайт в Интернете: rat.ivri.webfactional.com/overview/russian/, на котором можно ознакомиться с электронной версией Русского ассоциативного словаря и возможностями его анализа).

Если рассматривать ассоциативно-вербальную сеть как структуру, то организующим для нее в целом и для каждого ее отдельного элемента является понятие значимости/ценности (*valueur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение, и значимость/ценность одновременно. Именно это свидетельствует, что он входит в систему, и его ценность определяется исходя именно из системы как целого (см. подробнее [4]). Кроме того, с точки зрения дихотомии значение/значимость организованы и знания, стоящие за

телом знака каждой из единиц ассоциативно-вербальной сети, т.е. ассоциативное поле каждого слова-стимула. Именно значимость каждого элемента является системообразующим фактором для предметных значений и их вербальных овнешнений (системы понятий по А.А. Леонтьеву), т.е. для языкового сознания. Поскольку, по мнению Ф. де Соссюра, «для установления значимостей необходим коллектив, существование оправдывает только обычай и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости» [6: 148].

Попробуем с этих позиций подойти к анализу тех изменений, которые произошли за последние десять лет в обыденном сознании молодых носителей русской культуры, в частности, разберемся, как изменились их представления о жизни. Для этого сравним данные Русского ассоциативного словаря (РАС) [3], Русского регионального словаря по Европейской части (ЕВРАС) [5], по Уралу (УРРАС) [7] и по Сибири и Дальнему Востоку (СИБАС) [8]. По данным РАС (Обратный словарь, материал собирался в 1988-1998 г.г.) в русском языковом сознании наиболее важными были такие реалии: **ДОМ, ЖИЗНЬ, ДЕНЬГИ, ЛЕС, ДЕНЬ, ЛЮБОВЬ, РАБОТА, ВОДА, РАДОСТЬ, ДЕЛО, СМЕРТЬ, СТОЛ, ДОРОГА**; по данным ЕВРАС (Обратный словарь, материал собирался в 2008-2011г.г.) – **ЖИЗНЬ, ДОМ, ДЕНЬГИ, МИР, РАДОСТЬ, РАБОТА, СИЛА, ЛЮБОВЬ, ВРЕМЯ, СЧАСТЬЕ, ДЕНЬ, СМЕРТЬ, ЗЛО**; по данным СИБАС (материал собирался в 2008-2011г.г.), **ЖИЗНЬ, ДОМ, ДЕНЬГИ, ДРУГ, МИР, ВРЕМЯ, РАБОТА, ЛЮБОВЬ, СИЛА, РАДОСТЬ, СМЕРТЬ, ЗЛО, ДЕНЬ**. Как мы видим, ценность жизни повысилась, она вышла на первое место (после человека) в материалах и ЕВРАС и СИБАС.

А теперь посмотрим, изменилось ли что-то в субъективном содержании знакового образа?

По данным РАС, понятие **ЖИЗНЬ** занимает третье место в ядре языкового сознания, а по данным ЕВРАС, УРРАС и СИБАС – второе. Прежде всего, **ЖИЗНЬ**² соотносится со *смертью* (РАС – 50, ЕВРАС – 75, УРРАС – 62, СИБАС – 56). Из *науки* (РАС – 14) **ЖИЗНЬ** превратилась в *игру* (ЕВРАС – 13), (УРРАС – 9), (СИ-

² Заглавными буквами выделяется слово-стимул, прописными курсивом – слово-реакция.

БАС – 8). Значительно более актуальным по сравнению с РАС во всех региональных словарях стало представление о ЖИЗНИ как о *счастье, радости*. ЖИЗНЬ представляется всем молодым жителям российских регионов прежде всего, как *прекрасная и хорошая*.

По данным РАС, действия образуют первую по рангу зону гештальта с высокой частотностью входящих в нее единиц: **ЖИЗНИ радуемся 40**, пытаемся ее изменить 36, отдать 28, любить 25, возродить 16, посвятить 13, прожить 9, познать 4. Налицо отражение жертвенного, альтруистического сознания активно действующего в мире субъекта. По данным Региональных словарей перед нами совсем другая картина. В ЕВРАС действия образуют пятую по рангу, очень немногочисленную зону гештальта: **ЖИЗНЬ идет 4**, прожить 4, удалась 3, люблю 2. В УРРАС действия образуют четвертую по рангу, также немногочисленную зону: ЖИЗНЬ идет 3, продолжается, прожить 2, удалась 2. В СИБАС действия образуют пятую по рангу немногочисленную зону: ЖИЗНЬ удалась 6, идет 3, любит 3, дана 2. Значит, в жизни уже предпочитают не действовать, нет и намека на жертвенность и альтруизм, потому что у **ЖИЗНИ** практически пропали *смысл* (РАС – 17,2 %, ЕВРАС – 1,2%, УРРАС – 1%, СИБАС – 2,1%) и *цель* (РАС – 13, ЕВРАС – 0, УРРАС – 0, СИБАС – 1).

Даже такой беглый анализ показывает существенные различия в содержании знаний, соотносящихся с понятием **жизнь** у двух поколений испытуемых и их региональные особенности, которые являются отражением социокультурных изменений в нашем обществе.

Таблица 1. **ЖИЗНЬ** (данные в процентах по зонам)

ЗОНА/СЛОВАРЬ	РАС	ЕВРАС	СИБАС	УРРАС
1. Действие	30,3%	5. 3,7%	4. 4,2%	5. 2,4%
2. Характеристика	21,9% %	2. 34,4%	2. 38,9%	2. 33,8%
А) положительная	А) 39%	А) 66,8%	А) 48,8%	А) 54,0%
Б) отрицательная	Б) 14,7%	Б) 4,9%	Б) 9,3%	Б) 8,0%
В) нейтральные	В) 46,3%	В) 19,8%	В) 29,5%	В) 38%
3. Смысл	17,2 %	7. 1,2%	7. 2,1%	7. 1%
4. Объект	16,9%	1. 51,7%	1. 45,6%	1. 51,9%
5. Природа	7,5%	6. 1,7%	6. 1,2%	7. 1,7%
6. Время	3,6%	3. 4,3%	5. 4,8%	4.5,1%
7. Сравнение	2,4%	4. 3 %	3. 3,0%	3. 4,1 %

Литература

1. Тарасов Е.Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IХ Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. - М.: Институт языкознания СССР, 1988. - с. 176-177.
2. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. - М.: Институт языкознания РАН, 1996. - с. 7-22.
3. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1, 2, М.: АСТ-Астрель, 2002. – 782 с., 991 с.
4. Уфимцева Н.В. Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики, № 1(17), 2013. – с. 44-52.
5. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь – ЕВРАС, рукопись.
6. Ф.де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка по ред. А.А.Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
7. Харченко Е.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь – УРРАС, рукопись.
8. Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь – СИБАС, т. 1, М.: МИЛ, 2014. – 536 с.

РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАКУРСЕ: СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА³

О.В. Балясникова

ФГБУН «Институт языкознания РАН»

(Москва)

Формы языковой репрезентации категории пространства представляются особенно интересными при сравнении их содержания в различных языках. Пространственная семиосфера характеризуется неоднородностью и наличием в ней нескольких взаимосвязанных подсистем, что, очевидно, и делает ее объектом междисциплинарных исследований.

Пространственные отношения организуются вокруг субъекта речевой деятельности, актуализирующегося как «я» в каждом акте коммуникации [4], таким образом, в пространственную семи-

³ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ №15-34-14007а(ц) и №15-04-00378а.

осферу могут попадать различные объекты в зависимости от ракурса, с которым связана целенаправленная активность говорящего. В тех или иных условиях семиотизация пространства относительно эгоцентра выражается по-разному. Экспериментальные условия не являются исключением: говорящий и в этом случае обозначает свое «присутствие» в определенном пространстве.

Процедура психолингвистического исследования – ассоциативного эксперимента – представляет собой особым образом организованную коммуникацию, в которой речевая деятельность носителя языка возможна в рамках заданного исследователем информационного поля и лишь в определенной языковой форме. В отличие от коммуникации, протекающей в естественных условиях, мотивом для деятельности информанта становится инструкция, относящаяся к работе с уже готовым языковым материалом. Все это на первый взгляд накладывает существенные ограничения на свободу действий испытуемого, однако эти ограничения не исключают возможности «выбора» информантами стратегии ассоциирования и самого ассоциата, в том числе и его грамматической формы.

В ассоциативном эксперименте, проведенном в рамках исследовательских проектов РГНФ (2015 – 2016 гг.), таким материалом служила предъявляемая в разных последовательностях совокупность слов, семантически не взаимосвязанных и предъявляемых автономно, вне контекста. Список стимульных слов включал в себя, в частности, абстрактные существительные, глаголы, оценочные прилагательные, а также дейктики, в том числе местоимения.

При проведении пилотажного эксперимента были отмечены тенденции появления пространственных слов-реакций, обусловленных языковым и региональным факторами. Первый описан в публикации на материале татарско-русского билингвизма [2, 3]. Тогда же была отмечена различная актуализация семантической зоны «локус» при ответе информантов на родном и русском языках. Так, стимул *власть* вызвал реакции: дәүләт ‘государство’, страна, Россия, дөнья ‘мир, вселенная’, урам ‘улица’ (7.2% от числа всех реакций); на стимул *хакимият* ‘власть’ даны реакции: дәүләт ‘государство’, или ‘страна’, башкала ‘столица’, бина ‘здание’, йорты ‘дом’, Казан шәһәренең ‘города Казани’, РТ ‘Респуб-

лика Татарстан', Татарстан, урыны 'место', шәһәр 'город', жирле 'местный' (20.2% от числа всех реакций). Определенное «сужение» и усложнение пространственной семиосферы при переходе на родной языке обнаруживалось не только в появлении собственно «пространственных» реакций, но и в изменении содержания некоторых других субзон, например в т.н. зоне «вертикаль»: при ассоциировании на татарском языке возникали реакции, указывающие на локализацию объекта в вертикальной плоскости. Заметим, что влияние двух отмеченных выше факторов может совмещаться, что отражается в особенностях использования других единиц: например, в увеличении числа фразеологизмов в ответах на русском языке, что мы рассматриваем как тенденцию к предпочтению формальной стратегии реагирования.

Таким образом, особенности пространственной семиосферы по материалам ассоциативного эксперимента можно выявить, во-первых, рассматривая структуру ассоциативных полей стимулов-дейктиков и слов с пространственной семантикой, а во-вторых, отмечая появление таковых в ассоциативных полях иных стимулов, лишенных непосредственной связи с категорией пространства.

Результаты показывают, что в ассоциативных полях стимулов – личных местоимений – отсылка к пространственным объектам нетипична: в этом случае частотны реакции-характеристики синтагматического типа, раскрывающие значение местоимения как знака «смыслового пространства» [6]; в другом типичном случае актуализируются компоненты местоименной системы [1]. То же самое демонстрируют материалы и обратного словаря.

Значительная частотность указания на пространственные объекты, как правило имеющие границы, отмечена в ассоциативном поле посессивов, особенно «наш» (*дом, город, мир, класс, край, университет, гипермаркет, двор, сад, институт, район* [5], *дом, край, класс, город, мир, Крым, (Коми), дом, мир, сад* (Татарстан)). Здесь обнаруживается относительное единство ответов информантов, и на первый план выходит собственно социокультурный аспект пространственных отношений.

Некоторые различия проявляются в ассоциативных полях дейктиков, например, *здесь, близко*. В [5] и в материалах экспе-

римента, проведенного в Республике Коми, самым частотным объектом оказывается *дом*. Обратные региональные словари показывают, что реакцию *рядом* вызывает стимул «соседи». Взаимосвязь «Коми / Татарстан – Россия, родина» типична в ответах информантов, однако увеличение частотности отмечается именно в отношении большого локуса, т.е. происходит осмысление «малого» пространства как части большого.

Литература

1. Балясникова О.В. Местоимения 1 лица в ассоциативно-вербальной сети (на материале РАС и региональных словарей) // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 24 – 26 мая 2016 г. – М.: Канцлер, 2016. – С. 191 – 193.
2. Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Возможности ассоциативного эксперимента для описания регионального языкового сознания (на материале исследования, проведенного в Республике Татарстан) // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 16 – 18 ноября 2016 г. Казань: Издательство Казанского университета, 2016. – С. 33 – 36.
3. Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Содержание и структура образа «закон» в языковом сознании татар-билингвов (экспериментальное исследование) // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы. Материалы российской научной конференции с международным участием. Элиста, 24 – 26 октября 2016 г. – Элиста: ЗАО НПП «Джангар», 2016. – С. 228 – 237.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. Изд. 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
5. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус (ЕВРАС). Режим доступа: <http://ilingran.ru/main/publications/evras>
6. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

НОМИНАЦИИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В АСПЕКТЕ ИХ ВОСПРИЯТИЯ

И.В. Кирилова

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
(Екатеринбург)

В настоящее время возрастает интерес к изучению народной духовной культуры в самых разных ее проявлениях. В этой связи актуальным представляется обращение к описанию отдельных фрагментов языковой картины мира, отражающих воплощение в языковом знаке национальной ментальности. Одним из таких фрагментов являются номинации нечистой силы (демонологемы). Главная особенность их заключается в специфичном денотате, относящемся к квазиденотативному пространству, за которым не стоят определенные, четко закрепленные за вербальным обозначением предметы или явления. В данном случае вербальная единица, обозначающая персонаж нечистой силы, выступает своеобразным «симулякром», означающим без реального означаемого. Означаемое же лежит в сфере ментальных представлений, это своего рода «виртуальная реальность» [1, с.27]. Демонологическая лексика представляет особый интерес, поскольку позволяет проникнуть в глубь национальной культуры, в сферу вымышленного, нереального, отражающего мифологическое, архетипическое в национальном сознании.

Психолингвистический подход в исследовании языковых единиц предполагает построение ассоциативных полей и выявление в них ядра и периферии, т.е. актуальных и неактуальных ассоциаций, связанных с понятием, лежащим в основе данного ассоциативного поля. Для выявления психологической реальности демонологем была проведена серия психолингвистических экспериментов. В данной статье мы приводим описание направленного ассоциативного эксперимента.

В качестве стимулов испытуемым были предложены несколько демонологем, соответствующих следующим критериям отбора: 1) демонологемы не должны были относиться к числу самых известных носителям языка номинациям нечистой силы (ср. *домовой, леший, кикимора* и т.п.); 2) слова-стимулы имели

разную степень затемненности внутренней формы: одни демонологемы имели прозрачную внутреннюю форму (например, *мохна́ч 'домовой'* ← мохнатый); другие – затемненную с синхронной точки зрения, но прозрачную с диахронной (*куля́ш 'чертенок'* ← куль (черт, злой дух) [5, с. 412]); третьи номинации представляли промежуточный вариант, когда внутренняя форма еще до конца не затемнена, но и прозрачной уже названа быть не может (*обме́нок 'ребенок, подмененный нечистой силой'* ← обмен); 3) разные принципы номинации демонологем (например, *мохнач* – номинация по внешнему виду, *мухловка* – по действиям, совершаемым нечистой силой и пр.)

В данном эксперименте вносились ограничения в стимул и в реакции. Предлагая слова-стимулы, испытуемым говорили, что перед ними названия нечистой силы, а затем просили дать 2-3 ассоциации, связанные с определенными характеристиками мифических персонажей: *внешний вид, место обитания, род занятий и мотив номинации*.

Задача данного эксперимента заключалась в выявлении актуальных и неактуальных компонентов структуры описания демонологических персонажей. Гипотеза эксперимента базировалась на предположении, что указанные компоненты описания имеют разную степень актуальности для носителей языка (например, внешний вид менее актуален, чем род занятий).

Полученные реакции позволили выстроить ассоциативные поля по каждой характеристике персонажа. Приведем несколько примеров.

Мохна́ч – по суеверным представлениям – домовой [2, с.310].

Идентификатор (13 реакций): типа домового – 54% (7), существо – 23% (3), демон, гном, леший.

Внешний вид (67 реакций): мохнатый – 25% (17), бородатый – 10% (7), старичок – 10% (7) маленького – 9% (6) роста, покрытый шерстью – 6% (4), волосатый – 9% (6) комочек, обросший – 3% (2), круглый – 3% (2), лохматый – 3% (2), большой – 3% (2), старый – 3% (2), толстый – 3% (2), невымытый, в драной одежде, крупный, похож на лешего и снежного человека, страшный, мягкий.; пушистое животное, как старичок-лесовичок, черный жук, похож на гнома.

Место обитания (20 реакций): лес – 75% (15), мох, за печкой, подвал, в грязных углах избы, в прохладных местах.

Род занятий (33 реакции): пугает – 21% (7); играет с кошками – 10% (3); помогает домашним животным – 10% (3); пасет овец, охраняет их от волков; летает по улице и подметает мусор бородой; греется за печкой; ничего не делает особенного; пугает людей; мелкий пакостник; пугает детей; превращается в мохнатых пауков и жуков; помогает людям и животным; помогает Бабе Яге; охраняет домашний очаг; щекочет своим мехом; насылает на людей повышенный рост волос; следит за порядком в лесу; делает пакости; помогает собирать и сушить мох; насылает моль на шубы; кусает людей и животных; охраняет скот.

Мотив номинации: потому что мохнатый – 69% (29).

Отношения с другими мифологическими персонажами: брат лешего – 7% (3).

Ядро ассоциативного поля данной демонологемы образуют реакции, связанные с внешним видом мифического персонажа – *мохнатый* (25%), *бородатый маленький старичок* (10%). На наш взгляд, это обусловлено тем, что через прозрачную внутреннюю форму 69% испытуемых определили мотивировочный признак, положенный в основу наименования и выраженный прилагательным *мохнатый*. В ассоциативном поле также распространены реакции, характеризующие облик персонажа путем сопоставления с другими героями: *похож на лешего и снежного человека, как старичок-лесовичок, похож на гнома*. Отметим, что 31% испытуемых указали в своих анкетах идентификаторы, самым распространенным среди них ‘*типа домового*’ (57%). Таким образом, в сознании носителей языка данный мифический персонаж во многом похож на домового, но обитает в лесу (ср. реакции, отражающие отношения с другими мифологическими персонажами: *брат лешего*). Среди ассоциаций, связанных с родом занятий персонажа, присутствуют как положительные (45%) (например, *помогает людям и животным; следит за порядком в лесу; охраняет скот*), так и отрицательные (50%). При этом вредоносные функции мохнача не конкретизируются, а имеют обобщенное значение: *пугает людей*. Отметим, что указанная функция присутствует в ассоциативных полях всех демонологем, использованных в нашем эксперименте. На наш взгляд, это обусловлено

стереотипами восприятия нечистой силы носителями языка: она всегда включает в себе темное, неизвестное, пугающее начало. Поэтому закономерным является то, что в случаях, когда информанты затрудняются охарактеризовать персонаж по конкретным действиям, они указывают обобщенную функцию – *пугает*.

Мухлóвка – колдунья, знахарка [3, с.37].

Идентификатор: дух, ведьма, существо (2), дьяволица, кикимора болотная.

Внешний вид (20 реакций): старушка – 30% (6); похожа на муху; быстрая; черная (2), маленькая (2), с зубами (2); длинная, худая; с большими лапами; с белым сачком; растение; жаба.

Место обитания: среди насекомых, болото, лес (3), дом (4), поле.

Род занятий (33 реакции): питается мухами – 15% (5); мухлюет – 15% (5); обманывает – 15% (5); карточный шулер; насыляет мух – 12% (4) на того, кто ее оскорбит; помогает ловить мышей; разводит мух; ловит мух, покровительствует им; помогает очищать дом от насекомых; приходит во время игр и помогает мухлевать; пытается и мучает людей насекомыми; вводит людей в заблуждение; заманивает, подставляет, помогает в азартных играх; следит за насекомыми; отпугивает мух от коров; путает дорогу путникам.

Мотив номинации: ловит мух – 55% (23), мухлюет – 35% (15).

Внутренняя форма данной демонологемы в сознании носителей языка также затемнена, поэтому респонденты, прежде всего, ориентируются на звуковую оболочку слова. Можно выделить два основных мотивировочных признака, отмеченные испытуемыми: 1) ловит мух (55%) (мотиватор обусловлен самой структурой слова), 2) мухлевать (35%) ‘жульничать, мошенничать’ [5, с.314] (этимологический мотиватор, но испытуемыми определяется путем параномастического сближения). Ядро ассоциативного поля образуют реакции, связанные с родом занятий мифического персонажа. Функции обусловлены мотивировочными признаками и образуют две практически одинаковые в количественном соотношении группы: 1) действия (как положительные, так и отрицательные), связанные с насекомыми (45%): например, *следит за насекомыми; отпугивает мух от коров, помогает очищать дом от насекомых, пытается и мучает людей насекомыми и пр.*; 2) действия, связанные с обманом (42%): например, *прихо-*

дит во время игр и помогает мухлевать, вводит людей в заблуждение, помогает в азартных играх и пр. Реакции, связанные с местом обитания, не являются ядерными, т.к. представлены большим количеством единичных вариантов. В ядре ассоциаций, связанных с внешним видом персонажа, находится реакция с указанием на возраст: *старушка* (30%). Отметим также индивидуальные ассоциации, обусловленные функцией 'ловить мух', приписывающие мухловке внешность растения (очевидно, подразумевается цветок-хищник) или жабы. Множество идентификаторов, приведенных испытуемыми, свидетельствует о том, что в сознании современных носителей языка образ данного персонажа нечистой силы не закреплен, поэтому используются идентификаторы как с максимально обобщенным значением (*дух, существо*), так и со значением половой принадлежности (*кикимора, ведьма*).

Проведенный эксперимент позволил сделать следующие выводы:

1. Для информантов актуальными являются не все признаки нечистой силы: наибольшее затруднение вызвало описание внешнего вида персонажа – по данному признаку выделить ядерный компонент не представлялось возможным.

2. Более актуальными для носителей языка являются характеристики места обитания и рода занятий персонажа. Как правило, персонажам приписываются как положительные, так и вредоносные действия (более частотные). Отметим, что при затруднении конкретизировать род деятельности персонажа в качестве стереотипной и универсальной указывалась функция '*пугать людей*'. Таким образом, можно сказать, что в сознании носителей языка актуализируется вредоносное действие нечистой силы.

3. Эксперимент показал, что направления ассоциирования у информантов зависят от внутренней формы демонологемы-стимула. На слова с прозрачной внутренней формой (например, *мохнач*) носители языка давали реакции, опираясь, прежде всего, на мотив наименования. На стимулы с затемненной внутренней формой (например, *мухловка*) информанты давали реакции, опираясь на звуковую оболочку и структуру демонологемы, что привело к преобладанию индивидуальных ассоциаций и увеличению зоны периферии.

4. Поскольку образы демонологических персонажей, отобранных для эксперимента, не закреплены в сознании современных носителей языка, то испытуемые пытались объяснить их путем сравнения, сопоставления со знакомыми персонажами, знания, представления о которых получены из литературных произведений, фольклора, кино и мультфильмов.

Литература

1. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М., 1998. – 350 с.
2. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 18. – Л., 1982. – 368 с.
3. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 19. – Л., 1985. – 368 с.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т.2. – М., 1999. – 736 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – Т. 2. М., 1986. – 672 с.

АССОЦИАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИНАМИКЕ

Г.А. Черкасова

ФГБУН «Институт языкознания РАН»

(Москва)

Центральной проблемой исследований в московской психолингвистической школе с 80-х гг. прошлого столетия становится выявление этнокультурной специфики языкового сознания, которые опираются на обоснованное в психологии представление о том, что явления действительности отображаются в сознании человека не сами по себе, а в контексте причинно-следственных, пространственно-временных, чувственных и др. связей. Наиболее адекватным отображением этих связей, поддающихся измерению и описанию, стали ассоциативные словари национальных языков.

Ассоциативные словари вводят новые способы прямого актуального анализа языкового сознания этноса и рассматриваются

как ассоциативная модель языковой картины мира носителей национальных культур.

Проведены и продолжают проводиться ассоциативные опросы для исследования языкового сознания носителей русского языка, языков народов России и ведущих мировых языков.

Ассоциативная модель русской языковой картины — это совокупность книжных и электронных ассоциативных словарей.

1. Вышедший в 1977 г. «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева (САНРЯ) [1] является первым в отечественной ассоциативной лексикографии. Он содержит 196 статей прямого словаря с количеством информантов по каждому стимулу от 200 до 800.

Основной опрос проводился для групп до 20 человек, где экспериментатор читал каждое из 100 слов в темпе, позволяющем испытуемому за 5–7 секунд написать на листе с номерами реакцию. Полученные ассоциаты сводились в списки вручную.

Спустя почти 30 лет, в 2006 г. текст САНРЯ был введен в ЭВМ и сформирована электронная база данных, которая выявила 317 повторов для 158 пар «стимул-реакция», а количество повторяющихся реакций для отдельных стимулов колеблется от 1 до 7. Просуммировав частоты повторяющихся реакций по Базе данных (БД), была подготовлена новая версия Прямого словаря, и впервые сформирован Обратный словарь. В них к абсолютной частоте пар «стимул-реакция» добавлена относительная частота (доля или процент). Интернет-издание САНРЯ размещено по адресу <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>.

2. В 1980–97 гг. проведен большой ассоциативный эксперимент, материалы которого опубликованы в трех частях «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» по две книги в 1994, 1996 и 1998 гг. В 2002 г. вышел сводный двухтомный «Русский ассоциативный словарь» (РАС-1) [2].

Ассоциативный опрос проводился в три этапа, испытуемые записывали реакции в содержащие 100 стимулов анкеты. Исследовано 6624 стимула, по каждому из которых получено около 100 ассоциатов, а 756 слов-стимулов первого этапа имеют ≈ 500 реак-

ций. Стимулы 1-го этапа⁴ сформированы авторами словаря и включали 1277 слов разных частей речи (некоторые слова даны в разных словоформах). Для 2-го и 3-го этапов стимулы выбирались из множества наиболее частотных реакций предыдущего этапа, и включали соответственно 2690 и 2930 единиц.

Опрошено более 11 тысяч студентов разнопрофильных вузов из всех регионов России с русским родным языком. Анкеты обрабатывались на компьютере, и на каждом этапе формировалась своя база данных, слияние которых в единую дало более миллиона пар «стимул-реакция». Ассоциаты даны в виде слов и словосочетаний, иногда использовались цифры, знаки, формулы и даже рисунки. Разных ассоциаций получено более 105 тысяч, которые в результате лемматизации породили более 30 тысяч разных лексических единиц (слов в основной форме).

Сформированная БД и информационно-поисковая система для РАС-1 позволили перейти от словарного представления результатов к тезаурусному, а сформированную ассоциативно-вербальную сеть (АВС) авторы словаря рассматривают как модель внутреннего лексикона человека, основу вербального сознания носителя русского языка-культуры. В печатном издании сетевые отношения задаются в статьях прямого словаря выделением курсивом и полужиром ассоциатов, повторяющих стимулы; в обратном словаре такие реакции имеют помету * (звездочку).

3. По аналогии с РАС-1 в 2008 г. начат новый трехэтапный массовый эксперимент «*Русский региональный ассоциативный словарь*», в котором опрос проводится отдельно по трём регионам России: ЕВРАС — в Европейской части; УРРАС — на Урале; СИБАС — в Сибири и на Дальнем Востоке.

Первый этап закончен, в каждом регионе обработано по 5000 бумажных анкет, и на каждый из 1000 стимулов получено ≈500 реакций. Сформированные словари представлены по адресам: ЕВРАС <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>, СИБАС <http://adictru.nsu.ru>, УРРАС <http://iling-ran.ru/main/publications/urras>.

В настоящее время проводится опрос второго этапа через Интернет. Для 4000 слов-стимулов планируется получить по 200 ассоциатов в каждом регионе.

⁴ Как формировался словник стимулов, собирался и обрабатывался материал подробно описано Ю.Н. Карауловым в Послесловии [2: 750-782].

В конце 2016 г. к опросу по 1000 стимулам первого этапа подключился новый регион России — Крым. Учитывая сложную языковую ситуацию, в анкету добавлен вопрос о родном языке, месте и времени проживания в Крыму. Работа началась.

4. В 1998–99 гг. осуществлен ассоциативный опрос носителей белорусского, болгарского, русского и украинского языков. Студенты не менее 500 по каждому языку (мужчины и женщины примерно поровну) в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся по 11 университетским специальностям заполняли бумажные анкеты со списком 112 слов-стимулов на родном языке. По результатам был выпущен «Славянский ассоциативный словарь» [3]. В Прямом словаре в развороте книги параллельно представлены словарные статьи по каждому стимулу на четырех языках, что позволяет анализировать сходства и отличия в ассоциациях носителей славянских языков. Обратный словарь включает четыре части и включает все полученные ассоциаты по каждому языку. Электронное издание в формате PDF размещено в сети Интернет по адресу <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>.

5. Для проведения научных исследований динамики языкового сознания русских конца XX в. – начала XXI в. сформирован электронный «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» [4] (<http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>). 253 словарные статьи включают стимулы, повторившиеся в двух или трех опросах, и содержат две или три статьи из прямых словарей САНРЯ, РАС и САС (русская часть). Для сопоставления использована шрифтовая разметка: все реакции, встретившиеся в трех опросах, выделены жирным шрифтом, а их число указывается пятой цифрой в конце абзаца; реакции, полученные в двух любых экспериментах, даны курсивом. Если реакция не имеет выделений, то она «оригинальная», т.е. встречается только в одном эксперименте; число таких ассоциатов – последняя цифра в конце соответствующего абзаца.

6. С 2015 г. при поддержке РГНФ проводятся исследования, использующие «ассоциативное значение слов» для изучения региональной специфики языкового сознания современных носителей русского и других национальных языков по проектам: № 15-34-14007 «Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния» и № 15-04-00378 «Конфликтогенные

зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели». Они направлены на описание и систематизацию социально-культурных доминант регионального языкового сознания русских, и выявлению тенденций их изменения при компактном и совместном проживании русских с другими национальностями в регионах.

Материалы пилотажного эксперимента 2015 г. в Коми и Татарстане по 180 стимулам собраны в Информационно-справочной системе (см. [5]). На национальных и русском языках в каждом регионе опрошено по 300 испытуемых: школьников 12–17 лет и студентов 18–22 лет. В анкету добавлены: национальность; место рождения; место постоянного проживания; родной язык; язык, на котором говорите в семье и получаете образование; степень владения национальным языком. Опрос на татарском языке проведен в полном объеме, а вот организовать ассоциативный эксперимент на коми оказалось проблемно, так как носителей этого языка мало и среди школьников, и среди студентов.

Проанализировав материалы пилотажного эксперимента, мы сформировали список из 116 слов, по которым проведен ассоциативный опрос в четырех республиках РФ. Данные заносятся в ранее разработанную информационно-справочную систему, представленную по адресу http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php.

Исследование языкового сознания русских представлено в целом ряде работ, в частности [5–7]. Динамику языкового сознания можно наблюдать при сопоставлении, например, статьи стимула **РАБОТА**, которая получила в трех опросах более 500 ассоциатов, а в САНРЯ – всего 208. В приведенных фрагментах словарных статей использованы следующие шрифты: подчеркнуты реакции, полученные в четырех опросах; жирным выделены – в трех, светлым курсивом – в двух.

РАБОТА:

САНРЯ ► труд 24 (11.54); трудная, тяжелая 13 (6.25); дело 11 (5.29); интересная 10 (4.81); занятие, хорошая 7 (3.37); моя, надоела 6 (2.88); любимая, отдых 5 (2.4); завод, на заводе, *увлекательная* 4 (1.92); *безработица*, забота, на производстве, *по душе*, учеба 3 (1.44); безделье, большая, будущая, будущий, дом, интерес, книга, легкая, любимый, необходимость, нудная, приятная, рабочий день, *трудиться*, удовольствие, *школа* 2 (0.96); ... учитель, хлеб, цех 1 (0.48); 208+77+0+42+21+33

РАС-1 ► трудная 50 (7); не волк, тяжелая 33 (4.62); интересная, любимая 24 (3.36); забота 22 (3.08); труд 20 (2.8); отдых 16 (2.24); учеба 11 (1.54); хорошая 10 (1.4); волк, дело, легкая 9 (1.26); дом, кипит, лень, нравится, сложная, усталость 7 (0.98); есть работа, школа 6 (0.84); по душе, спорится 5 (0.7); деньги, домашняя, жизнь, завод, моя, нудная, плохая, радость, скучная 4 (0.56); адская, большая, в школе, глупая, делать, долг, дома, занятие, каторга, кошмар, на дому, над ошибками, не убежит, нужная, станок, тяжкая, увлекательная, утро, учителя 3 (0.42); безделье ..., учитель, 1 (0.14); **714+310+5+236+21+198**

САС ► деньги 38 (6.44); труд 37 (6.27); не волк 32 (5.42); дело 28 (4.75); любимая 21 (3.56); хорошая 19 (3.22); трудная 17 (2.88); отдых 16 (2.71); тяжелая 14 (2.37); забота 13 (2.2); интересная, учеба 11 (1.86); усталость 8 (1.36); волк, дом 7 (1.19); зарплата, надоела 6 (1.02); безделье, лень 5 (0.85); большая, жизнь, занятие, занятость, радость, учитель 4 (0.68); выполнена, долг, дома, домашняя, есть, ждет, завод, интересно, каторга, над собой, нужна, офис, плохая, ..., хорошо оплачиваемая, цель, экзамен 1 (0.17); **590+207+21+139+21+98**

ЕВРАС ► деньги 52/9.6; труд 46/8.5; не волк 35/6.4; тяжелая 19/3.5; трудная 13/2.4; хорошая 11/2.0; зарплата, учеба 10/1.8; дело, интересная, любимая, усталость 9/1.7; дом, заработок 7/1.3; лень, на дому 6/1.1; волк, жизнь, сложная, удовольствие 5/0.9; деятельность, занятие, нет, офис, рутина, служба, утро 4/0.7; бизнес, должность, домашняя, занятость, компьютер, много, моя, над ошибками, надо, ответственная, хорошо 3/0.6; безделье, в радость, в удовольствие, вкалывать, высокооплачиваемая, долгая, достала, з/п, институт, карьера, кипит, курсовая, легкая, необходимость, нудная, отдых, пахать, плохая, по найму, престижная, ... хорошо оплачиваемая, хреново, цель, цикл, шеф 1/0.2; **543+212+2+146 +21+100**

Даже беглый взгляд на эти фрагменты показывает, что начало всех статей выделено жирным, т.е. все эти реакции с долей более 1,5% повторились в трех или четырех опросах. Выявлено 575 разных реакций, из которых 21 повторились во всех опросах, 46 – в трех, 79 – в двух, остальные 429 являются «оригинальными». Ассоциаты *труд, трудная, тяжелая, дело, хорошая* и др. повторяются среди наиболее частых во всех опросах. Реакция *деньги*, отсутствовала в САНРЯ и появилась в РАС-1 с долей 0,56%, возрастающей в САС до 6,44% и в ЕВРАС до 9,6% и становится самой частотной. Это показывает, что с 1980-х г. для респондентов *работа* – это в первую очередь *деньги*, т.е. её оплата, поэтому еще встречаются ответы *зарплата, заработок, хорошо оплачиваемая* и т.п. Вторую и третью позицию в опросах позже САНРЯ зани-

мает ответ *не волк*, который вызван, выражением «*работа не волк, в лес не убежит*».

Литература

1. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977. – 192 с.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 2002. – 784 с. – 992 с.
3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова, Ю.Н.Караулов, Е.Ф.Тарасов. – М., 2004. – 792 с.
4. Черкасова Г.А., Матвеев Д.Г. Пилотажный эксперимент в Республках Коми и Татарстане [электронный ресурс] / – URL.: http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php (дата обращения: 10.09.2016).
5. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. Philology and Culture, № 4. Казань, 2014. С. 193–199.
6. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Исследование изменений ассоциативного языкового сознания носителей русского языка культуры // VII Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 2015. С. 345–349.
7. Черкасова Г.А. Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. – № 6. 2007. – С. 105–122.

СОВЕТСКИЙ / ПОСТСОВЕТСКИЙ: " " **ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ** **ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА⁵**

Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)

Смысл нашего исследования заключается в том, чтобы охарактеризовать формат знания, который репрезентирует ассоциативная статья. Работу языкового сознания можно представить в виде когнайзера – когнемной модели вербального сознания. Под когнемой понимается фигура знания,

⁵ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема» (анализ материалов СМИ и политического дискурса).

представляющая собой постоянно текущий динамичный процесс взаимодействия пяти параметров: смысл – способ – слово (знак) – область – функция [1]. В ассоциативной статье знание содержится в паре *стимул-реакция*, где слово-стимул – это языковой знак, а слово-реакция является формулой смысла. Референтная область знаменует *когнитивный* переход от элементарных фигур на более высокий уровень знаний, к единицам языковой картины мира. С точки зрения относительной ценности единиц знания, основное и вспомогательное знание, принято различать два их типа – знание-рецепт и знание-ретушь соответственно [3] (термины были использованы автором источника применительно к когнитивному анализу текста).

В ходе исследования были составлены ассоциативные статьи на слова-стимулы *советский / постсоветский* по примеру «Русского ассоциативного словаря» [2]. Респонденты, принявшие участие в эксперименте – преподаватели русского языка Молдовы (76 чел.).

Постсоветский: пространство **7**; детство, перестройка, разруха, трудный **3**; бедный, ностальгия, прошлое, развал, разруха, разрыв, сегодняшний, совок, СССР, ушедший, хаос, что-то далекое **2**; автономия республик, бардак, барды, беднота, безвозвратно утерянный, беспорядок, беспредельный, близкий, боязнь, братство, бывший, бывшее, в прошлом, вопрос языка, вражда, все вместе, все люди братья, выбор, выживание, гармония, гордость, государство, движение, деградация, демократичный, демократия, дефицит, друзья, единение, единство, изменения в обществе, капитализм, крах, кризис, кто во что горазд, Лимонов, лучшее, масса положительного, мрачный, наглый, национальность, не совсем понятный, недоумение, независимость, ненастный, неразвитый, неуверенность, неустоявшаяся, низкий уровень культуры, низкий, новые границы новые технологии, новые, норма, нравственный кризис, нулевая система ценностей, одиночество, опустошенный, перестройка сознания, поиски себя, потери, потеря родины, правильное, проблемы, прошедшее, разброд, развал Союза, развал союза, разлад, разногласия, разочарование, растерянность, растерянный, реальность, революция нравов, республика, реформы, самопознание, самосознание, свобода, свободный, свое

место, связи, семья, смена деятельности, СНГ, спокойствие, старый режим, страны после распада СССР, требует привыкания, тревога, трудности общения, тяжелый, убогий, удовлетворение, ужас, упадок, упущенные возможности, уродливый, хорошее, «чемодан, вокзал, Россия», честное, чужой, этап, юность **1**; 149, 123, 9, 106

Советский: паспорт **4**; детство, прошлое, человек **2**; Ахматова, близкий, был, доброта, другая литература, дружба, забытый, комсомол, молодость, мощь, народ, нищета, ностальгический, ностальгия, одинаковый, орнамент, очереди, Пастернак, понятный, правильный, революция, Сахаров, слово уходит из жизни, союз, старый, строй; то, что в прошлом; товарищ, уверенность в завтрашнем дне, уверенность, учитель, хороший, Шариков, юность **1**; 44, 38, 3, 34

Для каждой полученной единицы знания были определены способ задания смысла, референтная область и функция, затем считалась абсолютная и относительная частота для каждого показателя.

В обеих статьях наиболее частотными способами задания смысла стали ассоциация, дескрипция, деталь биографии, словосочетание, суждение. Например, ассоциативные реакции на стимул **советский** – *Ахматова, другая литература, очереди, Пастернак, революция, Сахаров, товарищ*. Чаще всего реакции, образованные способом ассоциация, представляют собой наименование известного лица или символ определенного периода времени, истории. Единицы знания **советский** – *другая литература, советский* – *очередь, советский* – *товарищ, советский* – *революция* являются характерными признаками периода, поэтому объективируют представление как формат знания. В совокупности эти представления, по причине своей стереотипности, формируют фреймовую концептуальную структуру. Вершинными узлами являются те единицы, функция которых – рецепт (основное, обязательное знание), слотами – функция которых ретушь (периферийное знание). Реакции *Ахматова, Пастернак, Сахаров* формируют категорию «Известные люди советского времени» и являются прототипическими.

На слово-стимул **постсоветский** получены следующие реакции с ассоциативным способом представления смысла: *автономия республик, барды, братство, выбор, гордость, единство, капитализм, Лимонов, национальность, недоумение, норма, республика, реформы, самосознание, СНГ, страны после распада СССР, удовлетворение*. Эти ассоциации, с одной стороны, связаны со сферой политики, государственной деятельности, с другой стороны – сферой человеческих отношений и переживаний. Однако знанием-рецептом здесь является только то, что относится к политической сфере, общее знание. Реакции *автономия республик, капитализм, национальность, республика, реформы, СНГ, страны после распада СССР* образуют формат представления о характерных чертах исторического периода. Одновременно они являются структурными элементами фрейма, в вершинные узлы которого попадают реакции *автономия республик, республика, реформы, СНГ*, а в слоты – *самосознание, норма*. Реакции *братство, единство, удовлетворение, недоумение* формируют гештальтный (нерасчленённый) формат знания, фиксируемый стереотипными реакциями.

Дескрипция является наиболее частотным способом задания смысла для обеих словарных статей. На стимул **советский** получены следующие реакции по типу дескрипция: *близкий, доброта, забытый, мощь, нищета, ностальгический, одинаковый, понятный, правильный, старый, хороший*. Данные реакции фиксируют периферийные, оценочные смыслы, в основном, с положительной коннотацией, есть только одна негативная реакция (*нищета*).

Дескрипция как способ формирования смысла чаще встречается в статье **постсоветский**. Например, **постсоветский** – *разруха (5), перестройка (3), трудный (3), бедный (2), развал (2), разрыв (2), ушедший (2), хаос (2), свободный*. Посредством этого способа понятие *постсоветский* раскрывается через совокупность признаков: политические, финансовые, государственные проблемы, а также чувства, которые испытывают люди. Среди оценочных реакций есть противоречивые, свидетельствующие о невозможности дать однозначную интерпретацию: *мрачный* и *масса положительного*, *неразвитый* и *новые границы*, *близкий* и *чужой*; однако превалирует негативная оценка (*крах, беднота* и др.). Некоторые

дескриптивные реакции объединяют стимулы *советский* и *постсоветский* в категорию «Прошлое»: **советский** – *ностальгический, старый, постсоветский* – *ушедший*. Такие реакции, как **постсоветский** – *разруха, перестройка, трудный, бедный, развал, разрыв, хаос* структурируют фрейм, где реакция *перестройка* с функцией рецепт – вершинный узел, а остальные реакции заполняют слоты.

В словарной статье *Советский* все реакции, образованные способом деталь биографии, относятся к фрейму «Прошлое, пройденный этап»: *детство (2), прошлое (2), дружба, молодость, ностальгия, юность*. Среди данных реакций почти нет слов с оценочными семами, но есть слова с семой 'ностальгия', 'воспоминания о прошлом'. Реакции на слово-стимул **постсоветский**, образованные способом деталь биографии, можно отнести к двум семантическим полям: 1) ностальгия; 2) трудности, проблемы. К первой группе мы относим следующие реакции: *детство (3), ностальгия (2), прошлое (2), друзья, семья, юность*. Они совпадают с реакциями на слово-стимул *советский*, что говорит о сходстве восприятия. Однако вторая группа включает такие реакции, как *одиночество, поиски себя, потери, потеря родины, проблемы, разочарование*. Таким образом, среди реакций на стимул *постсоветский* появляются слова с негативной коннотацией, что нехарактерно для стимула *советский*.

Принимая во внимание то, что рассматриваемое знание является многоаспектным, мы можем утверждать, что реакции на оба стимула образуют два фрейма, где в вершинные узлы войдут реакции *детство, юность, семья* и т.п., а реакции *ностальгия, потеря родины, одиночество* и т.п. – в терминальные. Вершинность и терминальность узлов фрейма доказываются с помощью функции единицы знания: вершинные узлы – это знания, имеющие функцию рецепт, а слоты – ретушь.

Способ *словосочетание* более характерен для реакций на стимул *советский*. Например: **советский** – *паспорт (4), человек (2), народ, орнамент, союз, строй, учитель*. В данном случае большинство реакций являются языковыми клише и штампами, часто воспроизводимыми в речи. Для стимула *постсоветский* таких реакций было дано меньше. Например: **постсоветский** –

пространство (7), этап. В данном случае это тоже клишированные словосочетания. Единицы знания, образованные с помощью способа *словосочетание*, организуют *пропозиции*, так как предикат связывается со всеми реакциями по общему признаку 'относящийся к советскому (постсоветскому) времени'. Так, первый тип пропозиций выглядит следующим образом: *постсоветский – пространство, этап.* Второй тип пропозиций: *советский – паспорт, человек, народ, орнамент, союз, строй, учитель.*

Последним актуальным способом задания смысла является суждение. В этом случае в паре стимул-реакция, как правило, что-либо отрицается, утверждается или же дается информация об объекте. Например: **советский** – *слово уходит из жизни, уверенность в завтрашнем дне*; **постсоветский** – *безвозвратно утерянный, в прошлом, вопрос языка, изменения в обществе, кто во что горазд, низкий уровень культуры, нравственный кризис, нулевая система ценностей, перестройка сознания, старый режим, революция нравов.* Реакции на стимул *советский* не окрашены экспрессивно, а реакции на стимул *постсоветский* актуализируют семантическое поле «Нравственное сознание» и часто имеют негативную коннотацию.

При проведении психолингвистического исследования необходимо учитывать экстралингвистические факторы. Респонденты – преподаватели русского языка, проживающие в Молдове, которая входила в состав СССР. Сфера деятельности респондентов – гуманитарные науки. Этим объясняется большое количество реакций, относящихся к области *литература* и образованных способом *деталь биографии*. Категоризация временных отрезков осуществляется по-разному: референтная область *литература* чаще актуализируется в статье *Советский*, области знания *поведение, образ жизни, политика, взаимоотношения людей, чувства, переживания* – в статье *Постсоветский*. Определяя функции данных знаний, следует отметить, что реакции, относящиеся к области *Литература*, периферийные; в то время как реакции, характеризующие определенный отрезок времени, социальную и политическую жизнь общества, являются знанием-рецептом.

Необходимо сказать о наиболее частотных референтных областях, выявленных по реакциям. Респонденты ассоциируют наименования этапов истории с отношениями между людьми. Для стимула *советский* наблюдается положительная окраска реакций (*дружба, товарищ*), в то время как в статье *постсоветский* содержатся как отрицательные (*трудности общения, разногласия*), так и положительные оценки (*братство, все вместе, все люди братья*). Знания, относящиеся к референтной области «время», организуют категорию «прошлое» в обеих статьях. Однако в статье *постсоветский* есть реакции, говорящие о том, что данный этап является и настоящим (*реальность, сегодняшний* (2)).

Итак, данные проведенного ассоциативного эксперимента показывают, что концепты СОВЕТСКИЙ/ПОСТСОВЕТСКИЙ сформированы в сознании испытуемых как результат хронологической идентификации-категоризации, а также как результат модусной интерпретации, являются частью фрейма «Государственное устройство».

Литература

1. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009. – 336с.
2. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. М. ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.– Книга 1.– 784с. Книга 2. – 992 с.
3. Wettler M. Sprache, Gedächtnis, Verstehen. Berlin-New York, 1980

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ МАРКЕРЫ СФЕРЫ "ОЦЕНКА" В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТАТАР И РУССКИХ⁶

А.А. Степанова

ФГБУН Институт языкознания РАН
(Москва)

В современном мире наблюдается нарастание напряженности в социально-политических отношениях. В связи с этим и для лингвистов актуальным становится изучение языковых и речевых явле-

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-04-00378а и №15-34-14007а(ц)

ний, связанных с возникновением конфликтных коммуникативных ситуаций.

В данной статье представлена процедура выявления конфликтногенных маркеров сферы «оценка» в языковом сознании татар и русских, проживающих на территории Республики Татарстан. Под конфликтногенными маркерами мы понимаем единицы, способные вызывать конфликт в процессе коммуникации. Русских и татар мы рассматриваем отдельно, так как предполагаем выявить различия в силу различия культур. С другой стороны, гипотеза может и не подтвердиться, так как тесное сосуществование народов на одной территории, возможно, сглаживает отличительные черты.

Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в Татарстане в 2015-2016 гг., на русском и татарском языках. Респондентами стали 700 студентов нескольких вузов Республики. Результаты эксперимента представлены в виде электронной базы данных с возможностью доступа как к прямому, так и к обратному ассоциативным словарям.

Целью исследования, которому посвящена данная статья, является выявление потенциально конфликтных маркеров на примере татар и русских, постоянно проживающих на территории Республики, для последующей оптимизации общения и профилактики речевых конфликтов.

Оценка как важная составляющая речевого конфликта характеризуется как доминирующий аспект при выяснении истины в конфликтной ситуации. Оценивая, говорящий разграничивает круг «своих» и круг «чужих» [1, с.13].

В современной лингвистической литературе категория оценки уже хорошо проработана благодаря работам таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Г. фон Райт, В.В. Виноградов, В.А. Звегинцев, Н.М. Разинкина, В.И. Шаховский, В.Н. Телия, Т.И. Вендина, С.Д. Погорелова, З.К. Темиргазина, Р.А. Вафеев, Л.К. Жаналина и др.

В нашем исследовании мы понимаем оценку в общем смысле, как аспект значения, который может выражаться разными языковыми средствами.

Работа запланирована и проводится в три этапа. Во-первых, мы анализируем список стимулов ассоциативного эксперимента, среди

которых обнаружили следующие оценочные единицы: *бедный, близкий, богатый, большой, далекий, добрый, жадный, злой, зло, ложь, маленький, можно, мои, мой, надо, наш, наши, нельзя, обман, плохо, плохой, правда, правильно, родной, свой, сильный, слабый, справедливость, счастье, стыд, темный, умный, хороший, чистый, чужой.*

Мы исследуем всю оценочную лексику, а не только отрицательно окрашенную, так как предполагаем, что конфликтогенная сущность может проявиться и при положительном оценивании.

После чего, мы рассматриваем ассоциативные поля, полученные на эти стимулы. Приведем здесь в качестве примера два ассоциативных поля на стимул *нельзя*, полученные в эксперименте с татарскими и русскими респондентами соответственно. Цифры в таблицах обозначают частотность реакции, единичные реакции мы здесь не учитываем.

Татары	
можно	24
врать	9
делать	9
лгать	9
трогать	9
запрет	6
курить	5
быть	3
запрещено	3
брат	2
бросать	2
говорить	2
грешить	2
предавать	2

Русские	
можно	6
врать	3
брат	2
запрет	2
красный	2
курить	2
убивать	2

Сопоставляя поля, мы видим, что в татарском ассоциативном поле частотность реакций значительно выше, реакции разнообразнее, хотя некоторые (*можно, врать, курить, брат*) присутствуют в обоих полях.

На втором этапе мы рассматриваем реакции, имеющие оценочный характер. В данном случае обратимся к оценочному маркеру *нельзя* и посмотрим в обратном ассоциативном словаре, на какие стимулы он появляется в ассоциативном поле в качестве реакции.

Татары	
ненавидеть	3
пить	3
плохо	3
обман	2

Русские	
ненавидеть	3

Обратный словарь подтверждает наблюдения, полученные при анализе прямого словаря. *Нельзя* актуализируется преимущественно у татарских респондентов. В русских ассоциативных полях, как видим на примере, встречается только один раз.

На третьем этапе мы планируем выделить такие случаи, когда стимул и реакция ассоциативной пары не несут оценочного значения, но в комплексе образуют оценочную единицу.

После полного анализа оценочной лексики из списка стимулов и из ассоциативных полей данные будут сведены в таблицы и сопоставлены.

Литература

1. Ершова В.Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 354. С.12-15.

ОБЛАЧНЫЙ СЕРВИС ПОДДЕРЖКИ ПОЛИАЗЫЧНЫХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.Н. Филиппович, А.Ю. Филиппович, Д.Г. Матвеев, Г.А. Черкасова
ФГБОУВО «Московский политехнический университет»
ФГБУН «Институт языкознания РАН»
(Москва)

В последние десятилетия психолингвистика занимается изучением обыденного языкового сознания носителей языка-культуры и его моделированием. В результате обработки данных массовых ассоциативных экспериментов создаются лингвистические базы данных, характеризующие представителей различных этносов (культур). Ассоциативно-вербальная модель стала широко распространенным методом исследования не только языкового сознания человека, но и используется в решении целого ряда

прикладных задач в области психолингвистики, педагогики, переводоведения, социологии и др.

Вместе с тем эффективность проведения исследований и потенциальный охват участников экспериментов сильно ограничены ручными или слабо автоматизированными технологиями составления анкет, ведения баз данных экспериментов, анализа результатов и представления их широкой научной аудитории. Актуальным является создание доступного программного обеспечения для поддержки деятельности исследователей, а также площадки для обмена, интеграции и сопоставления полученных результатов.

Решением указанных проблем является создание открытых инструментов, техническая поддержка и сопровождение которых осуществлялась бы централизованно и удаленно за счет использования современных облачных технологий, что позволяет существенно снизить требования к технической компетенции ученых и сосредоточиться им на содержательных вопросах исследований.

В облачных технологиях обработки данных компьютерные ресурсы предоставляются пользователю как Интернет-сервис. Пользователь имеет доступ к собственным данным, но не управляет и не заботится об их инфраструктуре и программном обеспечении, с которым он работает. Согласно документу IEEE, опубликованному в 2008 году, «Облачная обработка данных — это парадигма, в рамках которой информация постоянно хранится на серверах в Интернет и временно кэшируется на клиентской стороне, например, на персональных компьютерах, игровых приставках, ноутбуках, смартфонах и т. д.». В облачных технологиях выделяют следующие способы взаимодействия пользователя с данными: «программное обеспечение как услуга», «данные как услуга», «рабочее место как услуга».

В Московском политехническом университете в Научно-образовательном центре инфокогнитивных технологий реализуется проект создания открытого облачного Интернет-сервиса для проведения интерактивных полиязычных психолингвистических ассоциативных экспериментов [1, с. 26], который позволяет обеспечить ученых-исследователей современными программными

инструментами, информационными ресурсами и «виртуальными рабочими местами»:

(1) реализовывать научно-исследовательские задачи без необходимости разработки специального программного обеспечения, что позволит существенно упростить организацию работ, обработку полученных данных и позволит даже начинающим (студентам и ученым) организовать, провести и обработать свой ассоциативный эксперимент;

(2) объединить различные ассоциативные лингвистические базы данных в едином «облаке»;

(3) обеспечить возможность проведения сопоставительных исследований по данным, полученным в разные временные интервалы и по разным языкам;

(4) создать компоненту интерактивного опроса через Интернет, что позволит получать новые временные срезы в ассоциативных исследованиях и при необходимости расширить границы ассоциативного эксперимента, включив туда представителей русскоязычного населения за рубежом;

(5) создать достоверный актуальный информационный ресурс для разработки конкретных приложений в различных областях информационных технологий, а также образовании, бизнесе, политехнологиях и игровой индустрии.

В основе облачного сервиса лежит математическая модель гнездового ассоциативного выборочного эксперимента, в которой психолингвистические ассоциативные исследования рассматриваются с позиций организации и проведения выборочных статистических экспериментов, теории и практики эмпирических выборочных методов. Материалом для построения модели являются результаты ранее проведенных ассоциативных экспериментов (Русский ассоциативный эксперимент [2], Славянский ассоциативный эксперимент [3], Русский региональный ассоциативный эксперимент [4], а также Пилотажного ассоциативного эксперимента в республиках Татарстан и Коми [5]).

Выделяются следующие вопросы проектирования проведения ассоциативных экспериментов: определение количества стадий и этапов ассоциативного эксперимента; расчет величины репрезентативной экспериментальной выборки, достаточной для обеспечения корректности и достоверности последующих выво-

дов; генерация выборочной последовательности анкет и слов-стимулов (случайная, регулярная); физическое размещение выборки, т.е. непосредственное проведение ассоциативного опроса респондентов с использованием бумажных анкет, содержащих списки слов-стимулов, а также интерактивных опросов с использованием электронных систем (СМС-опросы, интернет-технологии); особенности выделения слоев по различным параметрам респондентов (пол, возраст, специальности / или квалификация и др.); способы устранения потенциальных и фактически полученных «перекосов» в эмпирическом материале исследования; организация дополнительных опросов; графическое оформление результатов выборочного эмпирического исследования на основе ассоциативного опроса, «инфографика» исследования (таблицы, полигоны, графики, гистограммы различных типов, графы).

Компонентой разрабатываемого облачного сервиса является компьютерная программа поддержки проведения и обработки данных вербальных психолингвистических ассоциативных опросов в Интернет [6, с. 202]. Программа поддерживает интерфейс взаимодействия с респондентами и организаторами проведения психолингвистических вербальных ассоциативных экспериментов. При работе с программой создается база данных опроса, доступ к которой осуществляется с использованием запросно-поисковой системы. Запросы позволяют осуществлять выборку данных по указанным параметрам и их первичную статистическую обработку.

Программа при определенных условиях позволяет сократить время на организацию опросов, осуществлять интерактивный контроль за их проведением, обеспечить одновременное ведение нескольких территориально распределенных опросов на различных языках.

Программа разделена на два блока: пользовательский и административный. Функциональность первого обеспечивает многостраничный экранный диалог с испытуемыми при проведении экспериментов, а второго — просмотр сформированных анкет испытуемых и получение необходимых статистических данных при составлении ассоциативных прямого и обратного словарей.

При проведении эксперимента испытуемому предлагается заполнить анкету. Он выбирает язык тестирования (на данный момент это русский, коми, татарский, бурятский и якутский) и вводит личные данные: уровень владения выбранным языком, пол, возраст, специальность, место проживания, город проживания, место рождения, родной язык, на скольких языках свободно разговаривает респондент, язык общения, язык обучения. Далее даются краткие инструкции и предлагается пройти тестовый опрос. После его завершения начинается рабочий опрос, при этом фиксируется время его продолжительности, а также реакции на каждый стимул.

Административный блок разделен на две части: администрирование анкет и подбор ассоциативных словарей. Администрирование анкет позволяет их просматривать и помечать, редактировать и удалять, сортировать. Подбор ассоциативных словарей позволяет строить для введенного слова словарные статьи прямого и обратного ассоциативных словарей с учетом сведений анкет испытуемых.

Программа использует HTTP-сервер Apache, систему управления базой данных MySQL, язык программирования JavaScript, библиотеку jQuery версии 1.9.1. Для генерации случайного набора стимулов в анкетах используются стандартные функции языка PHP. Смена стимулов осуществляется за счет добавления и удаления CSS свойства “visibility: hidden”. Таймер прохождения теста полностью выполнен средствами JavaScript.

Для использования в тестовом режиме программа доступна по адресу <http://it-claim.ru/Products/Products.htm> (необходимо знать логин и пароль). В настоящее время база данных программы содержит результаты пилотажного ассоциативного эксперимента на русском языке в республиках Коми и Татарстан объемом 36563 и 32799 стимульно-реактивных пар.

Работа по созданию облачного сервиса поддержки полиязычных психолингвистических исследований проводится при финансовой поддержке РГНФ, проекты №15-34-14007 и №15-04-00378.

Литература

1. Филиппович Ю.Н., Филиппович А. Ю. Открытый облачный сервис для проведения интерактивных ассоциативных экспериментов // Жизнь язы-

- ка в культуре и социуме—4. Материалы международной научной конференции. Москва, 30–31 мая 2014 г. – М.: ИЯз РАН – РУДН, 2014. С. 26–28.
2. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ–Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – 992 с.
 3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792 с.
 4. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС [Электронный ресурс] /Г.А. Черкасова,Н.В. Уфимцева [Текст словаря]. – М.: ИЯз РАН. – URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 15.01.2017).
 5. Черкасова Г.А., Матвеев Д.Г. Информационно-справочная система «Ассоциативный пилотажный эксперимент в республиках Коми и Татарстане» [Электронный ресурс] / Г.А. Черкасова, Д.Г. Матвеев. – М., 2016. – URL: http://persons.it-claim.ru/assoc_quest/words.php (дата обращения: 15.01.2017)
 6. Матвеев Д.Г., Филиппович А.Ю. Программа проведения ассоциативных опросов // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практика и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. – М.: Изд-во «Канцлер», 2016. – С. 202–203.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ЖАНР СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

И. П. Зайцева

УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
(Витебск)

В современной филологической науке, в связи с активным развитием в последние десятилетия целого ряда новых направлений, появилась возможность и для более глубокого осмысления многих давно известных лингвистических категорий и дефиниций. В частности, интенсивно разрабатываемая с 1990-х годов *лингвистическая жанрология*, опирающаяся на введённое в 1920-е годы М. М. Бахтиным понятие «речевой жанр», обратила особое внимание на создание типологий речежанровых форм, в основание которых могут быть положены различные принципы. Это позволило более многоаспектно охарактеризовать в том числе и, на первый взгляд, идентичные разновидности речевых жанров, которые, функционируя в различных коммуникативно-стилистических сферах, безусловно приобретают ряд отличительных признаков, в том числе и концептуального характера.

В современной системе речевых жанров термин «молитва» употребляется в двух значениях. Во-первых, он обозначает одну из жанровых разновидностей конфессиональных речевых произведений – «жанр конфессионального общения, словесное обращение человека к силам, в существование которых он верит» [3, с. 332]. Анализируя молитву как жанр религиозного дискурса, Л. Ю. Иванов приводит существующие типологии конфессиональных молитв, построенные на учёте различных признаков (с точки зрения отношения церкви – молитвы *канонические* и *апокрифические*; по временной отнесённости – молитвы *периодические*, *непериодические* и *постоянные* и т. д.), а также устанавливает перечень характерных для такого рода молитвы языковых признаков. Для христианских молитв это «формы местоимения

2 л. ед. ч., архаичные для современного литературного языка формы звательного падежа (*Богородице, Господи*), прямое название адресата по имени (*отче Николае*). Среди глагольных форм преобладает императив (*помилуй, подай, славься, не отвори и под.*)» [3, с. 332 – 333].

Во-вторых, термином «молитва» обозначается и один из стихотворных (поэтических) жанров художественной литературы – ср., в частности, одно из определений: «Поэтическая молитва – художественное высказывание, обращённое к Богу, реализующее определённую жанровую схему, основанную на диалогической форме текста, его апеллятивном характере, а также на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращённого непосредственно к Абсолюту» [Цитируется по: 5, с. 304 – 305].

Многие исследователи справедливо подчёркивают общность стихотворной молитвы и молитвы религиозной, отмечая их генетические связи, композиционное сходство и некоторые другие признаки. При этом не вызывает сомнений, что молитва в религиозном и словесно-художественном дискурсах, демонстрируя очевидное сходство по многим формальным параметрам, достаточно явственно отличаются друг от друга – прежде всего характером коммуникативных ситуаций, для функционирования в которых эти речевые жанры предназначены, существенно влияющим как на стилистическую тональность, так и на все другие лингвостилистические и иные характеристики двух разновидностей рассматриваемой жанровой формы.

Объектом нашего внимания в данном случае является стихотворная (поэтическая) молитва, имеющая в русской литературе богатую и прочную традицию, – как известно, к этому жанру обращались многие признанные мастера лирического жанра: М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилёв и другие. В творчестве же некоторых русских классиков – к примеру, М. Ю. Лермонтова – жанр молитвы занимает весьма заметное и важное для осмысления их авторской концепции и особенностей идиолекта место.

Лирическое наследие М. Ю. Лермонтова включает только 3 стихотворения с названием «Молитва» (1829, 1837, 1839 годы написания), хотя, по справедливому мнению исследователей, к этой же жанровой разновидности принадлежит ещё ряд лирических произведений поэта – как, например, созданное незадолго до гибели поэта (1840 год) стихотворение «Благодарность». Образцом лирического (и соответственно светского) воплощения всех наиболее характерных параметров молитвы как конфессионального речевого жанра можно, на наш взгляд, считать «Молитву» **М. Ю. Лермонтова** [4, с. 380], созданную в 1837 году, адресатом которой, по мнению большинства исследователей, является В. А. Лопухина:

М. Ю. Лермонтов

МОЛИТВА

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью, иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Судя по стихотворению М. Ю. Лермонтова и другим классическим образцам лирической стихотворной молитвы, к особенностям этого жанра в поэтической речи можно отнести и бóльшую обусловленность художественной структуры экстралингвистическим контекстом: нередко импульсом для её создания служит реальная личность, каковой, по предположению исследователей, явилась В. А. Лопухина для приведённого выше стихотворения

М. Ю. Лермонтова, или какое-то конкретное событие – к сожалению, как свидетельствует анализируемый материал, чаще трагического характера.

Так, жанр стихотворной молитвы оказался весьма востребованным и для участников и/или очевидцев событий, происходящих на востоке Украины с 2014-го года по настоящее время, официальными властями именуемых «антитеррористической операцией» (АТО). В одной из своих статей – «Немир: люди и культура» – профессор В. К. Суханцева необыкновенно точно передала царящую в одном из основных городов «зоны АТО», Луганске, атмосферу:

«Статья пишется в сентябре 2015 года в городе Луганске, где тянется зона АТО (заметим, официально зона антитеррористической операции, а не войны), стоят угрюмые блокпосты и длится блокада (экономическая, медицинская, продовольственная etc.), прерываемая вбросами контрабанды, вовлекшей в свои ряды поротно и побатальонно войско демократической Украины. ...

Здесь – отчётливо выраженный немир со всеми указанными выше атрибутами. ...

Немир имеет свой словарь: беженцы, переселенцы, перемещённые лица, пленные (и обмен пленными), контактные группы (подгруппы), а также ватники, сепаратисты, колорады, хунта, каратели, террористы, герои АТО, побратимы, партизаны, диверсанты; словарь продолжает увеличиваться» [6].

«Словарь АТО» отражают и созданные во время означенных событий поэтические произведения в жанре стихотворной молитвы, часть из которых написана уже известными и опытными авторами, другие же – поэтами начинающими, чьё обращение к перу нередко обусловлено именно сложившейся вокруг них ситуацией – см., к примеру, произведения, включённые в сборники «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов» и «Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР» (2016), сопровождаемые краткими биографическими справками об авторах [2, 7]. Элементы словаря АТО – *ополченец, комбат, броня* – обнаруживаются в приводимом далее стихотворении **Юрия Макусинского** [2, с. 61 – 62]; в большинстве своём это военная лексика, достаточно давно из-

вестная русскому языку, однако существенно актуализированная современными событиями на Востоке современной Украины:

Юрий Макусинский

МОЛИТВА ОПОЛЧЕНЦА

Звенит в степи пчела, скучают терриконы,
комбат психует – значит, будет бой.

Я прикреплю к броне бумажную икону
и на колени встану пред Тобой.

Молюсь Тебе без слов,

Давно в них нет резонов.

Мне двадцать лет – и я ещё живой.

Мне завтра двадцать лет,

в крови звенят гормоны,

и очень-очень хочется домой.

Спаси и сохрани – шепчу тебе с поклоном.

Прости за всё, в чём грешен молодой

весёлый раздолбай, молитвам не учёный,

и, может быть, не годный к строевой.

И если не меня – спаси мою Алёну,

комбата и друзей, и мёртвый город мой.

Приведённое стихотворение может показаться слишком уж натуралистичным и потому не соответствующим достаточно строгим жанрово-стилистическим параметрам жанра стихотворной молитвы, априори исключаяющим сниженную лексику (как, например, употреблённое автором явно разговорно-сниженное *раздолбай* [1, с. 1068]), с чем отчасти мы готовы согласиться. Однако в то же время нам представляется, что можно простить эту вольность поэту, который в большинстве случаев придерживается заданных жанровой формой канонов, причём свойственных как конфессиональным, так и поэтическим молитвам: полностью выдержана композиционная структура жанра (наличие личного обращения и изложение просьбы); при обращении к адресату (высшей силе) использована архаичная для современного русского языка звательная форма, написанная с прописной буквы (*Господи*); среди глагольных форм присутствует несколько императивов (*прости, спаси, сохрани*) и др.

Основным достоинством стихотворения Ю. Макусинского, художественно зафиксировавшего преимущественно наивно-философское представление о ситуации, в которой оказался лирический герой, нам видится его очевидная искренность, в значительной степени и предопределившая своего рода «бесхитрость» изложения (иногда, впрочем, явно нарочитую).

«Молитва» Людмилы Гонтаревой [7, с. 49] – стихотворение, написанное поэтессой в сентябре 2014 года, – в значительно большей степени опирается на традиции классической поэтической молитвы:

Людмила Гонтарева

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той, на этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сирены в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы –
от миномётного огня,
стрельбы и ненасытных «Градов»,
мы сами не спасём себя...

О большей приверженности поэтессы традициям классической стихотворной молитвы можно судить в том числе и по характеру использованной автором лексики, которая включает, помимо общеупотребительных, и книжные слова (например, *сирены* – слово включается в контекст одновременно двумя значениями, одно из которых для современного языка является устаревшим (см.: [1, с. 1189]). Примечательно, что стихотворение Л. Гонтаревой так же, как и произведение Ю. Макусинского, содержит элементы «словаря АТО»: *гуманитарный конвой, мино-*

мётный огонь, «Град» (название одного из видов активно применяемого в настоящее время в Донбассе оружия – реактивной системы залпового огня), – которые вполне органично вплетаются в словесную ткань текста (на наш взгляд, это обеспечивается в первую очередь их образным авторским осмыслением – включённостью в тропы и фигуры: *гуманитарный конвой Господа* и др.).

Следует отметить, что, несмотря на активно действующую в современном языке тенденцию к демократизации, по нашим наблюдениям, жанр стихотворной молитвы и в настоящее время ориентирован преимущественно на классические традиции, что проявляется и в авторском отборе языкового материала для произведений, и в их композиционном оформлении, и в привлекаемой поэтами системе образных средств – ср., к примеру, авторскую опору на библейскую символику и в целом установку на книжность в приводимом далее фрагменте из стихотворения **Владимира Скобцова** [2, с. 100]:

Владимир Скобцов

МОЛИТВА

Крест племени осиною,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!
От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного,
Господь, меня храни!

Выражение *племя осиное* используется в процитированном тексте для перифрастического обозначения предателей – по преданию, Иуда Искариот повесился на осине [1, с. 729]; избранная автором вместо общеупотребительного *счастье* форма *счастье* с явно высокой стилистической окраской (кстати, аналогичная форма этого слова использована и в приводимой ранее «Молитве» М. Ю. Лермонтова) значительно повышает экспрессивность словесного пространства произведения, приближая его по тональности к образцам классической поэзии.

Таким образом, на наш взгляд, вполне закономерно будет в итоге сделать вывод о том, что анализ современной стихотворной молитвы может оказаться весьма продуктивным и для дальнейшего исследования особенностей этого речевого жанра в принципе, и для установления характерных признаков поэтической молитвы в разные периоды её существования.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
2. Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск, 2016. – 496 с.
3. Иванов Л. Ю. Молитва / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 332 – 333.
4. Лермонтов М. Ю. Молитва / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский дом). – Издание второе, исправленное и дополненное. – Том 1. Стихотворения 1828 – 1841 годов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – С. 380.
5. Перевалова О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении / О. А. Перевалова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – С. 300 – 308.
6. Суханцева В. К. Немир: люди и культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://www.google.com.ua/search?q=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-ikultura.html&rlz=1C1CHMO_ruUA503UA503&oq=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-ikultura.html&aqs=chrome..69i58j69i57j69i60l3.11700j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8;
дата обращения: 29.03.2017
7. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов. Сборник стихов. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 112 с.

«ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ» ИЛИ ОДНА АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОНИМОГРАФИИ

В.М. Калинин

Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
(Донецк)

В последнем номере прошлого и первом номере этого года «Вестника Тамбовского университета» была напечатана моя большая статья «Знакомьтесь, поэтонимология» [2]. По “техническим” причинам завершающая часть (с подзаголовком «Поэтонимология») в Вестнике опубликована не будет. Однако для обеспечения логической связности этого сообщения с названной выше статьёй и с прошлогодним моим выступлением на конференции «Русский язык в поликультурном мире» кратко остановлюсь на нескольких специальных понятиях поэтонимологии. Её развитие вплотную подвело учёных к необходимости навести порядок в технологии описания “онимного хозяйства” каждого из литераторов, язык которых удостоивается права стать объектом лексикографии. Размышления же о путях развития поэтонимологии, междисциплинарного научного направления, изучающего собственные имена в литературно-художественных текстах, актуальны как в связи с бурным развитием этого рода исследований в мире, так и в силу принципиальной новизны целого ряда теоретических постулатов, позиционирующих поэтонимологию не только как преемницу литературной ономастики, но и как новый этап в её развитии.

Совокупность собственных имён в языке литератора принято делить на две группы – онимию и поэтонимию. Это связано с тем, что кроме собственно художественных произведений, писатель создаёт и различную другую литературную “продукцию”: выступает в ролях публициста, критика, очеркиста, историка и т.д., оставляет потомкам образцы не только официальной и деловой, но также дружеской и бытовой переписки, разнообразные замечания, записи, дневники. А принципиальное отличие поэтонимов – собственных имён литературно-художественных произведений – от “собратьев по категории” в настоящее время признаётся большинством филологов. Поэтонимология изучает “специфический способ проникновения не только в поэтику, но и

в семантическую ауру поэтонимов, формирующуюся в процессе их функционирования в художественном тексте, в свойства и возможности собственных имён в порождении литературно-художественного целого произведения” [3, с.4], а поэтонимография – направление писательской ономографии, являющейся в свою очередь отраслью лексикографии языка писателей. Определить место поэтонимографии “в недрах” ономографии удобно следующим образом: 1) ономография любого национального языка призвана фиксировать некоторые состояния данного ономастикона в тот или иной момент его существования или пытаться описать ономогенез (см. «Словарь коннотативных собственных имён» Е. С. Отина [5]), динамику становления имени, возможные процессы деонимизации, или вторичной онимизации проприальной лексики; 2) писательская ономография, условно говоря, решает “две в одной” задачи описания всех собственных имён в речевой продукции художника слова. Направленность писательской ономографии на речь является той самой “первой разницей”, отличающей её от ономографии как таковой, описывающей ономастический узус национального языка. Поэтонимография традиционно занята описанием собственных имён художественных произведений. Однако с некоторых пор в её недрах вызревает новый подход: описание поэтонимогенеза, т.е. динамики становления поэтонима в рамках и при участии литературно-художественного текста. Это и есть та вторая “разница”, которой посвящено сообщение, а именно: представлению в словаре языка писателя собственных имён, обладающих выраженной авторской поэтической семантикой.

Проблемы поэтической семантики довольно давно заинтересовали филологов и философов. Один из наиболее ярких исследователей поэтической семантики Ю. И. Левин, о механизме порождения поэтической семантики писал: “Новые смыслы” возникают в результате введения в текст иных, внефабульных элементов <...> и дополнительной семантизации всех элементов текста, заключающейся, например, в том, что слово <...> помещается в новые, неузуальные парадигматические ряды. При этом исконно присущие исходному материалу свойства и отношения (соответственно, узуальные значения слова и отношения значений) не снимаются, но сохраняются, обогащаясь новыми, выходящими за

пределы логики здравого смысла чертами (соответственно, слова приобретают новые значения и коннотации, и возникают новые отношения между значениями) [4, с.52].

Для иллюстрации различий в подходе к описанию онимной единицы в словарях возьмём слово *Нева*.

В словарях энциклопедического типа оно может выглядеть так: «**Нева́** – река в России, протекающая по территории Ленинградской области и Санкт-Петербурга, соединяющая Ладожское озеро с Невской губой Финского залива Балтийского моря. Длина 74 км, площадь собственного бассейна 5 тыс. км².» (Википедия). Здесь возможны, естественно, некоторые различия. Например, дополнения, касающиеся того, что “на берегах *Невы* (курсив пригодится в дальнейшем. – *В.К.*) расположены четыре города: Шлиссельбург, Кировск, Отрадное, Санкт-Петербург” или другие данные об объекте наименования. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, кроме географических данных, приводит сведения об этимологии слова: «**Нева** — река, исток Ладожского озера, соединяет Финский залив с обширным внутренним бассейном, состоящим из озер Ладожского, Онежского, Ильменя и др. **Н.** получила свое название от слова “Нево” или “Нев” – древнего финского названия Ладожского озера, что означает “море” » (Брокгауз и Ефрон).

Ещё один интернет-ресурс предлагает информацию, касающуюся уже не только объекта, но и самого именования, даёт его лингвистическую характеристику: «**Нева** – река на севере России, вытекающая из Ладожского озера и впадающая в Финский залив Балтийского моря. Существительное, неодушевлённое, женский род, 1-е склонение (тип склонения 1б– по классификации А. Зализняка); формы мн. ч. предположительны или неупотребимы. Имя собственное, гидроним» (Викисловарь).

Количество примеров можно увеличивать, но суть останется прежней: либо Нева – объект, река, либо имя реки, гидроним. В зависимости от этого и будет специализироваться описание. Но как будут обстоять дела, когда перед поэтономологом “в полный рост” встанет задача представить в словаре не столько имя, сколько его поэтику?

Обратимся теперь к творчеству А. С. Пушкина. В его языке слово *Нева* использовалось много (не менее 110) раз, причём, как

в поэтических и прозаических художественных текстах, так и в «Истории Петра», и в переписке. Если добавить к этому 21 употребление прилагательного *невский* и *Невский* (с большой буквы в названиях *Невский проспект*, *Александр Невский* и т.д.), зафиксированное в «Словаре языка Пушкина», получается весьма внушительный список. Сохранились отдельные случаи употребления онима и в рукописях (черновиках, вариантах) произведений. Минимизируем материал и обратимся к тексту «Евгения Онегина». В нём топоним *Нева* употреблён всего восемь раз. В словарных материалах к онимной составляющей романа я отметил, что имя *Нева* «употреблено в разнообразных контекстах и в различных функциях: от дейктической до метафорической. Выражение “*берега Невы*” перифрастически обозначает *Петербург*, а оним, выполняя в генетивной конструкции функцию определения, семантически является ведущим компонентом, определяющим поэтику ономастической перифразы» [1, с.175].

Обсудим два конкретных употребления.

1) Онегин, как известно, “родился *на берегах Невы*”¹. Поскольку выражение “*берега (берега) Невы*” узуализировалось уже в пушкинскую эпоху, говорить о поэтической семантике следует с осторожностью. Однако отметить образную основу перифрастического названия именно *Петербурга* необходимо. Ведь во времена Пушкина даже установка на “реализм” не допускала иного толкования словосочетания. *Берега Невы* в поэтическом тексте не могли обозначать ‘береговую линию’ или ‘растительность’ вдоль реки. Не существовало населённых пунктов Кировск и Отрадное, а крепость Орешек (Шлиссельбург), расположенная на острове в истоке Невы, не мыслилась её “берегами”.

2) Татьяна (в прошлом – Ларина), сидела у стола с “блестящей Ниной Воронскою, Сей *Клеопатрою Невы*”. Здесь, как и в предыдущем случае, ни наивно-реалистическое, ни условно-романтическое понимание генетивного сочетания *Клеопатра Невы* не предполагает трактовки типа “прекрасная русалка, живущая в Неве”. А вот метафорическое именование *Петербурга* воспринимается как вполне логичное. Таким образом, в пушкинском тексте формируется и функционирует поэтическая семанти-

¹ Пушкинские фрагменты представлены без специальных ссылок. Использовано полное собрание сочинений поэта, описанное в списке литературы [6].

ка: *берега Невы = Петербург = Нева*, вводящая перечисленные именованья в синонимический ряд, что и должно быть отмечено в Словаре поэтонимов, существенно дополняющем наши представления о Словаре языка Пушкина.

Литература

1. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
2. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия «Филологические науки и культурология», Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Т.2, № 4(8). – 2016, с. 18-27; Т.3, №1(9). – 2017, с. 10-17.
3. Калинин В. М. Несколько замечаний о “словарном деле” в связи с задачами писательской ономографии // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ОО ВПО «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол. : С.А. Кочетова и др. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 3-13.
4. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 824 с.
5. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Н.В. Луговая

Ростовский государственный университет путей сообщения
(Ростов-на-Дону)

Искусству как средству познания мира придается первостепенное значение на протяжении многовековой истории человечества. Не одно столетие люди пытаются ответить на волнующие их философские вопросы, касающиеся смысла существования. Так писатели, стремясь постичь истину, сублимируют свою энер-

гию в произведения и передают полученное тайное знание читателю. Однако разгадка таких работ никогда не находится на поверхности, поэтому адресату необходимо декодировать нужную информацию. В итоге художественный текст становится особым способом передачи информации, в котором язык является кодом для воплощения авторского видения мира. Но в этом случае необходимо учесть, что «художественный текст – это сложно построенный смысл» и все элементы такого текста – смысловые [7, с. 23], а значит, и язык художественного текста значительно отличается от естественного языка. Последний выступает в роли строительного материала для художественного текста [11, с. 13–21]. Таким образом, художественный язык «надстраивается» над естественным и образует вторичную моделирующую систему, «имеющую более сложную структуру» [7, с. 32–33].

Известно, что каждый язык – это отражение определенной картины мира, которая показывает специфику мышления того или иного народа. Следовательно, язык художественного произведения воплощает мировоззрение конкретного индивида – писателя, который согласно своим убеждениям и устремлениям моделирует особый художественный мир, требующий расшифровки. Осуществление такой разгадки происходит, как правило, в два этапа: первый – предполагает «непосредственное восприятие материальных знаков», а второй – подразумевает переход «от образа языкового знака как материального объекта к образу его содержания» [9, с. 35]. В итоге каждый этап становится ключом к пониманию и осознанию смысла произведения. Примечательно, что в последние десятилетия смысл художественного текста воспринимается в качестве первостепенной составляющей семантики текста, которая предопределяет отбор и комбинирование различных языковых единиц, реализует передачу организованной и направленной информации, а также задает форму текста [10; 11]. Таким образом, понимание текста происходит в процессе декодирования, специфика которого заключается в единстве объективного (языковая база как данное) и субъективного (языковая база с позиции восприятия) семантического потенциала [11].

Однако при анализе художественного произведения нужно помнить о разграничении категории смысла и таких понятий, как содержание и информация. «Содержание формируется как мен-

тальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль о действительности, то есть интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется на единицах иного рода, связанных с интуитивным знанием» [8, с. 35]. Итак, содержание текста связано с его денотативно-референциальной базой, а смысл соотносится с интерпретационным компонентом. Вдобавок смысл не тождественен информации, поскольку последняя включает в себя лишь данные, а смысл, как уже было сказано, предполагает интерпретацию этих данных [6]. В результате постижение адресатом смысла предполагает переработку информации, закодированной адресантом. Таким образом, одно сознание (писатель) формирует ряд знаков для другого сознания (читатель), которое в процессе понимания идеи превращает «чужое» в «свое–чужое» [1], что приводит к сотворчеству автора и интерпретатора [4].

В 20-е годы прошлого столетия ученые осознали необходимость именно лингвистического анализа художественного произведения, основанного на вычленении определенных языковых единиц (В.В. Виноградов, Л.П. Якубинский). Так В.В. Виноградов ввел термин «символ», обозначающий эстетически оформленную единицу, которая могла быть больше или меньше слова, а Л.П. Якубинский говорил о «глоссеме», совпадающей с единицами любого языкового уровня и подразумевающей их семантическое преобразование. Однако в настоящее время основной языковой единицей художественного текста считается слово: «Для полноценного филологического восприятия художественного текста чрезвычайно важным является вопрос о соотношении языковых средств и их разнообразного эстетического функционирования в контексте художественной литературы. И хотя в эстетической организации текста участвуют единицы всех уровней, главная роль все же принадлежит слову как основной единице языка, вокруг которой организуются все остальные единицы и понятия нашей науки» [3, с. 115]. Итак, при лингвистическом анализе нужно помнить о том, что, во-первых, слово в художественном тексте «не тождественно той лексической единице, которая дается в словаре, хотя и совпадает с ней по внешней форме.

В художественном тексте слово проявляет способность к обогащению и подвижности своей семантики» [5, с. 4]. Во-вторых, слово необходимо рассматривать как элемент системы, поскольку каждая языковая единица художественного произведения «обнаруживает в себе такие перспективы и смысловые слои, такие потенциалы ассоциативных и реминисцентных связей, которые возникают лишь в условиях соположения и сплавления с другими компонентами, втянутыми в орбиту смысловой индукции данного текста» [2, с. 326]. Вдобавок хотелось бы отметить, что слово функционирует в художественном тексте на трех уровнях: семантическом, метасемиотическом и лингвопоэтическом, а, следовательно, оно может быть объектом трех различных видов анализа [3, с. 115]. Так первые два уровня восприятия подразумевают «разграничение собственно смыслового содержания, семантики слова и накладывающихся на нее экспрессивно-эмоционально-оценочных оттенков, или коннотаций», а третий – предполагает работу «с более тонкими и сложными эстетическими особенностями слова, непосредственно связанными с идейно-художественным содержанием произведения» [3, с. 115].

Однако при лингвистическом анализе художественного произведения нужно учесть также и то, что текст формируется не только в области разума, но и в области чувств, что влияет на языковой код. Мысль, которая зародилась в интеллектуальной (логической) сфере сознания, достаточно просто воплотить в речь [12]. «Но как ясно выразить словами сложный мир образов и представлений и еще более сложный мир чувств во всей их индивидуальности?» [12]. Для решения этой задачи исследователи обратились к экспрессивной стилистике, инструментарий которой (различные изобразительно-выразительные средства) обусловил глубокое погружение в текст, увеличивая его интерпретационный потенциал. Действительно, многими учеными отмечается особая роль фигур и тропов (Т.Г. Хазагеров, Г.Г. Хазагеров, Ц. Тодорова, Л.К. Граудина, Г.И. Миськевич и др.), которые не только украшают устную или письменную речь, но и наполняют ее экспрессией, воздействуя так на чувства адресата и убеждая его в правоте адресанта. В случае с художественным текстом изобразительно-выразительные средства еще и реализуют определенную философскую задумку автора, отражая его внутренний мир.

В итоге лингвистический анализ текста, основанный на пристальном внимании к слову, а также его воплощении в фигурах и тропах, позволяет заполнить лакуны, образованные точечным проникновением в языковую ткань литературоведов, декодировать информацию, запрятанную в языковой организации, и интерпретировать ее, а также сформировать языковой портрет автора для лучшего понимания его личности и писательских интенций.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
3. Задорнова В.Я. Лингвопоэтика. Слово в художественном тексте / В.Я. Задорнова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – № 29. – С. 115–125.
4. Кузнецов В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В. Кузнецов // Логос. – 1999. – № 10. – С. 43 – 88.
5. Лелис Е.И. Эстетические функции ключевых слов: дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.01) / Лелис Е.И.; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2000. – 194 с.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 450 с.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–285.
8. Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании / А.И. Новиков // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 33–38.
9. Новиков Л.А. Лингвистическая семантика и логика / Л. А. Новиков. – М.: УДН, 1983. – 159 с.
10. Плотникова Л.И. Семантический потенциал текстов малой формы (на материале английского языка): дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.02.04) / Плотникова Л.И.; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2004. – 209 с.
11. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
12. Хазагеров Т.Г. История и состояние современной риторики [Электронный ресурс] / Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина // Научно-культурологический журнал Relga. – 2000. – №23 [53]. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1384&level1=main&level2=articles>

РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ЗОНЕ ПЕРСОНАЖЕЙ А.П. ЧЕХОВА

Н.В.Изотова

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
(Ростов-на-Дону)

А.П. Чехов, включая персонажей в большое разнообразие жизненных ситуаций, использует для представления и осмысления бытия в том числе и иноязычие как определенный вид деятельности человека. Знание или незнание других языков, вопросы изучения и применения иностранных языков и родного языка становятся частью характеристики персонажа и мира в целом.

В произведениях А.П. Чехова находят отражение вопросы языкового существования человека, проблемы владения языками, использование разных языков в определенных жизненных ситуациях, рассуждения об особенностях языков, их сравнительная характеристика.

1. Использование иностранных слов и выражений. Латинский язык – язык, из которого встречается наибольшее количество выражений в произведениях А.П.Чехова, что А.П.Чехов сам в какой-то степени и объясняет в рассказе «Мои жены», поскольку во втором комментарии к латинскому выражению отсылает читателя к факту своей биографии – обучению в Таганрогской гимназии.

Я не люблю женщин. Я рад бы вовсе не знаясь с ними, но виноват ли я, что homo sum et humani nihil a me alienum puto¹?²

¹ я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

² Замечу кстати, что, учась в гимназии, я имел по-латыни всегда пятерки. (Прим. А.П.Чехова) «Мои жены» (С. 3, 308)².

Латинские слова, словосочетания и выражения встречаются в авторской речи и речи персонажей в рассказах «Шведская спичка», «Утопленник», «Контрабас и флейта», «Святая простота», «Циник», «Дочь коммерции советника», «Устрицы», «В аптеке» и др., в двух рассказах латинские выражения включены в названия: «Случай mania grandiose», «Perpetum mobile». В расска-

² Здесь и далее примеры приводятся: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1974-1983. После названия произведения указаны том и страница.

зах, в которых затронута медицинская тема, что также имеет непосредственное отношение к биографии А.П.Чехова, латинские медицинские термины используются и для создания комического эффекта («Сельские эскулапы»). Кроме латинского, в произведениях писателя встречаются иноязычные слова из французского, немецкого, итальянского, греческого языков.

А.П.Чехов включает в произведения при характеристике персонажей не только выражения из разных языков, графически обозначенных как латиницей, так и кириллицей, но и представляет знание или незнание языков как компонент миросуществования и мироощущения персонажей, включенный в деятельностную парадигму.

2. Вопросы владения родным и иностранным языками.

Многие персонажи А.П.Чехова владеют несколькими иностранными языками или хотят овладеть ими, что свидетельствует об их уровне образования или желании стать образованным и положительно воспринимается другими персонажами. На такое отношение к знанию иностранных языков обращается внимание в произведениях «Драма на охоте», «Рассказ старшего садовника», «Черный монах», «Цветы запоздалые», «Пари», «Рассказ неизвестного человека», «Архиерей» и др.

Это был умный, очень добрый, всеми уважаемый человек... Он знал по-русски, по-шведски и по-немецки, много читал на этих языках, и нельзя было доставить ему большего удовольствия, как дать почитать какую-нибудь новую книжку или поговорить с ним, например, об Ибсене «Рассказ старшего садовника» (С. VIII, 342).

- Что ни говори, а кровь много значит. Его мать была удивительная, благороднейшая, умнейшая женщина. Она прекрасно рисовала, писала стихи, говорила на пяти иностранных языках, пела... «Черный монах» (С. VIII, 246).

Отец Христофор в повести «Степь» в ее начале, везя Егорушку на обучение, вспоминает о своих знаниях, а в конце повести напутствует Егорушку. В этих размышлениях в его представление о необходимом для человека знании наряду с другими науками обязательно включено знание иностранных языков, причем это знание должно быть таким же совершенным, как и знание своего родного языка.

-...Я сам, брат, учился... Пятнадцати лет мне не было, а я уж говорил и стихи сочинял по-латынски всё равно, что по-русски...Ещё у меня усов не было, а я уж, брат, читал и по-латынски, и по-гречески, и по-французски, знал философию, математику, гражданскую историю и все науки... «Степь» (С. VII, 20- 21).

Персонажи А.П.Чехова, обладая знаниями иностранных языков, часто не находят им необходимого применения и чувствуют в том числе и поэтому свою ненужность. Героиня рассказа «В родном углу» Вера драматично осмысляет свое бытие во время пребывания дома.

Она молода, изящна, любит жизнь; она кончила в институте, выучилась говорить на трех иностранных языках, много читала, путешествовала с отцом, - но неужели все это только для того, чтобы в конце концов поселиться в глухой степной усадьбе и изо дня в день, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад и потом сидеть дома и слушать, как дышит дедушка? Но что же делать? Куда деваться? «В родном углу» (С. IX, 316).

О ненужности этих знаний говорит и Маша в «Трех сестрах», однако Вершинин по-другому относится к сумме знаний человека.

Маша. - В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего...

Вершинин. - Вот-те на! Знаете много лишнего! Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек....Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. А вы жалуетсяь, что знаете много лишнего «Три сестры» (С. XIII, 131).

Профессор Николай Степанович из «Скучной истории», размышляя о недостатках своих учеников, включает в перечень претензий нежелание изучать языки и слабое владение русским языком.

Если бы меня спросили, что мне не нравится в теперешних моих учениках, то я ответил бы на это не сразу и не много, но с достаточной определенностью. Недостатки их я знаю и мне поэтому нет надобности прибегать к туману общих мест. Мне не нравится, что они курят табак, употребляют спиртные напитки и поздно женятся; что они беспечны и часто равнодушны до такой степени, что терпят в своей среде голодающих и не платят долгов в общество вспомоществования студентам. Они не знают новых языков и неправильно выражаются по-русски... «Скучная история» (С. УП, 288).

Знание языка и характеристика разных языков, в том числе и русского, могут быть представлены А.П.Чеховым с точки зрения героя и связаны с его жизненными проблемами. Персонаж рассказа «Сонная одурь», защитник судебного заседания, видит в полудрёме картины своей несчастливой семейной жизни.

Теща и жена все время говорят по-французски, но когда речь заходит обо мне, то теща начинает говорить по-русски, ибо такой бесчувственный, бессердечный, бесстыдный, грубый человек, как я, недостойн, чтобы о нем говорили на нежном французском языке... «Сонная одурь» (С. IV, 183).

3. Рассуждения о языках.

Рассуждения о разных аспектах языка, представляют, как правило, персонажей в ироничном контексте.

В рассказе «Мыслитель» о грамматике русского языка рассуждают, выпивая в свободное время, тюремный смотритель Яшкин и штатный смотритель уездного училища Пимфов. Размышления характеризуют персонажей как не очень образованных и умных людей и не могут восприниматься читателями как серьезные рассуждения о правилах постановки разных знаков препинания (персонажи говорят о точке, точке с запятой, двоеточии, кавычках и букве «ять»).

- Да-с! – издает вдруг Яшкин, и так неожиданно, что собачка, дремлющая недалеко от стола, вздрагивает и, поджав хвост, бежит в сторону. – Да-с! Что ни говори, Филипп Максимыч, а в русском языке очень много лишних знаков препинания!

- То есть, почему же-с? – скромно вопрошает Пимфов, вынимая из рюмки крылышко мухи. – Хотя и много знаков, но каждый из них имеет свое значение и место.

- *Уж это вы оставьте! Никакого значения не имеют ваши знаки. Одно только мудрование... «Мыслители» (С. IV, 71).*

Количество букв в русском языке является предметом рассуждений старого педагога, что связывается в его записях с социальными вопросами бытия, и не может не вызывать улыбки у читателя.

Так как в русском языке почти уже не употребляются фита, ижица и звательный падеж, то, рассуждая по справедливости, следовало бы убавить жалованье учителям русского языка, ибо с уменьшением букв и падежей уменьшилась и их работа. «Из записной книжки старого педагога» (С. УШ, 41).

Сусанна Моисеевна, героиня рассказа «Тина», завлекая Сокольского, весело, экспрессивно и неожиданно рассуждает о многих жизненных проблемах, в том числе характеризует народы с точки зрения ее отношения к их языкам.

- *Я долго жила за границей...нагляделась на публику и вынесла такое убеждение, что, кроме русских и французов, нет ни одного порядочного народа. Возьмите вы языки... Немецкий язык лошадиный, английский – глупее ничего себе нельзя представить: файть-фийть-фюйть! Итальянский приятен, только когда говоришь на нем медленно, если не послушать итальянских чечоток, то получается тот же еврейский жаргон. А поляки? Боже мой, господи! Нет противнее языка! «Не пепши, Петше, пепшем вепша, бо можешь пшепешитсь вепша пепшем» Это значит: не перчи, Петр, перцем поросенка, а то можешь переперчить поросенка перцем. Ха-ха-ха! «Тина» (С. V, 368).*

Таким образом, А.П.Чехов довольно часто делает предметом внимания сферу знания или незнания иностранных языков, мышления и рассуждения о русском и других языках, что дает возможность расширить представления читателей о жизни персонажей, об их характерах, их внутреннем мире. Эта сфера позволяет более объемно охарактеризовать всю полноту и проблемность как изображаемой коммуникации, так и общества в целом и человека в нем.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Панчехина М.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В современной лингвистике семантическое наполнение понятия «речевой жанр» формируется благодаря фундаментальному исследованию М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [1]. Согласно М. М. Бахтину, это «относительно устойчивые типы высказываний», которые объединяются в две группы: простые («первичные») и сложные («вторичные»). К первой группе относятся варианты бытового диалога, ко второй – романы, драмы и другие литературные формы.

В данной статье мы рассмотрим вторичный жанр *романа*, понимаемый нами, вслед за М. М. Бахтиным, как высказывание, имеющее композиционное и стилевое (стилистическое) своеобразие. Для анализа выбрано итоговое произведение М. А. Булгакова – «Мастер и Маргарита».

Композиционное построение булгаковского текста – это «роман в романе», что, учитывая координаты художественного пространства, позволяет обозначить главы как «московские» и «ершалаимские». При этом в булгаковедении утвердилась мысль о том, что «Мастер и Маргарита» также оказывается «романом о романе» [2, с. 52]. Структурная и идейно-тематическая характеристика булгаковского произведения актуализирует прежде всего жанровую природу романа, его принципиальную незавершённость (М. М. Бахтин) и открытость для первичных жанров, которые разнообразно представлены в «Мастере и Маргарите».

Первый тип простого жанра, актуальный уже с первых глав романа и на протяжении всего повествования, обозначен нами как *чертыхание*. «Легкомысленное, бездумное отношение к слову, абсолютное непонимание его магической природы, его исключительного в жизни человека значения – одна из главных причин несчастий булгаковских героев» [3, с. 91], – пишет Г. М. Ребель. Упоминание нечистой силы встречается в тексте на уровне устойчивых фраз типа: *бросить всё к чёрту*, *фу ты чёрт*, *какого чёрта ему надо*, *чёрт его возьми* (примеры взяты из пер-

вой главы «Никогда не разговаривайте с неизвестными»). Вербализация словесных формул такого типа становится приёмом, основанным на принципе реализации метафоры. *Фу ты чёрт* – восклицает Берлиоз, когда видит на Патриарших Коровьева, при этом фраза из ругательства переходит в буквальное название клетчатого. Примечательно, что прямое значение слова буквально формулируется в диалоге между Мастером и Маргаритой в 30 главе «Пора! Пора!»: *Чёрт знает, что такое, и чёрт, поверь мне, всё устроит!*

Высказывания такого типа по природе близки ко второй разновидности простого жанра – *предсказанию*. Например, в самом начале романа есть фразы типа: *Вам отрежут голову, Заседание не состоится, Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история*. Можно предположить, что их основное назначение состоит в том, чтобы усилить мотив *угадывания* событий. Вспомним слова Мастера о написанном им романе: *О, как я угадал! О, как я всё угадал* (глава 13, «Явление героя»).

Третий простой жанр – *клятва*. Её даёт Бездомный, когда обещает Мастеру не писать стихов: *Обещаю и клянусь* (глава 13, «Явление героя»). Развёрнутая формула клятвы даётся Маргаритой Мастеру: – *Клянусь тебе своею жизнью, клянусь угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо* (глава 30, «Пора! Пора!»).

Четвёртый простой жанр – это *рассказ*. Он вводится автором в виде особой структуры, способной создавать микропространство. *И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек* (глава 1, «Никогда не разговаривайте с неизвестными»). Сам процесс рассказывания у булгаковских героев сопровождается стремлением вовлечь слушателя в какую-либо нетипичную ситуацию: например, Бегемот рассказывает о том, как в течение девятнадцати дней скитался по пустыне и питался мясом убитого им тигра (глава 24, «Извлечение мастера»), Маргарита рассказывает сказку ребёнку о том, почему она стала ведьмой (глава 21, «Полёт») и т.д.

Особую группу речевых жанров, выделяемых нами в булгаковском тексте, представляют *этикетные*. Согласно Т. В. Шмелёвой [5], под этикетными (перформативными) жанрами подразумева-

ются, прежде всего, высказывания, относящиеся к «ритуальной действительности, организуемой социальными отношениями и обычаями». Чаще всего в тексте встречается извинение и благодарность. Они выступают в традиционной роли маркеров хорошего тона: *Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога?* (глава 1, «Никогда не разговаривайте с неизвестными»). В современных исследованиях такой тип жанров называют «перфективными» или же с «перфектной перспективой» [4], подразумевая тем самым, что событие, о котором говорится, уже было совершено в прошлом и известно участникам общения.

Этикетные жанры приказа и угрозы имеют футуральную перспективу [4], то есть в «Мастере и Маргарите» они подразумевают событие или действие, происходящее в перспективе: *Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!; – Подсолнечное масло здесь вот при чём, – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?* (глава 1, «Никогда не разговаривайте с неизвестными»).

Итак, уже первоначальный анализ булгаковского романа даёт представление о том, что в состав текста включен спектр простых жанров, которые формируют уникальный облик романа как сложного, вторичного жанра, формирующегося из различных по своей коммуникативной цели высказываний. В дальнейшем целесообразно типологизировать первичные жанры, включённые в булгаковское произведение, учитывая их функции и коннотации в художественном тексте.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений / Бахтин М.М.. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940-1960 гг. – С.159-206. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm.
2. Лескисс Г. А. «Мастер и Маргарита» Булгакова (Манера повествования, жанр, макрокомпозиция) / Г. А. Лескисс // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. 38. Вып. 1. – М., 1979. – С. 52-59
3. Ребель Г.М. Художественные миры романов Михаила Булгакова / Г.М.Ребель. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 172 с.

4. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи : благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Красноярск, 1999. – 169 с. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/etiketnye-zhanry-russkoi-rechi-blagodarnost-izvinenie-pozdravlenie-soboleznovanie>
5. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып.1. – С.88-99.

**ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В МИНИАТЮРАХ
А.И. СОЛЖЕНИЦИНА «КРОХОТКИ»
И ИХ НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ**

Е.В. Петрухина, А.С. Полевщикова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

В настоящей статье представлен сопоставительный анализ образа времени в миниатюрах А.И. Солженицина «Крохотки» и их переводе на немецкий язык. Название «Крохотки» подчёркивает не только небольшой размер рассказов, но и особое эмоциональное отношение автора к своему произведению, состоящему из двух циклов, написанных А.И. Солженициным в разное время. Первая часть создавалась в советское время в период с 1958 по 1963 гг. Вторая была написана уже после возвращения автора на Родину – с 1996 по 1999 гг.

«Крохотки» – это лиро-эпические миниатюры, наполненные яркими бытовыми зарисовками с мельчайшими деталями и наглядными подробностями, выражающие внутренние настроения лирического героя, размышления о сокровенном. От субъективного восприятия конкретного события или даже конкретного предмета повествователь переходит к его осмыслению. Ассоциации с увиденным позволяют высказать серьёзные мысли о поступках людей, о духе времени и исторических событиях. Не случайно оба цикла завершаются «крохотками»-молитвами («Молитва», «Молитва о России»), которые усиливают лиро-философский настрой всего произведения.

Язык «Крохоток» необыкновенно ярок и самобытен и в силу этого крайне сложен для восприятия зарубежным читателем. Однако немецкому читателю очень повезло. Перевод «Крохоток», вышедший в 2006 году в мюнхенском издательстве Herbig F. A.

[12], был выполнен нашим соотечественником, филологом Ф.Б. Поляковым. Переводчик бережно подходит к тексту, стараясь при этом максимально точно воспроизвести его ритм и мелодию, передать смысл авторских окказионализмов и, минимально вмешиваясь в текст оригинала, включить в немецкий перевод необходимые пояснения. Возможно, именно с этой целью переводчик отказывается от дословного перевода оригинального заголовка сборника «Крохотки» (букв. „Krümelchen“, „Winzigkeiten“), заменив его первой строчкой одной из ключевых миниатюр «Утро» (*Что происходит за ночь с нашей душой?*): „Was geschieht mit der Seele während der Nacht?“ [12, с. 85]. Подробное сопоставление русского и немецкого текстов может стать основой обширного лингвистического исследования, не вписывающегося в рамки одной статьи. Мы ограничиваемся сопоставительным анализом наиболее интересных с точки зрения образов времени употреблений видо-временных форм в русском тексте и их переводе на немецкий язык.

В языковых системах времён центральное положение занимает настоящее время, относительно которого определяются другие временные планы и семантика форм времени [9, с. 63]. Формы глаголов настоящего времени в русском языке, как и презентные формы в немецком, охватывают все семантические разновидности этого времени: как актуальное («текущее») настоящее, так и неактуальное (обобщенное), а также метафорическое (настоящее историческое и др.). В «Крохотках» сосредоточенность повествователя на переживаемом или вспоминаемом конкретном моменте и осмысление концептуальных связей описываемой ситуации предстаёт как темпоральная модель, которая реализуется во взаимодействующих образах «укрупнения мгновения», замедления времени и расширения настоящего. Этот образ времени хорошо передан и в немецком переводном тексте. Так, в миниатюре первого цикла «Дыхание» лирический герой переходит от детального описания необыкновенной радости, подаренной ему весенним садом после дождя, к осознанию ценности самой возможности просто жить и дышать. *«Я стою под яблоней*

отцветающей – и дышу».³ - „*Ich stehe unter dem verblühenden Apfelbaum – und atme*“ [12, с. 11].

В немецком тексте это обобщение как бы заранее предвосхищается в названии, переведённом при помощи субстантивированного инфинитива, указывающего на действие или процесс («Das Atmen»). Но уже во втором предложении первого абзаца проявляются некоторые различия в представлении ситуации: «*Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который **напаивает** воздух*». – „*Nicht nur der Apfelbaum, auch die Gräser ringsum entfalten nach dem Regen ihre Düfte. Es gibt keinen Namen für jenen süßen Aromen, mit denen die Luft **getränkt ist***“ [12, с.11].

В русском предложении наполнение воздуха ароматом передаётся при помощи глаголов несовершенного вида (НСВ) *сочают, напивает*. В немецком переводе смысл авторского окказионализма *сочают* переводится словосочетанием *entfalten ihre Düfte* (букв. «раскрывают свои ароматы»). Далее следует аналитическая конструкция как результирующее актуальное состояние (*ist getränkt* – ‘напоен’). Такой видовой «перебив» в немецком тексте вполне оправдан, поскольку уже в следующем предложении он повторяется при переводе причастного оборота – «*этого воздуха, **напоённого** цветением, сыростью, свежестью*» – „*diese Luft, die von Blumen, Feuchte, Frische **getränkst***“ [12, с.11].

Расхождения во временных формах мы видим также в переводе последнего предложения, где появляются футуральные формы в значении будущего, выражающего потенциальную ситуацию, связанную с определенными условиями. «*Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!*» – „*Solange mir **gegeben sein wird**, nach dem Regen unter dem Apfelbaum zu atmen, so lange **werde ich noch auf dieser Welt sein können***“ [12, с.12].

Такой выбор форм будущего времени в немецком переводе объясняется тем, что в русском тексте потенциальная возможность выражена модальным предикативом *можно*. Ср. дословный перевод немецкого текста: «Пока мне **будет дано** (*будет дана возможность*) **дышать** после дождя под яблоней, я **смогу**

³Здесь и далее цитаты из оригинального текста «Крохоток» приводятся по [11].

быть в этом мире». Использование пассивного инфинитива (*gegeben sein*) указывает на то, что возможность эта не зависит от воли человека, но даётся ему свыше и как Божий дар тем более ценна. Подобное восприятие времени соответствует семантической доминанте оригинала.⁴

В переводе миниатюры «Утро» форма будущего времени (футурум) используется для передачи трёх временных форм, сконцентрированных в небольшом отрывке оригинала, — настоящего узуального (*встряхивает, взламывает*), настоящего потенциальной невозможности (*не вернёшь*) и прошедшего в значении будущего (*исчезло*): «*Но что-нибудь вскоре непременно встряхивает, взламывает чуткую ту натяжённость: иногда чужое действие, слово, иногда твоя же мелкая мысль. И чародейство исчезло. Сразу — нет той дивной бесколышности, нет того озёрка. И во весь день ты его уже не вернёшь никаким усилием.*» — „*Aber bald wird etwas unausweichlich diese aufmerksame Spannkraft erschüttern, sie schwächen: Manchmal ist es eine fremde Handlung oder ein Wort des Anderen, manchmal aber auch dein eigener oberflächlicher Gedanke. Und der Zauber wird verflogen sein. Gleich wird die märchenhafte Regungslosigkeit jenes winzigen Sees dahinschwinden. Du wirst den ganzen Tag keine Weg mehr zu ihm finden können*“ [12, с. 86].

Настоящее потенциальной невозможности и прошедшее в будущем соответствуют значениям первого и второго (перфектного) футурума в немецком. Несколько сложнее с переводом при помощи футурума настоящего узуального. Можно предположить, что в немецком тексте эта временная форма указывает на ожидаемость и предсказуемость эмоционального перелома, который, как правило, ожидает лирического героя после пережитых им «благодательных» мгновений. Кроме того, русская синтаксическая конструкция, в которой используются формы *встряхивает, взламывает*, сближает их, несмотря на НСВ, с настоящим узуальным динамическим, предполагающим в русском языке формы простого будущего.

⁴В значении предположения футурум используется и в других миниатюрах, например в миниатюре «Лиственница»: «*Сколько видим её — хвойная, хвойная, да. Того и разряду, значим?*» - „*Wann immer wir die Lärche sehen, denken wir - gewiss wird sie ein Nadelbaum sein, wird schon dazugehören, nicht wahr?*“ [12, с.61]

Формы настоящего времени в русском тексте могут быть переведены на немецкий язык и при помощи форм прошедшего времени. Так, в миниатюре «Шарик» настоящее ситуативное передается при помощи претерита, причём глагольное словосочетание «*мечется прыжками*» разбивается в немецком тексте на два глагола (*rannte, sprang*): «Снег во дворе пушистый, обильный, Шарик *мечется прыжками*, как заяц» - „*Im Hof lag eine Unmenge flockiger Schnee, Scharik rannte wie ein Hase, sprang hin und her*“ [12, с. 31].

Претерит в немецком языке традиционно используется для отображения любых действий и явлений в прошлом без указания на незавершенность действия [6, с. 336]. Однако в миниатюре «Утёнок» для перевода глаголов совершенного вида (СВ) и НСВ в аористной функции (*подложили, высидела, грела*) Ф. Б. Поляков использует сочетание перфекта и претерита: «А у него не мама вовсе, а курица: ей *подложили* утиных яиц, она их *высидела* между своими, *грела* равно всех.» — „*Es hat aber gar keine richtige Mutter, sondern nur eine Henne: man hat ihr Enteneier untergelegt, und sie brütete sie neben ihren eigenen aus, schenkte allen gleichermaßen ihre Wärme*“ [12, с.17].

В немецком тексте глаголам в претерите предшествует дистантный перфект (*hat untergelegt*), который выполняет в данном случае функции плюсквамперфекта, обозначая действие, предшествующее другому действию в прошлом [5, с. 43].

Таким образом, несмотря на близость грамматической семантики русских форм настоящего времени НСВ и немецких презентных форм, при переводе данные формы не всегда являются полными эквивалентами. Из сопоставительного анализа лишь нескольких примеров видно, что русские формы настоящего времени могут переводиться на немецкий язык также футуральными и претеритальными формами. В немецком переводе это позволяет «компенсировать» отсутствие грамматической категории вида и добиться максимальной приближенности к русскому тексту в передаче последовательности событий и их аспектуальной характеристики. При этом надо добавить, что образ «расширения настоящего» во всей полноте раскрывается именно в русском тексте. Это связано с возможностью более последовательного употреб-

ления форм настоящего времени НСВ в значении как актуального, так и обобщенного настоящего (а также настоящего исторического). На немецкий язык, как мы видели, формы настоящего времени могут переводиться и другими формами времени.

В заключение хотелось бы сказать также несколько слов о «Молитвах», которые в обоих циклах «Крохоток» выступают как кульминационные вершины повествования, как призыв остановиться «в суете дня» («Сумерки»), почувствовать «благодатные миги» («Утро») и связать их с вечностью: «*Отче наш Всемилостивый/ Россиюшку Твою многострадную / не покинь в ошеломлении нынешнем, /в её израненности, обнищании /и в смутности духа. /Господи Вседержитель!// Не дай ей, не дай пресечься: /не стать больше быть*». – „*Vater unser, der Du bist der Allergnädigste! / Wende Dich nicht von Deinem Russland ab, dem geliebten, / Deinem leidgeprüften Land in seinem heutigen Erstarren, / mit seinen vielen Wunden, in seiner Verarmung / und in der Verwirrung seines Geistes. /Gott der Allmächtige!// Lasse nicht zu, dass es Russland nicht mehr geben sollte, dass es aufhören könnte zu sein*“ [12, с. 97].

Немецкий перевод молитв по своей лексико-синтаксической структуре максимально приближен, а иногда практически идентичен русскому тексту. Сама возможность дословного воспроизведения, вероятно, связана с общими христианскими корнями германской и русской культур, где молитва существует не только как жанр религиозного дискурса, но и как литературный жанр (поэтическая молитва).

Благодаря максимальной детализации всех аспектов изображаемого события и обобщения их значимости в «Крохотках» А.И. Солженицина создаётся многомерный образ времени, раскрывающий ценность моментов жизни. Сосредоточенность повествователя на переживаемом или вспоминаемом конкретном моменте и осмысление концептуальных связей описываемой ситуации предстаёт как темпоральная модель, или семантическая доминанта, которая реализуется во взаимодействующих образах «укрупнения мгновения», замедления времени и расширения настоящего в прошлое и будущее, объединяя таким образом все семнадцать миниатюр «Крохоток» в единое целое.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: УРСС, 2002. — 352 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа. 1972. — 616 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2006. — 144 с.
4. Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарров В.А. Теория и практика перевода: учебное пособие. — СПб.: Антология, 2007. — 560 с.
5. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика: учебное пособие для вузов. — Воронеж, 2007. — 88 с.
6. Найдич Л.Э., Павлова А.В. Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. — СПб.: Златоуст, 2015. — 408 с.
7. Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. — СПб.: Антология, 2012. — 480 с.
8. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). — М.: Макс Пресс, 2009. — 208 с.
9. Петрухина Е. В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (044), 2015а. С. 59–71.
10. Петрухина Е. В. Векторы времени и русская языковая картина мира // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXI. Проблемы современной лингвистики: на стыке когнициии и коммуникации. М. – Тамбов, 2015б (Российская ассоциация лингвистов-когнитолов). С. 106-113.
11. Солженицын А.И. Крохотки. URL: <http://litrus.net/book/read/100137>
12. Solschenizyn A.I. Was geschieht mit der Seele während der Nacht? — München: Herbig, F. A., 2006. —144 S.

ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР, ВОПЛОЩЁННЫЙ В СЛАВЯНСКИХ ЖЕНСКИХ ДЕМОНАХ НА ОСНОВЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛСГ «ЖЕНСКИЕ ДЕМОНЫ ДВОРА И ДОМА»

В.И. Теркулов, А. С. Бурляй,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Систематизация словарного состава языка по предметным, понятийным и семантическим признакам осуществляется с XX столетия. «Словарь, составленный по принципу объединения однородных вещей, гораздо более поучителен, чем составленный в

алфавитном порядке», — писал немецкий лингвист Г. Шухардт [9, с. 198]. Единицами такой классификации и упорядочивания словарного состава являются: семантическое поле (СП), тематические группы (ТГ), лексико-семантические группы, или группировки (ЛСГ).

Теория ЛСГ представлена в трудах Ф. П. Филина, А. А. Уфимцевой, В. И. Кодухова, Э. В. Кузнецовой и многих других, однако до сих пор в современной лингвистике нет единой трактовки природы ЛСГ. Одни исследователи (Ф. П. Филин, Л. М. Васильев) понимают ЛСГ как разновидность семантического поля, другие (А. А. Уфимцева) считают оба объединения слов равноправными в системе языка. Мы придерживаемся мнения Ф. П. Филина о том, что тематические группы — явление логическое, а лексико-семантические группы — языковое, и они обладают высокой степенью смыслового единства, поэтому их нельзя классифицировать произвольно.

В современной лингвистике нет определенного мнения об определении ЛСГ. В качестве рабочего можно взять дефиницию В. И. Супруна: «Сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем (инвариантом), относящиеся к одной и той же части речи и характеризующиеся синонимическими (в широком смысле) и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента» [7, с. 6].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что комплексное изучение ЛСГ с помощью системного и функционального подхода к языковым явлениям позволяет наилучшим образом описать духовный и материальный мир народа и направления развития лексической системы в целом.

Цель исследования — рассмотрение женских персонажей низшей восточнославянской демонологии в пределах одной ЛСГ на основе выявления архисемы «женские демоны двора и дома».

Объектом исследования стали имена женских демонов дома и двора (хозяйственных построек).

В теоретическом плане работа опирается на положения трудов таких ученых, как Ф. П. Филин, А. А. Уфимцева, В. И. Кодухова, Э. В. Кузнецова, Н. И. Толстой, Е. Е. Левкиевская.

В. Г. Гак считает, что «в основе выделения ЛСГ лежат категориальные архисемы» [2, с. 154]. Наименования доминанты ЛСГ разными исследователями даются различные: идентификатор (В. П. Абрамов, Э. В. Кузнецова); категориальная архисема (В. Г. Гак); имя поля (Ю. Н. Караулов); гиперсема (В. К. Андреева); доминанта (В. В. Богданов); ядерная единица (В. Л. Ибрагимова); интегрирующий семантический множитель (В. И. Супрун) и др. Мы используем термин «архисема», который является для ЛСГ стилистически не маркированным, не метаморфическим и общим значением.

Женские образы, а также женские занятия раскрываются в работах этнографов в последние годы в рамках предлагаемых ими тем (Т. Н. Золотовой, Г. В. Любимовой, А. Ю. Майничевой). Большая часть работ, посвященных женским мифологическим персонажам, была опубликована на основе материалов, собранных в европейской части России. Систематические сведения об обычаях, обрядах, поверьях крестьян разных районов России стали собирать приблизительно с середины XIX в. Верования русских крестьян привлекли внимание В. И. Даля, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, Д. К. Зеленина, С. В. Максимова, П. В. Шейна.

Рассмотрим ЛСГ с архисемой «женские демоны двора и дома».

Кикимора — персонаж, свойственный в основном северорусской мифологической традиции. Ее представляли домовою хозяйкой и иногда — женой домового. В мифологических рассказах кикимора предстает уродливой, сгорбленной старухой, в лохмотьях, неряшливой, с распущенными волосами. Довольно часто ее изображали в бабьем кокошнике на голове. На Вологодчине и в Ярославской губернии кикимору представляли в образе крохотной женщины или старушки. Вологодские крестьяне считали, что кикимора так мала, что, опасаясь быть унесенной ветром, никогда не появляется на улице. В Восточной Сибири кикимору представляли в виде нагой девушки с длинной косой. Происхождение кикиморы в народном сознании связывалось с представлениями о «неправильных» покойниках. В крестьянской среде существовало поверье, что в строящийся дом кикимору могут запустить плотники или печники, которые остаются недовольны вознаграждением хозяев. В таких случаях они изготавливали из щепок и лоскутков кукольное изображение кикиморы и

закладывали его за матицу с особым приговором. В одном мифологическом рассказе повествуется о том, как может мерещиться в доме от «насаженной» кикиморы: *«У нас три чуда было. Вот в этой избе. Заяц бегал, бык, собака и поросенок. Хозяйка ушла за дровами, а в избе поросенок. Она пришла — он на лавку, на стол, везде. А потом в этом доме стала маячить собака. А то двери раскроются. Вдруг все двери — раз — все открылись. А потом что? Стали искать — куколка завязана: будто как платочек личико — или, как сказать? — мордочка перевязана. Сожгли эту куколку — маячить не стало»* [4, с. 261].

Домовуха — дух дома в образе женщины средних лет. Низенькая, толстененькая, будто кадка, она поддерживала порядок и лад в доме хорошей хозяйки, помогала ей в разных хозяйственных делах, присматривала и качала детей, давала им какие-то волшебные травы, когда те болели, и с ее помощью дети быстро поправлялись. Нерадивых и нечистоплотных хозяек домовуха, чистенькая и аккуратненькая, страшно не любила и оттого часто мстила им, подбрасывая в приготовленное такой хозяйкой блюдо сурепки. Тогда в этой семье случались ссоры и скандалы. Любимой едой домовухи была вареная картошка с молоком или квасом. Ела домовуха не слишком много, хотя бдительная хозяйка утром подмечала, что в чугунке на несколько картофелин стало меньше и молока в кувшине убавилось. Угощение домовухе не выставляли: она сама была за хозяйку и брала все, что хотела. *«Как в дому несчастье будё, так доможириха под полом плачё. Уж ходи не ходи, уж роби не роби, уж спи не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяин-то помереть должен, все я слышала, будто плачет кто, так жалобно. Знамо доможириха цюла. А как в дому прибыток буде, уж тут доможириха хлопочет, и скотинку пригладит, и у кросон сидит.*

Вот я раз ночью выйтить хотела, встала, смотрю месяц светит, а на лавки у окоска доможириха сидит и все прядет, так и слышно нитка идет: «дзи» да «дзи», и меня видала, да не ушла. А я сробела, поклонилась ей да и говорю:

— Спаси бог, матушка.

А потом вспомнила, как меня мать учила относ делать. Взяла шанечку да около ей и положила. А она ничего — все прядет. А собою, как баба, а в повойнике. Только смотреть все-таки страх

берет. О она ницего — все прядет. И много у нас тот год шерсти было, так мы поправились, даже сруб новый поставили» [6, с. 229].

Ячична — русский женский демонический персонаж, дух пустого дома, связанный с прядением и схожий с пустодомкой. «Ячична, в отличие от домового, злой дух («нечистая сила»), поскольку является демоном необжитого пространства» [3, с. 250]. В Архангельской области записана такая быличка про ячичну: *«Мне бабушка давно рассказывала. Она у меня в Шенкурском районе жила. Они там верят в «баннуобдерику» да в «ячичну». Ячична злая, в пустых домах живет. Про нее мне такая история запомнилась. Пошли девки на посиделки прядь. Проходят мимо пустой избы да и крикнут: «Ячична, приходи к нам прядь!» А оттуда голос: «Приду!».*

Итак, в данной работе рассмотрены отдельные демоны низшей восточнославянской демонологии, которые составляют лексико-семантическую группу «женские демоны двора и дома» (архисема). Мы видим, что семантика в данном случае является отражением реальной действительности, кодом для постижения языковой картины мира. Ещё одним кодом является выделение лексико-семантических групп, что позволяет нам глубже проникнуть в процессы жизнедеятельности человека. В нашем исследовании ЛСГ «женские демоны двора и дома» позволяет подойти к пониманию мира русского человека и русской деревни.

Литература

1. Власова М. Энциклопедия русских суеверий / М. Власова. — СПб. : Азбука-классика, 2008. — 624 с.
2. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. — М. : Международные отношения, 1977. — 264 с.
3. Дранников Н. В. Мифологические рассказы Архангельской области. / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. — М. : ОГИ, 2009. — 304 с.
4. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. — М. : Астрель: АСТ, 2005. — 526 с.
5. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия. / Е. Л. Мадлевская — М. : Мидгард, Эксмо, 2005. — 784 с.
6. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора: хрестоматия: учеб. пособие для филологических специальностей / В. Н. Морохин. — 2-е изд., доп. — М. : Высш. шк., 1983. — 303 с.

7. Супрун В. И. О лексико-семантических группах слов / В. И. Супрун // Ruštinár, 1983. — № 3. — С. 4—6.
8. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. — София, 1967. — 621 с.
9. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Г. Шухардт. — М. : Изд-во ин. литературы, 1950. — 296 с.

К ВОПРОСУ О МАКРОСТРУКТУРЕ СЛОВАРЯ ПОЭТОНИМОВ

К.С. Федотова

Донецкий национальный университет
(Донецк)

Начало XXI в. характеризуется возрастанием интереса филологов к вопросам описания онимной составляющей языка писателей и становлением поэтонимографии как нового направления исследований, под которым понимается теория и практика лексикографии поэтонимов. Проблемами составления словарей собственных имен в языке писателя занимались В.М. Калинин, Л.Л. Шестакова, Е.С. Обухова, Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина, В.И. Рогозина, Р.У. Таич и другие. Изданы работы, посвященные онимной лексике произведений А.С. Пушкина [2], [5], В.Я. Брюсова [8], словарь личных имен поэтов Серебряного века [1]. Но теория описания поэтонимов как специфических проприальных единиц, функционирующих в художественных текстах, находится в стадии становления. В этой статье мы постарались рассмотреть возможные типы словарей поэтонимов, кратко охарактеризовали разные подходы к описанию онимных единиц в литературных текстах и представили наш вариант словарной макроструктуры. Материалом для статьи послужили поэтонимы, взятые из произведений Н.С. Гумилева.

Полагаем, что по составу словари поэтонимов могут быть *полными*, то есть содержащими перечень всех онимных единиц выбранного материала, и *неполными*, содержащими описание определенного типа проприальной лексики. Мы считаем, что наличие в словаре отонимных образований существенно не влияет на его содержательную полноту. Разумеется, логично вклю-

читать в полный словарь поэтонимов все отонимы: названия национальностей, именованья жителей, прилагательные, образованные от собственных имен. Безусловно, анализ отонимной лексики важен для понимания системных связей поэтонимикона писателя, но поскольку функция и семантика этих единиц отличается от семантики и функций собственных имен, вопрос включения отонимов в словарь поэтонимов мы относим к второстепенным.

К неполным по составу словарям онимной составляющей языка писателя относится, например, работа «Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина» [2].

По характеру лексикографируемого материала словари поэтонимов могут быть следующих типов:

- словари, описывающие онимную лексику одного произведения (например, словарь проприальной лексики в романе «Евгений Онегин», включенный в монографию В.М. Калинкина «Теория и практика лексикографии поэтонимов» [5]);

- словари, описывающие онимную лексику произведений определенного цикла, жанра или периода в творчестве одного автора (например, словарь «Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина», составленный Е.С. Обуховой [см. 6]);

- словари, характеризующие проприальные единицы всех поэтических, прозаических или драматических произведений одного автора (например, «Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова» В.И. Рогозиной [8]);

- словари, характеризующие все онимные единицы языка писателя;

- словари, созданные на материале текстов разных поэтов и / или писателей, живших в одну эпоху (например, словарь «Собственное имя в поэзии XX в.» [1]).

Онимный материал в словаре поэтонимов может быть расположен по алфавитному, алфавитно-гнездовому и алфавитно-тематическому принципу. Алфавитный способ распределения предполагает, в первую очередь, описание собственных имен и отыменных образований в отдельных статьях. При гнездовом принципе роль заголовочного слова отводится проприальной единице, а образованные от нее отыменные прилагательные и существительные **входят в состав словарной статьи**. Выбор принципа расположения материала зависит от целевых установок словаря: охарактеризовать на материале произведений выдаю-

щихся писателей язык той или иной эпохи, рассмотреть на материале проприальной лексики особенности поэтики определенного писателя. Если цель словаря – охарактеризовать некоторые черты русского литературного языка на определенном этапе его развития, то возможно следовать гнездовому принципу, но, как нам кажется, такой способ организации материала влечет за собой появление ряда трудностей, связанных с выбором главного слова для поэтонимов, представленных частями антропоформулы. Например, *Ахматова* (стихотворение «Священные плывут и тают ночи» [4, т. 3, с. 56]) – *Анна Ахматова* (стихотворение «Возвращение» [4, т. 2, с. 125]) – *Анна Андреевна Горенко* (посвящение к новеллам «Радости земной любви» [4, т. 6, с.23]); *И.Ф. Анненский* (посвящение к стихотворению «Семирамида» [4, т. 1, с. 251]) – *Иннокентий Анненский* (стихотворение «Памяти Анненского» [4, т. 2, с. 97]) – *Анненский* (в заглавии «Памяти Анненского»); *Федор Федорович* («Акростих восьмерка» [4, т. 3, с. 6]) – *Фидлер* (стихотворение «Фидлер, мой первый учитель» [4, т. 2, с. 108]). Можно, разумеется, считать главным словом в гнезде наиболее полную форму имени, но, как правило, в поэзии такие поэтонимы употребляются в заголовочном комплекте (в посвящениях, названиях, эпиграфах), а не в основных текстах произведений, а потому для понимания законов авторской поэтики их изучение носит, безусловно, важное, но все же второстепенное значение, особенно если в поздних вариантах стихотворений поэт снял посвящение или изменил название.

Мы отдаем предпочтение алфавитно-тематическому принципу, который предполагает предварительную классификацию поэтонимов по семантическим полям (зонам): например, *имена людей, богов, мифологических и легендарных персонажей; названия местностей; названия произведений искусства; названия предметов духовной и материальной культур* и т.д. Внутри каждой группы поэтонимы предлагается распределять по алфавиту. Нам кажется, что такой способ организации наиболее уместен, потому что, во-первых, он дает читателю возможность увидеть системность авторского поэтонимикона, во-вторых, он удобен для дальнейшей работы над поэтикой онимов в языке писателя. Однако для электронных словарей, в которых возможно разработать систему гиперссылок, функция поиска определенных типов оним-

ных единиц может осуществляться и при сплошном алфавитном расположении статей. Для печатных словарей мы представляем макроструктуру словаря следующим образом:

1. Собственно словарь, содержащий классифицированный перечень онимных единиц в языке писателя, их разносторонние характеристики, контексты употребления и отсылочные связи между статьями.

2. Указатель имен, выполняющий роль словника и упрощающий поиск нужного собственного имени в словаре, а также (что наиболее важно) показывающий, как то или иное собственное имя использовано писателем, в состав каких многословных поэтонимов оно входит, имеют ли место случаи омонимии и трансонимизации. Например, собственное имя *Адам* в произведениях Н.С. Гумилева функционирует как библиопоэтоним для обозначения субъекта лирического описания (*Адам*₁): «*От плясок и песен усталый Адам / Заснул, неразумный, у Древа Познания. / Над ним ослепительных звезд трепетанья, / Лиловые тени скользят по лугам, / И дух его сонный летит над лугами, / Внезапно достигнут зловещими снами*» [4, т. 1, с. 255] («Сон Адама»), как мифопоэтоним со значением символа для обозначения второго «Я» автора, его alter ego (*Адам*₂): «*Мне странно сочетанье слов – «Я сам», / Есть внешний, есть и внутренний Адам*» [4, т. 3, с. 167] («Два Адама»), в составе хронопоэтонима до Адама для обозначения условного периода времени: «*Это было еще до Адама, / В небесах жил не Бог, а Брама, / И на все он смотрел сквозь пальцы*» [4, т. 2, с. 128] («Сказка»), в составе заглавий (библиопоэтонимов) «Сон Адама», «Два Адама», «Адам». Для каждой из этих онимных единиц, по нашему мнению, нужно дать отдельную словарную статью, потому что в перечисленных пяти случаях употребления имя *Адам* отсылает к разным субъектам или объектам поэтической реальности (к разным референтам). Заглавия мы предлагаем рассматривать как цельные онимные единицы независимо от того, содержат ли они в своем составе собственное имя. А Указатель, в свою очередь, будет отражать то, как имя *Адам* использовано поэтом. Структура Указателя может быть следующей:

Таблица 1. Пример указателя собственных имен к словарю поэтонимов

Собственное имя и общее количество употреблений	Поэтонимы, в состав которых входит собственное имя	Разряд или тип онимной единицы	Раздел словаря
АДАМ (17 / 9)	Адам ₁	библиопоэтоним	<i>Имена людей, богов, мифологических и легендарных персонажей</i>
	Адам ₂	мифопоэтоним	
	до Адама	хронопоэтоним	<i>Названия событий и периодов времени</i>
	Адам	библиопоэтоним	<i>Названия предметов и объектов духовной и материальной культуры</i>
	Два Адама	библиопоэтоним	
	Сон Адама	библиопоэтоним	

Мы считаем, что словарь поэтонимов должен, с одной стороны, давать исчерпывающее представление об авторском поэтонимиконе (для этих целей и предлагается составление Указателя), а с другой, содержать характеристики каждой онимной единицы как элемента авторской поэтики, показывать, как собственное имя функционирует в контексте, как оно «оживает» в литературном произведении, как взаимодействует с другими именами. Нам кажется важным найти практическую реализацию теоретического положения о том, что поэтоним как компонент художественного мира произведения, являющегося созданием индивидуального сознания, сущностно и функционально отличен от онима как языковой единицы. Указатель призван представить собственно языковой аспект употребления автором проприальной лексики, а словарь – охарактеризовать эту лексику в аспекте авторской поэтики и стиля.

Литература

1. Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: «Азбуковник», 2005. – 448 с.
2. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя. – Одесса: ФОТОСИНТЕТИКА, 2004. – 192 с.

3. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф. Топонимическая перифраза: введение в проблему // *Λογος όνομαστική*, 2006, № 1. – С. 72–80.
4. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.: Воскресенье, 1998–2007. – 8 т.
5. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток. 1999. – 247 с.
6. Обухова Е.Д. Принципы составления словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина. Автореф. ... канд. филол. н. – Воронеж, 2009. – 24 с.
7. Рогозина В.И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова // *Λογος όνομαστική*, 2009, № 1(3). – С. 94–99.
8. Рогозина, В. И. Словарь имен собственных в поэзии Валерия Брюсова / В. И. Рогозина ; [под общ. ред. Е. С. Отина]. – Донецк : Юго-Восток, 2011. – 273 с.

КОГНИТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ СВОЙ/ЧУЖОЙ КАК КОМПОНЕНТ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ И ФАКТОР ДИСКУРСИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

И.И. Чумак-Жунь

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(Белгород)

Национальное самосознание включает не только осознание своей национальной идентичности, но и систему оценок, суждений, взглядов представителей данной нации на мир и на свою общность как на часть этого мира. Именно эти представления и лежат в основе базовой ментальной оппозиции *свой/чужой*, суть которой можно обобщить в нескольких основных тезисах:

- оппозиция формирует основные исторические типы мировоззрения, являясь определяющей для каждой национальной картины мира;
- является универсальной и встречается в любой лингвокультуре и в любой ее разновидности;
- опирается на различные мировоззренческие схемы, которые можно определить как когнитивные матрицы;
- члены оппозиции преимущественно разграничиваются на шкале оценочности: свое как положительное, а чужое – как отрицательное;

– оппозиция вербализуется дейктическими элементами (местоимениями, указательными словами) и коннотативно окрашенной лексикой;

– отношения между участниками оппозиции могут выстраиваться по-разному – от воинственного неприятия Чужого до философского отношения к Иному.

Представление о своем-чужом в немалой степени обусловлено социо-когнитивно-культурной лингвосредой обитания личности: человек меняет дискурсивные лики, при этом сферы «своё» и «чужое» наполняются многомерным содержанием, обусловленным также и ментальной деятельностью индивидуума, но неизменными остаются национальные и/или конфессиональные условия его существования. С другой стороны, мировоззрение человека формирует еще и среда искусственная: политический дискурс (дискурс власти) навязывает когнитивную матрицу *свой/чужой*, которая носит идеологический характер. Цель воздействия дискурса власти в этом случае – не только сформировать и взять под контроль смыслы идеологически маркированных концептов «Власть», «Религия» и «Мораль», определяющих позиции своего-чужого в коммуникативном сознании, но и очертить четкую границу, не пропускающую чужое как неприемлемое и неправильное. Эти ментальные образования – своеобразная лакмусовая бумажка инакомыслия: выразителей «правильных» (идеологически выверенных) концептуальных смыслов относят к *своим*, остальных – к *чужим*.

В тех случаях, когда в коммуникативном пространстве продуцируется когнитивная матрица, в которой свои-чужие меняются местами относительно официальной точки зрения, властный дискурс принимает все меры, чтобы пресечь подобное явление. Особенно драматично противостояние поэтический – политический дискурс, при котором «противоположная» матрица формируется в поэтическом дискурсе: нередко результатом такого противостояния является трансформация или забвение поэтического текста или уничтожение (физическое или психологическое) автора. Политкорректной по отношению к дискурсу власти считается личность (в поэтическом дискурсе – Поэт), которая поддерживает сильную, мудрую, «правильную» власть,

Наглядными примерами «видоизмененной» матрицы являются написанные с промежутком почти в сто лет стихотворения М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» и О.Э. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...», в которых демонстрируется негативное отношение к власти как к носителю зла. Механизм трансформации матрицы свой-чужой можно проанализировать, вслед за Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным представив семантическое пространство названных текстов в трех ракурсах:

– как концептуальное пространство, то есть фрагмент индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора;

– как денотативное пространство, то есть воплощенное в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении определенной ситуации;

– как эмотивное пространство, то есть воплощенную в тексте оценку мира автором с целью воздействия на этот мир, преобразования его [1, с. 49-122].

Концептуальное пространство текстов.

Основной концепт, который организует концептуальное пространство текстов – концепт «Россия». Он представлен в заглавиях произведений, названных по первой строчке – «Прощай, немытая *Россия...*», «Мы живем, под собою не чуя *страны...*». Этот макроконцепт, представленный в творчестве каждого русского поэта-классика, в рассматриваемых стихотворениях ограничен субконцептом «Власть».

Когнитивно-пропозициональная структура текстов содержит одинаковые позиции этого концепта: субъект власти – его характеристика – его действия по отношению к подвластным субъектам – отношение к лирическому герою.

Позиции субъектов власти в стихотворении Лермонтова занимает следующий ряд слов: *господа, голубые мундиры* и *наши*. Эти номинации в тексте оказываются противопоставленными обозначениям подвластных субъектов: *господа – рабы, голубые мундиры – народ, наши – я* (лирический герой). В тесноте стихового ряда в семантической структуре этих лексем актуализируются те семы, которые в полной мере определяют отношения между людьми, характерные для данной власти. Страна делится

на *господ* и *рабов* (семантическая оппозиция ‘угнетатель’ – ‘угнетенный’), на безликих жандармов и преданный народ (‘всесильный’ – ‘покорный’, ‘раболепный’), *нашам* противопоставляется образ лирического героя (‘всемогущий’, ‘нецивилизованный’ – ‘бесправный’, ‘свободолюбивый’). Власть представлена как четко очерченное всемогущее зловеще-неподвижное образование (единственный глагол *Сокроюсь* относится к намерениям лирического героя). Концепт «Власть» в стихотворении представлен рядом соответствующих оппозиций и имеет следующие смыслы – ‘неправедная’, ‘дикая’, ‘нецивилизованная’, ‘всемогущая’.

В стихотворении О. Мандельштама субъекты власти представлены лексемами *кремлевский горец (осетин)*, *вожди*. Власть построена иерархично. В центре *кремлевский горец*, обладающий необыкновенной, нечеловеческой силой (*слова, как пудовые гири; как подковы, кует за указом указ*), имеющий нечеловеческую внешность (*пальцы, как черви, тараканы и усища*) и издающий нечеловеческие звуки (*бабачит и тычет*). Вокруг него – *вожди-полулюди*, услугами которых он *играет*. Подвластные субъекты представлены местоимением *мы*. Только они обладают человеческой речью и могут испытывать обыкновенные чувства, но субъекты власти не дают им такой возможности (*Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи на десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*). В отличие от лермонтовского стихотворения, в тексте Мандельштама власть активна. Глаголы обозначают действия *кремлевского горца* (*играет услугами полулюдей, кует за указом указ*), звуки, издаваемые им (*бабачит и тычет*) и *полулюдьми* (*кто свистит, кто мяучит, кто хнычет*). Как реалии власти представлены в стихотворении лексемы *указ* и *казнь*. Концепт «Власть» в стихотворении Мандельштама передает смыслы ‘всесильная’, ‘бесчеловечная’, ‘страшная’, ‘всемогущая’, ‘несущая боль и смерть’.

Денотативное пространство текстов.

В отличие от поэтических текстов в целом, в которых действительность представлена преимущественно в обобщенно-отвлеченном виде, в данных поэтических текстах в художественной форме отображена действительность современной поэтам России.

В стихотворении М.Ю. Лермонтова представлена не только реальная ситуация прощания лирического героя с родиной (ссыл-

ка 1840-41 гг.), но и информация о существовании позорного для России крепостного права (*страна рабов – страна господ*), о жандармском всевластии, поддержанном невежеством народа (*мундиры голубые – преданный народ*), об отношении личности (поэта) и правителей (*сокроюсь от... нашей, от ... всевидящего глаза, от ... всеслышающих ушей*).

В стихотворении Мандельштама передана внетекстовая ситуация, которую через много лет определили как культ личности – невозможность сказать правду (*Наши речи за десять шагов не слышны*), полная узурпация власти одним человеком, угроза для жизни, исходящая от него (*кует за указом указ Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз...*), невозможность полноценного существования (*полразговорца, полулюди*).

Художественное пространство в текстах маркировано – речь идет о территории России (*прощай, немытая Россия, кремлевский горец*). Замкнутое пространство в стихотворении Лермонтова ограничено *стеной Кавказа*, а в мандельштамовском образует круг из десяти шагов (*наши речи за десять шагов не слышны*) по утраченной или потерянной стране (*мы живем, под собою не чуя страны*). Выход из этого пространства для лирического героя – спасение, но если в стихотворении Лермонтова есть надежда на него, выраженная, правда, с помощью предположительной модальности (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь...*), то герой Мандельштама этой надежды лишен (*А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Описываемое текстовое время синхронно временной позиции героев – они ведут свое повествование «из настоящего» (*Прощай, немытая Россия..., Мы живем, под собою не чуя страны...*), а некоторые детали указывают именно на настоящее историческое (*И вы, мундиры голубые* – о цвете жандармских мундиров в эпоху Лермонтова; *Тараканьи смеются усища, И сияют его голенища* – о деталях внешности И.В. Сталина). Лирический герой находится внутри описываемого времени, то есть свидетельствует о нем как очевидец. Переход в будущее время связан с надеждой покинуть обозначенное время-пространство (*Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь от твоих нашей; А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца*).

Таким образом, хронотоп обоих стихотворений – современная лирическому герою Россия, из которой он хотел бы вырваться.

Эмотивное пространство текстов.

Эмотивное пространство текста М.Ю. Лермонтова организуется стилистическим контрастом лирически повышенного «стиля стихотворения» и горящего «ярким блеском» разговорного эпитета – *немытая Россия*. Формула *немытая Россия*, ставшая прецедентным текстом, подчеркивает поэтический пафос, выражаемый с помощью стилистически высокой лексики. Отношение выражается с помощью дейктических маркеров: местоимение *ты* при обращении к России и народу, *вы* – к голубым мундирам, *они* – к пашам, причем второличный и третьеличный дейксис определяет дистанцированность героя – он не относит к себя ни к рабам, ни к господам, ни к мундирам, ни к народу.

Оказавшись в энергетическом поле поэтического дискурса, эти слова приобретают необыкновенный эмоциональный заряд. Благодаря поэтической форме это знание приобретает яркое афористическое звучание.

Таким образом, семантическое пространство рассмотренных нами стихотворений имеет некоторые особенности, которые определяют когнитивный конфликт между поэтическим дискурсом и дискурсом власти:

– в обоих стихотворениях текстообразующий концепт «Власть» имеет смысловые компоненты, противоположные тем, которые предполагает (старается актуализировать) в этом концепте дискурс власти.

– хронотоп текста отображает реальное время и пространство;

– стихотворения передают резко негативную оценку изображаемого фрагмента мира.

Литература

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496с.

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. В. Шаповалова

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
(Луганск)

Одно из активно развивающихся направлений последнего времени – коммуникативная стилистика текста – позволяет исследовать художественный текст одновременно и как одну из форм коммуникации, и как явление идиостиля автора [4]. В основе этого вида художественной коммуникации лежит феномен диалога, диалогической речи.

Диалог (по М. Бахтину) – универсальный феномен человеческого бытия, составляющий основу художественной коммуникации. Одной из форм диалога в поэтической картине мира Беллы Ахмадулиной можно рассматривать интертекстуальность, реализуемая, среди прочего, в форме посвящения. Необходимо отметить, что этот композиционно-стилистический элемент лирической структуры достаточно регулярен в творчестве Б. Ахмадулиной, поэтому ограничимся его исследованием на примере своеобразного поэтического цикла «Посвящения и дарственные надписи» [2].

Цель статьи – проанализировать особенности реализации художественного диалога в пространстве поэтического текста на примере использования приема посвящения.

Посвящение – это «предпосланная произведению авторская надпись, иногда стихотворная, с указанием лица или события, в честь которых написано произведение, или с указанием лица, которому преподносится в дар, и т. п.» [6]. Посвящение как элемент текста занимает одну из сильных его позиций, сопровождается обязательным графически-пространственным выделением и может рассматриваться как один из наиболее информационно и эмоционально насыщенных элементов, помогая автору выразить «свое мировоззренческое кредо» (К. Д. Протченко, Н. В. Черемисина). Это позволяет расширить околокультурный – общелитературный и культурологический – контекст художественного произведения. Посвящение как один

из интертекстуальных сигналов предполагает наличие у читателя достаточной «межтекстовой компетентности» (И. В. Арнольд), а также понимания «многослойности» лирического текста и о возможных дополнительных смысловых нагрузках в нем слова.

В структуре рассматриваемого цикла нашли отражения основные особенности использования Б. Ахмадулиной приема посвящения в ее художественном (прежде всего поэтическом) творчестве. Способы художественной оформленности посвящений у Ахмадулиной могут быть различными и варьироваться от традиционных, отчетливо вербализированных, т. е. вынесенных в позицию заглавия текста или посвящения с указанием имени адресата (наиболее частотные), до имплицитных – так или иначе «спрятанных» в тексте, «разгадка» которых возможна только при сопоставлении содержания лирического произведения и контекста жизни и окружения поэта, т. е. из фоновых знаний. Отметим, что практически отсутствуют анонимные (в анализированном цикле нами обнаружено таких три).

Заглавие, посвящение и эпиграф, являясь претекстовыми компонентами, тесно связаны как между собой и образуют единый семантический, стилистический и ассоциативный комплекс с последующим текстом, часто выполняют и функцию последовательного уточнения. Подобные явления подтверждают мнение Н. Гея о том, что «заглавие и эпиграф – это главное и придаточное предложение. Одно называет явление, другое стремится его пояснить» [5, с. 153]. Заглавие и эпиграф могут вступать и в отношения оппозиции друг к другу в каком-либо плане (семантическом, стилистическом и т. п.) (однако, по нашим наблюдениям, для творческой манеры Б. Ахмадулиной это не характерно).

Присутствие в поэтическом тексте Б. Ахмадулиной «закавыченных» цитат, использование их в качестве названия или эпиграфа, как представляется, является сигналом сознательного и подчеркнутого включения «чужого слова» в создаваемый текст. Маркирование – сигнал присутствия интертекстуальной отсылки к другому тексту, другому сознанию, демонстрирующее некоторую отстраненность, дистанцированность от них. Можно предположить, что для поэта при подобной организации лирического текста является принципиально

важным подчеркнуть момент *диалога* между своим и чужим сознанием, *соприсутствие двух* голосов.

«Благодаря авторской интертекстуальности (выраженной или комплексом «название – посвящение – эпиграф», или частями этого комплекса в разных сочетаниях. – *И. Ш.*) все пространство поэтической и культурной памяти вводится в структуру вновь создаваемого текста как смыслообразующий элемент» [7, с. 21]. Таким образом, по мнению Н. Фатеевой, тексты приобретают смысловую обратимость, направленную как из прошлого в настоящее, так и из настоящего в прошлое.

Именно такое «движение смыслов» можно увидеть на примере лирического посвящения Андрею Битову «О Том, чье имя...». В нем, помимо диалога автора с самим адресатом, присутствует и обращенность к значимой для них пушкинской теме, что поддерживается целой системой интертекстуальных элементов различного уровня, прежде всего именами собственными (ИС) и цитатами, чаще всего раскавыченными и трансформированными. Результатом этого соприсутствия является эффект скрытой цитации, возможно даже не всегда осознаваемой, однако обладающей широким спектром ассоциаций. Само ИС *Пушкин* отсутствует в тексте (*Где Битов мой, с кем стану говорить о Том, чье имя... я сокрою имя*), однако оно подается через систему ИС людей, близких ему: Дельвига (*Он Дельвига любил*), Пушина (*С ним Пушин был. Он и поныне с ним*), княгини Веры Вяземской (*Она – вернее друг, чем друг-супруг... Княгини Веры прозорливый дух блеск оценил и понял обреченность*). Образ Н. Н. Пушкиной – *девочки-вдовы* – также возникает из контекста, но без использования ИС: *О ней судачить – сколько появилось ревнивиц! Мне и Битову видны черт совершенных кротость и невинность*.

С именем самого адресата послания – Андрея Битова – связана и еще одна интертекстуальная отсылка: его первый большой роман – «Пушкинский дом» [3] наполнен цитатами, образами, аллюзиями, подчеркивающими основной смысл произведения: «И русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия – все это так или иначе, Пушкинский дом без его курчавого постояльца» (из приложения к третьему разделу) [3, с. 343]. В свою очередь предпосланные роману два эпиграфа: 1) *А*

то будет, что и нас не будет. Пушкин, 1830 (проект эпитафии к «Повестям Белкина») и 2) Имя Пушкинского Дома / В Академии Наук! / Звук понятный и знакомый, / Не пустой для сердца звук!.. (Блок, 1921) – формируют уже не диалог, а полилог, в который включаются целые пласты русской культуры¹. Именно такое многослойное ощущение культуры свойственно и самой Белле Ахмадулиной.

Мысль А. Битова о том, что «литература есть непрерывный (и непрерыванный) процесс» [3, с. 398], получает подтверждение в тексте Б. Ахмадулиной, где встречаются, с одной стороны, поэты XIX века: Пушкин, Дельвиг, с другой – поэты и прозаик века XX-го: Битов, Ахмадулина, Окуджава. Обращает на себя внимание то, что в тексте используется только имя последнего – *Булат*, в отличие от фамилии адресата – *Битов*, что отражает, по всей видимости, реально существовавшие традиции в обращении друг к другу.

Диалог с поэтом Владимиром Высоцким (*братом, другом*), уже ушедшим из жизни, организован в иных пространственно-временных условиях, ведь для него необходимо «преступить незнаемый рубеж меж вечностью и днем». Это мысленное продолжение когда-то начавшихся и не прекратившихся несмотря ни на что разговоров, переписки... Так, к стихотворению «Продолжить повелел... быть по сему, Володя...» (1999) в качестве эпитафии предпосланы строчки из письма поэта к Белле Ахмадулиной, а в самом тексте узнаваемо присутствуют переключки с «Зимним утром» и «Зимним вечером» А. С. Пушкина, любимого автора Высоцкого: *Мороз, а солнца нет... все смерклось в буре-мгле. Но был чудесный день*. Еще одно стихотворение, посвященное В. Высоцкому, содержит посвящение и написано с прямым обращением к адресату и воспринимается как непрекращающийся диалог, «меж вечностью и днем» конкретным:

*Все чаще голос твой... –
из чащ каких? из кущ? –
приходит в сны мои,
прощая... окликающая...*

*...Так мучусь, брат мой, друг.
Свидания во снах – таинственная участь.*

*Но даже сны мои – твой неусыпный труд,
упасший жизнь мою. Позволь сказать: живучесть
(январь 1987).*

В целом при анализе ИС круга современников, которым посвящены стихотворения цикла «Посвящения и дарственные надписи», обращает на себя внимание тот факт, что все они – небезразличные, часто близкие для поэта люди, входящие в круг ее личного и художественного общения, а толчком для создания того или иного лирического текста практически всегда является какое-то реальное событие жизни.

Так, например, толчком к созданию стихотворения «В ночь на 21 декабря 1980 года», посвященного Владимиру Войновичу, стал отъезд писателя в эмиграцию. Стихотворение «Пишу – весь день, всю ночь, все утро...» написано к 85-летию Юрия Петровича Любимова, создателя и художественного руководителя Театра на Таганке, которое отмечалось в театре 30 сентября 2002 г. Посвящение Владимиру Васильеву и Екатерине Максимовой, одной из самых известных пар, олицетворяющим советский и русский балет, «Считать я стала до восьми...» было впервые прочитано на творческом вечере Владимира Васильева, который состоялся в декабре 2001 г. в Центральном доме актера.

Как отмечают многие исследователи творчества Беллы Ахмадулиной, для нее дружба всегда была важнее любви. Дружба понималась поэтом как самое высокое, бескорыстное и сильное чувство, возможное между людьми. Может быть, именно поэтому так сближается ее мир с миром Пушкина, для которого это чувство также было свято? А ее строки, адресованные Андрею Вознесенскому, можно воспринимать как продолжение стихов о лицейском братстве:

Да будем мы к своим друзья пристрастны!

Да будем думать, что они прекрасны!

Терять их страшно, Бог не приведи!

(«Мои товарищи», 1963).

Для Ахмадулиной важнейшей составляющей в отношениях между людьми является родство по Духу, а дружбе при этом дает несколько неожиданное и противоречивое определение: «Свирепей дружбы нет любви на свете». Она не идеализирует своих друзей. Она знает, что их может затуманить «к

предательству таинственная страсть», однако у нее никогда нет осуждения – только стремление понять причины того, что случилось и почему.

Среди адресатов Б. Ахмадулиной можно назвать имена Василия Аксенова, Юрия Роста, Зои и Павла Антокольских, Булата Окуджавы, Юрия Башмета, Фазиля Искандера, Андрея Вознесенского и многих других знаковых личностей 2-й половины XX в. Практически все произведения цикла представляют собой своеобразный диалог, который ведет автор со своим адресатом, как бы соединяя два мира, два мироощущения, на что «работают» и собственно языковые средства, и прежде всего – это прямая адресация (обращение). И в каждом из лирических посланий возникают «друзей... прекрасные черты».

Интонации, избираемые автором для каждого диалога, сугубо индивидуальны и нередко зависят от степени близости и ситуации, в которой создается посвящение или дарственная надпись.

В цикле «Посвящение Нани», написанном к состоявшимся в декабре 1978 г. совместным выступлениям Б. Ахмадулиной и грузинской эстрадной певицы Нани Брегвадзе, исполнительницы старинных романсов, звучит интонация восхищения и преклонения перед ее талантом и голосом:

*Предадимся любви и влеченью –
взять на время и на времена
голос Нани: серебряный с чернью,
мрачно-алый, как старость вина.*

*...Так наш дух к расточительству жаден:
мы возносимся, падая ниц,
чтоб взглянуть на певца с обожаньем
и к ногам его лоб уронить.*

В текст этого лирического цикла, состоящего из четырех стихотворений, «вплетены» строки и образы из русских романсов (в том числе и на стихи автора посвящения), исполняемых Нани Брегвадзе и узнаваемых ее поклонниками: *Ты, мой голубчик, повремени, не уезжай; Не довольно ли нам пререкаться, не пора ли предаться любви?; Отвори мне калитку в былое и былым мое*

время продли; Мне спасительны песни твои. И куда б ни вела та калитка – подари! не томи! отвори!

Иронией окрашены обращения к режиссеру Эльдару Рязанову, в текстах которых присутствует и обыгрывается первая строка стихотворения самой Беллы Ахмадулиной «А напоследок я скажу...», которая стала своеобразной музыкальной «визитной карточкой» фильма «Жестокий романс»:

А напоследок я скажу:

Люблю Рязанова Эльдара

(«В реанимации туманной...», 18 ноября 1997),

А напоследок я скажу:

мысль сердца не вотще летала.

Главу склоню, дары сложу

к стопам Рязанова Эльдара

(«Нежестокий романс», 7 января 2003 года).

Стихи Беллы Ахмадулиной, по определению Т. Алешки, «насыщенные цитатами, реминисценциями, аллюзиями, именами собственными, библейскими и античными образами, заставляют читателя активно работать, проходить путь, во многом близкий творчеству» [1, с. 109].

В посвящениях и дарственных надписях Беллы Ахмадулиной практически во всех случаях происходит взаимодополнение таких элементов текста, как название, собственно посвящение и эпиграф, что неизбежно ведет к осложнению диалогических связей текста, который превращается в своеобразный полилог между ними и текстом, сопрягая таким образом в едином контексте различные интертекстуальные слои произведения, соотносимые с различными временными, пространственными и культурологическими пластами, объединяя различные культурные и временные пласты, включая современную автору эпоху в мировой культурный контекст.

Литература и примечания

1. Алешка Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии / Т. В. Алешка. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 124 с.
2. Ахмадулина, Б. А. Посвящения и дарственные надписи / Б. А. Ахмадулина // Ахмадулина Б. А. Пуговица в китайской чашке / Б. А. Ахмадулина. – М. : Астрель : Олимп, 2011. – С. 264 – 354.

3. Битов А. Г. Пушкинский дом : роман / А. Г. Битов. – М. : Современник, 1989. – 399 с.
4. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Тоск. гос. пед. ун-та, 1992. – 313 с.
5. Гей Н. К. Искусство слова: О художественности литературы / Н. К. Гей. – М. : Наука, 1967. – 364 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Посвящение, 1974. – 509 с.
7. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

¹В романе А. Битова «Пушкинский дом» раздел второй «Герой нашего времени» начинается с небольшого пояснения автора – «(курсив мой. – А. Б.)», – в котором интересно, на наш взгляд, рассматривается и объясняется явление цитации, точной и трансформированной, и воздействие его на сознание адресата: «И у современных нам писателей замечается подобная практика – слегка измененные названия знаменитых произведений, – но измененные так, что и прежнее сразу узнается. И так, по-видимому, становится автор неодинок и незатерян в своих намерениях, устанавливает „связь времен” и подчеркивает свою современность легким искажением акцента (аналогия и противопоставление) и, таким образом, к своим силам прилагает еще и проверенные силы предшественников» [3, с. 130].

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О.В. Шаталова

ФГБОУ ВО «ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

(Липецк)

Теория языковой личности актуальна, так как связана с развитием индивидуума и формированием общества. Языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности» [9, с.671] и одновременно обобщенный групповой портрет представителя социума. Масштаб понятия языковой личности сформировал специфическую исследовательскую среду, в которой как взаимозаменяемые используются понятия: «языковая личность», «психотип», «национальная идентичность» и др.. На

наш взгляд, подобная терминологическая междисциплинарная интегрированность некорректна.

Языковая личность, определенная в работах В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика, получает возможность системного описания и анализа, если в качестве основных средств репрезентации языковой личности принимаются единицы и категории языка в их взаимодействии в речи говорящего субъекта. Данный подход чаще всего используется при характеристике языковой личности ученого, общественного деятеля, писателя. В качестве основного терминологического обозначения выступает сложный номинатив – «русская языковая личность». Это приемлемо, если акцентировать тот факт, что говорящий использует русский язык. Однако многофункциональность понятия «русский» и его использование для обозначения национальной принадлежности и/или самоидентификации говорящего требует коррекции. Насколько применимо понятие «русская языковая личность» по отношению к писавшим как минимум на двух языках И.Г. Эренбургу, И.Л. Андроникову, Ч.Т. Айтматову, В.В. Быкову? Каноническая концепция языковой личности Ю.Н. Караулова включает три уровня, но в пределах современных подходов только вербально-семантический, отражающий степень владения обыденным языком и являющийся базой для общения, имеет четкую формальную языковую репрезентацию. Его изучение – основное направление исследований языковой личности, а когнитивный и прагматический уровень получают представление через соотношение с речевыми и неречевыми поступками.

В некоторой степени расширить представление о формально-языковой репрезентации личности и обнаружить дополнительные аспекты разграничения русской / нерусской языковой личности позволяет обращение к грамматико-синтаксической организации речи. В отношении характеристики языковой личности писателя выстраивается следующая гипотеза: на вербально-семантическом уровне представления о каждом из выше названных писателей можно говорить как о русской языковой личности: популярные справочные источники дают характеристики такого типа, как «киргизский и русский писатель» (о Ч. Айтматове), «белорусский и русский / советский писатель» (о В. Быкове), «русский писатель космополитического сознания» (об И. Эренбурге) и т.д.. Однако

оценка грамматической организации речи позволяет выявить синкретичность мышления, обусловленную бытованием разнонациональных понятийных, идейных аспектов сознания двуязычных или поликультурных писателей.

Ираклий Луарсабович Андроников в рассказе «Подпись под рисунком» [1], созданном в качестве устного и записанном на русском языке, повествует о путешествии по Кавказу «по следам» М.Ю. Лермонтова в 50-е годы XX в.. Экстралингвистическая ситуация изначально содержит элемент поликультурности и многоязычия: рисунки поэта посвящены видам Кавказа, содержат изображение предметов, именование которых не всегда соотносится с семантикой и фонетикой русского языка (*чинара, сакля, Мухета, Караагач, Пасанаури, Аннанури* и др.). Причем данные слова содержатся в подписях, сделанных Лермонтовым, и составляют значительный массив речи повествователя-исследователя. Также в экспедиции принимали участие говорящие как на русском, так и на различных кавказских языках (возможно, были билингвами, если учитывать бытование русского языка в Советском Союзе), что зафиксировано и на видеозаписи. И.Л. Андроников в экспедиции также мог использовать в речи и русский, и грузинский языки. Автор постоянно цитирует речь местных жителей Кавказа, и в этом случае обнаруживается изменение грамматического строя речи. Так, большая часть синтаксических конструкций текста построена в соответствии с теорией актуального членения речи [4; 5], и порядок слов в предложении в целом совпадает с каноническими для русского языка конструкциями: «подлежащее – сказуемое» (*Из Пятигорска я отправился в Георгиевск, оттуда в Прохладный, Моздок, выехал на Терек...*), «сказуемое – дополнение» (*Скажу сразу: спидометр показал около 15 тысяч километров; Пришлось предпринять новую поездку по Военно-Грузинской дороге; Я вылез из машины и стал предъявлять толпившимся возле продмага фотографию лермонтовского рисунка...*), «определение – определяемое» (*Но тут молодая колхозница выдвинулась вперед и сказала; Машине не взять такой крутой уклон; На самом же деле горы с обеих сторон отделены от этого зеленого плоскогорья долиной...*), обстоятельство может занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к сказуемому как грамматически главному для обстоя-

тельства компоненту (*Ведь он путешествовал в тележке, двигался с военным отрядом, ездил верхом... ; На коленях у меня лежали фотографии с картин и рисунков Лермонтова*) и т.д. Однако при прямом цитировании автор-повествователь строит предложение таким образом, что заключительную позицию в предложении занимает сказуемое, фактически всегда выраженное глагольной формой: *Покажите поближе то, что издали видели...; Там в осетинском ущелье Гуда найдете, что ищете; Камнями угостить его хочет. Человек не за этим приехал. А если камнями интересуется, зачем ему так далеко ехать?; Я вам хорошо посоветовала.* Подобное построение предложений характерно для грузинского языка и других языков картвельской группы [2; 8]. Таким образом, в речи автора-повествователя легко выявляются грамматико-стилистические пласты, которые можно квалифицировать как характерные для различных языков. Но при совмещении в структуре одной языковой личности формируется зона их гармоничного сосуществования. Специфической чертой симбиоза разноструктурных языков в структуре одной языковой личности становится наличие переходных зон, в которых конструкции, образованные по моделям русского предложения, и конструкции, созданные под влиянием грамматики грузинского языка, чередуются – часто в эпизодах, содержащих косвенную или несобственно-прямую форму речи. Так, в предлагаемом далее эпизоде предложения №2, 5, 8 построены с глаголом в постпозиции, что не характерно для русской грамматики повествовательного предложения: (1) *Очень скоро я достиг значительных результатов: превратил базар в настоящий базар.* (2) *Все перестали покупать, все перестали торговать.* (3) *Фотография пошла ходить из рук в руки.* (4) *Послышались советы: надо ехать в Ананури, обратно, километров за двадцать.* (5) *Там и церковь, и крепость, и тоже Арагва течет...*(6) *Я только что миновал Ананури и сам догадался, конечно, еще раз осмотреть Ананурский собор.* (7) *Я сказал им об этом.* (8) *Мне возразили: не так хорошо посмотрел, как надо, у молодых глаза зоркие, если посмотрят – покажут.* При этом предложения №5 и №8 могут быть охарактеризованы как передающие чужую речь в несобственно-прямой форме, тогда как предложение №2 четко квалифицируется как речь автора-повествователя. В цельном тексте,

построенном как последовательно развивающееся повествование от 1 лица, органично совмещаются формы репрезентации русского и грузинского языков. Происходит своеобразное «переключение национального кода мышления» (см. работы В.И. Масловой), что вполне совпадает с авторской самохарактеристикой: «Как только он скрывался за образом... он мог не только блестяще говорить за своего персонажа,.. но даже мыслить, как он».

Другим языковым фактором, позволяющим говорить о сочетании компонентов русского и грузинского языков в речи И.Л. Андроникова, является способ организации грамматической основы высказываний, принадлежащих по типу речи автору-повествователю и его собеседникам, говорящим на нерусском языке, но в тексте рассказа и комментария к кинохронике в изложении Андроникова представленным по-русски. В речи автора-повествователя предложения чаще всего носят традиционный характер – построены по каноническому образцу двусоставных предложений (*Шамаханской царицы из пушкинской сказки я не видал; Ехал я не просто так; ... этот вид Лермонтов набросал на память...; ... толпятся возле дороги опрятные домики...*). Процент предложений, построенных по образцу односоставных предложений или двусоставных неполных соотносим с любым текстом, написанном на русском языке.

Однако в тех случаях, когда Андроников цитирует носителей национальных языков (возможно, билингвов), структура предложений опирается на приоритетное положение спрягаемого глагола, форма которого уже показывает лицо говорящего, что характерно для грузинского и других языков картвельской группы: *Дорогу укажем, так и пойдете; Как погнать баранов на зимнее пастбище – это потом решите. Каждый год посылаете...* и др. При подобной организации грамматической основы именно глагол принимает на себя основную прагматическую нагрузку высказывания. За счет чего возникает специфическая интонация предложения в целом, возникает своеобразный национальный колорит, «просвечивающий» через русскоязычную оболочку.

Особенно четко переход с одного типа организации грамматической основы на другой заметен при обращении к эпизодам с прямой речью: «– *Не туда помещаете ногу, – беспокоились дети, перебежавшие уже на тот берег. – Посмотрите, куда собра-*

лись пойти! / Тогда **я** лег на бревно и пополз, как под пулеметным огнем. / – *Может быть, забыли что-нибудь купить в магазине?* – фыркая, спрашивали дети, когда **я**, добравшись до берега, **чистил** костюм. / – *Хорошо будет, если еще раз **пройдете**.* / Но **мы** уже **были** на другом берегу!..» Анализ частных особенностей грамматической организации речи Андроникова позволяет выявить компоненты в структуре языковой личности, ориентированные на разные типы языкового воплощения образа мыслей. Характеристика подобного типа личности соотносится с мнением Н.С. Трубецкого: «Каждая личность имеет несколько ликов, которые все сосуществуют одновременно, но конкретно проявляются каждый в своих особых, сменяющих друг друга во времени индивидуализациях» [7, с.7-8].

Исследование поликультурной и полиязыковой личности писателя, сформировавшегося и получившего личностную реализацию в условиях советской действительности, оказывается сегодня актуальным направлением практической лингвистики, поскольку в условиях глобализации и нивелирования национальных культурных границ носитель русского языка оказывается в состоянии тесного взаимодействия языков, влияющих на психоэмоциональную и интеллектуально-когнитивную составляющую личности. Подобные условия характерны для России (русский – основной, национальные – весомые в региональном бытовом общении, английский – фактор международной коммуникации и массмедийного влияния), для Ближнего Зарубежья (русский – для межнационального, международного общения), для Дальнего Зарубежья (русский – для межнационального и бытового общения). Появился новый термин: «**Вавилонизм**... подчеркивает необходимость считаться с близким присутствием других языков... В языковой личности могут сосуществовать... сразу несколько языков и культур» [3, с. 85]. Для определения принципов воспитания наиболее гармоничной личности необходимы соответствующие методики. Для адекватности и продуктивности развития данного направления прагматической лингвистики необходим материал, который имеет реальную текстовую реализацию, позволяющую делать объективные выводы и на их основе строить актуальные концепции и обосновывать методики. Таким материалом является творчество советских писателей, а граммати-

ко-синтаксическая структура языковой личности может стать одним из дифференцирующих факторов в концепции поликультурной языковой личности.

Литература

1. Андроников И.Л. Подпись под рисунком // Андроников И.А. Великая эстафета: Воспоминания. Беседы. – М.: Детская литература, 1979.
2. Дзидзигури Ш. В. Грузинский язык, Тбилиси, 1968.
3. Ключев Е.В. «Вавилонизм» как признак языковой личности // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 4.
4. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. Изд.2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010.
5. Распопов И.П. Актуальное членение предложения (На материале простого повествования преимущественно в монологической речи). – Уфа, 1961.
6. Руденко Б. Грамматика грузинского языка, М. – Л., 1940.
7. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. Евразия на перекрестке языков и культур. – М., 2003.
8. Чикобава А.С. Грузинский язык // Языки народов СССР. Т. 4. – М., 1967.
9. Энциклопедия: Русский язык: 2-е изд. – М.: БРЭ, 1997.

КОНЦЕПТОСФЕРА РОЖДЕСТВЕНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ И. БРОДСКОГО

И.Е. Шишкина

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

В связи с разработкой нами проблемы особенностей жанровой системы святочной литературы XX-XXI вв. возникла необходимость «филологизации» изысканий – включения в структуру литературоведческого по своей природе исследования разделов, посвящённых лингвопоэтическому анализу базовых концептов святочных произведений. В предлагаемой работе мы попытаемся произвести анализ концепта, который составляет ядро концептосферы одного из наиболее значимых для развития святочной литературы рассматриваемого периода поэтического цикла – Рождественских стихотворений И. Бродского – концепта «звезда».

Выбор объекта исследования вряд ли может вызвать у кого-либо возражения: степень влияния И. Бродского на поэзию

постсоветского периода неимоверно велика. При этом его Рождественские стихи формируют новое восприятие святочных праздников. Мы можем назвать это восприятие поэтическим возвращением библейской религиозной основы Святков как праздничного периода взамен политизированному советскому Новому году. Эта «доктрина» отразилась уже в первом стихотворении Рождественского цикла, написанном в 1962 году, – «Рождественском романсе», посвящённом «Евгению Рейну, с любовью». В этом стихотворении, выпадающем из общей стилистики Рождественских произведений И. Бродского, несмотря на обозначенную в заглавии тему Рождества, само оно не находит словесного воплощения ни в прямых наименованиях праздника, ни в обозначениях его атрибутов, что вступает в противоречие с последующими Рождественскими стихами поэта, в которых постоянны и обязательны обозначения символов Рождества. Более того, место этого праздника в «Рождественском» стихотворении занимает именно Новый год:

*Твой Новый год по темно-синей
волне среди шума городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.*

Как отмечает О. Лекманов, «стихотворение называется „Рождественский романс“, а в финале возникают слова „Твой Новый год по темно-синей“. Вот оно, ключевое двоение, главное двоение. Москвичи, современные Бродскому 1962 года, петербуржцы, да и все вообще советские люди отмечали не главный, не настоящий праздник. По Бродскому, настоящий праздник – Рождество. Вместо него они отмечали праздник-субститут, они отмечали Новый год» [3]. Очень показательны в этой связи такие размышления: «Собственно о Рождестве в стихотворении ни слова, только в заглавии. Событие, Праздник, радость отсутствуют. Так что же, между заглавием и самим стихотворением противоречие? Нет! Не Противоречие, а антиномия. Перед нами теза и антитеза. Синтез напрашивается сам собой: стихотворение явля-

ется слепком души, находящейся в безблагодатном, в обезбоженном мире, жаждущей обретения Бога и смысла, но ещё не отдающей себе в этом отчёта. "Необъяснимая тоска" является тоской богооставленности. Отсюда такой надрыв и надсад в интонации этого стихотворения. Поэт еще не взошел на свое "острие" взгляда со стороны, он еще полностью "имманентен" миру, он еще искренен без иронии. И замечательно, что это стихотворение написано до подробного знакомства с Библией, со Священным Писанием» [1, с. 86].

Рождественские стихи И. Бродского составляют одну из важнейших тематических групп произведений в творчестве поэта, который в ответ на вопрос П. Вайля «Чем объяснить такое пристальное внимание к этому сюжету?» сказал: «Прежде всего, это праздник хронологический, связанный с определённой реальностью, с движением времени. В конце концов, что есть Рождество? День рождения Богочеловека. И человеку не менее естественно его справлять, чем свой собственный» [4]. Ещё более значимо звучат слова поэта: «Чем замечательно Рождество? Тем, что здесь мы имеем дело с исчислением жизни – или, по крайней мере, существования – в сознании – индивидуума, одного определённого индивидуума» [4]. Именно эта идея – идея нового исчисления жизни «одного определённого индивидуума» и объединяет, на наш взгляд, все стихи Рождественского цикла, а концептом, формирующим основу этой идеи, а следовательно, и всей концептосферы, является концепт «звезда», отмечаемый во всех Рождественских стихотворениях, кроме «Рождественского романса», в котором вместо звезды обнаруживается «новогодняя» луна: «Луна так же, как река, вводится в предметный мир «Рождественского романса» посредством намеков и недомолвок. Первая строфа стихотворения начинается с загадки, которую, впрочем, довольно просто отгадать. «Ночной кораблик негасимый/ из Александровского сада», плывущий «среди кирпичного надсада» – в сознании москвича ассоциируется, конечно же не с Вечным огнём (который был зажжён лишь в 1967 году) и не со зданием Манежа, своими очертаниями отдалённо напоминающим гигантский жёлтый корабль (но не «кораблик»), а именно с луной. В строках «ночной пирог несёт сочельник/ над головою» (5-я строфа) легко опознать ещё одно замаскированное её изображение, особенно если

вспомнить о «кулинарном» заглавии стихотворения Бродского 1964 года «*Ломтик медового месяца*». Приведём также строки из рождественского стихотворении Анны Ахматовой «Бежецк» (1921): «И серп поднебесный желтее, чем липовый мёд». А словосочетание «дворник круглолицый» (3-я строфа «Рождественского романса») позволяет внимательному читателю вспомнить о знаменитом пушкинском уподоблении круглого лица «глупой луне» на «глупом небосклоне» [5, с. 9].

Мы исходим из предложенной В.В. Колесовым трактовки концепта как «основной единицы ментального плана, – содержащейся в словесном знаке и явленной через него как образ, понятие и символ» [2, с. 5].

Звезда предстаёт в текстах произведений как реализация предметного ряда Рождественской легенды, как описываемая в Евангелии от Матфея звезда, воссиявшая на востоке и указавшая волхвам путь в Вифлеем: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему (Мф. 2:1-2)», «Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:9-11). Упоминание звезды как обязательного фрагмента события реализует понятийную составляющую поэтического концепта «звезда».

В ряде стихотворений звезда существует как факт без каких-либо видимых описаний её значимости. Такова звезда в стихотворении «Второе Рождество на берегу...»:

*Второе Рождество на берегу
незамерзающего Понта.
Звезда Царей над изгородью порта.
И не могу сказать, что не могу
жить без тебя – поскольку я живу.
Как видно из бумаги. Существую;
глотаю пиво, пачкаю листву и*

топчу траву.

То же в стихотворении «Рождество 1963 года»:

Волхвы пришли. Младенец крепко спал.

Звезда светила ярко с небосвода.

Иногда поэт добавляет «физические» характеристики звезды, формирующие представление о её значимости:

Костер полыхал, но полено кончалось;

*все спали. **Звезда от других отличалась***

сильней, чем свеченьем, казавшимся лишним,

способностью дальнего смешивать с ближним.

(Не важно, что было вокруг)

В некоторых стихотворениях Вифлеемская звезда имитируется, но всё же существует. Так, в стихотворении «Presepìo (Ясли)» вместо реальной звезды появляется вертепная звезда из фольги:

В усыпанном блёстками ватном снегу

*пылает костёр. И потрогать **фольгу***

***звезды** пальцем хочется; собственно, всеми*

пятью – как младенцу тогда в Вифлееме.

В стихотворении «Что нужно для чуда?...» со звездой ассоциируется светильник:

А если ты дом покидаешь – включи

звезду на прощанье в четыре свечи,

чтоб мир без вещей освещала она,

вослед тебе глядя, во все времена.

Но общей тенденцией всё-таки является воплощение в концепте «звезда» как понятийной составляющей именно Вифлеемской звезды.

Звезда выступает в текстах как символ преображения, новой жизни, что согласуется с упомянутой выше «доктриной» Рождества И. Бродского. При этом следует помнить, что его стихи о Рождестве можно разделить на два подцикла: «В первом больше – о том, что происходит рядом с Рождеством и по его поводу, во втором – о самом Рождестве, о чуде появления Богочеловека. В ранних стихах – тоска, грусть, тягостная атмосфера, наполненная ожиданием худшего. В поздних – повседневность уходит в тень, затухая и исчезая в событии, свершившемся в далёком Вифлееме. Тема вечности становится определяющей» [6]. И звезда получает

разное значение в указанных подциклах. В первом она воспринимается как символ преобразования индивидуальной жизни – жизни конкретного человека («В Рождество все немного волхвы»):

*Но, когда на дверном сквозняке
из тумана ночного густого
возникает фигура в платке,
и Младенца, и Духа Святого
ощущаешь в себе без стыда;
смотришь в небо и видишь – звезда.*

При этом отсутствие звезды становится символом безысходности, как в трагическом стихотворении «Новый год на Канатчиковой даче». Отметим, кстати, что в этом стихотворении отмечается явление обратное тому, которое было реализовано в «Рождественском романсе»: в названии стихотворения упоминается Новый год, но событийный ряд связывается с Рождеством. В этом стихотворении читаем:

*Ни волхвов, ни осла,
ни звезды, ни пурги,
что младенца от смерти спасла,
расходясь, как круги
от удара весла.*

В стихотворениях же второго подцикла звезда становится символом желаемого перерождения «пустыни» человечества:

*Сколько света набилось в осколок звезды,
на ночь глядя! как беженцев в лодку.*

(Снег идёт, оставляя весь мир в меньшинстве)

И здесь мы подходим к главной для художественных произведений составляющей концепта «звезда» – образу. Главное действие, которое осуществляется звездой в тех стихотворениях, в которых образный компонент становится ведущим, – она смотрит, наблюдает за событием:

*Звезда, пламенея в ночи,
смотрела, как трёх караванов дороги
сходились в пещеру Христа, как лучи.*

(Рождество 1963 года)

И младенец смотрит на звезду:

И младенец смотрел на звезду:

*Морозное небо над ихним привалом
с привычкой большого склоняться над малым
сверкало звездой – и некуда деться
ей было отныне от взгляда младенца.*

(Не важно, что было вокруг...)

В одном из стихотворений автор говорит о том, что младенец, глядевший на звезду, знал, что означает взгляд звезды:

*Дым устремлялся в дверной проем,
чтоб не тревожить их. Только мул
во сне (или вол) тяжело вздохнул.
Звезда глядела через порог.
Единственным среди них, кто мог
знать, что взгляд ее означал,
был Младенец; но он молчал.*

(Бегство в Египет (2))

И только стихотворение «Рождественская звезда» объясняет причину «наблюдений»:

*Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребёнка издалика,
из глубины Вселенной, с другого её конца,
звезда смотрела в пещеру.
И это был взгляд Отца.*

Но затем происходит «перерождение» звезды: она воплощается в младенце:

*они жгли костер. В заматаемой снегом
пещере, своей не предчувствуя роли,
младенец дремал в золотом ореоле
волос, обретавших стремительный навык
свеченья – не только в державе чернявых,
сейчас, – но и вправду подобно звезде,
покуда земля существует: везде.*

Таким образом, концепт «звезда» является главным «механизмом» формирования концептосферы, так как, воплощая сюжетный факт сияния Вифлеемской звезды, она становится символом перерождения человечества, поскольку несёт в себе семантику воплощения Бога-отца в Боге-сыне. К сожалению, ограниченный объём статьи не позволяет не только описать все базовые концепты Рождественского цикла, но и обрисовать сопутствующую

щие воплощаемые коннотации концепта «звезда», о которых нами будет рассказано в последующих работах.

Литература

1. Кекова С.В. Сохранившие традицию: Н.Заболоцкий, А.Тарковский, И.Бродский / С.В. Кекова, Р.Р. Измайлов : учебное пособие. – Саратов: Лицей, 2003. – 192 с.
2. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
3. Конспект Бродский. «Рождественский романс» // Краткое содержание эпизода Олега Лекманова из курса «Русская литература XX века. Сезон 3». – Режим доступа : <http://arzamas.academy/materials/844>.
4. Рождество: точка отсчета. Беседа Иосифа Бродского с Петром Вайлем [М.: НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА, 1996]. – Режим доступа : <http://noblit.ru/node/1124>.
5. Сергеева-Клятис А.Ю. “Рождественские стихи” Иосифа Бродского / А.Ю. Сергеева-Клятис, О.А. Лекманов. – Тверь: ТвГУ, 2002. – 44 с.
6. Тина Гай. Иосиф Бродский. Рождественский цикл / Тина Гай. – Режим доступа: <http://sotvori-sebia-sam.ru/iosif-brodskiy/>.

Научное издание

ответственный редактор Е.Я. Титаренко

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

*Сборник научных статей
I Международного симпозиума*

(8 – 12 июня 2017 г.)

*Материалы публикуются в авторской редакции.
За содержание статей, достоверность цитат,
имен, дат, названий, статистических данных
ответственность несут авторы публикаций*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 27,09. Тираж 200 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru